

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Ученая экспедиція въ Пампа-дель-Сакраменто. 1—16
Стокгольмъ. 17—32

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Путешествіе къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ. Авраама Норова. — Октавы Е. Вердеревскаго. — Нѣтъ болѣе несчастія въ любви! или истинный ключъ къ женскому сердцу. — Сокровеннѣйшія тайны женщины или искусство нравиться мужчинамъ. — Шлиссельбургъ. Соч. Александра Томила-на. — Географія въ эстампахъ. Соч. Ришона и Альфреда Вангольда. — Священная географія 1—34

VII. СМѢСЬ.

Магнетическое засѣданіе у Александра Дюма. — Новая манна. — Копьевидная змѣя. — Опытъ Меллони касательно росы. — Палеонтологическія открытія въ Россіи. — Новѣйшія изслѣдованія о соли. — Озеро Гидленъ. — Ходъ эпидемической холеры въ Россіи, общія объ ней понятія, предохранительныя мѣры, и способы леченія. 1—42

—
Объявленіе объ изданіи Сына Отечества на 1848 годъ. 1—8

==

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книжка двѣнадцатая.

ДЕКАБРЬ.

САИИТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 30-го Ноября 1847 года.

Ценсо ры } Архимандритъ Авакумъ.
 } А. Фрейманъ.
 } А. Очкинъ.

РЕДАКТОРЪ К. Масальскій.
ИЗДАТЕЛЬ К. Жернаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

- Донесеніе Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, отъ 12 сентября 1761 года, изъ лагеря при деревнѣ Царминъ, генераль-поручка графа Румянцова о дѣйствіяхъ его противъ Принца Виртембергскаго, во время войны съ Пруссіею. 1—4
- Донесеніе Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ генераль-фельдмаршала графа Бутурлина, отъ 15 октября 1761 года, изъ деревни Старгардъ, объ успѣхахъ, одержанныхъ русскими войсками надъ прусскими, въ Помераніи. 5—10

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

- Обозрѣніе современныхъ замѣчательныхъ событій за границую.—(Европа. Англія.—Франція.—Швейцарія. Нидерланды.—Италія.—Турція.—Греція.—Азія. Остъ-Индія.—Африка. Алжиръ.—Египетъ.—Мысъ Доброй Надежды.—Америка. Соединенные Штаты и Мексика.—Океанія. Отаити.)—Внутреннія извѣстія. Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.—Обозрѣніе современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ, съ 15 октября по 15 ноября 1847 года. 1—34

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Къ Розѣ. М. Лобанова. 1—2
- Повѣрь. Х. Шевцова. 2—3
- Не для меня. А. О. 3—4
- Поэма. Повѣсть. Соч. Каминовой. 5—40

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Семейство Алень. Романъ Альфонса Карра. (Окончаніе). 1—74
 Самопожертвованіе. Разсказъ де-Лажневс. 75—88

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Тридцать восемь дней въ саваннахъ на островѣ Кубѣ. 1—41
 Джордано Бруно и философія въ шестнадцатомъ вѣкѣ.
 Статья Эмеля Сэссе 42—72

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Разсужденіе объ идиопатической одышкѣ. Соч. Фриде-
 рика Кармы. — Баронъ Фанфоронъ и маркизъ Пети-
 метръ. Соч. Н. В. Кукольника. — Нѣкоторыя изъ
 духовныхъ стихотвореній. Николай Михайловскаго. . 1—40

VII. СМѢСЬ.

- Письма путешественника къ друзьямъ. (Письмо вось-
 мое). П. Фурманна. — Небольшія кометы, открытыя
 въ іюль 1847 года. — Новый вольтовскій столбъ,
 несравненно сильнѣйшій прежнихъ. — Составъ воз-
 духа и воды въ большихъ городахъ. — Движеніе
 теплоты въ различныхъ слояхъ земли. — Лимфатиче-
 ская и кровяная системы пресмыкающихся. — Окре-
 стности Бомбея, въ которыхъ встрѣчаются ископае-
 мыя лягушки. — Фауна и флора Великобританіи и пе-
 ремѣны въ геологическомъ отношеніи, которыя ост-
 рова ея потеряли на всемъ своемъ пространствѣ . . 1—24

- Объявленіе объ изданіи Сына Отечества на 1848 годъ 1—8

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Русская Исторія.

Донесеніе Императрицы Елисаветы Петровны, отъ 12 сентября 1761 года, изъ лагеря при деревнѣ Царминѣ, генералъ-поручика графа Румянцева о дѣйствіяхъ его противъ Принца Виртембергскаго, во время войны съ Пруссією.

Ваше Императорское Величество изъ всеподданнѣйшей моей отъ 5 числа сего мѣсяца реляціи, съ полковникомъ Волковымъ отправленной, всемилостивѣйше усмотрѣвъ позволимъ, въ какомъ тогда состояніи были дѣла между мною и Принцемъ Виртембергскимъ.

На другой послѣ того день, а именно 6 числа сего мѣсяца сдѣлала я слѣдующую диспозицію:

1) Чтобъ 7 числа въ полпята часа утра, со всѣхъ мѣхъ противу непріятельскаго ретраншаментна поставленныхъ батарей, сильная пальба произведена была.

2) Чтобъ въ тожъ самое время бригадиръ Невѣдомской съ его штабомъ, стоявшимъ на правомъ моемъ крылѣ къ морю, атаковалъ непріятельскую на лѣвомъ его крылѣ лежащую батарею, и въ оной утвердился.

3) Чтобъ подполковнику Шульцу съ пятихъ гренадерскимъ баталіономъ съ лѣваго моего крыла атаковать непріятельскую на правомъ его крылѣ лежащую батарею, и въ оной равномѣрно утвердиться. Къ чему какъ надлежащія подкрѣпленія, такъ и работники приготовлены были.

Въ слѣдствіе того бригадиръ Невѣдомской съ такою ревностію поступилъ, что съ потеряніемъ только пяти человекъ непріятельская батарея съ ея артилеріею, а именно двѣнадцати фунтовыхъ три, и трехъ фунтовыхъ четыре пушки, со всѣми ихъ ящиками и зарядами, и притомъ шесть барабановъ, взята, и бывшее для прикрытія оной непріятельское войско въ плѣнъ получено, а именно: два офицера, четыре фельдфебеля, 21 человекъ унтеръ-офицеровъ и капраловъ, одинъ фельдшеръ и 160 человекъ рядовыхъ, кромѣ многого числа побитыхъ; при чемъ еще 26 человекъ явилось дезертировъ.

По завладѣніи сямъ важнымъ постомъ, бригадиръ Невѣдомской обратилъ сію батарею тотъ-часъ противъ непріятеля, и умножа число пушекъ четырьмя единорогами такъ утвердился, что непріятель и не отваживался уже овладѣть опять сямъ постомъ, паче же сильнымъ съ сей батареею огнемъ принужденъ былъ лѣвый своего лагеря флангъ перемѣнить, и да-дѣ отнестися.

Чего ради я и долженствую Вашему Императорскому Величеству всенижайше засвидѣтельствовать, что при сей атакѣ, какъ всѣ офицеры и солдаты безъ изъятія исполнили ихъ должность, и къ атакѣ шли съ чрезвычайною охотою и смѣлостію, такъ помянутый бригадиръ Невѣдомской и подполковникъ Груздавъцовъ оказали искусство, съ неустрашимостію сопряженное.

Подполковникъ Шульцъ напротивъ того въ исполненіи по данной диспозиціи столько умедлилъ, что атака назначенной для него батареею, въ то время совсѣмъ начата быть не могла, по чему онъ для надлежащаго изслѣдованія и арестованъ.

Но дабы непріятеля и на правомъ его флангѣ столькоже утѣснить, сколько съ лѣваго учинено, или и совсѣмъ къ оставленію его ретраншаментна принудить, то вновь слѣдующая диспозиція учинена:

1) Праваго непріятельскаго крыла батарею атаковать первому гренадерскому баталіону, подъ командою капитана Попова, о храбрости и искусствѣ котораго я надежно увѣренъ былъ; и сію атаку начать осьмаго числа также по утру въ полпята часа.

2) Со взятой уже бригадиромъ Невѣдомскимъ на лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ батареею, произвести еще новую атаку на непріятельскую батарею, называемую Штерншанцъ: по какъ бригадиръ Невѣдомской бывшій весьма боленъ и при первой атакѣ, такъ что на лошади садиться не могъ, еще гораздо болѣе заболѣлъ, то на мѣсто его посланъ туда бригадиръ Дурново.

3) Для подкрѣпленія сихъ обѣихъ атакъ, наши противу непріятельскаго фланга поставленные батареи, имѣли въ назначенное время пальбу начать.

Но что наканунѣ случилось, тожъ самое и здѣсь сдѣлалось. Бригадиръ Дурново ошибкою проводника къ своему мѣсту въ надлежащее время съ командою притти не могъ, и потому атаки не начиналъ. Капитанъ Поповъ напротивъ того безъ всякаго урона непріятельскую батарею со всею артилеріею и бывшею при оной командою взялъ, и плѣнныхъ къ главной командѣ прислалъ; а именно одного капитана, трехъ поручиковъ, двухъ подпоручиковъ, двухъ унтеръ-офицеровъ, одного барабанщика, четырехъ канонеровъ и 56 человекъ рядовыхъ. Но какъ за невосполнѣніемъ другой атаки непріятельская атенція на лѣвый флангъ ни мало раздѣлена не была; то прежде, нежели храбрый капитанъ Поповъ на взятой батарее обрѣтыся могъ, непріятель успѣлъ новыми и превосходными силами его атаковать, и изъ сего поста вытѣснить. Не смотря на то, что сія непріятельская батарея почти всѣмъ флангомъ его ретраншаментна очищаема была, капитанъ Поповъ, пославъ требовать подкрѣпленія, атаковалъ вновь оставленную имъ батарею съ такою жестокостію, что опять ея овладѣлъ. И какъ на подкрѣпленіе ему Воронежскій и Блужерскій полки поспѣшали, то и не было сомнѣнія сей постъ удержать; хотябъ непріятель и весь свой корпусъ изъ ретраншаментовъ вывелъ. Но какъ время уже свѣтло стало, то непріятель великую выгоду имѣлъ отъ своей артилеріи; и помянутые полки много отъ оной претерпѣвать начали, и работа на

сей батареи не могла уже производиться съ успѣхомъ: то я приказалъ атаку оставить; и всѣмъ командамъ на прежнія мѣста возвратиться. Сіе учинено съ такимъ же изряднымъ порядкомъ, какъ и атака здѣсь; и нельзя сказать, больше ли у войска было охоты атаковать, или же больше сожалѣнія, занятую батарею по приказу оставить, съ которой при всемъ томъ одна шести-футовая непріятельская пушка взята и въ лагерь привезена.

Число всего урона, точно еще не извѣстно, однакожъ въ помянутыхъ двухъ полкахъ и баталіонѣ первомъ гренадерскомъ оный гораздо не малъ, и главнѣйше въ томъ состоятъ, что храбрый и весьма достойный генераль-маіоръ князь Долгоуровъ тяжело въ руку раненъ.

Непріятельскій уронъ напротивъ того несравненно больше нашего быть долженъ. Онъ при томъ одномъ чрезмѣрно много потерялъ, когда капитана Попова батареи сбивалъ, и самъ опять съ оной имъ сбитъ былъ. Наши гренадеры и солдаты были какъ львы; и еслибъ непріятельскій ретраншаментъ не столько для штыковъ неприступенъ былъ, то за сею батареею слѣдовало бы конечно завладѣніе всего ретраншаменты. Толь велика была охота и нетерпѣливость къ сраженію!

Предостойный генераль-маіоръ Еронкинъ, бывъ чрезъ всю компанію боленъ и въ постелѣ, не могъ однакожъ у себя остаться, но на сіе сраженіе выѣхалъ, и въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ дѣлалъ распоряженія.

Бригадиръ Брандъ и Елчаниновъ были миѣ прямыми помощниками, и полковники Девницъ и Измайловъ заслужили, чтобъ я ихъ особливо рекомендовалъ въ милость Вашего Императорскаго Величества.

Дезертировъ отъ непріятеля явилось у меня, сентября съ 5 по 12 число, 266 человекъ.

ДОНЕСЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЬ ПЕТРОВНѢ ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛДМАРШАЛА ГРАФА БУТУРЛИНА, ОТЪ 15 ОКТЯБРЯ 1761 ГОДА, ИЗЪ ДЕРЕВНИ СТАРГАРДЪ, ОБЪ УСПѢХАХЪ, ОДЪРЖАННЫХЪ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ НАДЪ ПРУССКИМИ, ВЪ ПОМЕРАНИИ.

Сею реляціею имѣю честь особливо Вашему Императорскому Величеству всенижайше донести о всѣхъ благополучныхъ и знаменитыхъ успѣхахъ, кои побѣдоносное Ваше оружіе со вступленія арміи въ Померанію до нынѣ одержало.

Теперь оказалось самымъ дѣломъ, что непріятель имѣлъ въ виду два весьма важныя и интересныя Вашего Величества вредительныя намѣренія. Первое, нечаяннымъ и скоростипжимымъ вступленіемъ въ Польшу тамошніе наши магазны всѣ разорить, а разоря оныя, принудить армію Вашего Императорскаго Величества скорѣе къ дальнимъ на рѣкѣ Вислѣ магазинамъ отступить, и тѣмъ нынѣшнюю кампанію ранѣе скончать, дабы онъ тѣмъ свободнѣе и безопаснѣе могъ дѣйствовать противу арміи Ея Величества Императрицы Королевы, корпусомъ Вашихъ войскъ, подъ командою генерала-поручика графа Чернышева усиленной.

Второе, такимъ же поспѣшнымъ къ Кольбергу приближеніемъ, и усилія бывшіи тамо корпусъ Принца Виртембергскаго, съ превосходными силами атаковать и разбить корпусъ генерала поручика графа Румянцова, а по меньшей мѣрѣ къ тому принудить, чтобъ онъ блокаду тамошнихъ ретраншаментовъ оставилъ и Померанію очистилъ.

Чѣмъ больше ласкался непріятель предъуспѣтъ въ сихъ обоихъ намѣреніяхъ, тѣмъ больше оныя ему во вредъ обратились, ибо хотя непріятелемъ нѣсколько магазиновъ въ Польшѣ и разорено, но во первыхъ не пользовался онъ тѣмъ ни-

чего, и цѣла сихъ магазиновъ не стоить того, во что непріятелю сей скоростыжный походъ сталъ. Подлинно пльнилъ онъ въ Гостинѣ бригадира Черепова съ его командою, но сей храбрый офицеръ четырехъ-часною жестокою обороною превеликій непріятелю уронъ сдѣлалъ, какъ то оставленныя имъ въ Польшѣ въ великомъ числѣ здѣшніе и свои раненые свѣдѣтельствуютъ. Напротивъ того армія Вашего Императорскаго Величества нетоко принужденною не нашлась къ дальнимъ своимъ магазинамъ приближаться, но паче съ такимъ успѣшеніемъ за непріятельскимъ генерала Платена корпусомъ слѣдовала, что оный всюду своихъ больныхъ и раненыхъ оставлялъ, тягости и обозы бросалъ, и одною дезерціею до 1000 человекъ потерялъ.

Что до втораго и главнѣйшаго его намѣренія принадлежить, то удалось подлинно непріятелю скорѣе Помераніею яко собственною его землею до Кольберга пройти и съ Принцемъ Виртембергскимъ соединиться, нежели отправленный отъ меня въ подкрѣпленіе графу Румянцову генералъ-поручикъ князь Долгоруковъ туда поспѣть могъ. Но сверхъ того, что и князь Долгоруковъ почти по пятамъ за нимъ туда пришелъ, Графъ Румянцовъ приближеніемъ непріятельскаго усиленія пичадо смущенъ не былъ, паче же при самомъ непріятельскомъ соединеніи не уклонялся дать оному баталію, и въ тожъ самое время болѣе 100 человекъ въ полонъ взялъ.

Непріятель, усмотря сію твердость, атаковать за благо не разсудилъ, и повидному всего успѣха отъ того ожидалъ, что графъ Румянцовъ почтетъ безплоднымъ стоить свое противъ превосходной силы подъ Кольбергомъ, и потому самъ отступать станетъ, а чрезъ то ему непріятелю подасть случай на отступномъ походѣ его атаковать и какую либо поверхность одержать.

Но графъ Румянцовъ, вѣдая приближеніе главной Вашего Императорскаго Величества арміи, нетоко своего поста не оставилъ, но паче зачатія имъ противъ непріятельскихъ ретраншаментовъ работы съ такою ревностію продолжалъ, какъ бы на всегда тамо остаться, или во что бы ни стало сей ретраншаментъ овладѣть намѣренъ былъ.

Въ тожъ время какъ графъ Румянцовъ разныя отъ себя по дорогѣ къ Штетину команды отправилъ, дабы соединенному непріятельскому корпусу сообщеніе съ сею крѣпостію и тамо-

шними магазинами пресѣкать, такъ и я вступа съ главною Вашего Императорскаго Величества арміею въ Померанію и подвинувшись до Регенвальда, согласныя тому распоряженія сдѣлалъ.

Все сіе и сказавшійся въ непріятельскомъ подъ Кольбергомъ лагерѣ великій недостатокъ въ съѣстныхъ и военныхъ припасахъ, принудилъ его противу непоколебимой твердости графа Румянцова себя запасти, а для возстановленія коммуникаціи съ Штетинномъ и безопаснаго привоза всякихъ оттуда потребностей нѣсколько себя раздѣлить.

Въ слѣдствіе того непріятельскій полковникъ Клейстъ съ командою двухъ тысячъ человекъ назначенъ былъ препроводить великій обозъ къ Кольбергу какъ съѣстныхъ такъ паче военныхъ припасовъ.

Другая команда, въ пяти стахъ человекѣхъ рядовыхъ состоящая, поставлена была въ крѣпкомъ мѣстѣ подъ деревнею Вестентинъ, дабы путь сему транспорту обнадеживать.

Къ большому еще во всемъ томъ успѣху командированъ былъ отъ непріятеля генералъ-маіоръ Кноблохъ съ знатною командою къ Трептау, дабы и сообщеніе съ Штетинномъ больше обнадеживать, и помянутыя команды подкрѣплять.

Сколь скоро о всемъ томъ извѣстія получены, то сдѣлалъ я слѣдующее распоряженіе, а именно: генералъ-маіору Бергу съ легкими войсками приказано было, помянутый непріятельской обозъ и команды одну за другою немедленно атаковать. Генералу графу Фермору велѣно было съ первою дивизіею въ окрестности Нейгартца подвинуться, дабы какъ генералъ-маіора Берга подкрѣплять, такъ паче встрѣтить и атаковать самого генералъ-поручика Платена, о которомъ тогда же извѣстія получены, что и оный къ Гольнову слѣдуетъ на встрѣчу другою изъ Штетина въ Кольбергъ отправленному знатному транспорту. А съ другой стороны генералъ-поручикъ графъ Румянцовъ въ слѣдъ за генералъ-маіоромъ Кноблохомъ отправилъ къ Трептау полковника Опочинина.

Почта всѣ сія распоряженія имѣла совершенный успѣхъ.

Обозъ, который прикрывалъ полковникъ Клейстъ съ командою двухъ тысячъ человекъ, атакованъ былъ въ первый день сего мѣсяца при мѣстечкѣ Гольнау, подполковникомъ Серб-

скаго полка Такеліемъ и маіоромъ Филиповичемъ съ такою храбростію, что хотя оба они не имѣли болѣе гусаръ и казаковъ какъ только 700 человекъ противъ дву-тысячнаго числа непріятелей, однакожъ оный въ бѣгство обращенъ, оставляя весь свой обозъ и плѣнныхъ до 60 человекъ съ однимъ офицеромъ, при чемъ однихъ бомбъ и ядеръ болѣе 10000 въ добычу получено, умалчивая, что какъ самымъ непріателемъ такъ и нашими войсками великое множество нагруженныхъ фуръ сожжено.

Другая непріятельская пятисотная команда при деревнѣ Вестентинъ самымъ генераломъ-маіоромъ Бергомъ атакована пятого числа на разсвѣтѣ, не смотря на крѣпкій и болотами окруженный постъ, съ такою жестокостію, что не сплослось изъ оной ни десяти человекъ, а въ плѣнъ взято одинъ маіоръ, 11 офицеровъ и 470 человекъ рядовыхъ съ двумя пушками. Причемъ особливо отличили себя полковники: Раненкамфъ, Шетневъ и Медомъ, да артиллеріи поручикъ Зембулатовъ.

Син успѣхи умножая великую и безъ того къ сраженіямъ ревность войскъ Вашего Императорскаго Величества, генераль-маіоръ Бергъ и не пропустилъ никакого случая распространить свои успѣхи, и потому получа отъ меня повелѣніе, что генералу графу Фермору велѣно къ нему сблизаться и самого генерала-поручика Платена атаковать, и чтобъ и онъ тому же содѣйствовалъ, девятаго числа напалъ онъ на Платеновъ авангардъ при мѣстечкѣ Голновъ съ такою жестокостію, что чрезъ полчаса времени весь оный въ полонъ взялъ, а именно: командовавшаго симъ detachmentомъ извѣстнаго партизана подполковника Корбіера и съ нимъ болше 20 оберъ-офицеровъ и гораздо болше 1000 человекъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, да шесть пушекъ въ добычу получилъ. Причемъ то примѣчанія достойно, что какъ на семь, такъ и подъ деревнею Вестентинъ сраженіи, съ нашей стороны ни одного убитаго нѣтъ, и все дѣло однимъ почти легкими войсками окончено. Последнее же особливо съ такою скоростію, что Платенъ бывъ оттуда съ своимъ корпусомъ только въ двухъ верстахъ, никакой помощи подать не успѣлъ, а генераль-поручикъ князь Волконской, бывъ туда для подкрѣпленія отправленъ съ кавалеріею, своею только персоною успѣлъ подать опытъ неутомленной его къ службѣ ревности.

Генералу графу Фермору въ предпріятіи его противу генерала-поручика Платена толь совершеннаго успѣха получить нельзя было. Хотя имъ въ походѣ и всевозможная скорость

употреблена, но какъ ему три, а непріателю только одинъ маршъ сдѣлать подлежало, то оный и ускоришь трудные проходы занять, и такъ къ Штеттину ретироваться, со всемъ тѣмъ и здѣсь причиненный ему уронъ весьма важенъ, и менше полезныя для арміи Вашего Величества слѣдствія имѣть можетъ, ибо не токмо много плѣнныхъ побрано, а болше еще дезертировъ явилось, но паче другій непріятельскій великій и съ лишкомъ въ 1000 фурахъ состоящій и къ Кольбергу назначенный обозъ истребленъ, изъ котораго около 300 фуръ съ хлѣбомъ дѣйствительно получено, а прочія всѣ сожжены.

Напротивъ того генераль-поручикъ графъ Румянцовъ въ предпріятіи своемъ на Трептовъ, и зашедшаго туда генераль-маіора Кноблоха гораздо болший и совершенный успѣхъ имѣлъ. Онъ 11 числа взявъ съ собою изъ подъ Кольбергскаго ретраншаментъ три баталіона и три эскадрона, атаковалъ триа отдѣленные отъ ретраншаментъ непріятельскіе посты и взявъ въ полонъ капитана одного, прапорщика одного, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 87, принудилъ непріятеля всѣ наружныя укрѣпленія оставить и въ ретраншаментъ ретироваться, и занявъ всѣ оставленные непріателемъ мѣста, самъ немедленно къ Трептову противу генерала-маіора Кноблоха прішелъ, прибывъ туда 12 числа и взявъ въ свою команду бригадира Мельгунова, такимъ образомъ сей городъ окружилъ, чтобъ непріятель оттуда никакъ спастись не могъ. 13 числа препровождено въ бомбардированіи и требованіяхъ, чтобъ Кноблохъ въ полонъ сдался. 14 числа намѣренъ былъ графъ Румянцовъ приступить сдѣлать, но Кноблохъ тотчасъ военноплѣннымъ сдался, и вышедъ изъ города со всемъ своимъ detachmentомъ ружье положилъ.

Число сего detachmentа кромѣ самого генерала Кноблоха состоитъ въ трехъ полковникахъ, одномъ генералѣ, квартирмейстерѣ лейтенантѣ, въ 52 маіорахъ и оберъ-офицерахъ, въ 129 унтеръ-офицерахъ и въ 1503 человекъ рядовыхъ; да притомъ 15 знаменъ и семь пушекъ взято; а съ нашей стороны и опять ни одного человека не потеряно.

Такимъ образомъ въ самое короткое время однихъ плѣнныхъ около 4000 взято, а всего непріятель въ Помераніи гораздо болше 10000 человекъ потерялъ, и теперь остальное его войско великой опасности подвержено, и ужасній во всемъ подъ Кольбергомъ недостатокъ претерпѣваетъ. Напротивъ того благословеніемъ Божиимъ, и счастьемъ Вашего Императорскаго Величества, сіе умноженіе славы побѣдоносному Вашему ору-

жю, и знаменитая общему доброму дѣлу услуга, арміи Вашего Величества кромѣ сопряженныхъ съ позднимъ временемъ трудовъ и безпокойствъ, почти ничего не стоятъ.

Я потому и дерзаю толь усердѣйшее Вашему Императорскому Величеству принести съ тѣмъ поздравленіе, что сіи отъ Бога дарованныя побѣды не воспричинствуютъ челоуѣколюбивому сердцу Вашего Величества матеряго о своихъ подданныхъ соболѣзнованія, но единое благоволеніе о ихъ усердіи и вѣрности.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Современная Лѣтопись и Политика.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА
ГРАНИЦЕЮ.

ЕВРОПА.

Англія.

18 ноября, послѣдовало открытіе парламента. Лорды собрались въ два часа въ верхней палатѣ и парламентъ былъ открытъ королевскою комиссіею. Коммиссарами были архі-епископъ кентербурійскій, лордъ-канцлеръ, графъ *Аукландъ*, маркизъ *Лансдоунъ* и графъ *Спенсеръ*. Они вступили въ залу собранія въ началѣ третьяго. Великъ за тѣмъ къ перламъ явились многіе члены нижней палаты. Прочтено было королевское повелѣніе о назначеніи коммиссаровъ, и за тѣмъ лордъ-канцлеръ произнесъ слѣдующее: «Милорды и господа! Е. В. Королева повелѣла объявить вамъ, что вы будете уведомлены впослѣдствіи о причинѣ созванія парламента; по

какъ прежде всего надобно, чтобы нижняя палата избрала себя президента (Speaker), то господа члены нижней палаты благоволятъ возвратиться въ мѣсто своихъ собраній, избрать президента, и завтра, въ два часа, представить его здѣсь на утверженіе Ея Величества.»

Члены нижней палаты удалились. Постороннихъ особъ также удалили на время чтенія молитвы, которая была произнесена епископомъ сентъ-асафскимъ; потомъ приняли присягу сначала лордъ-канцлеръ одинъ, а за нимъ и всѣ члены палаты лордовъ. Въ пять часовъ засѣданіе палаты было закрыто.

Какъ скоро члены нижней палаты возвратились изъ верхней, то лордъ *Сеймуръ* предложилъ назначить президентомъ *Г. Шоу-Лефевра*, который, сказалъ онъ, къ общему удовольствію исполнялъ эти обязанности въ послѣднемъ собраніи. *Г. Джонъ Абель Смитъ* поддерживалъ это предложеніе. Къ нему присоединились также лордъ *Джоржъ Веллингъ* и сиръ *Робертъ Инглисъ*. Они говорили, что прежде противились избранію *Г. Шоу-Лефевра*; но что, убѣдившись къ безпристрастнѣ, достоинствъ и причинъ, съ которыми онъ управляетъ преніями палаты, они готовы теперь подать голосъ въ его пользу. — *Г. Шоу-Лефевръ* благодарилъ ихъ за лестный отзывъ объ немъ, прибавивъ, что для надлежащаго исполненія своей обязанности, ему необходима поддержка обѣихъ сторонъ палаты, и что онъ считаетъ себя счастливымъ, что заслужилъ одобреніе всѣхъ партій. (Рукопесканія.) Послѣ этихъ словъ, *г. Шоу-Лефевръ*, при громкихъ одобреніельныхъ восклицаніяхъ всей палаты, повелъ къ его креслу и онъ снова благодарилъ своихъ сочленовъ за оказанную ему честь. — Лордъ *Джонъ Россель* поздравилъ палату съ этимъ выборомъ, сказалъ также нѣсколько словъ, лестныхъ для *г. Шоу-Лефевра*, и предложилъ палатѣ отложить свое засѣданіе до слѣдующаго дня, что и было принято.

На слѣдующій день, въ засѣданіе верхней палаты, *г. Шоу-Лефевръ* явился со многими членами нижней палаты и былъ утвержденъ королевскою комиссіею въ званіи президента нижней палаты, причемъ, по принятому обычаю, подтверждены всѣ права и преимущества членовъ этой палаты. По возвращеніи ихъ въ залу своихъ засѣданій, приступлено было къ присягѣ. Съ нетерпѣніемъ ждали той минуты, когда къ столу президента подойдетъ для этого *Лионель Ротшильдъ*; но онъ не отвѣчалъ, когда его вызывали. Еврей

Ротшильдъ, избранный представителемъ лондонскаго Сити, не могъ произнести обычной присяги, основанной на христіанскомъ ученіи: или онъ долженъ быть исключенъ изъ палаты, или форма присяги должна быть измѣнена, чѣмъ признаютъ право Евреевъ засѣдать въ парламентѣ. Полагаютъ, что министры не допустятъ до преній объ этомъ вопросѣ, и заблаговременно сами предложатъ уравниеніе правъ Евреевъ, или, по крайней мѣрѣ, признаніе за ними права къ засѣданію въ парламентѣ. Дѣло въ томъ, что хотя начало свободы сильно развито въ англійскомъ законодательствѣ, однакожь граждане далеко не всѣ равны передъ закономъ. Такъ напр. лица извѣстныхъ сословій и нѣкоторыхъ вѣроисповѣданій не могутъ быть членами парламента. Еще нѣтъ и двадцати лѣтъ, какъ парламентъ сдѣлался доступнымъ для католиковъ и диссидентовъ; но одинъ классъ диссидентовъ, именно Евреи, и доселѣ исключенъ изъ него. Въ прошломъ году лордъ *Джонъ Россель* намѣревался представить проектъ закона объ отнятіи этого исключенія; но ему помѣшали другія важныя занятія и затруднительныя обстоятельства того времени. Извѣстно, что въ 1829 году *О'Коннелъ* былъ избранъ въ члены нижней палаты, когда еще католики не допускались туда; потомъ принять былъ законъ объ уравниеніи католиковъ въ правахъ съ протестантами; но парламентъ объявилъ, что такъ какъ законъ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ, то и не производится на избраніе *О'Коннелля*. По этому оно было уничтожено и *О'Коннелъ* избранъ снова. Вѣроятно, то же самое произойдетъ и въ отношеніи къ *г. Ротшильдъ*.

Причиной столь ранняго созванія парламента было стѣснительное положеніе государства. Больше всего обращаетъ на себя вниманіе затруднительное состояніе денежнаго рынка. Каждый день приносятъ печальныя извѣстія о новыхъ банкротствахъ главныхъ торговыхъ домовъ Великобританіи. Кромѣ того, обнаружился и другія опасности, для отвращенія которыхъ необходима вся энергія государства. Въ Ирландіи и въ эту зиму во многихъ мѣстахъ обнаружился ощутительный недостатокъ; это не подлежитъ сомнѣнію; между тѣмъ правительство получило официальные извѣстія, что не только въ Ирландіи, но и въ Шотландіи, картофельная жатва по большей части неудачна, и что нищета, по теперешнимъ обстоятельствамъ денежнаго рынка, будетъ еще больше, потому что нѣтъ средствъ потребный привозъ хлѣба изъ-за границы, какъ и въ прошломъ году, уплатить золотомъ. Къ тому присоединяется еще положеніе дѣлъ въ

Ирландія, гдѣ не только въ фабричныхъ округахъ большая часть работниковъ безъ работы, но еще вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, прекращеніе работъ на желѣзныхъ дорогахъ оставило или еще оставитъ многочисленную часть работниковъ безъ хлѣба. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, настало уже время, когда должно быть предпринято сильное и единодушное содѣйствіе парламента и правительства.

Въ Times помѣщена начальная статья о положеніи страны, исполненная самыми горестными опасеніями. «Мы должны сказать истину,» пишутъ въ этой статьѣ, «хотя горькую — страна бѣдна. Еслибъ мы сказали, что терпимъ отъ недостатка въ деньгахъ и кредитѣ, то многие изъ нашихъ читателей не составили бы себѣ изъ этихъ словъ слишкомъ печальнаго понятія о нашемъ безпомощномъ положеніи. Мы должны по этому повторить: нынѣ Англія бѣдна, бѣдна въ самомъ обширномъ и ошутительномъ смыслѣ слова. Страна только что терпѣла, самымъ бѣдственнымъ образомъ, отъ недостатка въ продовольствіи. Мы съ трудомъ устранили сей недостатокъ, и для этого должны были пожертвовать нашимъ золотомъ и задолжать цѣлому міру. Это значитъ въ полномъ смыслѣ слова *быть бѣднымъ*. Далѣе, у насъ необыкновенный недостатокъ въ сырыхъ матеріалахъ для нашихъ мануфактуръ, а въ слѣдствіе того и въ мануфактурныхъ товарахъ, на которые мы покупали до сихъ поръ наши потребности у сосѣдей. Въ этихъ простыхъ событіяхъ не помогаетъ ни теорія и ни какія денежныя затѣи. Многие воображаютъ, что бѣдность, постигающая отдѣльное лице, конечно, бѣда очень существенная, но что народная бѣдность есть бѣдствіе отвлеченное, которое можно уничтожить доводами или словами. Къ сожалѣнію, между ними нѣтъ другаго различія, кромѣ того, что совокупная, такъ сказать скопленная бѣдность есть самая худшая и неисцѣлимѣйшая изъ бѣдъ. — Дѣйствія голода много увеличили страданія націй. Кромѣ естественнаго возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ, было достаточно для вверженія насъ въ долги уже одного того обстоятельства, что мы считали обязанностью прокармливать нѣсколько милліоновъ Ирландцевъ, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Это стоило намъ 10 милліоновъ фунт. стерл., изъ коихъ мы должны были занять 8 милліоновъ. Съ нами случилось здѣсь то же, что съ человѣкомъ, который, уже самъ по себѣ бѣдный и стѣсненный въ домашнемъ хозяйствѣ, становится еще бѣднѣе отъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ. Такъ поступаетъ человѣкъ, который раздѣляетъ послѣдній

хлѣбъ свой съ нищимъ! И почему намъ не выставить этого на видъ, не смотря на то, что нѣкоторые увѣряютъ, будто бы великодушнѣе забыть великодушнѣе? Мы приводимъ это, чтобы показать истинныя, осязательныя и совершенно простыя черты нашей бѣдности. Во время операціи Ирландскаго займа, операціи консолидированнаго долга и въ соразмѣрности другіе билеты непрерывно падали, пока наконецъ, спустя день или два послѣ уплаты послѣдняго срока, они упали съ 80-ти, по какой цѣнѣ былъ заключенъ заемъ, на 79 съ дробью. Во все это время высасывали, или, лучше сказать, выкачивали капиталъ британской биржи, такъ что онъ почти непрерывно уменьшался и дорожалъ.»

Правительство наконецъ приняло мѣру для вспоможенія торговому сословию въ денежномъ кризисѣ. *Англійскому банку дозволено увеличить выдачу своихъ облигацій* ссудами на вѣрные векселя, билеты казначейства и другіе залогн, но только съ высокимъ учетомъ въ восемь процентовъ. Такъ какъ этимъ нарушенъ банковый законъ 1844, то министры въ суть въ парламента били объ утвержденіи ихъ поступка. Вслѣдствіе этой мѣры, директоры англійскаго банка приняли слѣдующія рѣшенія: 1) что они соглашаются съ предложеніями перваго министра и канцлера казначейства; 2) что наименьшій учетъ векселей, выданныхъ не болѣе какъ на 95 дней, будетъ назначенъ въ восемь процентовъ; 3) что ссуды на векселя, акціи, билеты казначейства и другіе вѣрные залогн будутъ дѣлаемы суммами не менѣе какъ въ 2,000 ф. ст., и на срокъ, назначаемый губернаторомъ банка, по 8-ми процентовъ въ годъ.

Journal des Débats, извѣщая объ этихъ мѣрахъ говоритъ между прочимъ: «Мы могли бы смѣло мѣру, предпринятую англійскимъ министерствомъ, назвать не мѣрою государственною, а грою въ кости. Возможно, что мѣра удастся и банкъ выиграетъ; но возможна и потеря. Онъ выиграетъ, если умноженіе выдачъ его билетовъ не задержитъ привоза золота въ Англію, который начался изъ различныхъ мѣстъ торговаго міра, если это умноженіе не произведетъ новаго вывоза наличныхъ денегъ, и если банкъ, для того, чтобы содержать въ своихъ кассахъ постоянно необходимый наличный капиталъ для обмѣна билетовъ, не будетъ принужденъ приступить къ новому ограниченію, которое при распространеніи кредита было бы еще опаснѣе.»

Въ самой Англіи, не совсѣмъ падѣются на устраненіе настоящей денежной нужды отъ новой мѣры на счетъ банка.

Причина зла заключается не столько въ недостатокѣ взаимнаго довѣрія между купечествомъ, сколько въ дѣйствительномъ недостатокѣ наличныхъ денегъ, безъ которыхъ почти невозможно всякое производство коммерческихъ дѣлъ. Деньги частію вывезены изъ государства, а частію изъятые изъ обращенія и употреблены на предметы, которые не могутъ способствовать торговлѣ. Улучшеніе дѣлъ послѣдуетъ тогда только, когда перестанутъ дѣйствовать причины, отъ которыхъ произошло самое зло. Газ. Times указала на эти причины; онѣ заключаются во-первыхъ въ плохихъ жатвахъ 1845 и 1846 года, во-вторыхъ въ неуагрѣнной и слѣпой страсти къ желѣзнымъ дорогамъ и, наконецъ, въ-третьихъ, въ недостаточномъ привозѣ и въ высокой цѣнѣ хлопчатой бумаги, этого сыраго матеріала, доставляющаго англійскимъ фабрикамъ наиболѣе предметовъ для вывоза за границу. Разсчитано, что эти причины частію непосредственно, а частію вліяніемъ своимъ на послѣдующія обстоятельства, уменьшили на 11 милліоновъ фун. ст. количество золота и билетовъ англійскаго банка, необходимое для внутренняго обращенія. Деньгъ оказался слишкомъ мало и онѣ, натурально, вздорожали. Такое положеніе можетъ прекратиться тогда только, когда вывезенныя деньги будутъ снова возвращены странѣ, или когда имѣющіеся въ государствѣ наличные капиталы будутъ пушены въ обращеніе. Новая мѣра на счетъ банка должна скорѣе препятствовать, чѣмъ способствовать первому, т. е. возвращенію денегъ, потому что при высокомъ учетѣ въ восемь процентовъ не легко можетъ быть установленъ выгодный денежный курсъ. Что жъ касается до имѣющихся въ странѣ капиталовъ, то они тогда только могутъ быть пушены въ обращеніе, когда исчезнутъ настоящіе опасенія и когда торговля хлопчатой бумагою и хлѣбомъ приметъ видъ болѣе благоприятный. Газ. Times ожидаетъ наиболѣе дурныхъ послѣдствій отъ слѣпой страсти къ желѣзнымъ дорогамъ и отъ прекращенія многихъ публичныхъ работъ. Она полагаетъ, что крайне неблагоуразумно вводить въ заблужденіе рабочіе классы и отвлекать ихъ отъ занятій, постоянно для нихъ полезныхъ, для того, чтобы обращать дѣятельность ихъ на предпріятія самыя ненадежныя, хотя съ перваго взгляда и представляющія для работниковъ болѣе выгоды, чѣмъ, напримѣръ, земледѣіе и другія прочныя отрасли народнаго труда.

Франція.

Министръ торговли учредилъ врачебную комиссію, которая

будетъ находиться въ Парижѣ и займется изученіемъ разныхъ восточныхъ заразы. Согласно съ королевскимъ повелѣніемъ о томъ, 18-го апрѣля 1847, правительство назначило нѣсколькихъ медиковъ, которые будутъ пребывать на востокѣ. Эта обязанность возложена на гг. Фавеля, въ Константинополь; Прю, въ Александрію; Бюргьера, въ Смирнѣ; Сюкке, въ Бейрутѣ; Армштейна, въ Дамаскѣ. Еще одинъ врачъ отправится въ Каиръ. Эти врачи будутъ слоситься непосредственно съ министромъ торговли; имъ поручено наблюдать за общественнымъ здоровьемъ въ Левантѣ, изучать чуму и причины, порождающія ее. Каждый изъ нихъ будетъ получать 12,000 фр. жалованья.

— Разсуждаютъ о проектѣ чрезвычайно важномъ для Сенегальской колоніи; исполненіе его было тщательно приготовлено послѣднимъ, недавно умершимъ тамъшнимъ губернаторомъ. Этотъ проектъ состоитъ въ занятіи Зеленаго мыса и земель, простирающихся отъ мыса Грудей до мыса Бернадского. Уступка этой страны, которая никогда не была оспариваема, сдѣлана Франціи тремя трактатами, заключенными въ 1763, 1765 и 1787 съ Дамелемъ, или влстителемъ Кайора; она лежитъ въ трехъ километрахъ отъ Горн, на одномъ изъ самыхъ выгодныхъ пунктовъ этой части африканскаго берега. Поселеніе въ этомъ мѣстѣ принесетъ Франціи самыя благоприятныя послѣдствія. Для защиты этой колоніи тамъ будутъ построены нѣсколько малыхъ крѣпостей.

— Французскій посланникъ при дворѣ короля Обвѣихъ Сициліи, графъ Брессонъ, въ Неаполѣ лишилъ себя жизни. 2-го ноябра, часовъ въ шесть утромъ, вошли въ его комнату и увидѣли, что онъ лежитъ въ постели, весь въ крови; горло у него было перерѣзано, повидному, бритвой. За четыре дня до смерти, онъ сдѣлалъ завѣщаніе и передалъ его своей супругѣ. Въ день передъ несчастною ночью гр. Брессонъ нанялъ отель за 5,000 червонцевъ и далъ обѣдъ многимъ друзьямъ своимъ и знакомымъ. Въ продолженіе обѣда былъ онъ веселъ, шутилъ и смѣялся, говорилъ о своихъ планахъ въ будущемъ и восхитлялъ всѣхъ присутствовавшихъ своимъ пріятнымъ нравомъ. Вечеромъ отправился онъ въ театръ Санъ-Карло, гдѣ былъ до полуночи. Ни какого слѣда заботы или безпокойства не было замѣтно на его лицѣ, черты лица сохраняли обычный свой характеръ и ни на одно мгновеніе не дали замѣтить никакой перемены. Всѣ эти достойныя вниманія обстоятельства, вѣроятно, были причиною, что никто не могъ допустить возможности самоубійства и что между всѣми классами обще-

ства родилось подозрѣніе, что онъ погибъ отъ руки убійцы. Между жителями неаполитанской столицы это трагическое происшествіе произвело такой шумъ и возбудило такое участіе, какъ и назначеніе его къ посольскому посту въ Неаполь. Между тѣмъ оффиціальная газета говоритъ, что графъ *Брессонъ* умеръ отъ своей руки. Со стороны владѣльца отеля былъ тотчасъ же отобранъ полицією показаніе. 16 ноября, графиня *Брессонъ* прибыла въ Парижъ съ тѣломъ своего супруга.

Графъ *Брессонъ* былъ человѣкъ чрезвычайно обходительный и утонченный, одаренный большими способностями, обдуманностью во всѣхъ поступкахъ; эти качества были основною той ловкости, которую признавали въ немъ даже враги его. Высшее положеніе его было таково, что ему не оставалось желать ничего больше. Пользуясь привязанностію короля и довѣренностію правительства, всѣми уважаемый, и возведенный на высшую степень дипломатическаго поприща, онъ и съ этой только стороны могъ считать себя удовлетвореннымъ. Домашнія обстоятельства его, какъ отца семейства, дѣла по имѣнію и все вообще положеніе его было весьма хорошо. Потому на счетъ причинъ его страшнаго поступка всѣ теряются въ догадкахъ. По словамъ газеты *Constitutionnel*, парижскіе друзья графа *Брессона* получили отъ него письма, написанныя имъ по прибытіи въ Неаполь. Въ этихъ письмахъ обнаруживается нѣкоторая раздражительность. Графъ *Брессонъ*, послѣ успѣха, достигнутаго въ дѣлѣ объ испанскихъ бракосочетаніяхъ, надѣялся, по видимому, на блистательное положеніе, но ошибся въ расчетѣ и очень неохотно принялъ посланническій постъ въ Неаполь, который былъ для него шагомъ назадъ въ дипломатической его карьерѣ. Въ газ. *Constitutionnel* намекають, что подъ блистательнымъ положеніемъ должно подразумѣвать здѣсь посланническій постъ въ Лондонѣ или даже министерскій портфель. Въ Испаніи впрочемъ здоровье графа *Брессона* очень пострадало; воспаление въ мозгу, какъ слѣдствіе чрезвычайно жаркаго климата, уже однажды подвергло жизнь его величайшей опасности. Съ тѣхъ поръ онъ время отъ времени чувствовалъ себя нездоровымъ, и особенно жаловался на приливъ крови къ головному. Надѣялись однако, что это пройдетъ само собою и никто не опасался, чтобы положеніе его приняло опасный характеръ или навело его на мысль о самоубійствѣ. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ отцу своему изъ Неаполя, онъ говоритъ: «Чувствую, что мнѣ полезнѣе жить на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ; здѣшній прекрасный климатъ слишкомъ раз-

дражаетъ мою нервную систему.» Эти слова заставляютъ думать, что онъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ болѣзни.

Другой французскій дипломатъ, графъ *Мортъе*, посланникъ въ Туринъ, сошелъ съ ума и его принуждены были отвезти въ домъ умалишенныхъ. Въ немъ уже нѣсколько времени замѣтны были признаки этой страшной болѣзни. Мѣсяць тому назадъ графъ *Мортъе* возвратился въ Буржъ съ своимъ семействомъ, чтобъ провести тамъ въ домѣ своей матери время отпуска, даннаго ему правительствомъ для возобновленія его здоровья. Тогда еще положеніе его не внушало никакихъ важныхъ опасеній, хотя болѣзнь уже и существовала. Супруга его, исполняя съ благороднымъ самоотверженіемъ долгъ свой, сама за нимъ ухаживала. Въ одну ночь онъ внезапно въ припадкѣ болѣзни соскочилъ съ постели и угрожалъ жентѣ своей бритвою, такъ что графиня принуждена была бѣжать. Это обстоятельство только увеличило его бѣшенство; съ той минуты не смѣлъ произносить передъ нимъ имени его супруги, потому что оно всякій разъ приводило его въ крайнюю ярость. По совѣту врачей и своего семейства, графиня возвратилась въ Парижъ. Позже графъ *Мортъе* также покинулъ Буржъ съ двумя своими дѣтьми и поселился съ ними здѣсь въ отелѣ *Чатамъ*. Физическое здоровье его казалось совершенно возобновленнымъ, но раздражительность противъ супруги все еще продолжалась. Онъ рѣшительно не хотѣлъ болѣе объ ней ничего знать, не хотѣлъ ее принимать, возвращалъ всѣ ея письма нераспечатанными, и только разъ удалось уговорить его послать къ ней дѣтей, которымъ онъ впрочемъ оказывалъ самую нѣжную родительную любовь. 7-го ноября, утромъ, онъ заперся съ двумя своими дѣтьми въ своей комнатѣ и написалъ къ женѣ и нѣкоторымъ пріятелямъ письма, въ которыхъ уведомлялъ ихъ, что черезъ нѣсколько минутъ ни его, ни дѣтей не будетъ уже въ живыхъ. Можно себѣ представить отчаяніе несчастной матери, которая вполне удостовѣрилась теперь, что всѣ прежнія дѣйствія супруга ея были только слѣдствіемъ помѣшательства и что въ эту минуту уже случилось, можетъ быть, величайшее изъ бѣдствій. Первымъ дѣломъ ея было посѣтить въ отелѣ *Чатамъ*; адвокатъ *Ше д'Эсть-Анжесъ*, который и прежде подавалъ совѣты графинѣ *Мортъе* и ея семейству, отправился къ канцлеру *Пакле*, котораго и побудилъ немедленно ѣхать въ отель *Чатамъ*, куда вскорѣ прибылъ и префектъ Полиціи *Делессеръ*. Помѣшанный все былъ еще въ своей комнатѣ и крѣпко завалялъ дверь. Вооружившись бритвою, онъ махалъ ею надъ головами дѣтей или обращалъ противъ себя,

и говорилъ самыя ужасныя вещи. Съ нимъ начали разговари-вать черезъ двери. Черезъ нѣсколько времени, онъ объя-вилъ своему сыну, что пора умереть. Сынъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати, кричалъ со слезами, что онъ не хочетъ умира-ть, и старался вырваться изъ рукъ отца. Потомъ графъ *Мортъ* спросилъ дочь свою, дѣвочку осьми лѣтъ, хочетъ ли она умереть съ отцемъ. Бѣдняжка отвѣчала, что она рада и, казалося, отецъ уже готовъ былъ совершить свое ужасное намѣреніе. У дверей стояли г. Делессеръ, баронъ Палье и несчастная мать этихъ дѣтей, въ положеніи, которое трудно себѣ и представить. Они все это слышали и боялись неосторожнымъ словомъ или движеніемъ ускорить развязку страш-ной драмы. Ужасные переговоры продолжались три часа. Наконецъ кое-какъ префектъ полиціи и канцлеръ пробрались въ комнату графа *Мортъ* черезъ давно заколоченную дверь, которую удалось безъ шума отворить. Дѣтей освободили, но помѣшанный не выпускалъ изъ рукъ бритву и по временамъ прикладывалъ ее себѣ къ горлу. Онъ жаловался, что его преслѣдуютъ, угнѣтаютъ, и объявилъ, что будетъ жаловаться министру юстиціи на префекта полиціи и канцлера, которые насильно ворвались въ его домъ. По совѣту г. *Делесера*, онъ рѣшился написать къ министру письмо, не выпу-ская однакожь бритвы изъ рукъ. Хранитель печати, преду-вѣдомленный объ этомъ, тотчасъ отвѣчалъ просьбою, чтобы г. *Мортъ* пріѣхалъ къ нему для личныхъ объясненій. Помѣшанный рѣшился наконецъ выйти; на лѣстницѣ онъ сло-жилъ бритву и спряталъ въ карманъ. Наконецъ на дворѣ его взяли и отвезли въ домъ умалашенныхъ.

— 14 ноября дѣвица *де-Люзи-Депортъ* была выпущена изъ тюрьмы, вслѣдствіе судебного рѣшенія, что она не можетъ быть обвинена въ непосредственномъ участіи въ преступленіи, совершенномъ надъ герцогинею *де Праленъ*. Та-кимъ образомъ судебное слѣдствіе по этому дѣлу, изложен-ному въ IX кн. С. О., окончено.

Швейцарія.

Волненіе, давно уже производимое въ Швейцаріи безпокойной партіею радикаловъ, (причины этого волненія объяснены въ кн. VIII С. О.), довело эту страну до несчастныхъ слѣд-ствій; загорѣлась междоусобная война, и цвѣтущія долины Гельветіи обгаряются кровію братьевъ по отечеству. Это бѣд-ственное положеніе страны вызываетъ справедливое негодова-ніе безпристрастныхъ политическихъ журналовъ Англіи и Франціи. Приводимъ основательное объ этомъ предметѣ суж-

деніе министерской парижской газеты: «Мы никому не жела-емъ зла, пишутъ въ *Journal des Débats*: ни республикамъ, ни мо-нархіямъ. Швейцарія однакоже преподаетъ всему свѣту, въ на-стоящую минуту, урокъ, на который должно обратить внима-ніе. Еслибы правила радикаловъ были основаны на истинѣ, то страна эта должна была бы быть самою спокойною и до-вольною въ Европѣ. Швейцарія не только республика, но и страна демократическая въ строжайшемъ смыслѣ этого слова. Почти во всѣхъ небольшихъ областяхъ, составляющихъ Швей-царскій Союзъ, неограниченно властвуетъ народъ и безпреко-словно приводитъ самовластіе свое въ дѣйствіе. Чтѣжь изъ это-го выходитъ? Между тѣмъ какъ въ Европѣ всѣ монархіи, какова бы ни была ихъ форма, стремятся къ тому чтобы сохранить между собою миръ, одна Швейцарія готовится къ междоусобной войнѣ, самой безумной, несправедливой и без-божной. Мы не думаемъ, чтобы въ цѣлой всемірной исторіи можно было найти примѣръ войны болѣе ненавистой, чѣмъ та, которую хотятъ предпринять нынѣ 12 радикальныхъ кан-тоновъ противъ 7 кантоновъ католическихъ. Здѣсь обнару-живается самое вопіющее злоупотребленіе власти, присвоен-ной себѣ большинствомъ. Радикальной партіи удалось подчи-нить себѣ 12 кантоновъ и сеймъ. Какимъ образомъ она до-стигла этой цѣли, извѣстно: силою, и ничѣмъ болѣе, какъ си-лою. Большинство, которымъ она такъ гордится, приобретено ею противозаконными и насильственными мѣрами. Только 7 кантоновъ не уступили радикальному влиянію. Этому влиянію хотятъ теперь подчинить ихъ съ помощью штыковъ и пушеч-ныхъ ядеръ. Тѣ самые люди, которые, подъ именемъ «свобод-ныхъ ополченій», падали какъ разбойники на своихъ союзни-ковъ, обратились, послѣ неудачи преступаго своего предпрія-тія, противъ собственныхъ своихъ кантоновъ и насильствен-но овладѣли сеймомъ. На развалинахъ поправныхъ или зако-новъ и ниспровергнутыхъ постановленій, толкуютъ они о до-говорахъ Союза и поступаютъ съ кантонами, которые имъ со-противляются, какъ съ возмутителями. Овладѣвъ силами сою-за, они хотятъ употребить эти силы противъ самого Союза и поработить кантоны, имѣющіе съ нимъ совершенно однако-вые права. Іезуиты служатъ здѣсь только смѣшнымъ предло-гомъ. Люцернъ имѣлъ право пригласить іезуитовъ, и вовсе не для изгнанія полдюжины этихъ духовныхъ, радикалы приѣх-ли по всевозможнымъ средствамъ насилія и несправедливости. Прежде всего надобно быть справедливымъ и если въ Швей-царіи были совершены преступленія, то не люцернскіе іезуи-ты оказались въ нихъ виновными; не іезуиты возмущали ка-

толическіе кантоны; не они вооружали ихъ противъ кантоновъ радикальныхъ. Кантоны Зондербунда, какъ уже сказано, самыя демократическіе въ Швейцаріи. Самый Ваатландъ съ своимъ нищимъ, имѣющимъ право на подачу голосовъ, далеко не имѣетъ такого демократическаго характера, какъ Ури и Унтервальденъ. Дѣло идетъ также не о контръ-революціи; радикальная партія вовсе не ради свободы готовитъ своему отечеству все ужасы междоусобной войны. Она хочетъ властвовать! Въ Швейцаріи, какъ и вездѣ, и тамъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ въ другихъ государствахъ, приверженцы радикальной партіи всегда были отъявленными врагами независимости и общества. Эта партія ненавидитъ свободу, вездѣ хочетъ она властвовать безусловно, и потому начинаетъ теперь беззаконную войну. Она мало заботится о пролитіи крови, о конечномъ разстройствѣ Швейцаріи, объ удаленіи оттуда иностранцевъ, обогащавшихъ эту страну, прежде столь гостеприимную: все должно подчиниться радикализму, или погибнуть. Если радикализмъ успѣетъ основать владычество свое въ Швейцаріи, то эта страна содѣлается убѣжищемъ всѣхъ заговорщиковъ, средоточіемъ самыхъ опасныхъ замысловъ противъ общественнаго порядка и образованности и психолою точкою для всѣхъ предпріятій коммунизма противъ законной власти и правъ собственности. Справедливость этихъ предположеній доказывается между прочимъ тою ревностію, съ которою наши радикалы защищаютъ радикаловъ швейцарскихъ. По счастью, радикализмъ находится гораздо ближе къ своему паденію, чѣмъ онъ думаетъ. Онъ исчезнетъ и Швейцарія будетъ тѣмъ же, чѣмъ была прежде.

Упомянутыя семь католическихъ кантоновъ, составляющихъ Зондербундъ, или кантоны отпадшіе, суть слѣдующіе: Люцернъ, Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Цугъ, Фрейбургъ и Валлисъ. Какъ со стороны этихъ, такъ и радикальныхъ кантоновъ, были предполагаемы разныя требованія на сеймѣ, въ Бернѣ. Зондербундъ требовалъ совершеннаго отстраненія вопроса объ іезуитахъ, равенства правъ всѣхъ вѣроисповѣданій и уничтоженія всѣхъ политическихъ различій. Радикалы настаивали на расторженіи Зондербунда и присоединеніи его къ сейму. Послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ, Сеймъ, въ тайномъ засѣданіи, рѣшилъ призвать къ оружію 50,000 человекъ и доверить ихъ распоряженіе главнокомандующаго войскъ двѣнадцати кантоновъ, г. *Дюфура*. Между тѣмъ и католическіе кантоны собрали войско въ Люцернѣ, подъ начальствомъ генерала *Салисъ-Соліо*. Кромѣ того былъ сформированъ ланд-

штурмъ. Предводителей арій въ базельской газетѣ изображаютъ въ слѣдующихъ чертахъ: «Дюфуръ—превосходный военный теоретикъ; онъ отличился замѣчательными трудами по этой наукѣ, и во многихъ отрасляхъ ея считается авторитетомъ во Франціи и въ Германіи. Но война неизвѣстна ему по собственному опыту, что бы ни сочиняли въ газетахъ о его военныхъ подвигахъ въ Россіи. Онъ былъ въ аріи Наполеона инженернымъ поручикомъ; во время Ста Дней былъ произведенъ въ капитана, и трудился надъ укрѣпленіемъ крѣпости Ліона, но въ сраженіяхъ онъ никогда не бывалъ, и также не участвовалъ въ Русскомъ походѣ 1812 г. Онъ также мужъ законности, и принялъ званіе главнокомандующаго болѣе по чувству долга, нежели по внутреннему стремленію. Г. фонъ Салисъ совершенный контрастъ его. Безъ вѣшняго обязательства, онъ становится въ главѣ семи кантоновъ; онъ протестантъ, и защищаетъ религиозныя права католиковъ. Онъ присоединяется добровольно, по внутреннему побужденію, къ великой народной защитѣ. Рыцарская поэтическая природа его увлекается простотою горцевъ, воодушевляется мыслью, что онъ можетъ сразиться за древнюю свободу. Г. Дюфуръ—мужъ спокойной, разсудительной теоріи, г. фонъ Салисъ—мужъ быстраго псломненія. Онъ началъ свое военное поприще въ Баваріи, сражался, подъ начальствомъ маршала Вреде, при Ганау, Арспсъ-на-Обѣ и въ другихъ дѣлахъ, поступилъ потомъ въ одинъ швейцарскій полкъ голландскаго королевства, и перешелъ оттуда въ кавалерію голландской арміи. Онъ отличается разнообразными военными познаніями, основанными на опытѣ, но въ особенности пламеннымъ личнымъ мужествомъ.»

Президентъ Союза, *Оксенбейль* передалъ свою должность *Шнейдеру*, и поступилъ въ главные начальники бернского резерва, состоящаго изъ 22,000 человекъ.

8 ноября открылись военные дѣйствія, которыя сначала были направлены противъ Фрейбурга. Въ этомъ городѣ находилось 5000 войска и 700 милиціи; для защиты его были устроены передовые земляные валы. 13 ноября, Фрейбургъ былъ атакованъ и послѣ бомбардированія, продолжавшагося нѣскольکو часовъ, сдался на капитуляцію. Условіями капитуляціи постановлено, что Фрейбургскій кантонъ отлагается отъ Зондербунда; рѣшеніе вопроса о іезуитахъ предостается сейму; фрейбургскія войска немедленно распускаются, а милиція слагаетъ оружіе. Капитуляція заключена 14 ноября. Въ Фрейбургѣ оставленъ гарнизонъ союзниковъ въ 5000 человекъ; прочія же войска выступили оттуда для дѣйствія противъ Зиттена и

Люцерна.—Мы сообщаемъ извѣстія только о главныхъ военныхъ дѣйствіяхъ: между тѣмъ, вся Швейцарія представляетъ, можно сказать, видъ военного стана; вездѣ призывъ къ бою, движеніе войскъ и ежедневныя стычки.

Нидерланды.

Въ засѣданіи второй палаты генеральныхъ штатовъ, 26 октября, былъ предложенъ проэктъ адреса, составляющій не что иное, какъ повтореніе другими словами тропной рѣчи. Относительно преобразованія основнаго закона, которое обѣщано въ рѣчи короля, въ проэктѣ сказано: «Ваше Величество, въ одной изъ прежнихъ рѣчей, объявивъ, что какъ скоро образуется въ умѣ вашемъ убѣжденіе въ необходимости измѣнить основной государственный законъ, вы не поколеблетесь доказать то генеральнымъ штатамъ посредствомъ особаго предложенія. Съ полнымъ довѣріемъ полагаемся на исполненіе этого королевскаго обѣщанія. Съ живѣйшею радостію услышали мы, что Ваше Величество убѣдились въ необходимости измѣнить въ королья постановленія основнаго закона. Мы увѣрены, что Ваше Величество не страшитесь произвести въ нашихъ государственныхъ учрежденіяхъ перемены, на которыя опытъ указываетъ, какъ на истинныя улучшенія въ управленіи общественными дѣлами. Исполненные признательности за сдѣланное намъ сообщеніе, довѣрчиво ожидаемъ предложенія всѣхъ улучшеній, могущихъ обезпечить благо Нидерландовъ,—цѣль, которую Ваше Величество и генеральные штаты постоянно имѣютъ въ виду».

Этотъ адресъ былъ представленъ королю депутаціею обѣихъ палатъ генеральныхъ штатовъ, 1 ноября.

Король отвѣчалъ на него слѣдующее: «Принимаю съ удовольствіемъ этотъ адресъ и благодарю васъ мм. гг. за чувствованія, въ немъ выраженыя. Я полагаюсь на ваше содѣйствіе и вполне увѣренъ, что общія наши успія, основанныя на искреннемъ желаніи блага отечеству, принесутъ прочныя и полезныя плоды.»

И т а л і я.

Въ Journal des Débats напечатано: «Пиемонтская газета отъ 8 ноября сообщаетъ важное извѣстіе. Три итальянскіе государя, вступившіе на путь преобразованій, то есть папа, король сардинскій и великій герцогъ тосканскій, положили основаніе таможенному союзу между своими владѣніями. Договоръ по этому предмету подписанъ въ Туринѣ. Хотя онъ назначенъ только для того, чтобы постановить основное правило, однакожь тѣмъ не менѣе достоинъ вниманія. Прежде всего

три государя объявляютъ самымъ положительнымъ образомъ, что они одушевлены желаніемъ содѣйствовать своимъ союзомъ всему, что можетъ возвысить достоинство и увеличить благосостояніе Италіи. Изъявленное этими тремя правительствами намѣреніе стремиться къ величайшей свободѣ торговли, заслуживаетъ полное одобреніе, и мы надѣемся, что понимая свою истинную пользу, другіе италіянскіе государя присоединятся къ этому договору. Вопросъ о тарифѣ отложенъ до того времени, когда герцогъ моденскій и король неаполитанскій рѣшительно объявятъ о своихъ намѣреніяхъ. Всего желательнѣе, чтобы герцогъ моденскій присоединился къ этому договору; потому что если этотъ государь и герцогиня пармская, о которой и не упоминается въ трактатѣ, не примутъ его, то Пиемонтъ не будетъ имѣть никакого сообщенія сухимъ путемъ ни съ папскими владѣніями, ни съ Тосканою. Надѣемся, что препятствія къ довершенію таможеннаго союза всей Италіи будутъ наконецъ устранены. Пока, въ этомъ договорѣ всего болѣе поражаетъ насъ его политическое значеніе; оно очень важно. Всѣ успія просвѣщенныхъ друзей Италіи должны стремиться нынѣ къ увеличенію законными правильными средствами могущества и независимости италіянскихъ государствъ.»

Великій герцогъ тосканскій, вмѣстѣ съ великою герцогинею и послѣдникомъ престола, посѣтили, 14 октября, столицу присоединеннаго къ ихъ владѣніямъ герцогства луккаго. Въездъ ихъ королевскихъ высочествъ уподоблялся великолѣпному триумфальному шествію. Народъ неоднократно хотѣлъ отпрячь лошадей и инациональная гвардія съ трудомъ могла удержать его отъ этой попытки. Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминированъ. Вскорѣ послѣ объявленія герцогскаго эдикта, который заключалъ въ себѣ отмѣну смертной казни, 12 числа этого мѣсяца, гильотина сожжена при необыкновенномъ стеченіи народа и крикахъ радости. Два года тому назадъ была она сооружена въ послѣдній разъ. Тогда пали головы пяти преступниковъ.

— Между тѣмъ, какъ жители Тосканы и Лукки радуются своему соединенію, жители Понтремоли и Фиввицано изъявляютъ сильное неудовольствіе по поводу отдѣленія отъ Тосканы. Первые отправили, 13 числа, къ великому герцогу депутацію, которая въ трогательныхъ выраженіяхъ изъявила глубокую печаль всего народонаселенія и просила оставить его подъ своимъ управленіемъ. Великій герцогъ отвѣчалъ, что онъ крайне сожалѣетъ о потерѣ столь добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ, но что заключенные съ другими правительствами договоры дѣлаютъ невозможнымъ исполненіе ихъ просьбы. Жители Фиввицано

но также отправили 12 числа депутацию во Флоренцію для изъяснения предъ герцогомъ своей печали о присоединеніи къ Моденѣ. Жители Пизы равнымъ образомъ подали просьбу о томъ же предметѣ и нѣсколько дней въ Ливорно ходила по рукамъ такая же просьба на имя великаго герцога. На всѣхъ площадяхъ были разложены экземпляры этой просьбы на столахъ, для подписанія, и тысяча людей подписались.

Гурція.

Пленные курдскіе мятежные начальники *Бедерханъ-Бей* и *Махмудъ-Ханъ* были привезены въ Порту и тамъ объявлено имъ было великимъ визиремъ, что султанъ повелѣлъ сослать ихъ на жительство, перваго въ Кандію, а втораго въ Русукъ. Черезъ день оба они отправлены были, по назначенію, на казенныхъ пароходахъ. При приемѣ ихъ въ Портъ, великій визирь обошелся съ уваженіемъ съ Бедерханъ-Беемъ, въ наружности котораго, говорятъ, много достоинства и который обнаруживаетъ замѣчательный умъ; Махмудъ-Ханъ, напротивъ, кажется весьма грубымъ и необразованнымъ.

— Въ извѣстіяхъ изъ Албаніи отъ 11 ноября сообщаютъ, что спокойствіе въ этой провинціи почти всюду возстановлено. Серакиръ *Дарбхоръ-Решидъ-Паша* располагалъ отправиться изъ Берата въ Монастырь, и экспедиціонная армія должна была въ непродолжительномъ времени расположиться на зимнихъ квартирахъ. Почти всѣ начальники мятежа покорились или были захвачены, но донныя неизвѣстно еще съ точностью, что стало съ Джулекой; распространившійся было слухъ о томъ, будто онъ былъ выданъ своими приверженцами сераскиру, не подтвердился доселѣ: вѣроятіе всего, что онъ скрывается гдѣ нибудь въ горахъ; одинъ изъ его сподвижниковъ, Чанари, успѣлъ бѣжать въ Воиницу, въ Грецію.

Греція.

Въ отвѣтъ на рѣчь короля, произнесенную при открытіи палаты, сенатъ представилъ королю адресъ, въ которомъ обнаруживается довольно сильная оппозиція противъ министерства. Въ этомъ адресѣ, между прочимъ, высказывается сожалѣніе, что права избирателей не вполне были сохранены при послѣднихъ парламентскихъ выборахъ и что при увеличеніи расходовъ уменьшаются, безъ достаточной причины, государственные доходы, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъвѣщается желаніе, чтобы правительство не прибѣгало къ обременительному займу для уплаты причитающихся частей долга одной изъ покровительствующихъ державъ.

По извѣстіямъ отъ 14 октября, рѣшеніе по дѣлу турецко-греческаго вопроса не подвижилось впередъ, но стѣснительныя мѣры противъ Греціи, принятыя Портою по этому поводу, приводятся постепенно въ исполненіе: господа валахскій и молдавскій и намѣстникъ египетскій, вслѣдствіе инструкцій Порты, прекратили всѣ официальные сношенія съ аккредитованными въ ихъ областяхъ греческими консулами, и въ портахъ смирнскомъ и салоникскомъ воспрещено каботажное судоходство греческими судамъ.

АЗІЯ.

Остъ-Индіа.

Изъ Лагора сообщаютъ, отъ 11 сентября, что во всей странѣ продолжаетъ господствовать совершенное спокойствіе, но что непрерывныя интриги вдовствующей королевы *Раня-Чаюи* и упорство, съ которымъ она вмѣшивалась, вопреки законовъ, въ общественныя дѣла, побудили Дурбаръ (правительственный совѣтъ) заключить ее въ крѣпость Шайкупру, въ 20 мп. отъ Лагора. — Генераль-губернаторъ намѣревался посетить Оское королевство, чтобы дать лучшей ходъ дѣламъ правленія. Говорятъ, король предложилъ отдать свои владѣнія Англичаннамъ, съ условіемъ, чтобы ему платили пенсію и оказывали почести, соотвѣтственныя его званію.

— Главнокомандующимъ войскъ остъ-индской компаніи въ мадрасскомъ президентствѣ назначенъ въ собраніи директоровъ компаніи, сэръ *Джонъ Беркемей*.

АФРИКА.

Алжиръ.

Между *Абдъ-эль-Кадеромъ* и войскомъ марокккаго императора произошло кровопролитное сраженіе подъ стѣнами Тазы. *Абдъ-эль-Кадеръ*, послѣ отчаяннаго сопротивленія, принужденъ былъ оставить поле сраженія, потерявъ 4,000 храбрѣйшихъ своихъ воиновъ. Мароккскій императоръ назначилъ 15 червонцевъ за голову каждаго мятежника.

— Въ одной марсельской газетѣ сообщаютъ изъ Феца отъ 14 октября, что мароккскій императоръ прибылъ съ большою поспѣшностію въ Фецъ, вслѣдствіе полученнаго имъ извѣстія, что *Абдъ-эль-Кадеръ*, въ отмщеніе за нанесенное ему недавно пораженіе, напалъ на одно значительное племя Рифа. Положивъ на мѣстѣ 700 Арабовъ этого племени, эмиръ удалился въ горы. Императоръ выславъ обоимъ сыновей своихъ съ значительны-

ми силами противъ *Абдъ-эль-Кадера* и непрерывно посылаетъ имъ новыя подкрѣпленія.

— Принцъ Абдель-Рахманъ, сынъ Мулей-Салимана, дядя и предшественникъ нынѣшняго мароккискаго императора, Мулей-Абдель-Рахмана, бѣжалъ къ Абдъ-эль-Кадеру. Онъ протестуетъ отсюда противъ *похищенія престола* Мулей-Абдель-Рахманомъ, и полагаютъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, это событие привлечетъ къ эмиру Абдъ-эль-Кадеру многочисленныхъ приверженцевъ.

Е г и п т ь .

Въ извѣстїяхъ изъ Египта сообщаютъ, что намѣстникъ во всемъ покровительствуетъ французской экспедиціи, которая начнетъ вскорѣ предварительныя работы для прорытія канала по Суэзскому перешейку, и приказалъ поставить въ степи, повсюду, караулы, необходимыя для ея защиты.

Мысль Доброй Надежды.

Кафры хотятъ вновь начать войну противъ Англичапъ. Изъ Грагамсъ-Тоуна сообщаютъ, отъ 27 іюля, что Кріели собрали недавно свой народъ, и объявилъ ему намѣреніе возобновить войну. Санделма предложилъ ему заключить общій союзъ всѣхъ кафрскихъ племенъ, и потому онъ приглашаетъ народъ забыть всю прежнюю неприязнь племенъ, и возстать одною націею противъ общаго врага. Воззваніе его было всеми одобрено, и народъ объявилъ себя готовымъ къ бою. Планъ Кафровъ состоитъ въ томъ, чтобы послать малые летучіе отряды на границу, а главный корпусъ оставить на мѣстѣ, дабы онъ могъ сразиться съ англійскою арміею, если она предприметъ наступательное движеніе. Слѣдующій походъ противъ Кафровъ рѣшить, вѣроятно, ихъ судьбу или участь колоній. Между тѣмъ разбой Кафровъ продолжаются.

А М Е Р И К А .

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Мексика.

На военномъ театрѣ въ Мексикѣ дѣла приближаются къ развязкѣ. Послѣ нѣсколькихъ жаркихъ сраженій, генералъ Скоттъ подошелъ къ столицѣ Мексикки. — Изъ официальнаго донесенія, обнародованнаго въ Вашингтонѣ, видно, что сраженіе происходило при Харбусесѣ, въ трехъ или четырехъ англійскихъ миляхъ отъ Мексикки. Американцы были въ числѣ 7,000 человекъ; силы Мексиканцевъ простирались до 35,000 человекъ съ огромною артиллеріею. Кровопрлитный бой продолжался два часа; Американцы опрокинули непріятеля болѣею частию

штыками, потеря ихъ простирается до тысячи человекъ. Заключено было перемиріе, и съ мексиканской стороны были назначены пять комиссаровъ для мирныхъ переговоровъ: въ главѣ ихъ находился Геррера. — Такъ какъ Мексиканцы не согласились на мирныя условія, предложенныя сѣверо-американскимъ уполномоченнымъ, то непріятельскія дѣйствія, 8 числа, снова начались и городъ Мексико занятъ Американцами въ ночь съ 13 на 14 сентября. По послѣднимъ извѣстіямъ, войско генерала *Скотта* находилось, 28 сентября, въ совершенной безопасности въ городѣ и получило нѣсколько подкрѣпленій. Не смотря однакожъ на то, генералъ не хотѣлъ, какъ слышно, предпринимать новыхъ операцій прежде доведенія комплекта своей арміи до 30,000 человекъ. Говорили, что онъ рѣшился наложить контрибуцію на городъ и пригласилъ различныя Мексиканскіе Штаты прислать въ столицу депутатовъ для переговоровъ о мирѣ. Генералъ *Лане* прибылъ, 30 сентября, съ отрядомъ въ 2,000 человекъ, въ Яланту, гдѣ стоялъ майоръ *Далли* также съ отрядомъ въ 2,000 человекъ; они должны были общими силами снова отнять у Мексиканцевъ Пуэблу, что по другимъ извѣстіямъ и приведено было въ исполненіе. *Сантапа* сложилъ съ себя званіе президента, но удержалъ главное начальство надъ арміею.

О К Е А Н І Я .

О т а и т и .

Фрегатъ «Урапія» прибылъ изъ Отантп въ Брестъ, подъ флагомъ вице-адмирала *Брюа*. Въ Отантп оставилъ онъ 31 мая 6 французск. военныхъ кораблей. Одинъ журналъ сообщаетъ извѣстія объ Отантп, привезенныя на кораблѣ, на которомъ прибылъ бывшій губернаторъ *Брюа*. При отъѣздѣ «Урапіи» положеніе дѣлъ въ Отантп было удовлетворительно. Королева *Помаге* была постоянно предметомъ предупредительности со стороны новаго губернатора, капитана линейнаго корабля *Лаво*, который слѣдовалъ самой неумолчною политикѣ мира. Крѣпостныя работы были отерочены. Королева изъявляла величайшую признательность за вниманіе, оказанное ей. Утверждаютъ, что при переговорахъ, которые были ведены съ дѣлю склонить ее къ возвращенію въ отечество, прибѣгли къ непреодолимому доводу, который часто употребляется у просвѣщенныхъ народовъ. Родственникъ королевы, по имени *Сальмонъ*, предложилъ ей подарки металлическіе, которые она приняла очень благосклонно; чтобы склонить этого человека, употре-

били одного из его друзей, корчаго *Ганри*. Как тот, так и другой, за услуги, оказанные им и за успех, которыми увенчались их старания, были щедро награждены. Сумма, употребленная на возвращение в Отанги королевы *По-маре*, простирается до 50,000 фр.

— В *Courrier Français* сообщают, по известиям из Океании, что предводитель Тапоо оставил Отанги и отправился в Борбору, где Англичане провозгласили его независимым властителем. Последнею конвенциею было постановлено, что Борбора и подвѣтренные острова не будут находиться, ни подъ английскимъ, ни подъ французскимъ протекторствомъ; Англичане нарушили теперь это условіе, властвуя тамъ подъ именемъ Тапоо.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Декларация 28 марта (9 апрѣля) 1847 года, между Россіею и Великимъ Герцогствомъ Тосканскимъ о равенствѣ правъ въ портахъ Россіи и Тосканскихъ владѣній русскихъ и тосканскихъ купеческихъ судовъ.

1.) Съ тосканскими судами, приходящими въ порты Россійской Имперіи, поступаемо будетъ, при ихъ прибытіи, во время ихъ пребыванія и при отплытіи ихъ, точно также, какъ и съ туземными судами, относительно портовыхъ и мореплавательныхъ пошлинъ, каковыя сугь: сборы корабельныя, маячныя, лодманскіе, якорныя, карантинныя, плата общественнымъ чиновникамъ, а также относительно всякихъ таксъ или повинностей, какого бы рода или наименованія онѣ ни были, взимаемыхъ отъ имени или въ пользу правительства, мѣстныхъ властей, или какихъ либо частныхъ учреждений, съ чѣмъ бы означенныя суда ни приходили или ни отходили, съ баластомъ ли или съ товарами. 2.) Тосканскія суда могутъ привозить въ Россійскіе порты, вывозить отсюда и отдавать тамъ на сохраненіе или складывать въ пакгаузы, всякаго рода товары и предметы торговли, какого бы происхожденія они ни были, которыхъ ввозъ и вывозъ дозволенъ законами въ имперіи Россійской, не платя нныхъ или возвышенныхъ таможенныхъ сбо-

ровъ или повинностей какого бы ни было рода и наименованія, кромѣ тѣхъ, какіе взимаютъ за такіе же товары или произведенія, привозимые или вывозимые на туземныхъ судахъ 3.) Тосканскія суда будутъ въ Россійскихъ портахъ уравнены съ туземными судами касательно премій и возврата пошлинъ или какихъ либо иныхъ выгодъ, которыя уже предоставлены или въ послѣдствіи могутъ быть предоставляемы, какъ при ввозѣ, такъ и при вывозѣ товаровъ. 4.) Условія, заключающіяся въ предыдущихъ статьяхъ, должны быть примѣняемы, во всемъ ихъ объемѣ, къ тосканскимъ судамъ и къ ихъ грузамъ, откуда бы суда сіи ни приходили, изъ портовъ ли тосканскихъ или изъ какихъ либо иныхъ иностранныхъ, и куда бы они ни отходили, прямо ли въ Великое Герцогство Тосканское или въ какія либо нныя земли, такъ, что относительно мореплавательныхъ и таможенныхъ сборовъ не будетъ существовать никакого различія между тосканскими и Россійскими судами ни въ прямомъ, ни въ непрямомъ мореходствѣ. 5.) Вслѣдствіе сихъ условій и совершеннаго взаимства, предоставленнаго Россійскимъ судамъ въ тосканскихъ портахъ, постановленія, заключающіяся въ статьяхъ 2-й и 3-й Высочайшаго указа 19-го іюня 1845 года, коими опредѣленъ ластовый сборъ, по рублю серебромъ съ ласта, и надбавочная пошлина въ 50 процентовъ сверхъ положенныхъ тарифомъ таможенныхъ пошлинъ съ купеческихъ судовъ тѣхъ государствъ, которыя не предоставляютъ совершеннаго взаимства Россійскому флагу, не будутъ примѣняемы къ судамъ, плавающимъ подъ флагомъ тосканскимъ, ни къ ихъ грузамъ. 6.) Вышеозначенныя условія не простираются впрочемъ на прибрежное или каботажное судоходство, которое къ Россіи предоставлено исключительно туземнымъ судамъ. 7.) Всякое тосканское судно, которое припущено будетъ, бурю или другимъ какимъ либо случаемъ, искать убѣжища въ одномъ изъ Россійскихъ портовъ, можетъ тамъ свободно починываться, запасаться всѣми потребными для него предметами и потомъ вновь выйти въ море, не платя никакихъ портовыхъ, ни мореплавательныхъ пошлинъ, взимаемыхъ или взимающихся въ пользу казны подъ какими бы онѣ особеннымъ наименованіемъ ни были, съ тѣмъ однакоже, чтобы причины, принудившія судно войти въ портъ, были дѣйствительныя и очевидныя; чтобы судно не производило никакого торговаго дѣйствія, нагружая или выгружая товары, и чтобы пребываніе его въ портѣ не продолжалось болѣе того, сколько нужно по причинамъ, заставившимъ его войти въ портъ. Разгрузка и вторичная на-

грузка, восполнявшаяся для починки судна или для продовольствия экипажа, не будут считаться торговыми действиями. Но если кораблехозяин найдет в необходимости продать некоторую часть товаров для покрытия своих издержек, в таком случае он обязан сообразоваться с постановлениями и тарифами того места, куда он присталъ. 8.) Если бы случилось тосканскому судну разбиться, потонуть или потерпеть иной какой либо вред у российских берегов, то сему судну и всем находящимся на нем людям будут оказаны та же помощь и то же покровительство, какими, в подобном случае, пользуются российские суда; и сие разбитое судно, а также оказавшиеся на нем товары или иные вещи, а в случае восполнявшейся уже их продажи вырученные за них деньги, будут возвращены их владельцам или кому вместо них будет следовать, по уплате такой суммы за спасение, какую в том же случае заплатило бы русское судно. За сими спасенные товары не подвергаются более никакому иному платежу или пошлине, исключая только тех случаев, когда эти товары поступают в потребление. 9.) Вышеизложенные условия будут иметь полную силу и действие во всех портах Российской Империи, где вообще дозволено иностранная торговля, в том числе и в портах Великого Княжества Финляндского, с тем однако, чтобы совершенное взаимство оказываемо было российским или финляндским судам в портах Великого Герцогства Тосканского. Наконец, 10.) все вышеизложенные постановления, вошедшие в силу и действие с открытием навигации 1846 года, будут соблюдаемы и останутся обязательными в продолжение восьми лет и сверх сего срока еще в продолжение двенадцати месяцев, после объявления одним из обеих правительств о намерении своим прекратить действие сих постановлений.

Настоящая декларация, предназначенная для размена на подобную же декларацию, со стороны министерства Его Императорского и Королевского Высочества Великого Герцога Тосканского, должна служить вместо формального трактата, и заключающаяся в ней условия будут иметь ту же силу и действие.

— В Высочайшем указе, данном правительствующему сенату 11 октября 1847 года, изображено: По представлению государственного канцлера иностранных дел и министра финансов, признав полезным, для развития нашей торговли с

Австрию, допустить некоторые облегчения, и на сей конец утвердив препровождаемую при сем роспись товаров, относительно конх, при привозе на сухопутной австрийской границе, платятся таможенные пошлины. — Повелеваем правительствующему сенату сделать распоряжение, чтобы с 19 ноября (1 декабря текущего) 1847 года, она приведена была в действие.

О Б З О Р Ъ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВИЙ НА КАВКАЗѢ.

Съ устройствомъ, вь вышеишемъ году, новой станцы на р. Ассѣ, у переправы Ахъ-Барзой, непокорные Карабулаки лишились изобильныхъ равнинъ, по обончъ берегамъ этой рѣкы простирающихся. Передовой пунктъ сей, стѣсня Горцевъ, долженъ былъ обратить на себя ихъ усилія.

11-го сентября, огромное сборище съ 8-ю значками внезапно показалось изъ лѣсу, мгновенно окружило станцу, и захватило близъ пасушійся скотъ.

Командовавший резервами на Ассѣ, генеральнаго штаба подполковникъ *Гросманъ*, почмался на встрѣчу неприятеля, отбил добычу и, подкрѣпленный подполковникомъ *Слищовымъ*, преслѣдовалъ хищниковъ на Ассу, до самой вершины Черныхъ Горъ.

Горцы потеряли убитыми болѣе ста человекъ, одинъ значекъ, 73 лошади и много оружія.

Съ нашей стороны убито 7 казаковъ, ранено 13-ть и оконтужено 6.

Послѣ взятія сел. Салты, въ Дагестанѣ все было спокойно; остававшаяся еще въ сборѣ неприятельскія партіи разошлись по домамъ, а *Шамилъ* скрылся въ Ведень.

24-го сентября самурскій отрядъ выступилъ къ Цудахару, гдѣ главнокомандующій нашелъ до 300 вновь-водворенныхъ семействъ. Для защиты ихъ, а въ особенности для связи Кумуха съ Сѣвернымъ Дагестаномъ, тамъ оставленъ одинъ батальонъ пѣхоты при одномъ орудіи; войска расположены въ отдаленномъ хуторѣ, который немедленно укрѣпленъ.

Со всехъ сторонъ получаютъ свѣдѣнія, что паденіе Салты

навело страхъ на всѣ горныя общества, и поколебало довѣріе Дагестанцевъ къ *Шамилю*; подъ глазами котораго, вопреки его клятвамъ и обещаніямъ, истребленъ въ конецъ храбрый гарнизонъ и разрушены до основанія твердыни и башни, считавшіяся въ горахъ неприступными.

27-го сентября, главнокомандующій прибылъ въ Темпръ-Хавъ-Шуру, вмѣстѣ съ начальникомъ самурскаго отряда, генералъ-лейтенантомъ княземъ *Аргутинскимъ-Долгорукимъ*, почти уже выздоровѣвшимъ отъ полученной имъ раны. 3-го октября, князь *Ворожцовъ* отправился черезъ Чиръ-Юртъ, Внезапную, Хасовъ-Юртъ и Ташъ-Кичу въ Владикавказъ.

Изъ числа Цудухарцевъ, увлеченныхъ *Шамилемъ* за Каракойсу, 70-ть человекъ вырвались изъ его власти и водворились вновь въ Цудахарахъ. Новыя поселенія въ сел. Эрпелл, близъ сел. Пшкарты, въ Чиркѣ, около Евгеніевскаго-укрѣпленія и около Чиръ-Юрта, ежедневно усиливаются выходцами изъ горъ.

Въ осеннее время, мелкія партіи горцевъ, пользуясь мелководіемъ Терека, скрытно переправляются на лѣвый берегъ, для хищничества. Нынѣ казакамъ нашимъ удалось строго наказать покушеніе, болѣе другихъ дерзкое.

Въ ночь съ 9-го на 10-е октября, хищники, переправившись черезъ Трекъ, захватили въ степи, близъ станицы Новогладковской, табуны лошадей. Сотникъ *Камковъ* съ станичными казаками бросился преслѣдовать неприятеля, достигъ его на обратной переправѣ чрезъ Терекъ и, смѣло ударивъ въ шашки, опрокинулъ его въ рѣку.

Захваченный табуны отбитъ назадъ и, кромѣ того, казаки взяли 14-ть лошадей съ сѣдлами и много оружія.

Между тѣмъ по первому извѣстію о прорывѣ партіи, поскакалъ ей наперерѣзъ, изъ укр. Ташъ-Кичу, войсковою старшина *Поляковъ* съ 120 казаками донскаго № 40-го полка. Они довершили поражение хищниковъ и взяли въ плѣнъ 8-мь человекъ, съ оружіемъ и лошадьми.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, изъ этой партіи, состоявшей изъ 100 человекъ возвратились домой, и то по одиночкѣ, мѣнѣе 50-ти человекъ.

Съ нашей стороны ранено 3 казака.

Въ газетѣ *Кавказъ* напечатано:

Съ лѣваго фланга Кавказской линіи сообщаютъ о нѣсколькихъ, весьма удачныхъ отраженіяхъ хищническихъ партій, которыя, пользуясь мелководіемъ Терека, покушались, для грабежей, переправиться на лѣвый берегъ.

Изъ этихъ стычекъ особеннаго вниманія заслуживаетъ пре-

слѣдованіе партіи и успѣхъ надъ нею, одержанный 10-го октября.

Въ ночь съ 9-го на 10-е число, хищники, подъ предводительствомъ ильющаго большую извѣстность наѣздника Тарана, переправились на лѣвый берегъ Терека и захватили въ степи, близъ ст. Новогладковской, табуны лошадей. — Станичный начальникъ, Сотникъ *Камковъ*, получивъ извѣстіе объ этомъ происшествіи, собравъ казаковъ, поскакалъ преслѣдовать неприятеля, достигнулъ его на обратной переправѣ черезъ Терекъ, и не смотря на малочисленность своей команды, быстро и смѣло бросился въ шашки.

Эта атака увѣчалась полнымъ успѣхомъ; — Чеченцы въ безпорядкѣ и страхѣ стали искать спасенія въ Терекѣ, поражаемые мѣткими огнемъ казаковъ. Захваченный табуны былъ отбитъ назадъ и, кромѣ того, казаки взяли 14 лошадей съ сѣдлами, много оружія и одежды.

Въ то же время, генералъ-майоръ *Витовскій*, получивъ свѣдѣніе, что партія Тарана сдѣлала прорывъ на лѣвый берегъ Терека, направилъ наперерѣзъ ей, изъ укр. Ташъ-Кичу, командующаго донскимъ казачьимъ № 40 полкомъ, войскового старшину *Полякова* съ 120 казаками. Они достигли хищниковъ еще на переправѣ, напали на нихъ, многихъ побили плѣ потопили, и взяли въ плѣнъ 8-мь человекъ съ оружіемъ и лошадьми.

Чтобы дать понятіе о безпорядкѣ, въ который были приведены Чеченцы при отступленіи, достаточно сказать, что жители покорнаго аула *Амбулатъ-Юрта*, находящагося на Терекѣ, ниже мѣста битвы, перехватили 8-мь лошадей съ сѣдлами, плывшихъ внизъ по Тереку, и трое Чеченцевъ, выплывшіе съ лошадьми на берегъ, были взяты въ плѣнъ гарнизономъ, занимаемымъ *Амбулатъ-Юртъ*. Всего въ этомъ дѣлѣ было взято 11-ть плѣнныхъ и 35-ть лошадей; съ нашей стороны ранено 3 казака.

Изъ партіи Тарана, состоящей изъ 100 человекъ, возвратился съ нимъ домой только 27, какъ доносятъ лазутчики, составляющіе намъ самые положительныя свѣдѣнія, и хотя въ послѣдующіе дни нѣсколько, по одиночкѣ, присоединились, однако, все-таки они не достигались болѣе 50-ти человекъ.

Съ Сунженской линіи также получено извѣстіе о новомъ успѣхѣ неутомимаго полковника *Слѣпцова* и его храбрыхъ казаковъ. Подробности еще не получены, но донесено только, что *Карабулахскій* аулъ, въ которомъ жилъ извѣстный начальникъ разбойниковъ, *Мустафа*, и находящійся въ горахъ, въ лѣсу, болѣе 7-ми верстъ отъ равнины, внезапно атакованъ

и разоренъ нашими храбрацами: тутъ было довольно горячее дѣло, которое увѣчалось совершеннымъ успѣхомъ. Самъ Муштафа убитъ, равно какъ и почти всѣ вооруженные люди того аула и окрестностей. Казаки и солдаты Навагинскаго полка наши много добычи и рогатаго скота, оружія, платья и проч.

**ОВОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И
РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СЪ 15 ОКТЯБРЯ ПО 15
НОВАБРЯ 1847 ГОДА.**

Уставы Государственнаго благоустройства.

Въ Высочайшихъ указахъ, данныхъ правительствующему сенату 10-го октября 1847 года, изображено: I. «По назначеніи срока къ изытію пзъ обращенія депозитныхъ билетовъ признавъ нужнымъ, сообразно съ IX ст. манифеста 1-го іюня 1843 года дѣйствіе депозитной кассы прекратить, Повелѣваемъ: 1-е., экспедицію депозитной кассы къ 1-му января 1848 года упразднить. 2. Всѣ дѣла оной, равно налицыя суммы въ серебряной и мѣдной монетѣ, передать къ означенному времени въ экспедицію государственныхъ кредитныхъ билетовъ. 3. Вклады въ посудѣ и вещахъ, принятыя въ депозитную кассу на храненіе, передать къ тому же времени въ государственный коммерческій банкъ, съ тѣмъ, чтобы пріемъ оныхъ на будущее время производимъ былъ въ семь банкъ на правилахъ, св. зак. том. XI уст. кред. установленіи (изд. 1842 г.) въ статьяхъ 1013—1023 постановленныхъ.» II. «Съ назначеніемъ окончательнаго срока для выкупа государственныхъ ассигнацій на государственные кредитные билеты, дальнѣйшее существованіе ассигнаціоннаго банка признается болѣе не нужнымъ. По сему, согласно съ представленіемъ министра финансовъ, въ комитетѣ министровъ разсмотрѣннымъ, Повелѣваемъ: 1. государственный ассигнаціонный банкъ къ 1-му января 1848 года упразднить. 2. Налицыя суммы въ ассигнаціяхъ и мѣдной монетѣ, а также всѣ дѣла, домъ и прочее имущество того банка передать къ означенному времени въ вѣдѣніе экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ».

Правительственныя распоряженія.

Высочайшій указъ, данный на имя господина министра финансовъ. Для удовлетворенія расходовъ, подлежащихъ въ 1848 году по сооруженію с.-петербурго-московской желѣзной доро-

ги, признали Мы за нужное открыть ви́шній заемъ, въ четырнадцать милліоновъ рублей серебромъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ сдѣланъ былъ четвертый четырехпроцентный заемъ, а именно:

1) Заемъ сей имѣеть быть внесенъ въ государственную долговую книгу, подъ именемъ пятаго четырехпроцентнаго займа.

Билеты государственной комиссіи погашенія долговъ, назначаемые для сего займа, также въ пятьсотъ руб. серебромъ каждый, раздѣляются на пятьсотъ шестьдесятъ разрядовъ (серій), въ каждомъ по пятидесяти билетовъ.

Билеты сіи будутъ приносить по четыре процента въ годъ, начиная съ 1-го октября сего года. Къ каждому билету присовокупляется 20 купоновъ, для полученія, по предъявленіи оныхъ, причитающихся въ подлежащіе сроки интересовъ, которыхъ платежъ имѣеть быть производимъ въ С. Петербургѣ въ комиссіи погашенія долговъ, за каждые протекшіе полгода, съ 1-го апрѣля по 1-е іюня и съ 1-го октября по 1-е декабря.

По прошествіи перваго десятилѣтія займа, на билеты, остающіеся въ обращеніи, имѣють быть выданы новыя купоны.

2) Погашеніе сего займа начинается съ октября 1849 года и на предметъ сей назначается особый, несѣшшаемый съ другимъ займами фондъ погашенія, который имѣеть составлять въ томъ году сто тысячъ тысячъ рублей серебромъ; а въ послѣдующіе за тѣмъ годы, а именно съ 1850 года, по триста пятидесяти тысячъ серебромъ ежегодно, то есть два съ половиною процента съ нарицательнаго капитала. Фондъ сей имѣеть быть обращаемъ, какъ и по предшествовавшимъ четырехпроцентнымъ займамъ, на уплату билетовъ, по жребію вышедшихъ разрядовъ, съ выдачею пяти сотъ тысячъ рублей серебромъ за каждый билетъ, который въ такомъ случаѣ и долженъ быть представленъ въ комиссію погашенія долговъ вмѣстѣ съ остальными купонами, то есть, по которымъ сроки полученія процентовъ еще не наступили.

3) Реализація сего займа возлагается на коммерческій въ С. Петербургѣ домъ Нашего банкира барона Штиглица, который имѣеть производить оную по мѣрѣ удобности и сообразно вѣшнимъ наставленіямъ.

4) Счетъ имѣющимъ поступать суммамъ по сему займу долженъ быть веденъ (какъ и по второму, третьему и четвертому четырехпроцентнымъ займамъ) отдѣльно отъ всѣхъ другихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ.

На подлинномъ написано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

«НИКОЛАЙ.»

Петергофъ 22-го августа 1847 года.

— Высочайше утвержденнымъ 5 сентября 1846 года росписаниемъ, назначено присылать въ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства представленія о награжденіи, за выслугу лѣтъ, чинами по Иркутской губерніи однажды въ годъ, и именно къ 15-му апрѣля. Нынѣ, по всеподданнѣйшему докладу Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше соизволить на ходатайство главнаго начальства Восточной Сибири о назначеніи для помннутыхъ представленій къ чинамъ, сверхъ существующаго срока, еще другаго, къ 1-му сентября.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ: находящимся въ городахъ Царскомъ-Сель, Петергофѣ, Гатчинѣ, Павловскѣ и Ораниенбаумѣ полиціямъ состоять въ полномъ заведѣваніи министерства Императорскаго двора, и отпускаемые изъ государственнаго казначейства на содержаніе трехъ изъ означенныхъ полицій, т. е., царскосельской, павловской и ораниенбаумской, суммы вносить впродъ въ сѣбѣ сего же министерства, по примѣру полицій петергофской и гатчинской.

Государь Императоръ, по представленію г. намѣстника кавказскаго и по положенію кавказскаго комптета, Высочайше соизволилъ повелѣть: примѣняясь къ ст. 16 приложения къ ст. 648 т. II св. учр. губ. изд. 1842 г. (прод VI), дозволить тифлисскому военному губернатору, съ утвержденія намѣстника кавказскаго, опредѣлять къ себѣ двухъ чиновниковъ особыхъ порученій, сверхъ состоящихъ при немъ штатныхъ, съ присвоеніемъ имъ всѣхъ правъ службы, одному старшаго, другому—младшаго чиновниковъ особыхъ порученій, но безъ жалованья.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: на будущее время пропускать въ Россію тѣхъ только изъ иностранныхъ подмастерьевъ (Gesellen), работниковъ и иныхъ сословій людей, которые будутъ выписываться изъ-за границы извѣстными мѣстнымъ начальствамъ фабрикантами нашими и содержателями ремесленныхъ заведеній, и на этотъ конецъ постановить слѣдующія правила: 1. Каждый фабрикантъ или ремесленникъ, встрѣчающій надобность въ вызовѣ изъ чужихъ краевъ подмастерья или работника, обязывается предварительно спросить на то дозволеніе мѣстнаго полицейскаго начальства, съ означеніемъ въ своемъ прошеніи имени и мѣста пребыванія выписываемаго имъ лица, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить подписку въ томъ, что онъ принимаетъ на себя полную отвѣтственность за образъ его мыслей и поведеніе. 2) По полученіи испрашиваемаго дозволенія, за подписаніемъ полицейскаго начальства, фабрикантъ или ремесленникъ долженъ отправить оное къ выписываемому лицу, для испрошенія отъ

миссіи и консульствъ нашихъ паспорта на въѣздъ въ Россію, или же для засвидѣтельствованія національнаго его вида. 3. Исключаются изъ сего одинъ природные Англичане, и слѣдовательно дѣйствию означенныхъ правилъ подлежатъ всѣ лица, принявшія англійское подданство изъ другихъ націй.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: постановленія, изданныя XII т. св. зак. (изд. 1842 г.) устава путей сообщенія въ ст. 595, 596, 597 и 600 и Высочайше утвержденное, 29 марта 1834 года мнѣніе государственнаго совѣта о добываніи дорожныхъ матеріаловъ и о поземельной платѣ за оныя по устройству шоссе между С. Петербургомъ и Москвою, распространить впродъ на с. петербургско-московскую желѣзную дорогу.

— Въ слѣдствіе ходатайства г. архангельскаго военнаго губернатора, о разрѣшеніи, въ видѣ временной мѣры, безпошлиннаго привоза изъ-за границы къ Архангельску кирпича и черепицы, по случаю недостаточной выдѣлки тамъ сихъ матеріаловъ, министръ финансовъ входилъ съ представленіемъ въ комитетъ гг. министровъ, по положенію коего, состоявшемуся 30 сентября сего года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, разрѣшить привозъ къ Архангельскому порту иностранной черепицы, на корабляхъ, вмѣсто баласта, безъ платежа пошлины, въ теченіе навигаціи 1848 и 1849 годовъ, а безпошлинный привозъ въ Архангельскъ, на томъ же основаніи, иностраннаго кирпича ограничить навигацію 1848 года.

— Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ представленіе г. министра финансовъ о томъ: одинакую или двойную цѣну лавочныхъ билетовъ слѣдуетъ взыскивать съ имѣющихъ свидѣтельства 3-хъ первыхъ родовъ, по изобличенныхъ въ торговлѣ изъ лавокъ и другихъ торговыхъ заведеній, для которыхъ они не имѣли надлежащаго, по 471 ст. V т. уст. о пошлинѣ, билета, и находя: 1, что по силѣ 1591 ст. улож. о наказ., кто безъ надлежащаго свидѣтельства будетъ производить такого рода торговлю или промыселъ, для производства коихъ законъ предписываетъ имѣть свидѣтельство, тотъ, сверхъ обязанности взять сего рода свидѣтельство, съ платою установленной за оное пошлины, подвергается за сіе въ первый разъ денежному въ пользу казны взысканію, равному цѣнѣ сего свидѣтельства; 2, что выдаваемые, на основаніи 471 ст. уст. V т. о пошл., билеты суть не что иное, какъ свидѣтельства на производство торговли въ торговыхъ заведеніяхъ, излишнихъ сверхъ трехъ, на содержаніе которыхъ купцы приобрѣтаютъ право занескою въ гильдію, и 3, что по сему означенныхъ вы-

ше лицъ, за неисплату билетовъ на празничныя лавки слѣдуетъ подвергать взысканію, на основаніи 1591 ст. улож. о наказ. — опредѣляетъ: увѣдомить о семъ г. министра финансовъ, въ разрѣшеніе представленія его отъ 8-го іюня 1847 года, и дать знать всѣмъ казеннымъ приказамъ, для однообразнаго примѣненія 1591 ст. улож. о наказаніяхъ.

Государь Императоръ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1-е, По случаю оказавшейся въ повгородской и кievской губерніяхъ эпидемической болѣзни холеры, назначенный по манифесту, въ 1-й день мѣсяца сентября состоявшемуся, съ 1-го ноября рекрутскій наборъ, отсрочить до 1-го января будущаго 1848 года, въ губерніяхъ: повгородской и въ смежныхъ съ оною: тверской, псковской, с. петербургской и олопецкой, также и въ смежныхъ съ кievскою: подольской, вольнской и мнiской, и

2-е, Если болѣзнь холера обнаружится въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ наборъ съ 1-го ноября будетъ производиться, — то онаго уже не отсрочивать.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г-на министра государственныхъ имуществъ, 27-го октября, Высочайше повелѣть соизволилъ: государственныхъ крестьянъ псковской губерніи освободить, по настоящему 7-му частному съ западной полосы рекрутскому набору, отъ поставки рекрутъ за 11 т. душъ, выпущенныхъ для переселенія въ многоземельныя губерніи, и за 7560 умершихъ отъ тифуса, а всего за 18620 душъ, которыя не включены еще изъ оклада, съ тѣмъ, чтобы переселенцамъ настоящій наборъ зачтенъ былъ, по мѣсту новаго водворенія, въ число наборовъ льготныхъ.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по случаю оказавшейся въ таврической губерніи эпидемической болѣзни холеры, предназначенный въ губерніи сей по манифесту, въ 1-й день мѣсяца сентября состоявшемуся, съ 1-го ноября рекрутскій наборъ отсрочить до 1-го января будущаго 1848 года.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Октября 9-го. Командиру дворнянскаго полка, генералъ-лейтенанту *Пуцину* повелѣно быть членомъ совѣта и инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній. Октября 11-го. Свиты Е. И. В. генералъ-маіору графу *Кушелеву* повелѣно состоять при Е. И. В. Великомъ Князѣ Константиѣ Николаевичѣ и управлять дворцомъ Его Высочества. Октября 13-го. Управляющему ка-

лужской палатой государственныхъ имуществъ, стат. сов. *Брилевичу* повелѣно быть управляющимъ воронежскою палатою госуд. имущ., а управляющимъ первую изъ спехъ палатъ быть состоящему въ министерствѣ госуд. имущ., отставному генералъ-маіору *Пичугину*. Октября 22-го. На основаніи Высочайше-утвержденнаго, 4-го мая 1847 года, положенія объ устройствѣ частей, карантинной и таможенной, на Кавказѣ и за Кавказомъ, повелѣно: управляющему таможенною частію за Кавказомъ, члену совѣта главнаго управления этого края, состоящему по арміи генералъ-маіору *Жеребцову* 1-му, быть управляющимъ закавказскимъ карантинно-таможеннымъ округомъ, съ оставленіемъ его членомъ означеннаго совѣта. Октября 24-го. Уральскій бергъ-инспекторъ, полковникъ, *Злобинъ* уволенъ, по прошенію, за болѣзнію, отъ службы, и повелѣно уральскимъ бергъ-инспекторомъ быть горному начальнику екатеринбургскихъ заводовъ, полковнику *Ахматову*, а горнымъ начальникомъ екатеринбургскихъ заводовъ маіору корпуса горныхъ инженеровъ *Барнишскому* 1-му. Октября 30-го. По случаю отрѣшенія отъ должности костромскаго гражданскаго губернатора, Высочайше поручено генералъ-адъютанту князю италійскому графу *Суворову-Рымшицкому*, временно, управление костромскою губерніею, впредь до назначенія начальника сей губерніи. Ноября 3-го. Свиты Е. И. В. генералъ-маіору *Крузенштерну* 2-му повелѣно быть военнымъ губернаторомъ города Тулы и тульскимъ гражд. губернаторомъ, съ оставленіемъ въ свитѣ Е. И. В.

УВОЛЬНЕНІЕ ОТЪ СЛУЖБЫ.

Октября 11-го. Императорскою шпалерной мануфактуры директоръ, стат. сов. *Шаминъ*. По прошеніямъ: Директору управления путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ, статсъ-совѣтнику *Левинскій*, съ переименованіемъ въ дѣйств. стат. совѣтника, и съ мундиромъ, по положенію о гражданскихъ мундирахъ въ царствѣ. Октября 18-го. Испр. должн. профессора пѣмедной словесности, стат. сов. *Пецолюдъ*, съ мундиромъ, послѣдней должности присвоеннымъ.

ВОЗВЕДЕНІЕ ВЪ ГРАФСКОЕ ДОСТОИНСТВО.

Октября 3-го. Командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи *Ридигеръ* Всемилостивѣйше возведенъ въ графское руссiйской имперіи достоинство.

ПОЖАЛОВАНИЕ ВЪ ЗВАНІЕ КЪ ВЫСОЧАЙШЕМУ ДВОРУ.

Сентября 24-го. Дочь генераль-лейтенанта *Эссена*, дѣвица *Марія*, пожалована во фрейлшны къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Октября 10-го. Дѣвица *Евгенія Макова* пожалована во фрейлшны къ нареченной Невѣстѣ Великаго Князя Константина Николаевича, Принцессѣ Саксенъ-Альтенбургской.

НАГРАДЫ.

ПРОИЗВЕДЕНЫ:

ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

За отличіе: Октября 8-го. Управляющій канцелярією московскаго военнаго генераль-губернатора и членъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, стат. сов. *Путиловъ*. Октября 12-го. Состоящій при главнокомандующемъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, дивизионный докторъ, докторъ медицины, стат. сов. *Андріевскій*, и профессоръ Императорской медико-хирургической академіи, докторъ медицины и хирургіи, стат. сов. *Пироговъ*.

ВЪ СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

За выслугу лѣтъ: Коллежскіе совѣтники: Сентября 28. Кіевскаго военнаго, подольскаго и вольнскаго генераль-губернатора чиновникъ особыхъ порученій *Цантовскій*. Состоящій при почтовомъ департаментѣ камеръ-юнкеръ *Миллеръ*. Непременный членъ пермскаго приказа общественнаго призрѣнія *Токаревъ*. Императорскаго гатчинскаго воспитательнаго дома при сиротскомъ институтѣ старшій учитель *Ферри-де-Пиньи*. Октября 2-го. Е. И. В. Собственной канцеляріи IV-го отдѣленія старшій чиновникъ *Планкъ*. Октября 4-го. Штата придворной конюшни старшій врачъ, докторъ медицины и хирургіи *Задлеръ*. Императорскаго воспитательнаго дома малолѣтнаго отдѣленія для оберъ-офицерскихъ сиротъ, богадѣльни и фельдшерской школы директоръ *Бодадовъ*. Октября 8-го подольской гражданской палаты товарищъ председателя *Непорожний*. Октября 12-го. Государственной комиссіи погашенія долговъ младшій директоръ и управляющій канцелярією *Ефимовъ*. Октября 15-го. Непременный членъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія *Богдановъ*. Октября 21-го. Псковскаго губернскаго правленія старшій совѣтникъ *Ивановъ*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 1-Й СТЕПЕНИ.

Сентября 19-го. Генераль отъ кавалеріи, командиръ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, баронъ *Остенъ-Сакенъ*. Сентября 24-го. Генераль отъ артиллеріи, командующій своднымъ кавалерійскимъ корпусомъ, *Герштенцвейгъ*.

АЛМАЗНЫХЪ ЗНАКОВЪ СВ. БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Сентября 19. Генераль отъ пѣхотеріи, командиръ 5-го пѣхотнаго корпуса, *Лидерсъ*.

ВЪ БЛАГО ОРЛА.

Сентября 24. Генераль-лейтенантъ, начальникъ артиллеріи по части инспектора резервной кавалеріи, *Арнольдъ* 1-й. Сентября 30. Генераль-лейтенантъ, начальникъ 4-й легкой кавалерійской дивизіи *Зассъ* 2-й. Октября 3. Генераль-лейтенантъ, командующій войсками въ южномъ Дагестанѣ, князь *Аргутинскій-Долгоруковъ*.—Октября 12. Командующій войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ, генераль-лейтенантъ князь *Бebutovъ*.

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 2-Й СТЕПЕНИ.

Сентября 24. Генераль-лейтенантъ, начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи, *Соболевскій*.—Генераль-лейтенантъ, начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, *Моллеръ* 2-й.

СВ. АННЫ 1-Й СТЕПЕНИ, ИМПЕРАТОРСКОЮ КОРОНОЮ УКРАШЕННАГО.

Сентября 24. Генераль-лейтенантъ, начальникъ 2-й кирасирской дивизіи *Эссенъ* 1-й.—Сентября 30. Генераль-лейтенантъ, начальникъ 4-й артиллерійской дивизіи, *Ловцовъ*.

СВ. АННЫ 1-Й СТЕПЕНИ.

Сентября 19. Генераль-адъютантъ, генераль-майоръ, начальникъ штаба инспектора резервной кавалеріи, князь *Долгоруковъ* 3-й.—Сентября 24. Генераль-лейтенантъ, начальникъ 2-й. уланской дивизіи, *Гротенгельмъ* 1-й. Генераль-лейтенантъ, начальникъ 1-й легкой кавалерійской дивизіи, *Дубельтъ* 2-й.—Генераль-лейтенантъ, начальникъ 5-й легкой кавалерійской дивизіи, князь *Вагритонъ Швертинскій* 1-й.—Генераль-майоръ, начальникъ штаба 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса,

Фонъ-деръ-Лаунцъ. Генераль-маіоръ, начальникъ 5-й артиллерійской дивизіи, *Ивниъ*. Октября 12. Инженеръ - Генераль-маіоръ *Бюрно*.—Октября 13. Командиръ 2-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ *Обручевъ* 2-й. Командиръ 1-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ *Дикъ*. Сост. по арміи генераль-маіоръ *Румищовъ*.

СВ. СТАНИСЛАВА 1-Й СТЕПЕНИ.

Сентября 24. Генераль-маіоръ, начальникъ 2-й коно-артиллерійской дивизіи, *Бобылевъ* 2-й. Октября 13. Сост. по арміи и при 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ, генераль-маіоръ *Семеновъ* 4-й. —Командиръ 2-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ *Есауловъ*. Октября 15. Сост. по особымъ порученіямъ при инспекторѣ резервной кавалеріи, числящійся по кавалеріи, генераль-маіоръ *Данненбергъ* 2-й.

ПОЖАЛОВАНЫ МЕДАЛЯМИ:

Октября 24. *Золотою*, съ надписью: «за усердіе», для пошенія на шеѣ, на аннинской лентѣ: живущій въ городѣ Дербентѣ, астраханскій 2-й гильдіи купецъ *Николай Кафтанниковъ*; *серебряною*, съ надписью: «за спасеніе погивавшихъ», для пошенія въ петлицѣ, на владимірской лентѣ: житель тифлискаго уѣзда, Сартачальскаго участка, селенія Хашимы, *Глахъ Карулидзе* и Карадшальскій Кевхъ Курбанъ *Ахмадъ-Оглы*. Квартальный надзиратель пятигорской городской полиціи, коллеж. регистрат. Писаревъ, и пятигорскій купеческій братъ *Кочуринъ*. Сентября 30. *Серебряною*, съ надписью: «за усердіе», для пошенія на шеѣ на аннинской лентѣ: 1-й гильдіи купеческій сынъ *Влхиревъ* и 3-й гильдіи купеческій братъ *Тогуновъ*.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Русская Словесность.

КЪ РОЗЪ. *

Весенняго утра днтя молодое,
Долинъ чарованье, парца цвѣтвъ,
Дай мнѣ наглядѣться на дивную прелесть,
Дай мнѣ надышаться дыханьемъ твоимъ.

* Стихотвореніе покойнаго Академика, М. Е. Лобанова, нигдѣ еще не печатанное. Ред. С. О.

Къ тебѣ прикасалась небесная Зафна,
Ты воздухомъ съ Зафной дышала однимъ;
Счастливая роза!—Хоть съ стеблемъ въ разлукѣ,
Но ты красовалась на персяхъ ея!

Ты видѣла Зафну. О! молви жѣ хоть слово
О прелестяхъ дѣвы, очахъ голубыхъ...
Рука не дрожала ль, срывавшая розу?
Лицо не пылало ль румянцемъ твоимъ?...

Какъ ты благовожна!... О! если бы въ Зафну
Ты вдругъ обратилась могуществомъ чаръ:
Къ устамъ ея сладкимъ прильнувши устами,
Я появля бы счастье эдема сыновъ.

М. Лосановъ.

ПОВѢРЬ.

Повѣрь! О, вѣровать отрадно!
Повѣрь, что можно здѣсь любить,
И что съ немногими, но внятно
Возможно сердцемъ говорить;
Душа родная отзовется
На твой призывъ, на твой привѣтъ,
Съ твоею радостью сольется,
Твою печаль она пойметъ.
Земля алтарь; рукою Бога
На ней любви огонь зажженъ;
Временъ, страстей пройдетъ тревога,
Но, чудный, не угаснетъ онъ.
Въ сердцахъ немногихъ онъ блистаетъ,
Но какъ лампада храмъ святой,
Онъ мрачный міръ нашъ озаряетъ

И небеса мирить съ землей.
И до великаго мгновенья,
Когда пробьетъ послѣдній часъ
Земли и неба,—онъ прощенья
Залогомъ будетъ все для насъ;
Тогда лишь только оторвется
Онъ отъ земли; въ огнѣ лучей
Онъ, ясный, чистый, вознесется
Къ прекрасной родинѣ своей;
И улетая, на прощанье,
По свѣтлымъ новымъ небесамъ,
Струю чудснаго сіянья
На радость онъ оставить намъ.
И души тѣхъ, кто здѣсь томился,
И души тѣхъ, кто здѣсь любилъ,
Кто плакалъ, вѣровалъ, молился
И свято чистый огонь хранилъ,
Во слѣдъ за нимъ, какъ рядъ видѣній,
Вспарять, забывъ печаль и страхъ,
Кружась, блестя, какъ въ день весенній
Пылилки въ солнечныхъ лучахъ...

Х. Шевцовъ.

НЕ ДЛЯ МЕНЯ.

Зачѣмъ огонь любви напрасной
Горитъ въ груди моеи младой?
Не для меня цвѣтовъ прекрасный
Блестаетъ юною красой.
Другой здѣсь юноша счастливый,
Хранимый тайною судьбой,
Вплететъ въ вѣнокъ свой горделивый,
Цвѣтокъ роскошно-молодой.
Къ плечу пылающаго друга

Стихотворенія.

Она чело свое прижметъ,
 И вѣжнымъ именемъ супруга
 Она другаго назоветъ!
 Къ чему жъ огонь любви напрасной
 Горить въ груди моей младой?
 Не для меня цвѣтокъ прекрасный
 Блитсягъ юною красой!...

α. 0.

=

П О Э М А.

Въ одной изъ отдаленныхъ частей Петербурга стоялъ большой каменный домъ. Глядя на его треснувшія, закопченныя стѣны, обвалвшуюся штукатурку, грязный дворъ, можно было догадываться, что онъ населенъ людьми, не имѣющими состоянія. Богатый человекъ постыдился бы нанять квартиру въ такомъ неопрятномъ домѣ. И такъ, мы повторяемъ, что въ немъ жили, большею частію, люди бѣдные, а именно: мелкіе чиновники, мастеровые, не пользовавшіеся извѣстностію, отставные солдаты, занимавшіеся сапожнымъ или столярнымъ ремесломъ, вдовы, получавшія маленькую пенсію, торговки, шарманщики, поденщики и даже нищіе. Тутъ же въ домѣ находилась мелочная лавка, съ вывѣскою: *фруктовая и овошенная лавка*. Хозяинъ этой лавки, худенькій, чернобродый мужичекъ, никому изъ жильцевъ дома не давалъ своего товара въ долгъ.

По двору этого дома прошла молоденькая, очень молоденькая дѣвушка, въ полинявшей красной кацевейкѣ, обшитой вытертымъ бѣличьимъ мѣхомъ. На головѣ этой дѣвушки былъ надѣтъ голубой драдедамовый платокъ. Она осторожно подняла свое ситцевое платье, чтобъ не замарать его въ грязи,

и вошла въ низкія сѣни. Смотри на ея костюмъ, можно было подумать, что она принадлежитъ къ низшему сословію людей; но въ ея походкѣ, въ ея пріемахъ были замѣтны скромность и благородство, несообразныя съ ея блѣдною одеждою.

Войдя въ сѣни, она робко постучалась въ дверь, ведущую въ одну изъ квартиръ нижняго этажа. На этотъ стукъ, изъ комнаты ей отвѣчалъ женскій голосъ: войдите, дверь не закрыта.

Дѣвушка вошла въ комнату, или лучше сказать въ кухню, перегородленную на двѣ половины. Въ одной половинѣ хозяйка ея готовила себѣ кушанье, а другая служила ей столовою и спальнею. Эта хозяйка была полная женщина, среднихъ лѣтъ, съ веселою, добродушною физиономіею. Въ то время, какъ вошла къ ней дѣвушка, она была занята приготовленіемъ себѣ обѣда; лицо ея разгорѣлось отъ огня; рукава платья были засучены до локтей; вокругъ толстой талии былъ повязанъ бѣлый, чистый, холстинный передникъ; голова была украшена рѣдкими волосами и рововымъ гребнемъ. Она жарила на сковородѣ жирныя, красивыя пирожки.

— Ахъ! это ты, Юлія, сказала она вошедшей дѣвушкѣ, переворачивая пирожки съ одной стороны на другую. Здравствуй, моя милая!

Юлія сдѣлала книксенъ.

— Чтѣ же ты стоишь у дверей? войди, да присядь.

— Покорно благодарю, отвѣчала Юлія: мнѣ некогда.

— А чтѣ поддѣмываетъ твой отецъ?

— Пишетъ, отвѣчала дѣвушка невнятно и потупивъ глаза. Казалось, ей трудно и неприятно было отвѣчать на вопросъ женщины, потому что ея тонкія черныя брови сдвинулись, прекрасныя маленькія уста обезобразились едва замѣтнымъ судорожнымъ движеніемъ; пѣжное, бѣлое, даже блѣдное лицо покрылось легкимъ облакомъ печали; но оно прояснилось въ тотъ же мигъ.

— Все пишетъ, да пишетъ, сказала съ неудовольствіемъ женщина: а чтѣ въ этомъ толку! прибавила она про себя и пророчала еще чтѣ-то, чего нельзя было разслушать.

— Сними-ка съ себя, Юлія, кацевейку и платокъ, здѣсь жарко.

И дѣйствительно, въ кухнѣ былъ нестерпимый жаръ, такъ что хозяйка безпрестанно принуждена была утирать платкомъ свое румяное, вспотѣвшее лицо; но молодая дѣвушка, казалось, не чувствовала жара: не было видно ни малѣйшаго розоваго оттѣнка на бѣлой, тонкой, прозрачной кожѣ ея лица.

— Я пришла къ вамъ на минуту, Олимпіада Васильевна, отвѣчала дѣвушка, не слушаясь приглашенія хозяйки: мнѣ некогда.

— Пустяки, моя милая, отвѣчала Олимпіада Васильевна: снимай-ка свою кацевейку, да поговоримъ съ тобою. Дѣвушка нехотя сняла кацевейку и платокъ и обнаружила свой тонкій, гибкій станъ, не получившій еще полноты взрослой дѣвочки. Ея платье, хотя было сдѣлано изъ самаго простаго, дешеваго ситцу, но сидѣло на ней очень хорошо; было чисто и разглажено. Маленькій бѣлый воротничекъ и пелеринка изъ того же ситцу, изъ какого было сшито платье, прикрывали ея шею и плеча. Во всей наружности дѣвушки была замѣтна дѣвственная чистота и непорочность; поэтъ назвалъ бы ее неземною.

— Ты, Юлія, опять похудѣла, сказала Олимпіада Васильевна, бросивъ на дѣвушку бѣглый взглядъ и перекладывая пирожки со сковороды на тарелку.— Не хочешь ли скушать пирожокъ?

— Нѣтъ! покорно благодарю, сказала Юлія, слегка покраснѣвъ и потупивъ свои черные глаза, которые, за мигъ передъ этимъ, невольнымъ образомъ, нѣсколько разъ устремлялись на вкусныя пирожки Олимпіады Васильевны. Я пришла къ вамъ....

— Перестань церемониться, успеешь еще сказать, зачѣмъ пришла.... Садись-ка сюда къ столу да кушай. Олимпіада Васильевна почти силою подвела къ столу слегка покраснѣвшую Юлію и подала ей на тарелкѣ два пирожка. Юлія съѣла половину одного изъ нихъ; но замѣтивъ, что Олимпіада Васильевна вышла куда-то изъ кухни, поспѣшно завернула остальныя полтора пирожка въ бумагу и спрятала ихъ въ карманъ.

— Каковы пирожки? спросила Олимпиада Васильевна. А? что? вѣдь хороши? Я, кажется, мастерица готовить ихъ.

— Да, очень вкусны.

— То-то! а ты еще не хотѣла попробовать.

Олимпиада Васильевна была очень добрая, простая женщина, любившая хорошо покушать и поподчивать другихъ. Она гордилась своимъ умѣньемъ готовить кушанья и разные хозяйственные запасы. Можно сказать, что вся жизнь ея была ничто иное, какъ продолжительная стряпня.

До сорокалѣтняго возраста она жила ключницею въ одномъ знатномъ домѣ; тамъ всѣ любили ее за исправность и добрый, веселый нравъ, такъ что надѣлили ее приданымъ и выдали за мужъ за стараго отставнаго чиновника, исправлявшаго въ этомъ домѣ должность управителя.

Послѣ четырехъ-лѣтняго, счастливаго супружества, мужъ ея скончался.

Теперь она безбѣдно жила пенсіею послѣ покойнаго мужа и процентами съ небольшого капитала, доставшагося ей въ приданое. Простота ея жизни не требовала большихъ издержекъ. Она сама исполняла должность кухарки и горничной, а жившій въ одномъ съ нею домѣ отставной солдатъ былъ ея водовозомъ. Изъ кухни Олимпиады Васильевны стекольчатая дверь вела въ маленькую каморку, которую она отдавала въ наймы знакомой ей торговкѣ Анисѣ Ивановнѣ, помогавшей ей стирать бѣлье и ходившей на рѣку полоскать его. За эти услуги Олимпиада Васильевна отдавала ей квартиру очень дешево, то есть за такую сумму, какую ей пужно было для уплаты жалованья водовозу. Такимъ образомъ расчетливая Олимпиада Васильевна имѣла прислугу даромъ. Поутру она сама выметала свою горницу и ставила себѣ самоваръ; напившись чаю, она затопляла печь и принималась готовить кушанья; потомъ она обѣдала, пила кофе, вымывала посуду, подметала, или, смотря по надобности, подмывала полъ въ кухнѣ, и ложилась отдыхать. Проснувшись, она принималась пить чай съ вкусными булками, приготовленными ею самою. Вечеромъ же она или вязала чулокъ, разговаривая со своею, почти единственною, собеседницею Анисьею Ивановною, или почиывала свои ста-

рыя платья и чулки. Она рѣдко шла себѣ обновки, потому что была до крайности бережлива и опрятна. Олимпиада Васильевна была очень счастлива; ее никогда не тревожили ни зависть, ни корыстолюбіе, ни честолюбіе. Совершенно довольная своею участію, она жила истиннымъ мудрецомъ. Единственная страсть ея состояла въ томъ, чтобъ хорошо покушать, и эту страсть она всегда имѣла возможность удовлетворить. Изъ получаемыхъ ею денегъ, она каждый годъ удѣляла небольшую сумму бѣднымъ. Во всемъ мірѣ для нея былъ дороги только три существа, исключая впрочемъ тѣхъ богатыхъ людей, которые надѣлили ее приданымъ, выдавая за мужъ, и которыхъ она называла обыкновенно: *мои благодѣтели*. Первое мѣсто изъ любимыхъ ею трехъ существъ занималъ ея дальній и единственный родственникъ, молодой человекъ, Антоновъ Петровичъ Случаевъ. Второе мѣсто занимала торговка Анисья Ивановна. Давно уже жила она вмѣстѣ съ нею и любила ее по привычкѣ къ ней. Наконецъ, въ третью уголку ея сердца помѣстилась Юлія. Эту дѣвушку она полюбила за ея скромность, красоту и добрый нравъ. А въ особенности она уважала ее за то, что предвидѣла въ ней отличную хозяйку. Состраданіе къ несчастіямъ этой дѣвушки усиливало любовь къ ней Олимпиады Васильевны.

Года три тому назадъ, Юлія лишилась матери, и съ тринадцатилѣтняго возраста должна была сдѣлаться хозяйкою въ домѣ и наставницею своего маленькаго брата Сашп. Мать Юліи имѣла маленькую деревушку; получая небольшой доходъ съ этого имѣнія, она имѣла возможность воспитывать свою дочь въ пансіонѣ, гдѣ эта дѣвушка была лучшею ученицею. Послѣ же смерти матери, Юлія вскорѣ принуждена была оставить свои науки, потому что отецъ ея не въ состояніи былъ платить за нее въ пансіонѣ.

Этотъ отецъ, Семенъ Романовичъ Троевскій, былъ странный человекъ. Еще въ дѣтствѣ онъ былъ великій любитель рромъ. Родители его предвидѣли въ немъ великаго поэта, тѣмъ болѣе, что онъ, по случаю каждаго праздника, подносилъ имъ стихи своего сочиненія, и хотя эти стихи не имѣли, болѣею частью, смысла; однако же они восхищали ихъ и заставляли

поощрять его страсть къ римованію. Семень Романовичъ плохо учился и почти непрерывно занимался переписываніемъ всѣхъ попадавшихъ ему подъ руку стиховъ. Будучи двадцати лѣтъ, онъ вообразилъ, что можетъ написать поэму, и началъ покупать всѣ оригинальныя и переведенныя на русскій языкъ поэмы, чтобы по образцу ихъ сочинить свою собственную. Съ трудомъ принудилъ его отецъ вступить въ службу. Семень Романовичъ увѣрялъ всѣхъ, что онъ созданъ быть поэтомъ, а не чиновникомъ. Нѣхотя занимался онъ дѣлами по службѣ, и отъ нерадѣнія, часто терпѣлъ неприятели; даже нѣсколько разъ принужденъ былъ переходить съ одного мѣста на другое. Но онъ не огорчался этими неудачами. Надежда, что онъ прославится и разбогатѣетъ, сочинивъ поэму, утѣшала его во всѣхъ неприятелихъ. Женившись не по любви и не по расчету, а какъ-то такъ, нечаянно, онъ мало сталъ думать о женѣ и о дѣтяхъ. Вся его любовь, вся его жизнь сосредоточивалась на его поэмѣ. Болѣе двадцати лѣтъ уже трудился онъ надъ нею, и тетрадь, въ которой онъ писалъ свои стихи, съ каждымъ годомъ росла, росла и наконецъ выросла до необъятной толщины. А между тѣмъ сочинитель ея жилъ бѣдно, получая маленькое жалованье и не заботясь объ устройствѣ своего небольшого помѣстья.

Однажды, въ неурожайный годъ, жена его принуждена была заложить свою деревеньку. Выкупить ее было нечѣмъ и, по взысканію заимодавцевъ, ее продала съ публичнаго торга. Вырученными за деревню деньгами былъ уплаченъ долгъ, и только небольшая сумма досталась на долю Семена Романовича. Поэтъ мало огорчался этою потерей; она казалась ему ничтожною въ сравненіи съ тѣмъ богатствомъ, которое онъ надѣялся получить, издавъ свою поэму. По безпечности своей, онъ послѣ смерти жены началъ прожывать и эти деньги; но тутъ уже Юлія, замѣтивъ, что дѣла ея отца плохи, вступила въ управленіе хозяйствомъ. Всѣ оставшіяся послѣ матери деньги, она поклялась сохранять для маленькаго своего брата Саши, до тѣхъ поръ, пока крайность не заставитъ прикоснуться къ нимъ. Такъ какъ жалованья отца не доставало на содержание, она принялась трудиться, дѣлать чепцы, выши-

вать гладью и по канвѣ, вязать чулки и кружева. Товаръ свой она относилъ къ Олимпіадѣ Васильевнѣ, а та отдавала его продавать Анисѣ Ивановнѣ. Иногда случалось, что никто не покупалъ вещей Юліи, и бѣдной дѣвушкѣ не на что было купить куска хлѣба. Въ такомъ случаѣ Олимпіада Васильевна давала ей денегъ въ долгъ, или прятала въ свой комодъ нежные ей, продаваемые Юліею вещи, платила за нихъ деньги и приказывала Анисѣ Ивановнѣ сказать, что онѣ проданы чужимъ, а не ей. Хорошая была женщина Олимпіада Васильевна! Но обратимся къ Юліи.

— Я пришла къ вамъ, сказала она опять Олимпіадѣ Васильевнѣ: узнаю, продала ли Анисья Ивановна мои кружева, и нельзя ли попросить ее, чтобы она продала вотъ эту пару чулокъ? Юлія развязала узелокъ и подала Олимпіадѣ Васильевнѣ новую пару связанныхъ ею бумажныхъ чулокъ.

— Чулки славно связаны, сказала Олимпіада Васильевна, разсматривая ихъ:—поски и пятки двойные... икры широкія... такъ что и мнѣ эти чулки будутъ въ пору. Нечего сказать, мастерица ты, Юлія, люблю тебя за это. Анисья Ивановна! закричала она, отворивъ дверь въ каморку, гдѣ недавно возвратившаяся домой, къ обѣду, Анисья Ивановна кушала гречневую кашу и запивала ее молокомъ.

— Что угодно, матушка Олимпіада Васильевна? спросила торговка, выйдя изъ каморки и утирая ротъ.

— Продала ли ты кружева Юліи Семеновны?

— И рада бы была продать ихъ, да никто не покупаетъ. Торговля нынче плохая, матушка. Деньгъ что ли нѣтъ ни у кого, или ужъ такъ... скупились господа... Богъ вѣсть! ходишь, ходишь цѣлый день по городу, башмаки износишь, а иной разъ ни иголки не продашь... на хлѣбъ себѣ не добудешь... Просила меня одна барыня оставить ей кружева въ долгъ, да я не смѣла, барышня, безъ твоего позволенія. Вишь эта барыня и безъ того много задолжала мнѣ... Вотъ ужъ другіе башмаки изнашиваю, ходя къ ней; а все еще не могу получить съ нея ни копѣйки.

Рѣчь Анисьи Ивановны была очень неутѣшительна для Юліи. На глазахъ ея навернулись слезы. Желая скрыть свое

огорченіе, она повернулась лицомъ къ окну и стала смотрѣть во дворъ, хотя тамъ не было ничего достойнаго вниманія. Отъ Олимпіады Васильевны не скрылась однакожь печаль Юліи.

— Чтѣо призадумалась? сказала она ей, Богъ милостивъ, спрятъ не забудеть. Вотъ хотъ бы я... была круглая сирота, а Богъ не оставилъ меня. Живу себѣ... всего у меня есть, и сыта я, и одѣта, и денежки спрятаны на черный день. Да ты плачешь никакъ, Юлинька? перестань, моя душа. Богъ поможетъ тебѣ. Слезы невольню катились изъ глазъ Юліи, она вспомнила, что ея братъ Саша съ петербургіемъ ждетъ, скоро ли она принесетъ ему покушать, и чѣмъ же она накормитъ сегодня отца, когда у ней нѣтъ ни копѣйки денегъ, и все жалованье его за этотъ мѣсяцъ уже прожито?

— Анисья Ивановна! сказала Олимпіада Васильевна: посмотри-ка, какіе славные чулки связала Юлія Семеновна. Петли и носки двойные... икры широкия... Спеси-ка ихъ во второй этажъ, къ тѣмъ жильцамъ, которые, знаешь? купили у Юліи Семеновны чепецъ съ голубыми лентами. А чтѣо стоить твои чулки, Юлія?

— Полтора рубля, проговорила Юлія сквозь слезы.

— Дешево! чулки-то хороши... впрочемъ, нѣтъ... не ходи, Анисья Ивановна. Дай-ка я сама примѣрю ихъ.

Олимпіада Васильевна, хотя и не имѣла нужды въ чулкахъ, однакожь, по добротѣ сердца, желая утѣшить Юлію, купила ихъ тѣмъ охотнѣе, что цѣна показала ей умѣренною. Обрадованная Юлія поцѣловала у Олимпіады Васильевны руку и взглянула на нее съ необыкновеннымъ чувствомъ благодарности. Она поспѣшно надѣла на себя платокъ и кацевейку и почти побѣжала отъ Олимпіады Васильевны. Саша, голодный Саша ждетъ ее дома, а она еще не начинала готовить обѣда. Скорымъ шагомъ пошла она въ мелочную лавку и купила все, чтѣо нужно было для обѣда, благоразумно сохранивъ часть полученныхъ денегъ къ слѣдующему дню. Выходя изъ лавки, она встрѣтила молодаго человѣка, шедшаго къ нимъ въ домъ. Онъ почтительно поклонился ей. Легкій румянецъ выступилъ на блѣдныхъ щекахъ Юліи; ея лицо приняло се-

рзное, даже строгое выраженіе; она опустила внизъ глаза, слегка кивнула головою и скорымъ шагомъ прошла мимо него. Молодой человѣкъ грустно посмотрѣлъ ей вслѣдъ, вздохнулъ и вошелъ въ сѣни Олимпіады Васильевны. Это былъ Антонъ Петровичъ Случаевъ, родственникъ и любимецъ Олимпіады Васильевны.

— Юлія! закричалъ плаксивымъ голосомъ шестилѣтній братъ дѣвушки, когда она пришла домой: зачѣмъ ты такъ долго ходила? Миѣ скучно безъ тебя. Скоро ли мы будемъ обѣдать? Я хочу кушать.

Юлія положила на столъ купленную провизію, взяла въ обѣ руки красивую головку своего брата и поцѣловала его въ лобъ.

— Я принесла тебѣ гостинецъ, сказала она, улыбаясь, и подала ему половину пирожка, спрятавшаго ею украдкою у Олимпіады Васильевны.

— А этотъ пирожокъ кому? спросилъ ребенокъ, указывая на другой, цѣлный пирожокъ.

— Мы подадимъ его папенькѣ къ обѣду, отвѣчала Юлія, улыбаясь отъ удовольствія, что можетъ угостить отца вкуснымъ пирожкомъ.

— Какой славный пирожокъ, сказалъ мальчикъ, облизывая свои пальчики. Зачѣмъ ты никогда не дѣлаешь такихъ пирожковъ? Это лучше, чѣмъ картофель и овсяный супъ.

Юлія вздохнула.

— А чтѣо мы будемъ кушать сегодня? спросилъ любопытный мальчикъ.

— Супъ съ картофелемъ и гречневую кашу.

— А! у насъ сегодня будутъ два кушанья! радостно воскликнулъ мальчикъ и запрыгалъ. — А каша... будетъ съ масломъ?

— Да, съ масломъ.

Мальчикъ снова запрыгалъ отъ радости.

— Я не люблю каши безъ масла, какою ты кормила насъ вчера. А много ли ты дашь миѣ масла?

— Если ты хорошо прочитаешь миѣ азбуку, я дамъ тебѣ много масла.

Мальчик побѣжалъ за азбукою. Въ это время кто-то зазвонилъ къ нимъ въ дверь.

— Саша! отвори дверь. Это папа пришелъ, сказала Юлія, ставя кушанье въ печь.

Саша не трогался съ мѣста.

— Что же ты не идешь отпирать папѣ дверь?

— Не хочу, сказалъ Саша, надувшись: зачѣмъ папа такой скучный... все велитъ молчать, а самъ все пишетъ.

Юлія строго погрозила ему пальцемъ и сама отворила дверь.

Въ кухню вошелъ пожилой человекъ, и молча, прошелъ черезъ нее въ комнату. Трудно было угадать, что изображалось на лицѣ вошедшаго человека: думы ли отуманивали его, или печаль, или блистами на немъ надежды. Кажется, все это изображалось на немъ вмѣстѣ. Длинный, повисшій носъ придавалъ ему печальный видъ; черные съ просѣдою волосы падали ему на лобъ; между черными, сдвинутыми вмѣстѣ бровями прорѣзывались глубокія морщины.

Онъ сѣлъ въ кресла и задумался; потомъ всталъ, прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, подошелъ къ столу, съ улыбкою посмотрѣлъ на лежавшую на немъ толстую тетрадь, сѣлъ, надѣлъ очки, понюхалъ табакъ, вытеръ носъ и развернулъ тетрадь.

— Юлія! закричалъ онъ.

— Что вамъ угодно, папенька? спросила Юлія, выглянувъ изъ двери.

— Иди сюда. Я хочу прочитать тебѣ....

— Мнѣ некогда теперь, папенька; я варю кашу. — Юлія уже давно исполняла у себя должность кухарки, потому что состояніе не позволяло ей нанимать прислугу.

— Вздоръ! Останься здѣсь. Я прочитаю тебѣ описаніе героини моей поэмы. Вы, женщины, лучше понимаете себя, чѣмъ мы васъ. Слушай.

Онъ кашлянулъ раза два и началъ читать слѣдующіе стихи:

«Какъ серна легкая, едва земли касаясь,
«Ефимья робко шла по берегу рѣки,
«А распушенные власы до пятъ спускаясь,
«По вѣтру быстро вѣялись въ ночной тиши.

— Папенька! для чего же ея длинныя волосы не были заплетены и путались отъ вѣтра? Это некрасиво.

— Ты ничего не понимаешь. Это поэтическая картина, это для эффекта.

Юлія замолчала, не смѣя возразить отцу. Онъ продолжалъ:

«Изъ карихъ, вѣжныхъ глазъ струились слезы,
«И странныя мечты, невѣдомыя грѣзы
«Страшили робкую въ невѣдомой глуши.

— Это повтореніе слова: невѣдомый мнѣ кажется очень удачно, сказалъ поэтъ, самодовольно улыбувшись.

«Одежду тонкую и легко покрывало
«Вздыхалъ, рѣвывая, играючи эфиръ.

— Позвольте, папенька, сказала, покраснѣвъ, Юлія; но отецъ ея, увлеченный своимъ стихомъ, продолжалъ декламровать безъ остановки:

«А юный, тонкій станъ, красота въсѣхъ дѣвъ начало,
«Обнявши, цѣловалъ шалунъ эфиръ,
«Вздыхалась нѣжна грудь, летѣли влохи, стоны,
«И эхо вторило въ тиши, тѣ звучныя звоны,
«Неся по лѣсу и по доламъ, по скаламъ.
«А хищный волкъ, внемля несчастной сей стenanьямъ,
«Печально вылъ, и долгимъ, страшнымъ завываньемъ
«Тѣмъ звукамъ подражалъ, спѣша къ своимъ лѣсамъ.
«—Зачѣмъ, несчастная, страдаю я всечасно?

«Зачѣмъ не вижу я конца своимъ слезамъ?
«И отъ чего же я страдаю такъ ужасно,
«Не вѣдая причины онымъ пустякамъ?

— Эхъ! досадно! воскликнулъ поэтъ, ударивъ себя рукою по лбу. Слезамъ, пустякамъ—рпюма неправильна! Это надо замѣ-

тить. — Онъ взялъ со стола карандашъ и поставилъ крестъ на поляхъ огромной тетради.

— Вѣдь я не пзъ числа тѣхъ самолюбивыхъ поэтовъ, которые не хотятъ сознать свои недостатки. Я всегда готовъ исправлять свои ошибки.

Юлія слушала отца, потупивъ глаза. Ей было стыдно, какъ будтобы она провинилась въ чемъ нибудь.

— Ну, что-же ты молчишь, Юлія? Какъ тебѣ правятся стихи?

Въ это время въ кухнѣ раздался крикъ. Юлія кинулась туда и этимъ избавилась отъ затруднительнаго отвѣта на вопросъ отца.

Въ кухнѣ, на полу, лежалъ Саша съ разбитымъ носикомъ и губкою.

— Чортъ возьми! что это тамъ опять за шумъ? Здѣсь живешь какъ въ аду... нельзя дѣломъ заниматься. Перестанешь ли ты кричать? сказалъ гнѣвно Семенъ Романовичъ своему плачущему сыну; но онъ увидѣлъ, что пзъ губки его бѣжитъ кровь, и отеческая пѣжностъ переспалила въ немъ негодованіе поэта, которому помѣшали заниматься своими стихами. Онъ подошелъ къ сыну, пѣжно поцѣловалъ его въ головку, и покуда Юлія старалась унять текшую пзъ губки его кровь, онъ утѣшалъ его словами.

— Перестань плакать, Саша; будь твердъ и терпѣливъ, какъ слѣдуетъ быть сыну великаго человѣка... Скажи-ка мнѣ лучше, отчего ты ушибся?

— Я хотѣлъ, папенька, достать пирожокъ, вотъ тамъ на полкѣ, и упалъ со стола, отвѣчалъ ребенокъ, плача.

— Какой это пирожокъ?

— Юлія купила его, папа, для тебя, а мнѣ дала только одну половинку. Я хочу кушать.

— Зачѣмъ же ты, Юлія, приготовила такъ мало пирожковъ, что Саша голодень? Какъ это тебѣ не стыдно обижать ребенка?

Юлія пришла въ замѣшательство. — У насъ... у насъ... сказала она, желая оправдаться и скрыть отъ отца, какимъ образомъ досталась ей пирожки, — не было... столько денегъ, чтобъ купить еще.....

— Опять нѣтъ денегъ! вспылчиво воскликнулъ отецъ: денегъ, денегъ... откуда же мнѣ взять ихъ теперь? Развѣ я не отдаю вамъ все, что получаю? Развѣ вы не можете хозяйничать такъ, чтобъ вамъ доставало денегъ? Раззорить что ли вы хотите меня?

Семенъ Романовичъ, занимавшійся постоянно только одною своею поэмою, никогда не входилъ въ хозяйственныя потребности, и не понималъ, что его жалованьемъ нельзя содержать семейства. Онъ никогда не замѣчалъ даже, что дочь его цѣлый день сидитъ за пьльцами, вышивая на продажу, и даже иногда несправедливо укорялъ ее въ расточительности. Юлія не хотѣла огорчить отца, открывъ ему истину, и терпѣливо переносила его упреки.

— Деньги!... деньги!... повторялъ онъ, прохаживаясь по кухнѣ. Будутъ у насъ деньги, потерпите еще немного. Поэма моя будетъ уже скоро окончена, и тогда... надѣюсь... деньги полюбятся къ намъ рѣкою. — Онъ улыбнулся. Приятная надежда разогнала его гнѣвъ. Онъ подошелъ къ Юліи и ласково потрепалъ ее по щекѣ.

— Ну, что задумалась, моя Юлинька? Потерпи еще немного. Ужъ будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Найму я тебѣ кухарку и горничную. Будешь жить, какъ прилично благородной дѣвицѣ... И знакомство заведемъ. Будешь одѣта у меня какъ кукла... Ну! что-же ты молчишь? А?...

Юлія вздохнула. Не надежду поселяла въ нее слова отца, а сомнѣніе и страхъ будущаго. Она невольно прижала къ себѣ брата, поцѣловала его, и двѣ слезы повисли на ея длинныхъ рѣсницахъ. Не за себя страшилась она бѣдности, а за милого брата. Ей ввѣрила его умпрающая мать. — Юлія! сказала она, грѣпко сжавъ ей руку: ты заступишь мое мѣсто, ты будешь матерью твоему брату. Не веселіе ожидаетъ тебя въ молодости, а заботы и бѣдность. Трудна будетъ твоя жизнь! Достанетъ ли у тебя твердости духа, чтобъ пожертвовать удовольствіями твоего возраста для счастья отца и брата? — Тринадцати-лѣтней Юліи казалось, что она очень легко можетъ исполнить просьбу матери. Рыдая, просила она мать успокоиться, и обѣщала не

оставлять ни отца, ни брата, до тѣхъ поръ, пока они будутъ имѣть въ ней нужду. До сихъ поръ Юлія свято исполняла данное слово. Въ пятнадцать лѣтъ она уже походила не на вѣтренную молодую дѣвушку, а на благоразумную, попечительную мать семейства.

Не возможно однакоже, чтобы сердце пятнадцатилѣтней дѣвушки наслаждалось непрерывнымъ, ненарушимымъ спокойствіемъ. Часто вспоминала Юлія рассказы своихъ прежнихъ пансіонскихъ подругъ о вечерахъ, о нарядахъ, о театрѣ, а въ особенности объ интересныхъ кавалерахъ, служившихъ любимымъ предметомъ ихъ разговоровъ, и ея сердце невольно смущалось. Она никогда не слыхала, чтобы которая-нибудь изъ этихъ подругъ принуждена была заботиться о пропитаніи своихъ родныхъ. Всѣ онѣ жили весело и беззаботно. Сравнивая ихъ жизнь съ своею, она находила, что судьба несправедлива къ ней; что жестоко, въ ея лѣтахъ, не знать никакихъ удовольствій и думать только объ исполненіи своихъ обязанностей.

Въ грустномъ расположеніи духа, пошла она однажды къ Олимпіадѣ Васильевнѣ. Добрая женщина бѣгала изъ угла въ уголъ, то раздувала самоваръ, то рѣзала булки, собирала на столъ чашки, колола сахаръ. Она собиралась угощать чаемъ своего милаго племянника Антошу. Юлія, увидя незнакомаго ей молодого человѣка, хотѣла уйти домой; но Олимпіада Васильевна удержала ее. Робко и пеловко сѣла Юлія къ чайному столу. Ей никогда не случалось еще быть въ обществѣ какого-нибудь молодого человѣка.

— Это мой племянникъ Антоша, шепнула Олимпіада Васильевна на ухо Юліи. — Это сиротка Юлія, сказала она потихоньку молодому человѣку.

Антонъ Петровичъ уже нѣсколько разъ слыхалъ рассказы Олимпіады Васильевны о чудной, благоразумной дѣвушкѣ, о бѣдной Юліи. Съ любопытствомъ взглянулъ онъ на нее. Ея нѣсколько высокой и худощавый, но стройный (какъ пальма, сказалъ бы поэтъ) станъ; ея строгое, правильное, продолговатое, но нѣжное и прекрасное лицо, произвело на него глубокое впечатлѣніе. Чѣмъ болѣе смотрѣлъ онъ на нее, тѣмъ болѣе казалось ему, что онъ видитъ передъ собою не

земную дѣвушку, а чистаго ангела, изображеннаго кистію неподражаемаго художника. Ея черные глаза не обращались съ блескомъ кокетства на молодого человѣка, а были почти постоянно, скромно опущены и прикрыты длинными рѣсницами. Ея улыбка выражала болѣе грусть, чѣмъ удовольствіе. Не смотря на ея юный возрастъ, въ ней не было и тѣни беззаботнаго, дѣтскаго веселія, а между тѣмъ она была чудно-прекрасна. Всѣ движенія ея были тихи и скромны. По временамъ въ ней замѣтна была какая-то робость, происходящая какъ будто-бы отъ влеченія, подавляемаго ею волненія.

Удивленіе, грусть и невольное участіе къ этой дѣвушкѣ глубоко закрались въ душу Антона Петровича. Состраданіе болѣзненно сжало его сердце.

— Бѣдная дѣвушка! сказалъ онъ самъ себѣ, уходя отъ Олимпіады Васильевны. Вспомнивъ топкія, прекрасныя черты лица Юліи, чистую, непорочную грацію, разлитую по всей ея особѣ, онъ запѣлъ про себя какую-то водевильную арію, и пошелъ скорымъ шагомъ домой. Не успѣлъ онъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ голосъ его прервался самъ собою. Передъ нимъ, въ воображеніи, снова явилась Юлія, со взоромъ, обращеннымъ къ небу.

Антонъ Петровичъ вздохнулъ.

— Такъ молода, сказалъ онъ самъ себѣ: и вмѣсто веселія, знаетъ только трудъ, заботы и горе жизни! А какъ прекрасна! Впрочемъ что же мнѣ за дѣло до нея? Мало ли есть на свѣтѣ несчастныхъ, которые заслуживаютъ быть счастливыми? — Онъ опять запѣлъ водевильную арію, и опять голосъ его затихъ.

— Странное, непонятное состраданіе къ чужимъ несчастіямъ! думалъ онъ. Мало ли у каждаго человѣка своего горя! Неужели онъ долженъ еще страдать и отъ чужаго?

Антонъ Петровичъ старался отбросить отъ себя образъ прекрасной и несчастной Юліи; но никакъ не могъ совладѣть съ собою. Какъ чудное, неземное видѣніе, онъ безпрестанно являлся передъ нимъ. Бѣдный Антонъ Петровичъ былъ жестоко пораженъ въ сердце стрѣлою Купидона. Увы!

скажемъ мы безъ насмѣшки: ему было двадцать два года, и онъ былъ еще молодъ сердцемъ! Бѣдный Антопъ Петровичъ!

Когда Юлія, послѣ встрѣчи съ Антономъ Петровичемъ, пришла домой, она казалась разстроеною и задумчивою. Уложивъ спать маленькаго брата, она сѣла за пильцы; но вмѣсто того, чтобы взять иголку и начать вышивать, она прислонилась къ спинкѣ стула и долго, неподвижно сидѣла въ одномъ положеніи. Не смотря на то, что братъ ея худо спалъ въ этотъ вечеръ, безпрестанно говорилъ что-то во снѣ и звалъ сестру, она, казалось, не слыхала его голоса и не трогалась съ мѣста до тѣхъ поръ, пока звонокъ возвратившагося домой отца не пробудилъ ее отъ глубокой думы. Юлія отворила отцу дверь и потомъ снова сѣла на стулъ и снова погрузилась въ глубокую думу. Меланхолическій, полный участія взглядъ молодаго человѣка проникъ ей въ душу. Этотъ взглядъ казался ей знакомымъ. Не точно ли такъ смотрѣла на нее мать, когда предвидѣла, что оставитъ ее сиротою? Правда во взорѣ матери выражались, кромѣ любви и состраданія, еще болѣзнь объ участи дочери; но за то молодой человѣкъ смотрѣлъ на нее съ почтительною и даже съ благоговѣніемъ. Онъ казался ей прекраснѣе всѣхъ видѣнныхъ ею до сихъ поръ молодыхъ людей. Юлія сдѣлалась разсѣянною; часто, безъ всякой нужды, стала ходить къ Олимпіадѣ Васильевнѣ и часто стала встрѣчать тамъ молодаго человѣка. Хотя она мало говорила съ нимъ и почти всегда скромно стояла, или сидѣла передъ нимъ съ потупленными глазами; но присутствіе его было ей столь пріятно, что она желала бы вѣчно быть съ нимъ вмѣстѣ; хозяйство и братъ перестали быть главнымъ предметомъ ея мыслей.

— Зачѣмъ онъ не братъ мнѣ! думала Юлія. Я была бы очень счастлива, если бы онъ былъ моимъ братомъ. Я бы такъ любила его, такъ бы заботилась объ немъ! Мнѣ бы такъ весело было трудиться, если бы онъ былъ со мною, что я никогда не позабывала бы моимъ подругамъ, которыя казались такими счастливыми, рассказывая о своихъ балахъ и нарядахъ. Окны квартиры Юліи находились почти напротивъ сѣней Олимпіады Васильевны. Молодая дѣвушка сидѣла у ок-

на, поглядывая, не войдетъ ли въ нихъ интересный молодой человѣкъ. На спинку стула, на которомъ сидѣла Юлія, вскарабкался маленькій Саша. Онъ обвилъ руками шею сестры.

— Миленькая моя, душечка, Юлинька! расскажи мнѣ чтонибудь.... мнѣ скучно, сказалъ онъ, ласкаясь къ ней.

— Ахъ! Саша, сказала съ нетерпѣніемъ Юлія: зачѣмъ ты лезишь тутъ!... упадешь.... поди прочь! Саша слѣзъ со стула, легъ на полъ и сталъ потихоньку плакать.

— О чемъ же ты плачешь? спросила Юлія, раскаявшись, что отогнала отъ себя брата.

— О томъ, что ты не любишь меня, отвѣчалъ ребенокъ, плача. Обѣщала купить мнѣ книжку съ картинками и не купила.... прежде всегда рассказывала мнѣ сказки, а теперь не хочешь и говорить со мною.... все гонишь прочь.

Юліи стало стыдно самой себя. Дѣйствительно она обѣщала на выработанныя деньги купить брату книгу съ картинками; но въ теченіе этого мѣсяца она такъ мало выработала, что ей не достало денегъ даже на пропитаніе. И теперь.... заказанная ей работа не можетъ быть окончена къ сроку; въ кухнѣ у ней беспорядокъ, все разбросано, платье на Сашѣ грязно, ручки и личико его не вымыты. Она уже давно не заставляла его читать молитвы, и онъ сталъ шалить болѣе прежняго, потому что она перестала занимать его, рассказывая ему интересныя, поучительныя повѣсти и сказки. Въ комнатѣ ея отца не убрано; даже вокругъ толстой тетради, на столѣ, лежитъ пыль.

Ей показалось, что мать смотритъ на нее съ упрекомъ. А все это произошло отъ того, что Юлія стала думать о чужомъ молодомъ человѣкѣ болѣе, чѣмъ о своемъ родномъ братѣ и отцѣ. То ли обѣщала она своей умирающей матери?

Она подняла съ полу плачущаго брата, посадила его къ себѣ на колѣни, поцѣловала его и задернула занавѣску своего окна, чтобъ не видѣть сѣней Олимпіады Васильевны. Твердо рѣшилась Юлія не думать болѣе о томъ, кто заставилъ отступить ее отъ исполненія своихъ обязанностей, и стала избѣгать встрѣчи съ молодымъ человѣкомъ. Олимпіаду Васильевну она стала посѣщать только рано утромъ, въ увѣренности, что

молодой человек не придет к ней так рано. Если же нечаянно она встречалась с ним где нибудь, то все их сношения стали ограничиваться, как мы уже видели, почтительным поклоном с одной стороны и легким наклоном головы с другой. Желая вознаграждать себя за потерянное ею в мечтаниях время, она сдѣлалась вдвое трудолюбивѣе и заботливѣе прежняго.

Антонъ Петровичъ ни мало не огорчался холодностію Юліи. Хотя онъ никогда не писалъ стиховъ и очень прилежно занимался дѣломъ въ конторѣ макера, гдѣ служилъ; но въ душѣ своей онъ былъ истиннымъ поэтомъ-художникомъ. Ему казалось, что земная любовь не шла къ Юліи и оскорбила бы его эстетическое чувство. Въ видѣ чистаго ангела могла она только представляться въ его воображеніи.

Мать Антона Петровича была иностранка; она уже давно умерла; но былъ живъ ея родной братъ, гамбургскій купецъ. Онъ очень успѣшно велъ свои торговля дѣла, и приобрѣлъ большое состояніе, наследникомъ котораго былъ его единственный сынъ, прекрасный двадцати-лѣтній юноша, чрезвычайно походившій на Антона Петровича. Провидѣнію не угодно было, чтобы старшій отецъ его долго любовался своимъ милымъ сыномъ. Отправившись въ Америку по торговымъ дѣламъ, молодой человекъ потонулъ во время бурн. Трудно было старому отцу его перенести такую ужасную потерю. Здоровье его стало ослабѣвать; онъ отказался отъ торговыхъ дѣлъ и видимо сталъ приближаться къ могилѣ. Однажды, скупая въ своемъ одиночествѣ, онъ вспомнилъ, что въ Россіи есть у него племянникъ. Ему пришла мысль вызвать племянника, и если онъ достойный молодой человекъ, то оставить его при себѣ и сдѣлать его своимъ наследникомъ.

Однажды Антонъ Петровичъ пришелъ къ Олимпіадѣ Васильевнѣ; онъ казался очень разстроеннымъ и безпокойнымъ.

— Я пришелъ проститься съ вами, сказалъ онъ своей родственницѣ.

Олимпіада Васильевна недоумчиво посмотрѣла на молодого человека. Ей никогда не приходила мысль разстаться съ нимъ.

— Шутить, любезнѣйшій, сказала она. Куда тебѣ ѣхать-то? Скушай-ка лучше кусочекъ жареной утки. Славная утка! ужъ могу похвастать, что зажарила ее на славу.

Антонъ Петровичъ объяснилъ теткѣ, что получилъ изъ Гамбурга письмо отъ дяди, который проситъ его пріѣхать къ нему. Олимпіада Васильевна долго не хотѣла вѣрить, что она должна разлучиться съ своимъ милымъ сыномъ, какъ она называла Антона Петровича; она долго старалась увѣрить себя, что онъ шутитъ, хотя невольное содроганіе ея сердца говорило ей, что слова его истинны. Увѣрившись, что онъ говоритъ правду, она заплакала, или, лучше сказать, завывла и обняла Антона Петровича.

— Не увижу я тебя болѣе никогда, вопила она жалобно. Не пріѣдешь ты назадъ.... забудешь свою тетку.... простудишься въ дорогѣ.... умрешь еще на чужой сторонѣ. А зачѣмъ ты пужень дядѣ? вѣдь не наследство же получать тебѣ отъ него, когда у него есть сынъ. Олимпіада Васильевна еще не знала о смерти двоюроднаго брата Антона Петровича.

— Кого же я буду поднимать безъ тебя прожками? продолжала она печально. Кто будетъ хвалить ихъ? Останусь я сиротою.... безъ роду.... безъ племени. Слезы градомъ катились изъ глазъ неутѣшной теткы. Она долго давала молодому человеку наставленія, какъ вести себя за границею, и какъ беречь себя, чтобы не захворать дорогою отъ простуды.

Послѣ долгаго, трогательнаго прощанія, Антонъ Петровичъ взялъ шляпу и тросточку и уже подошелъ къ двери, но остановясь, неловко и съ замѣшательствомъ сказалъ:

— Тетенька!... прошу васъ... засвидѣтельствовать мое искреннее и глубокое уваженіе.... Юліи Семеновнѣ. Голосъ молодого человека прервался; онъ послѣдно вышелъ вонъ. На слѣдующее утро онъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, ѣхалъ на пароходѣ, быстро отдалявшемся отъ устья Невы.

Между тѣмъ отецъ Юліи, никогда не отличавшійся дѣятельностію по службѣ, почти совершенно пересталъ ходить въ департаментъ, гдѣ онъ служилъ. День и ночь сидѣлъ онъ, запершись въ своей комнатѣ, и сочинялъ уродливые стихи своей поэмы. Однажды онъ отправился въ давно забытый имъ де-

партаментъ, и возвратился оттуда чрезвычайно огорченнымъ. Ему объявили, что онъ уволенъ отъ службы, и на мѣсто его опредѣленъ уже другой чиновникъ.

Но не долго огорчался этотъ Семень Романовичъ.

— Чтѣ за бѣда! воскликнулъ онъ, что меня уволили! Тѣмъ лучше для меня. Теперь, по крайней мѣрѣ, ничто не будетъ мѣшать мнѣ оканчивать мою поэму. Не думаютъ ли они, что огорчили меня этимъ? хе, хе, хе! Вотъ они скоро узнаютъ меня, кто я таковъ! Скоро я покажу имъ, что не имѣю въ нихъ пужды. Онъ потрепалъ Юлію по плечу — такъ ли, моя милая?

Юлія, узнавши о потерѣ отца, поблѣднѣла и едва не лишилась чувствъ. Опаматовавшись, она крѣпко прижала къ себѣ брата, набожно подняла глаза къ небу, перекрестилась нѣсколько разъ и потомъ принялась работать. Но работою уже нельзя было содержать себя, не смотря на то, что она просиживала за дѣломъ не только день, но даже и часть ночи. Чаше прежняго стала она прибѣгать къ помощи Анисьи Ивановны и просила ее продавать разныя вещи, оставшіяся послѣ покойной ея матери. Даже свято сохраняемые ею до сихъ поръ старыя платья матери и бѣлье пошли въ продажу. Здоровье Юліи стало видимо разстроиваться отъ непрерывнаго труда, безсонныхъ ночей, худой пищи и безпокойства на счетъ участи брата, котораго наконецъ надо было помѣстить въ какое нибудь заведеніе для воспитанія. Румянецъ уже никогда не сталъ появляться на впаляхъ щекахъ Юліи, прекрасные глаза ея покраснѣли и опухли отъ напряженія. Юлія съ ужасомъ стала замѣчать, что она слабѣетъ день отъ дня. Чтѣ будетъ съ братомъ, если она захвораетъ? Она сообщила свои опасенія Олимпіадѣ Васильевнѣ.

— Никто, какъ Богъ, Юлія! говорила добрая женщина, и чаще прежняго стала кормить Юлію вкусными пирожками. Почти каждый день стала она посылать ей или какого-нибудь изобрѣтеннаго ею соуса, или питательнаго супу, или сочнаго жаркаго. Никогда Олимпіада Васильевна не посылала этихъ кушаньевъ въ видѣ подаенія, а всегда почти показывала видъ, что хочетъ только похвастать своимъ умѣньемъ готовить

ихъ. Юлія понимала ея хитрость и не смѣла отказаться отъ благодѣяній доброй Олимпіады Васильевны.

Олимпіада Васильевна очень гордилась ласковымъ пріемомъ своихъ прежнихъ благодѣтелей, и продолжала постоянно посѣщать ихъ.

Одѣвшись лучше чѣмъ обыкновенно, она попросила Анисью Ивановну постеречь квартиру, и пошла со двора.

— Куда это, матушка Олимпіада Васильевна, извольте идти? спросила торговка.

Олимпіада Васильевна улыбулась.

— Иду, сказала она ей тихо и какъ будто бы по секрету, къ моимъ благодѣтелямъ.... смотри.... Анисья Ивановна, ни кому не говори, зачѣмъ я иду....

Приказаніе это было бесполезно, потому что Анисья Ивановна не могла узнать изъ этихъ словъ, зачѣмъ Олимпіада Васильевна пошла къ своимъ благодѣтелямъ. На лицѣ Олимпіады Васильевны такъ и сіяла улыбка. Ее одушевляло намѣреніе сдѣлать доброе дѣло, попросить своихъ благодѣтелей опредѣлить маленькаго Сашу въ какое нибудь казенное учебное заведеніе. Она въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ рассказала про добродѣтель сестры мальчика, про ея любовь къ нему и нѣжную заботливость, про ея трудолюбіе и несчастное положеніе, что ей дали обѣщаніе устроить судьбу мальчика. Юліи же послали денежный подарокъ. Когда Олимпіада Васильевна возвратилась домой, она была такъ счастлива, довольна собою и весела, что приготовила довольно роскошный по ея состоянію обѣдъ и пригласила къ себѣ Юлію, ея отца и брата. Она сунула Юліи въ руку присланныя ей деньги.

— Возьми это, не стыдись, сказала она ей: это посылаютъ тебѣ богатые люди отъ измѣшества. Вскорѣ, можетъ быть, я порадую тебя, Юліюшка, доброю вѣсточкою, прибавила она съ веселою улыбкою.... Молись только Богу и уповай на Него....

Олимпіада Васильевна не хотѣла рассказать Юліи о предпріятіи ея въ тайнѣ добромъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, пока оно не увѣчается совершеннымъ успѣхомъ. Она готовила ей сюрпризъ; даже всѣ пужныя для опредѣленія Сашу бумаги, она

выманшла у нея хитростію, какъ будто бы для того, чтобъ рассмотреть ихъ пзъ любопытства.

Но вотъ поэма уже окончена. Тысячи надеждъ волнуютъ ея сочинителя. Онъ гордо прохаживается по комнатѣ, понимая свое достоинство и чувствуя, какой великій подвигъ онъ совершилъ. Онъ уже успѣлъ прочтати нѣсколько отрывковъ пзъ нея нѣкоторымъ своимъ товарищамъ, чиновникамъ. Иные пзъ нихъ хвалить ихъ, говоря: Славно! славно! Семень Романовичъ! Другіе дѣлаютъ свои замѣчанія; третьи молчатъ; нѣкоторые украдкою насмѣшливо улыбаются; но никто еще, до сихъ поръ, не осмѣлился сказать Семену Романовичу въ глаза, что онъ написалъ вздоръ, галиматью. Поэтъ счастливъ и доволенъ собою.

Кто-то позвонилъ къ нему въ дверь; Юлія отперла.

Въ комнату ввалилось огромное, толстое, краснолицое чудовище въ запачканномъ сюртукѣ. Это былъ пріятель и прежній сослуживецъ Семена Романовича, жившій въ одномъ домѣ съ нимъ, и также какъ и онъ уволенный, неизвѣстно почему, отъ службы. Какими-то быгими кровавыми глазами посмотрѣлъ онъ на Юлію, прошепталъ ей что-то въ родѣ привѣтствія, и на его широко, лоснящемся лицѣ показалась улыбка, походившая болѣе на насмѣшку, чѣмъ на изъявленіе удовольствія. Юлія оробѣла и хотѣла спрятаться за ширмы. Уже давно стала она каждый день встрѣчать это чудовище на дворѣ, или въ мелочной лавкѣ. Оно низко кланялось ей, изкоса осматривало ее съ головы до ногъ, улыбаясь отвратительно, насмѣшливою улыбкою. Иногда оно провожало ее до лавки, или обратно отъ лавки до крыльца ея квартиры, и говорило ей какіе-то грубые, непонятные комплименты. Очень часто оно шло по двору на твердыхъ шагахъ. Вздолпанная, испуганная Юлія всегда старалась, какъ можно скорѣе уйти отъ него домой. Это существо, походившее болѣе на животное, чѣмъ на человѣка, возбуждало въ ней страхъ и отвращеніе. Ей казалось, что оно стоитъ на самой низшей ступени человѣчества, что взгляды его, улыбка и привѣтъ — высочайшее оскорбленіе.

— Дома ли вашъ батюшка? спросилъ онъ, не сводя съ Юліи своихъ замаслившихся, красныхъ глазъ.

— Ге, ге! да это вы, любезнѣйшій пріятель! воскликнулъ Семень Романовичъ. Милости просимъ! милости просимъ! сюда, почтеннѣйшій Паутелей Петровичъ.

Огромное существо прогѣзло въ дверь комнаты Семена Романовича, который притворилъ ее слегка.

— Давненько, Семень Романовичъ, не видалъ васъ, сказалъ Паутелей Петровичъ, потирая руки и садясь противъ полуотворенной двери. Некогда было зайти. Мѣстечко открывается тепленькое, такъ хотѣлось бы маленько... этакъ... знаете ли... Хе, хе, хе! Я хоть человѣкъ и не бѣдный, слава Богу... живу въ совершенномъ довольствѣ...—онъ возвысилъ голосъ, поглядывая на дверь—такъ, что деньги для меня тринь-трава... хе, хе, хе! Ну-съ, а вы, почтеннѣйшій Семень Романовичъ, поди-ка все пишете, да пишете. Великій вы человѣкъ.

— Ну хоть и не великій, сказалъ Семень Романовичъ, какъ будто бы пзъ великодушія отказываясь отъ титула великаго: а такъ себѣ тружусь, чтобъ перевалилось кой-что въ руки... на приданое дочери, да на обмундировку сыну... я за большимъ вѣдь не гонюсь.

— Ну за большимъ-то вѣдь нечего и гнаться, сказалъ гость, лукаво поглядывая на поэта: оно конечно... слава... почетъ... а что, нельзя ли послушать, такъ, изъ любопытства... ваше сочиненіе. Я думаю каждая строчка въ немъ такъ и пахнетъ сотнягою рублей.

— Пожалуй, сказалъ Семень Романовичъ: я готовъ, если вы желаете, прочитать....

— Ужъ какъ же не желать... Этакимъ знаменитый человѣкъ! хе, хе, хе! право знаменитый. Иной себѣ трудится, трудится, ходитъ каждый день на службу, и въ грязь-то, и въ дождь... а за все это получаетъ какіе нибудь сотни три-четыре рублишковъ въ годъ; а тутъ сиди дома, да пачкай буиагу, а рубли такъ себѣ и вырастаютъ подъ руками. Конечно у всякаго свой талантъ.

— Вотъ напримѣръ я—онъ подошелъ къ двери такъ, чтобы его могли слышать изъ кухни—имѣю кажись копѣечку... деньги для меня тринь-трава! ихъ и куры не клюютъ у меня.

— Оно и хорошо, что обезпечил себя; я также надѣюсь....

— О! надежды прекрасное дѣло, хоть конечно.... ни сытъ не будешь, а впрочемъ это очень утѣшительно. Онъ подошелъ къ столу, на которомъ лежала толстая поэма.

— Это-то и есть ваше сочиненіе? сказалъ онъ.

— Это.

— Экая толстая тетрадища! — Я думаю много убили на нее времени!

— Двадцать пять лѣтъ.

— Двадцать пять лѣтъ! стоило же это труда вамъ!...

— Да трудъ былъ огромный. Можно сказать, что я посвятилъ на него цѣлую жизнь. Двадцать пять лѣтъ не зналъ я покоя ни днемъ, ни ночью; двадцать пять лѣтъ живу только для нея. Онъ указалъ на тетрадь.

— Поди-ка напечатаете и въ какомъ-нибудь журнальчикѣ.

— Нѣтъ! я хочу попросить, чтобъ ее напечатали на казенный счетъ.

— Чтò же? сперва въ журналѣ а потомъ на казенный счетъ.... авось и посчастливится....

— Мысль славная! воскликнулъ Семенъ Романовичъ. Какъ это не приходило мнѣ на умъ? напечатать сперва въ журналѣ, а потомъ на казенный счетъ.... Завтра отнесу ее къ журналисту. Правду говорятъ: умъ хорошъ, а два лучше.

— Ну, да вѣдь мы не изъ глупаго, кажется, десятка.—Онъ подошелъ ближе къ двери. Маракуемъ тоже что-нибудь, умѣли нажать копѣечку. Хе, хе, хе! да и вамъ бы давно пора подумать объ этомъ. Вѣдь дочка-то ужъ подросла; а кто захочетъ жениться на ней, когда у ней и платьишка нѣтъ порядочнаго. Хе, хе, хе! а вѣдь тоже поди-ка трудится, бѣдняжка. Да трудомъ сытъ не будешь. Иная трудится себѣ день и ночь, вся высохнетъ отъ работы, а какъ выйдетъ на улицу въ платьицѣ съ заплатками, такъ всякой прохожій въ глаза плюнетъ. Другая и ничего не дѣлаетъ цѣлый день, а какъ есть у нея умокъ, такъ и живетъ себѣ привѣваючи.... Каждый прохожій смотритъ на нее съ удовольствіемъ, и дорогу ей даютъ.... идетъ себѣ, какъ королева, въ шелковомъ салопѣ, да въ шляпѣ съ перомъ.

Вся эта правоучительная рѣчь говорена была такъ, чтобъ Юлія могла слышать ее изъ кухни.

Семену Романовичу очень не нравился тонъ Паптелеса Петровича; онъ снисходительно слушалъ его только потому, что тотъ называлъ его великимъ человѣкомъ. Запаханное платье, винный запахъ, исходящій изъ его рта, хвостовство и загадочное существованіе его какими-то непонятными доходами, подавали очень невыгодное мнѣніе объ немъ.

Уходя отъ Семена Романовича, онъ долго прощался съ нимъ въ кухнѣ, посматривая безпрестанно на ширмы, за которыми спряталась Юлія.

На другой день послѣ этого посѣщенія, Семенъ Романовичъ отправился къ редактору одного русскаго журнала.

Долго, долго сидѣлъ бѣдный поэтъ въ приемной залѣ журналиста, ожидая появленія хозяина, но тотъ не явился.

Дверь залы отворилась, и черезъ нее прошла дѣвица, потомъ другая дѣвица, потомъ прошла горничная дѣвушка, потомъ прошла полная пожлая дама, потомъ толстая нянюшка съ дѣтми, потомъ лакей, потомъ мальчикъ, потомъ опять нянюшка съ дѣтми, потомъ опять полная пожлая дама. Всѣ они украдкою взглядывали на поэта и на его толстую тетрадь. Онъ начиналъ терять терпѣніе, нѣсколько разъ просилъ еще разъ доложить объ немъ хозяину, и каждый разъ ему говорили, что онъ сейчасъ придетъ, а этотъ *сейчасъ* тянулся долго, ужасно долго. Измученный напраснымъ ожиданіемъ, проголодавшійся Семенъ Романовичъ совершенно потерялъ терпѣніе и уже взялся за шляпу, чтобы идти домой; но дверь залы снова отворилась и въ этотъ разъ уже вошелъ тотъ человѣкъ, отъ котораго, на первый случай, завистѣла судьба поэта. Радужный, ласковый приемъ его успокоилъ Семена Романовича. Онъ взялъ у поэта огромную тетрадь и хотя посмотрѣлъ не очень благосклонно на ея толщину, но обѣщалъ просмотрѣть ее, и попросилъ поэта зайти къ нему черезъ нѣсколько дней, освѣдомиться о своемъ произведеніи. Ободренный Семенъ Романовичъ весело пошелъ домой, въ надеждѣ, что его поэму начнутъ скоро печатать, и всѣ его ожиданія наконецъ сбудутся. Но не то случилось, чего онъ желалъ.

Возвратясь, черезъ нѣсколько времени, въ домъ журналиста, опъ, какъ и во время перваго своего посѣщенія, долго сидѣлъ въ залѣ; какъ и въ первый разъ мимо его мелькали дѣвнцы, лакеи, горничныя, дѣти и съ ними толстая нянюшка; не появлялся только одинъ хозяинъ дома. Наконецъ къ нему подошла дѣвица и сказала, что поэму его не успѣли еще прочитать, и просить пзвненія. Много разъ возобновлялись безуспѣшныя посѣщенія Семена Романовича, и кончились тѣмъ, что поэтъ сталъ просить, чтобы ему возвратили его поэму. Просьба его была немедленно исполнена: Ему показалось, между прочимъ, что дѣвица, возвратившая ему поэму, старалась скрыть отъ него свою насмѣшливую улыбку. Вѣроятно, она заглянула въ толстую тетрадь. Это обстоятельство поэтъ оставилъ безъ вниманія и понесъ свою поэму къ другому журналисту.

— Я долженъ откровенно признаться вамъ, отвѣчалъ ему другой журналистъ, что теперь еще средства не позволяютъ мнѣ принимать въ мой журналъ такія огромныя произведенія, можетъ быть со временемъ.... когда журналъ возвысится.... Поэту нельзя было ждать, когда журналъ возвысится; онъ отправился къ третьему журналисту. Тотъ сказалъ ему, что сжатость журнала не позволяетъ печатать къ нему такія огромныя статьи. Четвертый сказалъ, что поэма—старинный родъ сочиненій, а въ его журналъ требуются статьи новѣйшія, современныя. Куда не кидался пашъ поэтъ съ своею поэмою, вездѣ ему была неудача.

Онъ вздохнулъ и написалъ прошеніе о напечатаніи его поэмы на казенный счетъ, обѣщая заплатить за издержки деньгами, которыя онъ выручитъ, когда поэма поступитъ въ продажу.

Олимпиада Васильевна вѣрѣдка приносила отъ своихъ благодѣтелей денежныя пособія для Юліи. Однажды у бѣдной дѣвушки уже почти ничего не оставалось изъ полученныхъ ею денегъ. Правда ей были заказаны чулки и провязавши ихъ весь день и ночь, она могла бы окончить ихъ къ завтрашнему дню. Юлія пошла въ лавочку купить на остальные деньги, хлѣба и крупъ къ обѣду. Лавочникъ, съ нѣкоторыхъ поръ сталъ необыкновенно учтивъ съ Юлією и поглядывалъ

на нее такимъ страннымъ взглядомъ, какъ будто бы хотѣлъ сообщить, что-то важное, но она всегда старалась уйти изъ лавки какъ можно скорѣе. Теперь же онъ подошелъ къ ней очень близко и сказалъ почти на ухо.

— Барышня! приходите-ка сегодня вечеромъ ко мнѣ въ лавку, я имѣю нѣчто сказать вамъ... такъ что и папенькѣ вашему будетъ это полезно, да и вамъ самимъ не противно.... А? какъ вы думаете? придетъ что ли?

Юлія, услыша что хотятъ предложить что-то полезное ей отцу, и не понимая въ чемъ дѣло, обѣщала придти.

Вечеромъ, въ тотъ же день, Юлія, съ непонятнымъ для нея трепетомъ, вошла въ лавку.

— Сейчасъ, сейчасъ, барышня, сказалъ лавочникъ, запирая ящикъ съ деньгами. Эй, Оедька, запирай лавку, ужъ десять часовъ. Пожалуйста, пожалуйста сюда, барышня говорилъ онъ, выходя изъ лавки на улицу. Вотъ мы сейчасъ потолкуемъ съ вами. Оедька! а Оедька! какъ запрешь лавку, не забудь вывести въ погребъ вареную солонину, да и огурцы-то, что въ лавкѣ, тоже, смотри, вынеси. Сдѣлавъ всѣ эти хозяйственныя распоряженія, лавочникъ обратился къ Юліи.

— Ну, что барышня? Взялась таки за умъ, пришла.... Ужъ давно бы пора такъ.... хоть и говорить, что красавица, а въ правду сказать, вѣдь не Богъ вѣсть ужъ какая красавица.... вишь какая худенькая... швей баринъ, пожалуй, еще и не поглядеть на васъ.... ну да тотъ, о комъ я говорю, не изъ такихъ, знаетъ же маленько, что хорошо, не ошибется въ товарѣ....

Юлія съ недоумѣніемъ смотрѣла на лавочника. Онъ продолжалъ говорить ей, все ближе и ближе придвигаясь къ ней.

— Останетесь барышня довольны влѣ.... все заведетъ, какъ слѣдуетъ, не будете ходить, какъ теперь, въ этиakinъ лохмотьяхъ-то. Салопикъ сошьетъ вамъ и платье шелковое саптурковое, и шляпку купить въ магазинѣ.... будете ходить не хуже другихъ... и отецъ-то не будетъ голодать... ну что же, барышня, ничего не говорите? согласны что ли?

— Да что же тебѣ надо? спросила Юлія, не понимавшая предложенія лавочника.

— Полно притворяться-то, барышня; не понимаешь что ли, о чем говорю? Да вотъ, пожалуйста, и самъ Пантелей Петровичъ тутъ, онъ объяснить вамъ все, какъ слѣдуетъ. Лавочникъ удалился. Юлія онѣмѣла отъ ужаса. Шатаясь, подошелъ къ ней Пантелей Петровичъ.

— Ну что? красоточка моя!... видно не хочется умирать съ голоду.... хе, хе, хе!... Сошью салопъ на лисьемъ мѣху, серьги подарю брилліантовыя.... хе, хе, хе! денегъ у насъ куры не клюютъ....

Юлія хотѣла пробѣжать черезъ ворота домой; но огромное пьяное чудовище загородило ей дорогу,

— Полно упрямится-то, сударыня, вѣдь умрете съ голоду... Не бойтесь, никто не узнаетъ. Онъ схватилъ ее за руку. Юлія вскрикнула, вырвалась и пустилась бѣжать, что было силы, по улицѣ. Ей казалось, что толстый, засаленный Пантелей Петровичъ, какъ отвратительное, страшное животное, гонится за нею. Поровнявшись съ ближнею гостинницею, она столкнулась съ какимъ-то баринномъ, вышедшимъ изъ красной, дорожной кареты. Мелькомъ блеснуло передъ нею знакомое лицо Антона Петровича. Юлія побѣжала еще скорѣе. Долго бѣжала она, не смѣя остановиться и перевести духъ; наконецъ силы ея истощились и она принуждена была прислониться къ стѣнѣ какого-то дома. Долго не смѣла Юлія поднять глазъ и оглянуться, страшась увидѣть ненавистное привидѣніе. Почувствовавъ, что все тихо вокругъ нея, она ободрилась, робко посмотрѣла вокругъ себя. Никого не было близъ нея. Она вздохнула свободнѣе и пошла домой, оглядываясь во всѣ стороны. Дождь шелъ ливнемъ, съ сѣверовостока дулъ холодный, порывистый вѣтеръ. Платье Юліи промокло; она чувствовала, что вѣтеръ продувалъ ее насквозь. Вскорѣ поровнялась она съ гостинницею. Тамъ, у подъѣзда, изъ дорожной кареты выгружали вещи. Сердце дѣвушки замерло; она удвоила шаги. Лавочникъ уже скрылся; у воротъ ея дома никого не было. Она порхнула во дворъ и вбѣжала на лѣстницу такъ скоро, какъ будто бы кто нибудь гнался за нею. Сердце ея сильно билось. На квартирѣ у ней было холодно. Лихорадочная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Отца ея не было дома; Саша дре-

малъ въ углу, надъ кнпгою съ картинками. Юлія уложила его спать; сама же съѣла на кровать, закуталась въ одѣяло и стала вязать чулокъ. Такъ какъ свѣчка уже догарала, а другой у нея не было, она погасила ее и продолжала вязать въ потьмахъ. Ужасное оскорбленіе безпрестанно напоминалось ей. Досада и негодованіе сильно волновали ея грудь.—Вотъ что значить бѣдность, думала она: каждый полагаетъ, что онъ въ правѣ обидѣть бѣднаго человѣка! Между тѣмъ сонъ мало по малу сталъ овладѣвать ею. Прошедшую ночь она почти всю провела за работою. Чулокъ начиналъ вываливаться изъ ея рукъ; но вдругъ страшное видѣніе представилось ей; она вздрагивала и соскакивала съ кровати: то ей казалось, что кто-то шевелится въ кухнѣ, она поспѣшно зажгла свѣчку и осматривала всѣ углы; то, какъ будто бы кто-то брался за ручку двери; Юлія со страхомъ прислушивалась, не хочетъ ли кто, крадучись, войти къ ней. Успокоясь немного, она снова принималась за чулокъ, и снова онъ выпадалъ изъ ея рукъ; а ей казалось, что его съ хохотомъ выдергивалъ страшный, гадкій Пантелей Петровичъ, и лихорадочная дрожь обхватывала ее. На лѣстницѣ послышался какой-то шорохъ. Что-то тяжелое повалилось у дверей кухни. Юлія едва не упала въ обморокъ. Наконецъ въ дверь постучали.—Кто тамъ? спросила она трепещущимъ голосомъ.— Это я, отвѣчалъ ея отецъ. Голосъ его показался ей чужимъ, незнакомымъ.—Кто тамъ? повторила она.—Ахъ Боже мой! это я. Отопри же скорѣе, Юлія. А Юлія не отпирала дверь: она все еще боялась впустить, вмѣсто отца кого-то чужаго. Дай-ко сюда свѣчку, Юлія. Кажется, сюда забрался какой-то пьяный. Дрожа всѣмъ тѣломъ, Юлія подала отцу свѣчку.

— Ба! да это Пантелей Петровичъ! Юлія вздрогнула и захлопнула дверь.

— Юлія! дурочка! отопри дверь. Чего ты испугалась? вѣдь это Пантелей Петровичъ. Нутка, дружище, вставай. Пантелей Петровичъ! вставай же.

Семенъ Романовичъ толкнулъ его ногою.

— Дурочка.... милашка.... сказалъ Пантелей Петровичъ, поворачиваясь, по слова повалился и захрапѣлъ.

К. XII — Отд. III.

- Юлія, останься здѣсь, а я схожу за дворникомъ.
- Нѣтъ! нѣтъ! съ ужасомъ воскликнула Юлія и ухватилась за отца.
- Если боишься остаться, то запись. Давно ли ты сдѣлалась такою трусихой?
- Папенька останьтесь здѣсь, ради Бога останьтесь, закричала она отчаяннымъ голосомъ.
- Экая дура! право дура! А, да вотъ и дворникъ!
- Услыша разговоръ на лѣстницѣ, дворникъ вошелъ въ сѣни, чтобы посмотреть, что тамъ дѣлается.
- Убери, любезнѣйшій, Пантелея Петровича, вишь онъ съ пьяна зашелъ въ чужія сѣни, сказалъ Семень Романовичъ.
- Эхъ баринъ! сказалъ дворникъ, почесывая въ головѣ: экая оказія! не надо оставлять дочеръ-то одной. Семень Романовичъ побагровѣлъ.
- Что? что ты осмѣлился сказать? Онъ занесъ руку, судорожно сжатую кулакомъ.
- Не извольте драться-то, сударь. Я пожалуюсь въ полицію.
- Уйдемте, уйдемте, папенька! закричала Юлія, сплю втащила отца въ кухню и крѣпко заперла дверь.
- Боже мой! Боже мой! что подумаютъ теперь обо мнѣ! она упала на постель и зарыдала.
- Успокойся, Юлія, сказалъ отецъ. Я справлюсь съ нимъ завтра. Онъ не посмѣетъ рассказывать о тебѣ этакой вздоръ. Да ему никто и не повѣритъ. Къ хорошему худое не приста-нетъ. Будь только всегда честна и добродѣтельна.
- Юлія не могла успокоиться. Она почти всю ночь не спала, и на слѣдующій день стала чувствовать сильную головную боль, усталость и боль во всѣхъ членахъ.
- Съ трудомъ встала она съ постели, хотѣла подойти къ печи, но пошатнулась отъ слабости и едва не упала. Страхась болѣзни и стараясь преодолѣть ее, она кой-какъ растопила печь, сунула въ нее горшокъ капусты съ водою и, не смотря на слабость и болѣзнь, принялась вязать чулокъ. Съ ужасомъ вспоминала она, что къ слѣдующему дню у ней не на что купить провизіи для обѣда, а если болѣзнь помѣшаетъ ей окон-

чить чулки, то Саша ей будетъ принужденъ голодать цѣлый день. Саша, предчувствуя что-то не доброе, безпрестанно ласкался къ сестрѣ и увивался около нея.

Семень Романовичъ, не замѣчая болѣзни дочери, и забывъ вчерашнюю сцену, отправился со двора хлопотать о своей по-эмѣ.

Олимпиада Васильевна проснулась чрезвычайно веселою, хотя она и не могла дать себѣ отчета, отчего ей такъ весело. По обыкновенію, она принялась готовить себѣ обѣдъ. День былъ ясный осенній, грязь на дворѣ подмерзала. Солнце весело свѣтило въ кухню Олимпиады Васильевны. Нѣсколько воробушковъ порхали надъ окномъ ея и клевали посыпанную имъ крупу.

Въ кухнѣ было все такъ чисто и опрятно, что сердце радовалось. Счастіе блистало на лицѣ Олимпиады Васильевны. Она съ неизъяснимымъ удовольствіемъ прохаживалась по своему владѣнію. Вдругъ къ крыльцу подѣхалъ красивый экипажъ; изъ него легко выпрыгнулъ молодой человекъ. Олимпиада Васильевна ошѣмѣла отъ удивленія и неожиданной радости. Этотъ молодой человекъ былъ Антонъ Петровичъ!

— Антоша! воскликнула она, бросилась къ нему на шею и зарыдала отъ радости. А ужъ я думала, что никогда не увижу тебя болѣе. Экая я глупая: гора съ горою не сходится, а человекъ съ человекомъ... что это такое у тебя, Антоша? кажется бриллиантовыя пуговицы? что ты! въ умѣ ли? Развѣ можно тебѣ мотать такъ? А это что! золотые часы! Да ты не научился ли за границею франтить не по состоянію?

— Успокойтесь, тетушка, сказалъ молодой человекъ, улыбаясь. Я теперь такъ богатъ, что всѣ эти бездѣлицы не могутъ разстроить моего состоянія.

— Какъ, неужели? твой дядя...

— Умеръ, сказалъ Антонъ Петровичъ и сдѣлалъ меня своимъ наследникомъ.

— А сынъ его?

— Умеръ, повторилъ молодой человекъ.

Антонъ Петровичъ рассказалъ, какъ онъ понравился своему

старому дядѣ, какъ тотъ, найдя въ немъ необыкновенное сходство съ покойнымъ сыномъ, обласкалъ его и, умирая, завѣщалъ ему все свое огромное состояніе.

Олимпиада Васильевна слушала рассказы племянника съ такимъ восторгомъ, что едва не забыла свои почтенныя лѣта и не принялась танцовать. Она забыла выпнуть изъ печи посаженное ею туда жаркое, и оно пережарилось. Но она не огорчилась сегодня этимъ чрезвычайно важнымъ для нея происшествіемъ, и даже равнодушно махнула рукою.

— Не хочешь ли, Антоша, пирожковъ, спросила она, подавая ихъ на тарелкѣ. Они свѣженькіе, горяченькіе, еще не успѣли простыть; покушай-ка нашихъ русскихъ пирожковъ. Тебя, вѣрно, не кормили такими за границей...

— По крайней мѣрѣ, не угощали ими съ такимъ радушіемъ, сказалъ, улыбаясь, молодой человѣкъ. Но, тетенька... позволите спросить васъ... что... Юлія Семеновна...

— Ахъ бѣдная Юлія! отецъ ея уволеетъ отъ службы, здоровье ея слабѣетъ; она работаетъ день и ночь, а все такъ не можетъ заработать себѣ насущнаго хлѣба... Молодой человѣкъ вздохнулъ.

— Вы говорите, что здоровье ея слабѣетъ? спросилъ онъ.

— Да такъ слабѣетъ, что если судьба ея не переменится, то она не долго проживетъ между нами.

Антонъ Петровичъ поблѣднѣлъ.

— А ужъ можетъ ли состояніе ея поправиться! отецъ ея сочинилъ какую-то... помнится... поэму... такъ кажется называла ее Юлія, и надѣется разбогатѣть черезъ нее, да Юлія-то говоритъ, что это все вздоръ.... Бѣдняжка! заслужила она себѣ царство небесное. Рѣдкая дѣвушка!

Молодой человѣкъ задумался.

— Развѣ она не можетъ выдти замужъ? сказалъ онъ наконецъ.

— Выдти за мужъ, выдти за мужъ! повторила Олимпиада Васильевна. Экъ ты, батюшка, что смололъ! За кого ей выдти за мужъ? За бѣднаго человѣка ей нельзя идти, а изъ богатыхъ кто женится на такой бѣдной дѣвушкѣ.

— Я! сказалъ Антонъ Петровичъ. Олимпиада Васильевна взглянула на него съ изумленіемъ.

— Какъ... Антоша, что ты сказалъ?

— Что я жениюсь на ней, повторилъ молодой человѣкъ.

Пирожекъ, который Олимпиада Васильевна собиралась откусить, выпалъ изъ рукъ ея. Въ отсутствіи Антона Петровича, Юлія едва ли не заняла первое мѣсто въ ея сердцахъ.

— Голубчикъ Антоша! благодѣтель! воскликнула она, прослезившись и обнявъ молодого человѣка. Осчастливь спрота, не покинь ее бѣдную! Богъ наградитъ тебя за это. Не дай умереть ей съ голоду.

Растроганный Антонъ Петровичъ не могъ скрыть своего смущенія.

Отъ васъ зависитъ, тетенька, сказалъ онъ не твердымъ голосомъ, устроить это дѣло.

— Какъ! ты хочешь, чтобы я была свахою? Хотя я, въ правду сказать, и не люблю вмѣшиваться въ подобные дѣла, чтобы не заслужить упрека, если супружество будетъ не очень счастливо; но теперь дѣло другое. Я увѣрена, что Юлія хоть кого сдѣлаетъ счастливымъ. Надо отдать ей справедливость, удивительная дѣвушка! удивительная хозяйка! пирожки изготовить не хуже даже меня, а посмотрѣлъ бы ты какъ у нея все чисто въ кухнѣ!

— Надѣюсь, сказалъ Антонъ Петровичъ, что ей уже не нужно будетъ самой соблюдать чистоту въ кухнѣ.

Дверь отворилась, въ нее вошелъ Семенъ Романовичъ; лицо его было разстроено.

— Да вотъ самъ Богъ посылаетъ сюда Семена Романовича, радостно воскликнула Олимпиада Васильевна. Порадуйся, батюшка, Семенъ Романовичъ! мой дорогой племянничекъ возвратился ко мнѣ, да еще какъ! вѣдь онъ теперь миллионщикъ, батюшка! получилъ наслѣдство отъ дяди.

Семенъ Романовичъ вздохнулъ. Милліоны рѣзко противорѣчили съ его нищетою.

— Что же ты батюшка, Семенъ Романовичъ не радуешься со мною? А вѣдь и вамъ также можно бы порадоваться, что

Антонъ Петровичъ разбогатѣлъ, вѣдь онъ хочетъ жениться на твоей Юліи.

— Какъ? что? съ недоумѣніемъ спросилъ Семенъ Романовичъ, поглядывая то на Олимпиаду Васильевну, то на молодого человѣка.

Последній подошелъ къ нему и сталъ просить его, чтобы онъ осчастливилъ его своимъ согласіемъ.

Семенъ Романовичъ обнялъ своего будущаго зятя.

— Богъ дастъ, сказалъ онъ, мнѣ удастся и приданое кой-какое приготовить ей къ свадьбѣ. Вѣдь я подалъ прошеніе о напечатаніи моей поэмы на казенный счетъ... Да что теперь толковать объ этомъ! Юлія моя что-то не здорова, горячка что ли прихватила ее, она что-то бредитъ. Я пришелъ просить васъ, Олимпиада Васильевна, чтобы вы навѣстили ее.

Общая радость въ одинъ мигъ превратилась въ испугъ. Олимпиада Васильевна нагнула на голову платокъ. Вотъ тебѣ и радость! воскликнула она и побѣжала къ больной. Антонъ Петровичъ поблѣднѣлъ и, вмѣстѣ съ отцомъ, последовалъ за Олимпиадою Васильевною.

Болезнь быстро развилась въ Юліи. Оскорбленіе, испугъ, простуда и безпокойство, что она не успеетъ выработать денегъ на обѣдъ къ слѣдующему дню, привели ее въ отчаянное положеніе. Она лежала на кровати, въ рукахъ ея былъ чулокъ и хотя изъ него выпали иголки, но она вертѣла его въ рукахъ и какъ будто бы вязала. По временамъ, она быстро вскакивала съ постели и звала къ себѣ Сашу, который сидѣлъ у ея кровати и съ боязнію смотрѣлъ на нее. Мутными глазами взглянула Юлія на Олимпиаду Васильевну и не узнала ее. Последняя хотѣла потихоньку отнять у нея чулокъ; Юлія судорожно сжала его въ рукахъ и дикимъ, отчаяннымъ голосомъ закричала: отдай мнѣ его! отдай! или ты хочешь, чтобы мой братъ умеръ съ голоду? прочь! прочь! отвратительное чудовище! Я не боюсь бѣдности, я буду трудиться, онъ не пойдетъ по міру.

Съ отчаяніемъ подошелъ къ ней Антонъ Петровичъ. Юлія устремила на него свои большіе черные глаза. Казалось, въ нихъ на мигъ блеснула жизнь, но она тотчасъ же закрыла ихъ.

— Нельзя думать о немъ, сказала она шопотомъ: надо трудиться... она вздохнула и повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

Антонъ Петровичъ тотчасъ же поѣхалъ за докторомъ. По-ка онъ искалъ его, болѣзнь Юліи ужасно усилилась. Съ бѣшенствомъ металась она на кровати и при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней кричала: Прочь, чудовище! не тронь мою руку!

Пріѣхалъ докторъ. Долго смотрѣлъ онъ на нее молча.— Сильная горячка, сказалъ онъ и воспаленіе въ мозгу.

Вопрошающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на доктора молодой человѣкъ, но не прочиталъ на лицѣ его ничего утѣшительнаго.

Выбравъ минуту, когда Юлія казалась спокойнѣе, Олимпиада Васильевна поднесла ей ложку съ лекарствомъ. Юлія зажала ротъ и оттолкнула отъ себя ложку. — Это поэма! сказала она, горько улыбувшись.

Всѣ средства были припаты для спасенія Юліи; но она въ безпамятствѣ не хотѣла принимать никакихъ лекарствъ и съ каждымъ днемъ становилась слабѣе.

Олимпиада Васильевна не отходила отъ нея. Антонъ Петровичъ молча сидѣлъ у кровати Юліи, и смотрѣлъ, какъ душа его невѣсты отлетала изъ прекрасной своей земной оболочки.

Однажды Анисья Ивановна принесла Олимпиадѣ Васильевнѣ письмо. Лицо доброй женщины заблестало радостію, когда она прочтала его.

— Антоша! сказала она тихо своему племяннику: какая радость для Юліи! Саша опредѣленъ въ....

Не успѣла она договорить этихъ словъ какъ Юлія, казавшаяся спящею, быстро взглянула, на Олимпиаду Васильевну.

— Тише, тетенька, сказалъ шопотомъ Антонъ Петровичъ. Олимпиада Васильевна наклонилась къ Юліи.

— Лучше ли тебѣ, Юлинька? Спросила она. Юлія махнула утвердительно головою.

— Будь спокойна, Юлинька, всѣ твои дѣла идутъ хорошо. Саша опредѣленъ....

— Молчите, тетенька, ради Бога молчите, сказалъ Антонъ Петровичъ: радость можетъ быть опасна для Юліи Семеновны.

Юлія быстро приподнялась на постелѣ, притянула къ себѣ сидѣвшаго подлѣ нея Сашу и обняла его, взглянула на образъ, прошептала что-то въ родѣ молитвы, или благословенія. Потомъ взглянула на Антона Петровича и долго, долго всматривалась въ него, какъ будто бы припоминая что-то.

— Это все поэма, сказала она, махнувъ рукою, захохотала и упала на подушку.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, по Петербургу везли розовый гробъ, на который наброшенъ былъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. За гробомъ шелъ посѣдѣвшій старикъ и блѣдный молодой человекъ. Позади ихъ ѣхала карета; въ ней печально сидѣла пожилая толстая женщина въ черной шляпкѣ; изъ кареты съ любопытствомъ выглядывалъ мальчикъ и казался очень довольнымъ тѣмъ, что ѣхалъ въ каретѣ. Сиди смирнѣе, Саша, сказала ему толстая дама. Когда гробъ заворотилъ въ ближнюю улицу, такъ что его стало видно изъ кареты, мальчикъ присмирѣлъ, потупилъ глазки и изъ нихъ выкатились слезы.

Прохожіе останавливались передъ траурнымъ поѣздомъ и съ сожалѣніемъ поглядывали на розовый гробъ.

Жизнь въ Петербургѣ, гдѣ все напоминало Антону Петровичу объ умершей юной страдалицѣ, сдѣлалась для него несносною. Обезпечивъ отца и брата своей покойной невѣсты, онъ уѣхалъ за границу и уже никогда не возвращался въ Петербургъ. Семей Романовичъ сталъ грустить, слабѣть, пересталъ хлопотать о своей поэмѣ. Казалось, онъ понималъ, что нерадѣніе его о благосостояніи семейства было причиною преждевременной кончины дочери. Вскорѣ онъ послѣдовалъ за нею.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, ему принесли отъ казъ о напечатаніи его поэмы на казенный счетъ. Судьба была такъ милостива къ нему, что не нанесла ему этого послѣдняго удара.

Кто не пожалѣетъ о безумцѣ, посвятившемъ всю свою жизнь труду бесполезному?

==

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Иностранная Словесность.

СЕМЕЙСТВО АЛЕНЬ.

(Окончаніе).

XXII.

Онѣсимъ и не заглядывалъ въ Шербургъ; онъ выпросилъ себѣ убѣжище у мельника, но и къ тому приходилъ только ночью, да еще въ дурную погоду; а остальное время проводилъ въ хижинѣ, или лучше сказать, въ землянкѣ, въ лѣсу, гдѣ всегда была запасена у него провизія. Онъ не видѣлся ни съ отцемъ, ни съ матерью, ни съ Веревкой; онъ очень хорошо зналъ, что жандармы съ первыми разспросами обратятся прямо къ нимъ, и

хотѣлъ избавить ихъ отъ ложныхъ показаній. Онъ начиналъ уже безпокоиться, что такъ долго не замѣчалъ на пѣѣ ни одного изъ условныхъ сигналовъ, и если бы не встрѣтился съ Вереникою и Пульхеріей, то намѣревался ночью увидѣться съ своей сестрою и разспросить ее обо всемъ. Чтобы не навлечь неприятели на мельника, въ случаѣ поисковъ, онъ предупредилъ его, что только изрѣдка будетъ приходить на почлегъ въ амбаръ, окно котораго должно было оставаться открытымъ, какъ будто пенарочно. Элуа взялся снабжать этотъ тайникъ хлѣбомъ, сыркомъ и яблонкою. Онисимъ иногда не появлялся дней по пяти; ночью, онъ иногда видѣлся съ рыбаками, занимавшимися контрабандой въ пользу мельника. Одинъ изъ этихъ людей, по его просьбѣ, приносилъ въ замокъ Безваль лучшую рыбу и лучшихъ раковинъ и продавалъ ихъ за безцѣнокъ, такъ что господинъ Мале невольно повторялъ: —Что за дешевизна на рыбу въ нынѣшнемъ году!

Ночью, послѣ встрѣчи съ Вереникою и Пульхеріей, вмѣсто того, чтобы украдкой войти въ домъ мельника, онъ вздумалъ вызвать его посредствомъ условнаго знака; но мельникъ былъ въ отлучкѣ и вернулся уже на другой день. Онисимъ дождался вечера и усиленно свидѣлся съ Элуа. Долго просилъ онъ его, оказывая господину Мале снисхождение, о которомъ говорила Пульхерія; но просьбы, мольбы и угрозы, все было напрасно. Мельникъ любилъ Онисима, но ненависть, издавна питаемая имъ къ фамиліи Мале, и еще усиленная презрѣніемъ самого господина Мале, превратилась въ немъ въ непреодолимую страсть. Онъ хотѣлъ, въ свою очередь, довести до униженія владѣтеля замка Безваля. — Онисимъ, сказалъ онъ, ужь лучше я дамъ тебѣ денегъ!

Онисимъ узналъ отъ мельника, что въ этотъ самый день, Епифанъ былъ уже въ замкѣ по одному важному дѣлу, и что на другой день утромъ должно было появиться объявленіе, что по денежной претензіи фермера Риве, въ такой-то день, съ разрѣшенія правительства, будетъ продаваться замокъ Безваль. Онисимъ въ отчаяніи, что не могъ уговорить мельника, пошелъ къ Епифану, подвергаясь опасности быть схваченнымъ. Епифана не было дома. Жена Гарандена, по настойчивой просьбѣ Онисима, открыла ему, что ее мужъ уѣхалъ въ Трувилль, чтобы напечатать объявленіе, которое въ тотъ-же вечеръ онъ долженъ приклеить къ воротамъ замка Безваля. Онисимъ дождался нѣсколько времени; но жена Епифана, замѣтивъ на лицѣ Онисима сильное волненіе, въ минуту возвраще-

ненія ее мужа, вышла къ воротамъ и сказала ему объ ожидавшемъ его посѣтителѣ.

Вернувшись въ комнату, она сказала Онисиму: — Мой мужъ прислалъ ко мнѣ одного человѣка, чтобы я не дожидалась его къ обѣду; онъ не пріѣдетъ. — Онисимъ ушелъ, и Епифанъ, выждавъ его ухода, могъ спокойно пообѣдать. Вечеромъ, онъ позвалъ двѣнадцатилѣтняго мальчика, котораго называлъ своимъ псидомъ, и велѣлъ ему взять цѣлый горшокъ клестера и огромную кисть; а самъ сунулъ себѣ въ карманъ два объявленія. Онъ былъ уже близъ Безваля, когда на перекресткѣ трехъ дорогъ, увидѣлъ человѣка, сидѣвшаго на пѣѣ. Этотъ человѣкъ всталъ и, подойдя къ нему, сказалъ: —Здравствуйте, господинъ Епифанъ!

— Здравствуй, Онисимъ, отвѣчалъ стряпчій: по пожалуйста, не задерживай меня; я такъ спѣшу.

— Въ такомъ случаѣ, мы пойдемъ вмѣстѣ.

— Но, быть можетъ, мнѣ не по дорогѣ съ тобою.

— Ну такъ мнѣ по дорогѣ съ вами. Мнѣ надо переговорить съ вами кое о чемъ.

— Послушай..... Онисимъ.... Мнѣ не слѣдъ идти съ тобою. Я иду въ Трувилль.

— А мнѣ сказали, что вы были уже тамъ нынче утромъ.

— То-есть, я хотѣлъ, да не успѣлъ еще быть тамъ, и собрался туда только вечеромъ.

— Ну такъ прощайте; сохрани васъ Богъ отъ всякой дурной встрѣчи.

— Одна такая ужь была; я потерялъ съ тобою десять ми-нутъ и, кажется, опоздалъ.... Прощай.

Епифанъ, сдѣлавъ маленькій обходъ, вышелъ опять на дорогу къ замку Безвалю, смѣясь про себя, какъ ему удалось отдѣлаться отъ Онисима. Онъ остановился и отрѣзалъ ножомъ сукъ ясени. — Теперь пойдемъ поскорѣе, сказалъ онъ провожавшему его мальчику. Давно уже думалъ я сдѣлать тебя моимъ первымъ псидомъ; тебѣ предстоитъ маленькій опытъ показать себя. Мы еще разъ избѣгли большой опасности, удаливъ отъ себя этого простофилю Онисима, который, не знаю почему, такъ привязался къ этимъ Мале. Ахъ, если бъ ты былъ со мною въ тотъ день, когда я продавалъ лошадей того грубіяна, который провожалъ меня вилами, почти до самого моего дома, или еще лучше, когда фермеры изъ Генневила столкнули меня въ воду въ ноябрѣ мѣсяцѣ!... Жарко показалось мнѣ, или не то, что жарко, а морозомъ подирало по кожѣ! Но теперь дѣло уладится спокойно. Впрочемъ, мѣшкать нечего. Пойдемъ

4

Иностранная Словесность.

поскорѣе. Да вотъ и замокъ. Остановимся здѣсь. Вотъ, кстади тутъ, этотъ камень. Намажь на немъ клестеромъ наше объявление. Мы принесемъ его совершенно готовое къ воротамъ.

— Вы сблизь съ дороги, господинъ Епифанъ, закричалъ Онисимъ, который, подозрѣвая обманъ отставнаго учителя, караулилъ его на дорогѣ къ замку: дорога въ Трувилль идетъ совсѣмъ не здѣсь.

— Я пойду туда нѣсколько попозже, мой другъ. Я забылъ, что мнѣ надо кое-что сдѣлать здѣсь, потѣмъ одумался. Ахъ, подумалъ я, вотъ уже ночь; теперь я не обезнокою жителей Безвала.

— Полноте лгать, Епифанъ; а послушайте-ка, что я скажу вамъ. Мельникъ.....

— Элуа Аленъ не мѣшается тутъ ни во что....

— Полноте лгать, повторяю вамъ, Епифанъ. Я очень знаю, о чемъ говорю. У мельника есть причины нападать на господина Мале; между прочимъ ему хочется вернуть свои деньги, которыя онъ ему ссудилъ, да еще взять за то проценты, и Богъ знаетъ, какіе проценты! Мы сами разъ заняли у него сто эку, и когда заплатили ему двѣсти франковъ, все-таки остались должны больше ста эку. Ужъ такой обычай у этого человѣка, и обычай, кажется, очень хорошій, потому что всѣ его уважаютъ, и низко кланяются ему. Но есть еще другая причина, гораздо поважнѣе. Ему хочется отмстить за оскорбленіе, нанесенное ему однимъ изъ родственниковъ Мале, и это-то не совсѣмъ справедливо. Кромѣ того, лежачаго, какъ говорятъ, не бьютъ. А Мале теперь въ самомъ несчастномъ положеніи. Мельникъ говоритъ, что господинъ Мале слишкомъ гордо обходился съ нимъ; но онъ самъ гордъ передъ нисшими, и хочетъ сравняться съ вышними: это его страсть. Эта послѣдняя причина не касается ни васъ, ни меня, и намъ не слѣдъ помогать ему въ худомъ дѣлѣ, чтобъ удовлетворить его ненависти. Что-жъ касается до уплаты денегъ и процентовъ, это по вашей части, и я не порицаю васъ за это; но знайте, что господинъ Мале и самъ рѣшился продать свое имѣніе, только онъ проситъ объ одномъ, чтобы его не продавали съ аукціона. Онъ продастъ свой замокъ въ три мѣсяца и расплатится съ мельникомъ. Теперь прошу васъ не прибавать объявленія; завтра мы поговоримъ съ Элуа Аленомъ, и если онъ потребуетъ, то пусть будетъ объявлена продажа, но только надобно написать въ объявленіи, что продаетъ свое имѣніе самъ владѣлецъ.

— Очень жаль, любезный Онисимъ, что я не могу исполнить вашей просьбы; долгъ выше всего.

— Какъ, вы не хотите положить до завтра, чтобы приклеить ваше объявление?

— Оно ужъ намазано; кромѣ того, мельникъ платитъ мнѣ по окончаніи дѣла.... Надо же подумать и о себѣ. Чтѣбы ты самъ сказалъ, Онисимъ, еслибъ кто-нибудь попросилъ тебя снять съ уды палтуса или лососка?

— Было время, когда я снималъ ихъ и отдавалъ вамъ, господинъ Епифанъ.

— Чтѣ до ребячества! Вы хлопочете потому, что влюблены въ племянницу господина Мале, къ которой я сочинялъ для васъ письма.... Будьте увѣрены, любезный Онисимъ, что она и теперь смѣется надъ вами, какъ смѣялась и въ прежнее время; она, просто, кокетка.

— Неголай, вскричалъ Онисимъ, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства; довольно того, что своимъ презрѣннымъ ремесломъ вы помогаете грабить несчастныхъ; но не смѣйте надъ нами ругаться.

— Мое ремесло не такъ безчестно, какъ ремесло дезертира и контрабандиста.

— Знайте, что я нуженъ здѣсь для нѣкоторыхъ людей; эти люди подвергаются нападению хищныхъ звѣрей; настоящихъ воровъ, которые грабятъ несчастныхъ.

— Мельникъ вашъ родственникъ.

— Довольно, господинъ Епифанъ. Вы не хотѣли добровольно исполнить мою просьбу, отложить до завтра ваше объявленіе, такъ я поступаю иначе. Вы не приклеите теперь вашихъ объявленій, даю вамъ честное слово. Еще разъ прошу васъ, закончите это дѣло мирно. Я увѣренъ, что все будетъ по моему; но прошу васъ для того, чтобы не прибѣгать къ крайнимъ средствамъ.

— Никакъ этотъ молокососъ грозитъ мнѣ! вскричалъ отставной дьячекъ. Другъ мой, прибавилъ онъ, указывая на суковатую ясеневую палку: она всегда и вездѣ заставляла уважать Епифана Гарандена. Эта Жанета, моя вѣрная подруга! она настаивала на разумъ многихъ контрабандистовъ и дезертировъ. Ну, скорѣе же давай дорогу, Жанета не любитъ долго ждаты.

Говоря это, Епифанъ взялъ палку обѣими руками и повернулъ ее нѣсколько разъ надъ своей головой.

— Господинъ Епифанъ, сказалъ Онисимъ: мнѣ будетъ очень прискорбно воспользоваться противъ васъ вашими же уроками; у меня то же есть палка.... но, пожалуйста, отложите до завтра ваше намѣреніе.

— Эй, любезный, намазывай объявление клестером! сказал Эпифанъ, обратившись къ своему писцу.

— Когда такъ....

— Именно, сказал Эпифанъ, ставъ между Онисимомъ и воротами замка. Теперь не бойся, приклейвай объявленія. Мы съ Жанетой не пропустимъ никого за эту черту.

И онъ провелъ черту на землѣ, потомъ сталъ въ оборонительное положеніе, держа палку обѣими руками, съ лѣвой стороны. — Очень жаль, прибавилъ онъ, что твой принцесса не присутствуетъ на нашемъ турнирѣ. Она увидѣла бы, какъ ея рыцаря поколотятъ.

Онисимъ съ бѣшенствомъ бросился на стряпчаго, направивъ ударъ ему въ голову. Но послѣдній, въ-время поднявъ свое оружіе, отразилъ ударъ, отступилъ на одинъ шагъ, и снова принялъ оборонительное положеніе.

— Съ этого удара, любезный воспитанникъ, никогда не начинають, сказал Эпифанъ съ насмѣшкою. Онисимъ не отвѣчалъ, и бой завязался. Но Эпифанъ, имѣвшій гораздо болѣе ловкости, подстрекалъ Онисима своими сарказмами; онъ какъ будто давалъ ему урокъ, называя разныя позы и удары, и довольствовался только тѣмъ, что отражалъ удары, сылавшіеся на его руки и ноги. Онисимъ то же хорошо защищался, но прогибалъ себя за то, что не могъ достать своего противника.

— Это не дурно, говорилъ Эпифанъ, отражая удары Онисима, какъ будто на примѣрномъ поединкѣ. Очень хорошо.... Вы все метите въ голову, этотъ ударъ очень легко отразить, надо измѣнить его. Вотъ, славно! хорошо, что я отразилъ, иначе вы разсѣкли бы меня на-двое

Эпифанъ не такъ проворно отразилъ одинъ ударъ, и Онисимъ задѣлъ его по правому уху, на которомъ показалась кровь. Эпифанъ крѣпче взялъ свою палку и, не довольствуясь однимъ отраженіемъ, старался уже сбить своего противника. Съ обѣихъ сторонъ палки съ свистомъ кружились около борцовъ; но одна палка встрѣчала всегда другую, которою ея хозяинъ прикрывался, какъ щитомъ. Эпифанъ продолжалъ подшучивать надъ Онисимомъ; но нѣсколько ударовъ, которыхъ онъ не успѣлъ отразить, заставили его окончить свои шутки. Вдругъ Онисимъ почувствовалъ столь жестокий уларъ по рукѣ, что она потеряла свою гибкость. Писецъ между тѣмъ приклеивалъ объявленія. Онисимъ рѣшился на отчаянное средство: Эпифанъ направилъ ударъ ему въ голову; онъ не отразилъ его, но въ то же время бросилъ свою палку, какъ дротикъ, въ грудь Эпифана. Эпифанъ свалился съ ногъ. Онисимъ также закачался и

упалъ безъ движенія: уларъ, котораго онъ не отразилъ, разбилъ ему голову.

Въ этомъ положеніи, борцы оставались нѣсколько минутъ. Эпифанъ очнулся первый, съ помощью своего писца поднялся на ноги, далъ пинка Онисиму, не обнаруживавшему ни малѣйшаго движенія, и поддерживаемый своимъ мальчикомъ, вернулся домой. Нѣсколько часовъ спустя, уже ночью, Онисимъ пришелъ въ себя; онъ подползъ къ воротамъ и сорвалъ съ нихъ объявленіе; потомъ, добравшись до рѣки, обмылъ свою рану и сѣлъ подъ ивой, гдѣ наканунѣ встрѣтилъ Веренику и Пульхерію. Что дѣлать? Вернуться къ мельнику и обратиться къ нему съ новыми просьбами и новыми угрозами? Немного оправившись, Онисимъ пошелъ на мельницу и еще до разсвѣта вошелъ въ домъ Элуа Алена. Мельника опять не было дома,

— Онъ считаетъ меня своимъ наслѣдникомъ, подумалъ Онисимъ: а я охотно отдалъ бы все его наслѣдство за сумму, какую ему долженъ господинъ Мале.. Попросить бы мнѣ у него денегъ подъ какимъ нибудь предлогомъ..... но теперь эта уловка не удался. Я не смѣю думать объ этомъ.... если бы онъ умеръ: тогда бы господинъ Мале былъ долженъ мнѣ..... Но что дѣлаетъ съ своими деньгами мой дядя Элуа, который живетъ такъ скупо? Я слышалъ когда-то отъ этого бродяги Эпифана, когда еще былъ ребенкомъ, что онъ хорошо зналъ, гдѣ Элуа Аленъ пряталъ свои деньги; разъ, онъ вошелъ къ нему невзначай, мельникъ проворно заперъ какой-то тайникъ подъ кроватью, и напустился на своего гостя.... Не отыскать ли мнѣ этотъ тайникъ?.... Въ самомъ дѣлѣ, со временемъ, эти деньги должны же перейти ко мнѣ.... Кромѣ того, онъ вернется къ нему черезъ нѣсколько часовъ, потому что пойдутъ на уплату долга. Правда, есть и еще векселя, но по крайней мѣрѣ, господинъ Мале успѣетъ продать замокъ и уѣхать отсюда; какъ хочетъ Пульхерія, такъ и должно быть.

Онисимъ обшарилъ комнату мельника; онъ скоро нашелъ подземную дверь, такъ хорошо скрытую, что незнающій никогда не отыскалъ бы ее. Открывая ее, Онисимъ почувствовалъ дрожь. Еще разъ повторилъ онъ, что мельникъ ограбилъ господина Мале, что эти деньги принадлежатъ ему, Онисиму, по духовному завѣщанію, и что наконецъ, онъ возвратится къ Элуа Алену въ уплату долга господина Мале. Онъ взялъ золотомъ и серебромъ столько денегъ, сколько нужно было Пульхеріи. Вдругъ онъ услышалъ легкій шумъ въ сосѣдней комнатѣ, и

приставил свой глазъ къ замочной скважинѣ. Что жъ видѣть онъ? Другой глазъ приставленъ къ той же скважинѣ съ другой стороны двери. Онисимъ, въ испугѣ, выскочилъ въ окно и, добѣжавъ до старой ивы, зарылъ подъ нею похищенные деньги. На разсвѣтѣ, онъ пришелъ въ Трувилль и оттуда написалъ письмо своей сестрѣ.

«Ступай нынче вечеромъ, вмѣстѣ съ Пульхеріей, къ нашей ивѣ; разройте землю со стороны, противоположной той, на которой были написаны наши имена: вы найдете тамъ сумму, необходимую для уплаты векселя господина Мале. Пусть Пульхерія уговорить своего дяда оставить замокъ и назначить его въ продажу. Я долженъ скрываться нѣсколько дней съ большою осторожностію, и въ это время не могу быть вамъ полезенъ ни въ чемъ. Я не говорю, куда ты должна писать ко мнѣ, потому-что и самъ не знаю. Прощай, я сдержалъ свое обѣщаніе, давнее Пульхеріи, не смотря на всѣ препятствія. Не забывайте меня.

«Онисимъ Аленъ.»

XXIII.

Онисимъ не зналъ, что ему дѣлать; онъ предполагалъ, что въ многлюдномъ и шумномъ городѣ, не такъ скоро можно было подвергнуться опасности быть замѣченнымъ, узаннымъ и арестованнымъ. Онъ сѣлъ на рыбацье судно, отправившееся изъ Трувила въ Гавръ. — Что стану я дѣлать въ Гаврѣ? спрашивалъ онъ себя: не отправиться ли мнѣ въ Шербургъ и тамъ вступить въ службу? Или сѣсть на какое-нибудь судно и поѣхать на тресковую либо китовую ловлю? Но Пульхерія?

Прибывъ въ Гавръ, онъ вмѣшался въ толпу работниковъ, искавшихъ какого нибудь занятія, и нашелъ себѣ работу; но скоро стосковался по морю; при томъ же настоящее положеніе такъ же удаляло его отъ родителей и отъ Пульхеріи, какъ бы онъ былъ въ дѣйствительной службѣ. Онъ послалъ къ Вереникѣ письмо, въ которомъ просилъ ее увѣдомить, какъ они живутъ, а о себѣ написалъ, что еслибы онъ былъ увѣренъ въ ихъ безопасности, то пошелъ бы въ Шербургъ съ повинною головою, потому-что, явившись добровольно, онъ могъ надѣяться на снисхожденіе начальниковъ.

Въ ожиданіи отвѣта Вереники, время, свободное отъ работы онъ проводилъ въ томъ, что смотрѣлъ на море, болталъ съ моряками о предметахъ, интересныхъ для моряковъ, о погодѣ, о удачномъ или неудачномъ движеніи кораблей, входившихъ въ пристань или выходившихъ изъ нея, о морѣ и рыбной ловлѣ, о томъ, какъ такой-то корабль, шедшій съ нью-фаундендской мелп, повстрѣчался съ другимъ, какъ безпокоились о томъ или другомъ китоловномъ суднѣ и прочее. Однажды, сильный вѣтеръ дулъ съ самаго утра съ юга-запада; сигналы возвѣстили о приближеніи кораблей; лоцманы едва могли выѣхать къ нимъ на встрѣчу; вода высоко поднялась отъ прилива. Впрочемъ всѣ корабли благополучно вошли въ гавань. Во время отлива, море, повидимому, немного успокоилось; но съ наступленіемъ прилива, опять поднялся сильный вѣтеръ, и вскорѣ разыгралась страшная буря. Валы, покрытые пѣною, разбивались о насыпи и увлекали камни и гальши. На берегу не было видно ни одного гуляющаго; немногіе только матросы, укрывшіеся за башнею маяка, вперали наблюдательный взоръ въ далекій горизонтъ.

— Какой бѣшеный порывъ вѣтра! сказалъ одинъ.

— Да, я не запомню такой погоды, отвѣчалъ другой, съ тѣхъ поръ, какъ у береговъ Курселя погибъ корабль, нагруженный краснымъ деревомъ.

— Благо, что всѣ корабли вошли въ пристань, а то худо теперь и вблизи отъ берега, а еще хуже часа за полтора отъ земли.

— Что это? кажется, парусъ вотъ тамъ на западѣ?

— О! нѣтъ; это пѣна.

— Говорятъ тебѣ, что парусъ; даже скажу тебѣ, что это бригъ, сколько можно замѣтить отсюда.

— Именно, бригъ-голетъ.

— Онъ хочетъ войти въ пристань.

— Войти въ Гавръ, въ такую погоду... и безъ лоцмана! Надѣюсь, что онъ останется въ открытомъ морѣ.

— Ничего не бывало; онъ прямокомъ идетъ сюда.

— Ну, будь я негоціантъ, никогда не довѣрилъ бы своихъ кораблей такому капитану.

— А ты скоро мѣтишь въ негоціанты?

— Шутки въ сторону; матросы этого корабля, быть можетъ, скоро отправятся за расчетомъ на тотъ свѣтъ.

— Смотри! подняли флагъ; требуютъ лоцмана.

— Въ самомъ дѣлѣ; но кто пойдетъ къ нимъ въ такую погоду?

Въ эту минуту, на берегу показался морской офицеръ.

— Съ корабля, сказали онъ, требуютъ лоцмана. Большая часть лоцмановъ не вернулись назадъ; вѣрно, они остались въ какойнибудь пристани на Ламаншѣ. Есть ли здѣсь лоцманы?

Оба собесѣдники назвали лоцманами.

— Можно ли выѣхать теперь въ море, какъ вы думаете? спросилъ офицеръ.

— Вы сами морякъ, господинъ капитанъ, отвѣчалъ одинъ изъ лоцмановъ: и этотъ вопросъ можно предложить вамъ самимъ. Думаете ли вы, что на нашей простой лодкѣ можно теперь пуститься въ море.

— Признаюсь, это было бы опасно для того, кто рѣшился на это, и бесполезно для корабля, требующаго помощи. Если онъ замѣтитъ, что лоцманы не идутъ къ нему на помощь, то выйдетъ опять въ открытое море; потому я думаю, нѣтъ необходимости подвергаться опасности для людей, которые далеки еще отъ нея.

Корабль, въ самомъ дѣлѣ, спустилъ флагъ, которымъ онъ требовалъ помощи.

— Но корабль не поворачиваетъ на другой гальсъ.

— Онъ хочетъ войти безъ лоцмана.

— Невозможное дѣло! Онъ, вѣрно, застрахованъ, а страховое общество не платитъ убытковъ, если корабль не имѣетъ лоцмана.

— Однако это вѣрно; надо быть *пастухомъ*, сторожемъ корова да овецъ, чтобы не видѣть, что онъ намѣренъ войти въ пристань.

Между тѣмъ море бушевало сильнѣе и сильнѣе. Нѣсколько человѣкъ, услышавъ, что корабль не имѣетъ лоцмана, вышли на плотину, чтобы сдѣлать нѣкоторые вопросы матросамъ; но шумъ вѣтра и волнъ заглушалъ ихъ голоса. Корабль спустилъ почти всѣ паруса, кромѣ марсъ-стенги, и шелъ между прибой съ чрезвычайною быстротою. Моряки проклинали капитана, который подвергалъ опасности свой экипажъ. Число зрителей на плотинѣ умножилось, и всѣ съ такимъ вниманіемъ наблюдали за движеніемъ корабля, что не замѣчали, плескавшихъ на нихъ волнъ. Корабль то съ страшною быстротою поднимался на вершины морскихъ валовъ, то исчезалъ въ глубинѣ волнъ.

Между тѣмъ корабль достигъ до фарватера; но зрители пришли въ ужасъ, когда огромный валъ бросилъ его на песчаную и каменную мель. Волны набѣгали на него со всѣхъ

сторонъ. Бушпритъ упалъ и разбился въ куски. Волны хлынули на палубу и все, что было на ней, увесли въ море. Матросы спаслись, уцѣпившись за мачты. Стало уже темно, и опасность увеличилась. Офицеръ, разговарившій съ лоцманами, опять подошелъ къ нимъ и сказалъ:—экипажъ погибнетъ, если не подать ему немедленно помощи. Надо спасти жизнь этихъ людей.

— Но при такомъ волненіи, невозможно справиться съ лодкою, отвѣчалъ одинъ.

— Это значить пуститься на вѣрную гибель, прибавилъ другой.

— У насъ жены и дѣти; надо подумать прежде объ нихъ.

— И такъ никто не рѣшается подать помощь несчастнымъ? сказалъ одинъ изъ постороннихъ зрителей: ужели допустить ихъ до гибели, не попытавшись даже спасти ихъ?

Тогда молодой человѣкъ, въ платьѣ рабочаго, возвысилъ голосъ и сказалъ:

— Дайте мнѣ лодку съ четырьмя гребцами; я иду.

— Bravo! закричалъ зритель: я даю по сту франковъ на человѣка.

— Такія дѣла не дѣлаются изъ-за денегъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Правда, отвѣчалъ незнакомецъ: п я ѣду вмѣстѣ съ вами.

— Друзья, прибавилъ молодой работникъ: если намъ суждено утонуть, то лучше утонуть, спасая своихъ ближнихъ. Кто со мной?

— Я, отвѣчалъ одинъ.

— И я тоже, прибавилъ другой.

— Скорѣе лодку.

Два лоцмана присоединились къ отважнымъ морякамъ. За ними послѣдовала толпа народа; въ ту минуту, какъ надо было отправиться, ихъ было шесть человѣкъ, тогда какъ нужны были всего пятеро.

— Вы морякъ? спросилъ молодой работникъ у незнакомца.

— Нѣтъ, я могу только раздѣлять съ вами опасность.

— Въ такомъ случаѣ останьтесь на берегу, вы будете стѣснять насъ. Въ дорогу, друзья; помогите Господи!

Работникъ перекрестился; товарищи послѣдовали его примѣру, и всѣ вошли въ лодку, которая поднималась и опускалась вмѣстѣ съ волнами. Товарищи работника проворно заняли гребцкія лавки и взяли за весла, а онъ самъ сѣлъ въ руль. Зрители начали толковать другъ съ другомъ.

— Тотъ, что сѣлъ въ руль, матросъ?

— Не знаю.

— Я видѣлъ, что онъ работалъ на плотинѣ.

— Если онъ не отличный морякъ, то всѣ они погибнутъ. Лодка какъ разъ перевернется.

— О! онъ славно править; мастеръ своего дѣла.

— Славно править и славно гребуть! Вотъ они подходятъ къ судну. Хорошо! очень хорошо! Лодманъ вспрыгнулъ на бортъ; это настоящая кошка. Но теперь ничего не видно.

— Кажется, матросы спускаются въ лодку.

— Видишь ли ты что нибудь?

— Нѣтъ, а ты?

— Такая темень, что ни зги не видать. Я чувствую только, что вѣтеръ свѣжѣетъ, и мнѣ страшно за этихъ бѣдняковъ.

— Слушайте! Это шумятъ весла.

— Что услышишь въ такую бурю! Но что-то мелькаетъ тамъ.

— Это лодка.... Они отчалили отъ судна.... Вотъ ее подняло валомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту, лодка вошла въ портъ. — Они спасены! вскричали зрители, и восклицанія, сопровождаемые рукоплесканіями, заглушили на минуту шумъ вѣтра и моря.

Неизвѣстному лодману и четверемъ его товарищамъ помогли высадить изъ лодки спасенныхъ ими людей, которые были полумертвы. Потомъ съ восторгомъ приняли отважныхъ моряковъ, но работникъ скрылся въ толпѣ народа, какъ только лодка причалила къ лѣстницѣ. Звали, кричали его, но напрасно; было уже поздно; всѣ разошлись домой. Капитанъ погибшаго корабля просилъ четырехъ моряковъ, спасшихъ его съ экипажемъ, присутствовать на другой день въ церкви при благодарственномъ молебствіи, которое они обѣщали совершить, когда не ожидали уже никакой помощи со стороны людей. Незнакомецъ, вызывавшійся раздѣлить опасность съ моряками, попросилъ позволенія быть въ церкви и пригласилъ къ себѣ на завтракъ спасенный экипажъ и его избавителей. Это былъ графъ де-Северъ. Вечеромъ, онъ старался отыскать отважнаго молодого лодмана; но напрасно. На другой день, идучи въ гостиницу, гдѣ остановились матросы съ голета, онъ проходилъ мимо Краснаго моста, и поровнявшись съ толпою работниковъ, ожидавшихъ найма, вдругъ вскричалъ:—это онъ, истинно онъ! и взявъ руку молодого человѣка, обнялъ его.—Пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ онъ ему. Спасенные тобою моряки сдѣлали благочестивый обѣтъ, и ты долженъ присутствовать при совершеніи

его. Потомъ, вмѣстѣ съ ними и четырьмя товарищами, вы будете у меня на завтракъ.—Послѣ нѣсколькихъ отговорокъ, работникъ послѣдовалъ за графомъ. Капитанъ обнялъ его и предложилъ ему въ подарокъ свои часы.—Это не награда, прибавилъ онъ, а знакъ памяти.

Насталъ часъ совершенія обѣта. Весь экипажъ, вмѣстѣ съ капитаномъ, отправился въ церковь. Они шли съ обнаженными головами и босыми ногами. Толпа зрителей невольно раздѣляла ихъ благочестивыя чувства и почтительно уступала имъ дорогу. Духовенство ожидало ихъ у дверей храма, и трогательный и величественный обрядъ начался.

Завтракъ у графа де-Севера былъ роскошный. Лодманъ и четыре его товарища заняли почетныя мѣста. Яблоновка была поставлена на столъ только для вида и въ честь Нормандіи; но по знаку, данному графомъ, слуги взяли ее со стола и замѣнили хорошими винами. Когда начали пѣть гимны, вдругъ вошли въ комнату два жандарма.

— Никто ни съ мѣста! сказалъ одинъ изъ нихъ. Именемъ закона спрашиваю васъ: кто изъ васъ называется Онисимъ Аленъ?

Молодой лодманъ сначала поблѣднѣлъ, но скоро оправился и отвѣчалъ:—Я. Что вамъ угодно?

— Ты Онисимъ Аленъ изъ Дива?

— Я Онисимъ Аленъ, уроженецъ дивскій.

— Ты долженъ слѣдовать за нами.

Всѣ присутствовавшіе сказали въ одинъ голосъ:—Но это пречестный человѣкъ! Онъ спасъ намъ жизнь! Мы не позволимъ его взять.

И они стали между Онисимомъ и жандармами. Графъ обѣщавъ послѣднимъ все случившееся; но они показали ему приказъ о задержаніи Онисима Алена, матроса, *дезертира*.

Онисимъ попросилъ съ своей стороны не препятствовать жандармамъ въ исполненіи ихъ долга. Тогда графъ сказалъ ему: Послѣ происшествія, случившагося въ прошлую ночь, я твой другъ; жалко о твоёмъ несчастіи; но я не опущу случая оказать тебѣ услугу. Что ты слѣлалъ?

— Я получилъ маршрутъ въ Шербургъ. Мои друзья и родственники имѣли тогда во мнѣ крайнюю нужду; я скрылся и не поѣхалъ въ Шербургъ. Я дождался здѣсь только одного письма, и потомъ самъ хотѣлъ явиться на судъ. Это было бы лучше, чѣмъ быть схваченнымъ; тогда я могъ бы ожидатьнисхожденія со стороны моихъ судей.

— Я не оставляю тебя, сказалъ графъ; я найду тебѣ адвоката

та и самъ переговорю съ судьями. А если тебя осудятъ, будь увѣренъ, что я испрошу тебѣ помилованіе у короля.

Капитанъ разбитаго судна долженъ былъ прожить нѣсколько дней въ Гаврѣ, покада страховое общество изслѣдуетъ случившееся несчастье. Чтобы доказать свою признательность Онисиму, онъ хотѣлъ пріѣхать въ Шербургъ вмѣстѣ съ графомъ де-Северномъ, который между тѣмъ написалъ письмо къ морскому министру.

Привезенный въ Шербургъ, Онисимъ былъ отведенъ въ тюрьму тѣми самыми жандармами, которые схватили его въ Гаврѣ. Но графъ де-Севернъ скоро получалъ отвѣтъ отъ министра, и Онисимъ Аленъ, пробывъ двѣ недѣли въ тюрьмѣ, дождался счастливой развязки по своему дѣлу.

Президентъ военнаго совѣта объявилъ обыкновеннымъ порядкомъ, что подсудимый будетъ освобожденъ, если нѣтъ другихъ причинъ къ задержанію его, и переданъ въ распоряженіе морскаго министра, для опредѣленія его на службу. Графъ, вмѣшавшій въ карманъ письмо министра, которымъ дозволялось Онисиму Алену возвратиться въ свой домъ, до будущаго времени, пожалъ рыбаку руку. Жандармы, приведшіе Онисима, разступились, чтобы дать ему дорогу, какъ вдругъ въ залу засѣданія вошелъ королевскій прокуроръ и подалъ жандармамъ знакъ задержанія арестанта; потомъ, развернувъ бывшую въ рукахъ его бумагу, онъ прочиталъ: «Такъ какъ Онисимъ Аленъ изъ Дива обвиняется въ убійствѣ Элуа Алена изъ Дива же и въ похищеніи у него денегъ, посему онъ долженъ быть снова посаженъ въ тюрьму и переданъ суду.»

Всѣ присутствующіе были поражены удивленіемъ и ужасомъ. Графъ де-Севернъ и капитанъ невольно отодвинулись отъ Онисима. Онисимъ сначала былъ какъ будто оглушенъ; потомъ онъ вскричалъ: — это клевета.... Я не зналъ о смерти моего дяди Элуа.... Такъ дядя Элуа умеръ?... Я... убійца!...

— Жандармы, сказалъ холодно королевскій прокуроръ: преступникъ будетъ объясняться передъ судомъ; возьмите его.

Жандармы схватили Онисима подъ руки, но онъ выпрыскался и вскричалъ громкимъ голосомъ: — Позвольте. Прежде чѣмъ пойду за вами, я хочу сказать моимъ друзьямъ, во всеуслышаніе: теперь я жертва роковаго заблужденія или безчеловѣчнаго клеветы; я не убійца.

Жандармы снова взяли его подъ руки. Въ этотъ разъ онъ не противился. Но вмѣсто того, чтобы ввести его въ ту же тюрьму, изъ которой онъ выведенъ былъ по утру, его засадили въ мрачный казематъ, и обыскали съ ногъ до головы.

Напрасно Онисимъ старался объяснить себѣ внезапную смерть своего дяди, и никакъ не могъ понять, почему на него пало подозрѣніе въ убійствѣ мельника. Время отъ времени, онъ говорилъ самъ себѣ: — это сонъ; скоро пройдутъ эти грѣзы.... Но нѣтъ, припадалъ онъ: я не силю.... Здѣсь какая нибудь ошибка.... Обманъ откроется.... Да, но иногда осуждаютъ и невинныхъ. Потомъ ему приходило на умъ: чей-то былъ глазъ, который я видѣлъ въ замочную скважину, когда бралъ деньги для господина Мале?... Не самъ ли Элуа это былъ? Онъ, можетъ быть, видѣлъ, что его обокрали, и съ отчаянія убилъ себя; тогда, въ самомъ дѣлѣ, не могутъ ли считать меня его убійцей? Не развѣдало ли правительство, что я послалъ деньги къ Пульхерію? Не дозволилъ ли, что я долго скрывался тамъ? Можетъ быть, не видали ли меня у мельника? Я погибъ.

Онъ спросилъ бумаги, чтобы написать графу де-Северну и открыть всю истину; но ему сказали, что, до новаго приказанія, ему не позволено ни съ кѣмъ имѣть сношеній.

Назавтра, Онисима привели къ допросу; ему прочитали протоколъ, въ которомъ значилось, что на другой день послѣ побѣга Онисима изъ Дива, такъ какъ мельникъ не выходилъ изъ своей комнаты, то работникъ его, не зная, что объ этомъ подумать, пришелъ постучаться къ нему въ дверь, но отвѣта никакого не было. Черезъ нѣсколько минутъ, зашелъ къ Элуа Алену, за расчетомъ, бывший школьный учитель, Епифанъ Гаранденъ, и спросилъ, дома ли хозяинъ. Работникъ отвѣчалъ ему, что не видалъ мельника цѣлый день, и что ему кажется это очень страннымъ; тогда Епифанъ Гаранденъ велѣлъ ему позвать мера. Когда пришелъ меръ и отворилъ дверь, то нашли мельника мертвымъ. Приглашенный медикъ объявилъ, что Элуа Аленъ былъ задушенъ, и что преступленіе совершенно было часомъ двѣнадцать или пятнадцать назадъ. Все заставляло думать, что убійца встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Въ сжатыхъ рукахъ трупа былъ оторванный кусокъ сукна, который, по странному случаю, черезъ нѣсколько минутъ не могли уже найти, когда хотѣли приложить къ сдѣланному дѣлу.

Важное показаніе было сдѣлано Епифаномъ Гаранденомъ; онъ открылъ, что Онисимъ Аленъ, родственникъ убитаго мельника, бѣглый морякъ, съ нѣкотораго времени скрывался въ томъ краю; что онъ, Гаранденъ, въ тотъ же день, когда, должно быть, совершилось убійство, самъ подвергся нападенію со стороны этого человѣка и получилъ нѣсколько ранъ палкою. Онъ узналъ также отъ служанки мельника, что въ тотъ день помчутый Онисимъ Аленъ входилъ, черезъ окно, въ домъ мель-

ника, и что, без сомнѣнія, онъ убѣждалъ тогда же, ночью, потому-что на другой день его уже не видали. Епифанъ прибавилъ, что означенный Онисимъ Аленъ хотѣлъ прибить его, вѣроятно, съ тою цѣлю, чтобы захватить всѣ деньги, часть которыхъ слѣдовало получить ему, Епифану Гарандену, по расчетамъ его съ мельникомъ, Эдуа Аленомъ, что, конечно, было извѣстно Онисиму.

Онисимъ ужаснулся отъ этого показанія; онъ объявилъ слѣдственному судѣ, что откроетъ всю истину. Онъ хотѣлъ спасти своихъ друзей, которыхъ несправедливо притѣснялъ его дядя. Истощивъ всѣ придуманныя средства, чтобы выхлопотать въ ихъ пользу, по крайней мѣрѣ, отсрочку для уплаты долга, въ отсутствіе дяди, онъ взялъ у него нужную сумму. Онъ убѣждалъ и скрылся потому, что увидѣлъ въ замочную скважину чей-то глазъ, и подозрѣвалъ, что постушокъ его уже сдѣлался извѣстнымъ. Если онъ рѣшился взять такимъ образомъ денегъ у своего дяди, такъ это потому, что всѣмъ было извѣстно завѣщаніе Эдуа Алена, въ которомъ онъ отказывалъ все имѣніе племяннику своему, Онисиму Алену, и при томъ же взятая сумма была бы возвращена черезъ нѣсколько часовъ. Единственнымъ побужденіемъ къ похищенію денегъ было упорство мельника, который, не смотря ни на какія просьбы своего племянника, не хотѣлъ дать отсрочки его друзьямъ. Онисимъ объявилъ истинную причину его драки съ Епифаномъ; онъ говорилъ, что Епифанъ, раздраженный этимъ случаемъ, въ сердцахъ, могъ показать на него такимъ образомъ. Нѣкоторые обстоятельства могли обмануть Гарандена, и Онисимъ не отвергалъ ихъ, но другія были или слишкомъ искажены бывшимъ школьнымъ учителемъ, или совершенно измѣнены. Слѣдственный судья составилъ свой протоколъ, и сказалъ Онисиму, что обстоятельства прямо говорить противъ него, и показанія его не полны; что испуганный мельникомъ и устрешенный его угрозами объявить объ этомъ поступкѣ, онъ, безъ сомнѣнія, убилъ своего дядю, чтобы скрыть все дѣло. Онисимъ просилъ позволенія написать письмо и видѣть нѣкотора лица; ему дозволили.

Въ Дивѣ, всѣ были опечалены этимъ событіемъ. Когда Вереника получила отъ Онисима письмо, чтобы идти съ Пульхеріей за зарытыми подъ ивой деньгами, тамъ уже было извѣстно о смерти мельника. Вереника дрожала отъ ужаса, и не смѣла даже себя самой высказать страшной мысли, которая вдругъ блеснула въ ея головѣ. Она пошла къ Пульхеріи. Та, въ тотъ же самый вечеръ, какъ видѣлись онъ съ Онисимомъ на берегу безвальской рѣчки, не совсѣмъ надѣясь на успѣхъ стараній Онисима,

уговорила господина Мале оставить замокъ, чтобы избѣжать стыда видѣть его въ продажѣ, по опредѣленію суда. Господинъ Мале придумалъ, какъ сказать другимъ объ этомъ намѣреніи; онъ говорилъ, что, со смерти госпожи Доротен Мале, безвальскій замокъ сдѣлался невыносимымъ для него, что воздухъ въ немъ слишкомъ тяжелъ для сына Пульхеріи, и что, для поправленія здоровья маленькаго графа, онъ рѣшился переселиться въ долину, пока не откроется случай купить какое нибудь хорошее имѣніе, чего не надо будетъ долго ждать, потому что повѣренные его имѣютъ уже въ виду нѣсколько отличныхъ помѣстьевъ.

На другой день, съ зарею, онъ выѣхалъ изъ замка, верхомъ. Пульхерія взяла на себя хлопоты перебраться въ маленькій домикъ, въ Кабурѣ; она перевезла туда мебель, бѣлье, все, что для нихъ было необходимо, и вечеромъ, вмѣсто того, чтобы возвратиться въ замокъ, господинъ Мале остался ночевать на новой квартирѣ. Такимъ образомъ, они уже не жили въ Безвалѣ, когда Онисимъ имѣлъ схватку съ Епифаномъ чтобы воспрепятствовать ему наклеить объявленіе о продажѣ замка.

Вереника и Пульхерія не могли сомнѣваться въ преступленіи Онисима.

— Онъ такъ любилъ тебя! говорила Вереника: онъ готовъ былъ перевернуть весь свѣтъ, чтобы только исполнить твое желаніе.

— И нѣтъ никакого средства спасти его? спрашивала Пульхерія.

Онѣ обѣ думали, какъ и слѣдственный судья, что Эдуа Аленъ, вѣроятно, засталъ Онисима въ ту самую минуту, когда тотъ бралъ у него деньги, и у нихъ завязалась борьба, которая и кончилась смертію мельника.

— Мнѣ не доставало только, говорила Пульхерія, чтобы быть причиною такого ужаснаго несчастія!

Онѣ рѣшили-было сжечь письмо Онисима, и деньги оставить подъ ивой, гдѣ онъ зарылъ ихъ; но когда Онисимъ признался предъ слѣдственнымъ судьей, то Вереника должна была показать иву, подъ которою безъ труда отыскали деньги.

Письмо Онисима къ его родителямъ содержало въ себѣ разсказъ о признаніяхъ, сдѣланныхъ имъ передъ судьей. «Мы несчастны, но не безчестны, писалъ онъ; я невиненъ; всѣ обстоятельства, какъ будто нарочно, стеклись для моего обвиненія; можетъ быть, еслибъ и я былъ судьей, то обвинилъ бы подсудимаго въ подобномъ положеніи, но вамъ, мои добрые и несчастные родители, сестрѣ Вереникѣ и Пульхеріи, которой

непрѣменно покажите это письмо, клянусь, клянусь всѣмъ святымъ для меня, что я не выдалъ мельника въ ту роковую ночь, когда онъ былъ лишень жизни».

Графъ де-Севенъ, послѣ многочисленныхъ совѣщаній съ адвокатомъ Онисима и безпрестанныхъ поѣздокъ къ судьямъ, убѣдился, что Онисимъ будетъ осужденъ; но не смотря на собранныя противъ него улики, онъ все-таки совершенно былъ увѣренъ въ его невинности; онъ не терялъ надежды, что какой-нибудь случай раскроетъ дѣло въ настоящемъ его видѣ.

— Но, говорилъ графъ слѣдственному судѣ: что вы скажете о томъ лоскутѣ темнаго сукна, который былъ сначала въ рукахъ убитаго мельника, и котораго не могли потомъ отыскать; тогда, какъ всѣ свидѣтели, видѣвшіе въ тотъ самый день Онисима Алена, единогласно утверждаютъ, что на немъ была парусанная куртка.

— Это еще болѣе доказываетъ, что у него были соучастники.

За нѣсколько дней до провознесенія приговора, тюремщикъ не нашелъ Онисима въ казематѣ; разослали объявленіе о бѣжавшемъ арестантѣ, и дѣло отложили до другаго засѣданія; всѣ думали, что преступникъ убѣжалъ при посредствѣ графа, который надѣялся и всегда говорилъ, что время докажетъ невинность Онисима. Къ несчастію, эта надежда не сбылась. Въ слѣдующее засѣданіе, отсутствующій Онисимъ объявленъ былъ виновнымъ и приговоренъ къ смерти; но кто-то, протѣжавшій черезъ тотъ край, объявлялъ передъ судомъ, что Онисимъ потонулъ; онъ сообщилъ такія подробности этого происшествія, что нельзя было сомнѣваться въ вѣрности его показаній.

Открыли завѣщаніе мельника; все свое, довольно значительное имѣніе, онъ отказалъ Онисиму, исключая пожизненной пенсіи своей служанкѣ, Деидерин. Въ случаѣ, еслибъ Онисимъ умеръ раньше Деидерин, то она имѣла право пользоваться всѣмъ имѣніемъ до своей смерти; послѣ чего оно должно было перейти къ родственникамъ мельника. По закону, имѣніе мельника было секвестровано, какъ принадлежащее Онисиму, *находящемуся въ неизвестной отлучкѣ*, съ тѣмъ чтобы, когда въ послѣдствіи будетъ доказано, что дѣйствительно Онисимъ убилъ мельника, то признать его недостойнымъ этого наследства и уничтожить завѣщаніе; пенсія служанкѣ была уплачена предварительно.

Грустно было въ домѣ Транкилла Алена. Очень рѣдко говорили объ Онисимѣ и его поступкѣ, хотя въ тайнѣ каждый ду-

малъ объ этомъ. Одна Вереника, по внушенію своего сердца, была увѣрена въ его невинности.

XXIV.

Время шло. Безвальскія ванны были снова открыты; ими, по-прежнему, завѣдывала жена Епифана Гарандена. Что касается до самого Епифана, онъ совершенно измѣнилъ свои привычки. Прежде онъ одѣвался сколько возможно замысловатѣе, выше своего состоянія, хотя платѣе его никогда не отличалось хорошимъ вкусомъ, но имѣло на себѣ отпечатокъ странной напыщенности, которая выказываетъ неумѣстныя притязанія и глупость того, кто носитъ ихъ. Теперь же на немъ постоянно было платѣе старое, въ заплатахъ; онъ всегда жаловался на свою бѣдность и на тяжелыя времена, ѣлъ только хлѣбныя корки и дурную говядину, которая выбрасывалась за негодностію, и не перемѣнялъ уже шляпы.

Изъ всѣхъ пріѣзжихъ, собравшихся въ Дивъ и Безвалъ, самымъ прилежнымъ посѣтителемъ ваннъ, безъ всякаго противорѣчія, былъ высокій, сухоощавый старикъ, который никогда не купался, но, по своей учтивости, необыкновенной угодливости, терпѣнію выслушивать все, что бы ему ни говорили, и по удивительной доверчивости, онъ любилъ быть всѣми. Этотъ старикъ, который при томъ, по видимому совершенно былъ глухъ, назывался господиномъ Бревилемъ.

Господинъ Мале часто встрѣчался съ господиномъ Бревилемъ на берегу моря, и всегда находилъ въ немъ неутомимаго слушателя своихъ разказовъ о прежнемъ своемъ великолѣпіи. Съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ Кабурѣ, въ маленькомъ домикѣ, передъ глазами, такъ сказать, всѣхъ, господинъ Мале долженъ былъ отказываться, на будущее время, морочить людей своими лошадями; выѣхавъ однажды на Мутонѣ, украшенномъ своимъ бѣлымъ пятномъ, онъ вездѣ старался показаться, вступалъ въ разговоръ съ каждымъ встрѣчнымъ, разказывая всѣмъ, что онъ хочетъ продать свою лошадь, такъ какъ онъ теперь уже старъ, и не имѣетъ нужды въ двухъ лошадаяхъ; возвратившись домой уже ночью, онъ въѣхалъ тихонько на дворъ, ввелъ свою лошадь въ конюшню и стеръ со лба ея бѣлое пятно. На другой день, онъ прогуливался на Пирамѣ, говоря всѣмъ, кто хотѣлъ его слушать, что продалъ Мутона за тысячу франковъ. Не смо-

тря на то, что господинъ Мале съ особенною увѣренностію навязывалъ всѣмъ эти рассказы, онъ долженъ былъ принимать нѣкоторыя предосторожности съ своими земляками, которые позволяли себѣ иногда дѣлать ему возраженія, между тѣмъ какъ господинъ Бревиль не только не изумлялся нѣкоторымъ несообразностямъ и противорѣчіямъ, но никогда не сомнѣвался въ справедливости рассказовъ, и еще одобрялъ все, чтобы не думать, что онъ не слышитъ.

Случай свелъ господинна Бревилья съ многими извѣстными уже намъ лицами. Онъ часто встрѣчался съ Транкиломъ Аленомъ, также съ Пелагеей и Вереникой; онъ говорилъ съ ними очень снисходительно и часто покупалъ у нихъ рыбу; Вереникѣ онъ много заказывалъ кружевъ, для одной своей родственницы, и часть денегъ платилъ впередъ. Пульхерія работала вмѣстѣ съ Вереникой, когда у ней не было вышиванья. Черезъ нѣсколько времени, господинъ Бревиль взялъ къ себѣ ключницей Деэидерію, служанку мельника.

Изъ особъ, почтившихъ господина Бревилья своимъ уваженіемъ и довѣренностію, была одна, высокая, толстая женщина, кропательница стиховъ и мать очаровательной дочери, которою она менѣе гордилась, чѣмъ своими плохими стихами. Въ предшествующую зиму, она впередъ составила и написала свои впечатлѣніи при видѣ моря, и восхищалась ими, какъ восхищаются шляпкой. Въ первый разъ, какъ она познакомилась съ господиномъ Бревилемъ, это было при закатѣ солнца; онъ сидѣлъ, сложивъ руки на набалдашникѣ своей палки и опершись на нихъ подбородкомъ, и любовался прекраснымъ свѣтиломъ, исчезавшимъ за Гевомъ.

— Какъ величественно зрѣлище моря! вскричала она: какъ видѣ его возносить душу въ область безконечнаго!

— Очаровательно заходитъ солнце, сударыня! отвѣчалъ господинъ Бревиль, привѣтствуя ее. Вы, вѣрно, прибыли сюда брать ванны? прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, милостивый государь, я привезла сюда свою дочь, которой я посвящаю всю мою жизнь; она предметъ всѣхъ моихъ мыслей, всѣхъ моихъ желаній.

— Дѣти, сударыня, часто платятъ слишкомъ дурно за наши попеченія, отвѣчалъ Бревиль, надѣясь услышать *жалобы*.

Между прїѣзжими былъ еще молодой человекъ, который всегда одѣвался съ большою изысканностію, никогда не являлся безъ перчатокъ и носилъ чрезвычайно длинныя шпоры. Онъ говорилъ только о своихъ лошадяхъ, о прекрасныхъ помѣстьяхъ и о своихъ дуэляхъ. Онъ назывался виконтъ де-Морген-

штейнъ. Виконтъ де-Моргенштейнъ былъ очень внимателенъ къ толстой женщинѣ писательницѣ, и къ ея дочери. Также какъ и онъ, виконтъ избралъ для своего купанья Дивъ, потому-что, утомленный *большими свѣтломъ*, онъ не хотѣлъ снова встрѣтиться съ нимъ въ Диеппѣ, Гаврѣ, или Трувиллѣ.

Уже нѣсколько дней дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, не позволявшій купаться. Всѣ прїуныли. Господинъ Бревиль предложилъ прогулку по окрестностямъ. Для женщинъ онъ досталъ ослось; мужчины пошли пѣшкомъ. Случайно, они отправились по направленію къ безвальскому замку. Увидѣвъ наклеенныя объявленія о продажѣ его, они вошли осмотрѣть замокъ; кто хвалилъ, кто былъ не доволенъ тѣмъ или другимъ. Молоденькая Клара, дочь госпожи дю-Морталь, сочинительницы стиховъ, замѣтивъ прекрасную тѣнь подъ густою зеленою старыхъ липъ, съ восхищеніемъ сказала: Ахъ, какъ здѣсь мило танцовать! — Вы такъ находите, сударыня? холодно спросилъ господинъ Бревиль. Въ такомъ случаѣ, я куплю этотъ замокъ, и, если вамъ угодно, въ слѣдующее воскресенье, буду имѣть честь открыть съ вами, подъ этими прекрасными липами, балъ, который, надѣюсь, доставитъ нѣкоторымъ развлеченія нашимъ любезнымъ купальщицамъ. Много смѣялись надъ этой шуткой; это было во вторникъ, а въ пятницу на той же недѣлѣ, всѣ особы, посѣщавшія ванны, получали отъ господина Бревилья приглашеніе пожаловать къ нему въ воскресенье, въ безвальскій замокъ.

Эта продажа ничего не измѣнила въ положеніи господина Мале и Пульхеріи. Открылось, что суммы, должныя господиномъ Мале и покойнымъ зятемъ его наследникамъ мельника, далеко превышали цѣну замка. Деньги, вырученныя за замокъ, положены были въ банкъ. Такъ какъ смерть Онисима не была еще доказана законнымъ порядкомъ, и приговоръ надъ нимъ произнесенъ былъ въ его отсутствіе, то все имѣніе, переходящее по наследству отъ Элуа Алена, должно было оставаться подъ секвестромъ въ продолженіе пяти лѣтъ.

Бревиль спросилъ у Деэидеріи, нельзя ли достать гдѣ музыкантовъ. Она указала ему на Епифана Гарадену, который отлично игралъ на флажолетѣ; она не знала только, согласится ли онъ теперь, будучи странчимъ, играть по найму, какъ прежде, когда былъ учителемъ. Вѣдь надо поддерживать свое званіе. Впрочемъ, какъ онъ нынче уже очень не богатъ, и, также какъ сама она, много потерялъ послѣ смерти мельника, потому принужденъ трудиться изъ платы, то, можетъ быть, и польстится на выгодное вознагражденіе.

Господинъ Бревиль отправился къ Епифану Гарадену. Долго

онъ стучался у воротъ; наконецъ, жена Гарандена, чрезвычайно встревоженная, отворила ему. Она одѣта была очень бѣдно. Старый чепчикъ накинута былъ на голову на скорую руку, чуть не задомъ напередъ, но золотое ожерелье, бывшее на ея шеѣ, совершенно не согласовалось съ бѣдностію ея одежды. Господинъ Бревиль спросилъ Епифана Гарандена; она нѣсколько разъ звала своего мужа. Тотъ долго не являлся на зовъ, но когда пришелъ, онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, и, спрашивая господина Бревилья, что ему угодно, всячески старался показать женѣ знаками на ея золотое ожерелье. Послѣ нѣсколькихъ намековъ, наконецъ она поняла, въ чемъ дѣло и отошла прочь, потомъ, когда снова возвратилась, ожерелья на ея шеѣ уже не было.

— Вы Галантенъ, милостивый государь?

— Нѣтъ, милостивый государь.... Гаранденъ.

— А, очень хорошо. Вы стряпчій?

— Да, былъ, милостивый государь. Но времена сдѣлались трудныя, дѣла шли плохо, такъ мнѣ надо было заниматься и чѣмъ нибудь другимъ. У меня были враги, меня оклеветали, принудили продать мою должность, и я перепродалъ ее за ничто, потому что никто не хотѣлъ поселиться здѣсь; трувилъскій стряпчій далъ мнѣ за нее, и со всѣмъ заведеніемъ, самую пустую сумму. Вотъ и маемся съ бѣдной женой. Прежде былъ я дьячкомъ, теперь даю кой-кому уроки, свою работникамъ счета и лобываю себя на хлѣбъ.

— Значитъ, вы не откажетесь поиграть у меня. Я купилъ безвальскій замокъ, и въ воскресенье хочу пригласить молодыхъ дѣвушекъ на танцы.

— Очень охотно, милостивый государь.

— Мнѣ говорили, вы играете на флажолетѣ?

— Порядочно, милостивый государь.

— Очень хорошо. Такъ я васъ ожидаю въ воскресенье, въ семь часовъ вечера.

Въ замкѣ оставалось нѣсколько мебели; но еще очень многого недоставало. Господинъ Бревиль просилъ Деизерію заняться приготовленіемъ къ балу и взять себѣ на помощь двухъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Кажется, говорилъ онъ ей, человекъ, къ которому я обращался, по вашему совѣту, съ просьбою о музыкѣ, очень не богать. Я замѣтилъ, что онъ радъ былъ случаю добыть нѣсколько денжонокъ. Между тѣмъ на женѣ его было чудесное ожерелье, и мнѣ кажется, золотое.

— Нѣтъ, сударь, вы обманулись. Если жена Гарандена и имѣла когда въ своей жизни золотое ожерелье, такъ ужъ давно его продала.

— Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что оно должно быть не золотое, отвѣчалъ господинъ Бревиль.

Вечеромъ, Деизерія сказала Гарандену:—Говорятъ, у вашей супруги есть золотое ожерелье.

— О, нѣтъ, возразилъ Епифанъ: это старое ожерелье, такъ поддѣлано, знаете, какъ будто и золотое.

— Да, прекрасно.... Господинъ Бревиль замѣтилъ.... Послѣ этого, мнѣ все равно.... Дѣлайте, какъ вамъ угодно, я умываю руки.

Господинъ Мале также получилъ приглашеніе отъ новаго владѣтеля безвальскаго замка; онъ долго колебался между грустію, снова видѣть это владѣніе, которое такъ безсовѣстно вырвали у него изъ рукъ, и важностію, съ какою онъ могъ показать себя въ этотъ вечеръ, какъ прежній владѣтель безвальскаго замка. Онъ старался говорить каждому, что отказался отъ этого дома, потому что все напоминало ему въ немъ горестную утрату, какую онъ понесъ въ смерти жены и сына и мужа своей племянницы.

— Господинъ де-Безваль, я очень не доволенъ вами, что вы не сказали мнѣ о вашей племянницѣ; я непременно уприсилъ бы ее украсить нашъ вечеръ ея присутствіемъ.

— Тысяча благодарностей; племянница моя, графиня де-Морвиль, никуда не выѣзжаетъ; еще не кончился трауръ ея по мужѣ, какъ она лишилась уже своего сына; съ тѣхъ поръ, она оставила свѣтъ и живетъ въ совершенномъ уединеніи, видится только съ семействомъ рыбаковъ, гдѣ живетъ прежняя ея кормилица. Я самъ для нея отказался отъ свѣта, и никого не принимаю къ себѣ, чтобы не заставлять ее заператься въ своей комнатѣ, потому что она всегда убѣгаетъ, когда кто нибудь, случайно, зайдетъ ко мнѣ и кому нельзя отказать.

При прогулкахъ по замку, виконтъ де-Моргенштейнъ не пропускалъ ни одной вещи, чтобы не сказать, что въ его имѣніяхъ есть подобныя, только гораздо лучше. Господинъ Бревиль очень хвалилъ изящную мебель, оставленную ему господиномъ Мале, котораго не называлъ иначе, какъ господинъ де-Безваль. Тотъ отвѣчалъ:—О, я увѣренъ, что будете довольны.... Впрочемъ, не скрою отъ васъ, все лучшее я вывезъ отсюда въ мой маленькій пріютъ, гдѣ живу теперь. Очень досадно, что племянница моя сдѣлалась такъ нелюдима; вы бы сами могли видѣть и су-

дять.—Господинъ Бревиль отвѣчалъ, что онъ знаетъ это, ему говорили о томъ у нотаріуса.

Виконтъ де-Моргенштейнъ, увидѣвъ маленькій прудъ, говорилъ, что въ его владѣніяхъ есть прудъ въ полмили величиною, въ которомъ ловятся лучшія въ свѣтѣ форели. Господинъ Мале замѣтилъ, что онъ никогда не слыхалъ, чтобы форели водились въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, кромѣ самой чистой, проточной воды; но господинъ Бревиль отвѣчалъ, что, безъ сомнѣнія, это особенный родъ форелей, потому что одинъ изъ его друзей также сказывалъ ему, что у него появились въ прудѣ чудеснѣйшія форели. Увидѣвъ конюшню, господинъ Мале заговорилъ о своихъ четырехъ лошадяхъ. Виконтъ сказалъ, что ему не хотѣлось бы нынче держать болѣе шести лошадей на своихъ конюшняхъ, и возвратившись домой, онъ непременно исполнитъ это намѣреніе.

Танцовали, ужинали; все шло, какъ нельзя лучше. Госпожа дю-Морталь говорила о морѣ.

— Какъ величественно зрѣлище моря! вскричала она: какъ видъ его возноситъ душу въ области безконечнаго!—Дочь чрезвычайно краснѣла, что мать повторяла передъ всѣмъ обществомъ фразу, которую, каждый въ свою очередь, слышалъ отъ нея. За тѣмъ, госпожа дю-Морталь говорила о думахъ на берегу моря, о прекрасныхъ стихахъ, вдохновенныхъ ей безграничною океана, и такъ хорошо вела разговоръ, что господинъ Бревиль попросилъ ее прочесть какіе нибудь стихи объ этомъ предметѣ, который такъ сильно вдохновлялъ ее. Достигнувъ своей цѣли, госпожа дю-Морталь притворилась смущенною: она чувствовала свою слабость предъ этимъ величественнымъ зрѣлищемъ; она никогда не осмѣливалась произнести ни одного своего стиха; она никогда не могла побѣдить своей застѣнчивости. Просьбы, убѣжденія, ободренія, посыпались со всѣхъ сторонъ, и она рѣшилась прочесть одни надутые стихи, которые оканчивались такимъ образомъ:

Мнѣ нравится...

Когда мокрель, блистающей агатомъ,

Да плоскій, сѣрый патусъ съ краснымъ ракомъ,

Играютъ въ глубинахъ морей.

— Извините, сударыня, раки бываютъ красными когда сварены.

Госпожа дю-Морталь очень смутилась, но Бревиль привелъ нѣсколько отличныхъ писателей и знаменитыхъ живописцевъ,

которые впадали въ подобныя ошибки. И госпожа дю-Морталь тотчасъ же вскричала, что ей гораздо пріятнѣе ошибаться съ людьми гениальными, чѣмъ идти прямою дорогою съ какими нибудь друзьями; притомъ же, она писала стихи безъ притязаній на авторскую славу, и единственно съ тою цѣлію, чтобы доставить своей дочери непрелюдительное чтеніе, потому что нынче, прибавила она, пишутъ такія безнравственныя книги!—Я, говорила она, блуждаю по берегамъ океана, предаюсь мечтамъ, которыя навѣвасть на меня вѣчный шумъ волнъ безграничнаго моря, и набрасываю на бумагу порывы поэтическихъ вдохновеній, быть можетъ, нѣсколько необузданныхъ, но ихъ будетъ читать одна моя дочь.

Сказать правду, всѣ необузданныя поэтическія вдохновенія госпожи дю-Морталь были устремлены къ *отдыленію моды* одного парижскаго журнала. Въ этотъ же день видѣли ее на берегу моря, плескавшася у ея ногъ. Море было на отливѣ, освѣжительные лучи утренняго солнца окрашивали голубовато-розовымъ цвѣтомъ влажный песокъ. Все море подернуто было блѣдно-зеленымъ отгѣнкомъ, лишь на краю горизонта оно окаймлялось темно-синиею полосою. Бѣлоснѣжная пѣна, какъ будто серебряной бахромою, украшала берегъ. Госпожа дю-Морталь, склонившись головою на руку, поспѣшно набрасывала свои мысли на бумагу, и вотъ что она писала:

«Тафтяные воланы по прежнему называютъ фестонами; *органди* и *тарлатанъ* въ большомъ употребленіи между шеголихами *лучшаго тона*, особенно, если платья изъ этихъ матерій сшиты съ *неподражаемымъ искусствомъ* мадамъ Аминды (въ улицѣ Риволи, № 13). На графинѣ А... былъ надѣтъ капоть изъ *толь-бульоне*, съ маленькимъ букетомъ на *полсъ*, а на сестрѣ ея, герцогинѣ де-В..., была соломенная шляпка, убранныя *работою* мадамъ Юрсюль (въ улицѣ Вреда, № 5). На герцогинѣ надѣта была также мантилья изъ индѣйской кисеи, подбитая шелковою матеріею лимоннаго цвѣта; такія мантильи можно получать у Альфреда (въ улицѣ Вивленъ, № 14).»

Лишь только госпожа дю-Морталь кончила и подписала: Виконтесса де-С...., какъ подошелъ къ ней виконтъ де-Моргенштейнъ. Она поспѣшно спрятала бумагу.—Ахъ, сударыня, сказалъ виконтъ: вы хотите лишитъ насъ прекрасныхъ мыслей, которыя внушаетъ вамъ море?—Какое величественное и дивное зрѣлище! вскричала госпожа дю-Морталь: это непрерывное ко-

лебаніе волнъ не есть ли вѣрное и печальное изображеніе нашей жизни?

Это правда. Жизнь госпожи дю-Морталь была дѣйствительно, бурная, непостоянная. Восемь лѣтъ тому она бросила мужа для одного офицера; но тотъ скоро почувствовалъ угрызение совѣсти и далъ ей полную свободу исполнить общій ихъ грѣхъ чистосердечнымъ раскаяніемъ и усерднымъ исполненіемъ супружескихъ обязанностей, которыми она нѣсколько пренебрегла. Госпожа дю-Морталь не послушалась добраго совѣта; она съумѣла отыскать для себя другой источникъ доходовъ. Прежде, люди обманутые, люди отчаянные, вступали въ монастырь; нынѣ они обращаются къ фельетону. Если женщина заставитъ о себѣ говорить, и соблазнительная молва удалитъ ее на минуту отъ свѣта, она не пойдетъ оплакивать свое заблужденіе и очищать свои грѣхи въ стѣнахъ монастыря; но вы скоро увидите ея имя подъ фельетономъ какого нибудь журнала, гдѣ она будетъ требовать свободы женщинъ. Госпожѣ дю-Морталь не нужно было много хлопотать о присканіи себѣ такого источника доходовъ. Мужъ ея, господинъ дю-Морталь, рослый, толстый мужчина, съ суровымъ лицомъ, съ ужасными усами, съ длинными поръ составлялъ моды для одного довольно извѣстнаго журнала, и, подъ именемъ маркиза де-М***, каждую недѣлю разрѣшалъ вопросы о *воланахъ* и *кушакахъ*, говорилъ о длинѣ платьевъ и ширинѣ шляпокъ, по указаніямъ модистокъ и швеекъ, которые платили ему за то, что онъ упоминалъ ихъ имена и означалъ мѣста жительства. Госпожа дю-Морталь пустилась въ ту же промышленность и переманила отъ своего мужа нѣсколько лицъ на свою сторону.

Виконтъ де-Моргенштейнъ былъ одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ пианистовъ, которыхъ искусство гораздо болѣе походить на филларство, чѣмъ на музыку. Господинъ де-Моргенштейнъ дѣлалъ только тремя нотами менѣе въ минуту противъ Генриха Герца, но былъ еще молодъ и много трудился; думали, что онъ сравняется, и, можетъ быть, даже превзойдетъ этого мастера. Виконтъ носилъ длинные, завитые волосы, принималъ на себя меланхолическій и отчаянный видъ; въ пріемахъ его было что-то роковое. Видя его, легко можно было угадать въ немъ челоуѣка, измученнаго порывами гениа и обремененнаго нападками судьбы.

Господинъ Бревиль не смѣлъ пригласить его на кадрилъ, но просилъ сыграть что-нибудь на фортепіано; онъ отказался, потому что былъ истомленъ; четыре ночи онъ не смыкалъ глазъ; какъ онъ завидовалъ тѣмъ, которые спятъ! Его на-

чали упрямивать, онъ провелъ рукою по клавишамъ; фортепіано ничего не стоило, съ трудомъ можно было взять на немъ аккордъ. Перестали его беспокоить, и занялись кое чѣмъ другимъ. Когда онъ увидѣлъ, что на него не обращали вниманія, то сѣлъ за фортепіано и началъ прелюдію. Хозяинъ дома тотчасъ же подавъ знакъ къ молчанію. Въ это время, молодой музыкантъ какъ будто пробудился: — Какі! вскричалъ онъ; я игралъ на фортепіано? Я не знаю, какъ это случилось, я мечталъ о другомъ;... по, если непременно хотять,.... вотъ нѣсколько вариаций на послѣднюю мысль Вебера.—И онъ опустилъ руки по сторонамъ стула, закрылъ глаза, обратившись лицомъ къ потолку, какъ будто испрашивалъ себѣ вдохновенія небесъ, потомъ съ небрежностію поднялъ руки надъ клавишами, въ-ровень съ своими глазами. Тогда какъ-будто вдругъ низшло на него вдохновеніе и овладѣло имъ, онъ сильно ударялъ обѣими руками по фортепіано и началъ играть вариации, которые онъ игралъ уже двадцать разъ, послѣ того, какъ заучилъ ихъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, къ величайшему отчаянію своихъ сосѣдей, которые должны были переносить всѣ эти этюды и пассажи, повторяемые съ неумолимымъ упорствомъ. Время эти времени, опуская голову на фортепіано, онъ разсыпалъ свои локоны по клавишамъ; потомъ вдругъ, быстро и гордо поднявъ ее снова, онъ откидывалъ волосы назадъ. Это эффектъ, который почти всѣ испытывали, но въ которомъ не многіе успѣли. Эти быстрія и произвольныя движенія изучены были съ болышимъ стараніемъ.

Вотъ какъ дѣлаются вариации для какого нибудь инструмента: берутъ арію извѣстнаго музыканта; въ первый разъ играютъ ее, какъ она написана самимъ композиторомъ, потомъ, во второй разъ, разводятъ ее, примѣшивая къ ней всякое лохмотье кое-какихъ музыкальныхъ фразъ. Составители вариаций подливаютъ въ чашу съ благороднымъ виномъ, то воды, то несносной сивухи, и заставляютъ васъ пить эту ужасную смѣсь, но въ промежутки, даютъ вамъ вкусить и чистаго вина, то-естъ, когда снова разыгрываютъ мелодію безъ всякихъ прибавокъ съ своей стороны. Когда они перестаютъ играть, имъ болѣе аплодируютъ отъ радости, что они кончили свою игру, чѣмъ отъ доставленнаго ими удовольствія. Если же кто нибудь, восхитившись разведенною такимъ образомъ мелодію, спроситъ у пианиста, чья она, тотъ смѣло и вмѣстѣ скромно отвѣтитъ: — Моя, милостивый государь. Точно также, какъ еслибъ сумасшедшій считалъ себя мастеромъ прекраснаго бемскаго стекла, которое онъ разбилъ въ дребезги.

Журналъ госпожи дю-Морталь, вмѣстѣ съ составленными ею на берегу моря *лодами*, получилъ замѣтки, присланныя пианистомъ къ одному изъ своихъ друзей, редактору листка. При замѣткахъ, написанныхъ собственною его рукою, была записка: «Помѣсти эти замѣтки въ слѣдующемъ номерѣ; смѣшно было бы скромничать и не сказать тебѣ откровенно о моемъ блистательномъ успѣхѣ. Весь твой.»—Вотъ замѣтки: «Мы должны упомянуть о новомъ успѣхѣ господина де-Моргенштейна. Онъ игралъ въ аристократическомъ салонѣ, въ Дивѣ, гдѣ съ фуроромъ аплодировали ему прелестныя герцогини и все высшее, отборное общество. Этотъ необыкновенный артистъ можетъ быть сравненъ только съ самимъ собою: онъ соединилъ въ себѣ грацію, энергію, благородство, всѣ качества, которыя скупая природа раздѣляетъ обыкновенно между великими музыкантами. Всѣ наперерывъ старались выразить свое удивленіе и признательность, когда, утомленный чрезвычайнымъ полетомъ своего великаго генія, онъ выходилъ изъ салона посреди рукоплесканий.»

Господинъ Бревиль благодарилъ виконта де-Моргенштейна.— Эта арія, сказалъ послѣдній, имѣла чрезвычайный успѣхъ въ прошедшую зиму. Княгиня*** была въ восторгѣ отъ нея, герцогиня*** заставляла меня повторять ее до трехъ разъ; но эти свѣтскіе люди несносны для меня.

Черезъ нѣсколько дней послѣ бала, даннаго господиномъ Бревилемъ, Вереница и Пульхерія прогуливались по берегу безвальской рѣчки, и по привычкѣ сѣли подъ тѣнью Онисима. Пульхерія мало по малу сдѣлалась подругою Вереники. Она приняла, съ необходимыми предосторожностями, чтобъ не оскорбить господина Мале, почти всѣ привычки своихъ дѣтскихъ лѣтъ. Обыкновенному наблюдателю было бы очень трудно признать въ ней блистательную графиню; но Пульхерія лучше хотѣла быть смѣшана съ простыми рыбацками, чѣмъ играть въ глазахъ свѣта роль раззорившейся знатной дамы.

— Ну, сказала она Вереникѣ, такъ черезъ четыре мѣсяца? Глэмъ славный молодецъ, онъ сдѣлаетъ тебя счастливою и съумѣетъ оцѣнить сокровище, которое вѣрятъ ему.

— Меня болѣе всего тревожитъ свадьба, говорила Вереника.... Глэмъ настаиваетъ, чтобъ сыграть свадьбу.... Намъ никогда не уговорить батюшку и матушку рѣшиться на это дѣло. Ты видишь, какъ они горюютъ о потерѣ Онисима. Грусть поселилась въ нашемъ домѣ, теперь болѣе не встрѣтишь улыбки за этимъ столомъ, гдѣ два пустыя мѣста безпрестанно напоминаютъ горестныя чтраты.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ отъѣзда Онисима и особенно послѣ разнесшейся молвы о его смерти, хотя Пелагея по прежнему накрывала на столъ и ставила приборъ для своего мужа; но Транкиль бралъ свою тарелку и уходилъ ѣсть въ уголокъ, Пелагея и Вереника дѣлали тоже. Однажды Транкиль сказалъ своей жень:—Пелагея, надо кончить это, Отчего вы съ Вереникой не ѣдите за столомъ?

— Когда тебѣ угодно, отвѣчала Пелагея; я буду по прежнему собирать на столъ, и съ завтрашняго же дня будемъ одѣвать вмѣстѣ.

— Ты можешь, когда хочешь, возразилъ Транкиль: накрывать на столъ, но я все-таки не буду тамъ ѣсть.

Съ тѣхъ поръ, ничего болѣе не говорили объ этомъ, и продолжали ѣсть каждый въ своемъ углу.

— А что господинъ Мале? спросила Вереника у Пульхеріи.

— Дядюшка спокоенъ: я боялась, что его слишкомъ поразитъ продажа замка; напротивъ, онъ очень хорошо сошелся съ господиномъ Бревилемъ, который, кажется, вѣритъ всему, что дядя ему ни говоритъ, быть можетъ потому, что половинны не слышитъ, и пропускаетъ безъ вниманія маленькую ложь, которою тотъ старается прикрыть свою нищету, увы! нищету, о которой я не могу подумать хладнокровно, потому-что черезъ меня все это случилось. Какъ жалко, милая Вереника, что мои дядя и тетка вѣсмили такъ рано обо мнѣ! Не будь этого, они бы не потеряли своего имѣнія, я не подвергалась бы такимъ жестокимъ испытаніямъ, и мы не разставались бы никогда.

— Ты вышла бы за Онисима, онъ остался бы съ нами, и не умеръ бы отъ безцестія и отчаянія....

Послѣ минутнаго молчанія, Вереника начала:—Вѣрно нынѣшній владѣтель замка очень богатъ, что носитъ молва, будто его безъ труда можно обмануть. Говорятъ, онъ чрезвычайно легковѣренъ.

Въ эту минуту, господинъ Бревиль проходилъ по другому берегу рѣчки. Онъ раскланялся съ обѣими подругами, освѣдомился у Вереники объ ея родителяхъ и о рыбной ловлѣ, потомъ спросилъ, не проходилъ ли тутъ почталъонъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, распростился съ ними, и отправился въ Дивѣ. Вереника и Пульхерія такъ долго говорили объ Онисимѣ и своемъ дѣтствѣ, что господинъ Бревиль, черезъ часъ, возвращаясь обратно, въ Безвалъ, нашелъ ихъ на томъ же самомъ мѣстѣ: съ нимъ шелъ Епифанъ Гаранденъ. Замѣтивъ послѣдняго, молодыя подруги вдругъ исчезли за деревьями и

другою дорогою ушли въ Дивъ. Извѣстно, что показанія Епифана были причиною бѣгства, осужденія и смерти Онисима, и потому онъ не могла безъ ужаса смотреть на него.

Господинъ Бревиль привелъ Епифана въ замокъ и сказала ему:—Таланты ваши мнѣ извѣстны; но мнѣ нужны вы для одного очень важнаго дѣла. Господинъ Гаранденъ, я занимаюсь науками, и не безъ цѣли выбралъ для себя жилище на берегу моря. Я составляю теперь большое сочиненіе объ устрицахъ: много уже сдѣлалъ я изысканій, но еще болѣе осталось додѣлать. У васъ прекрасный почеркъ, вы такъ умны; я не думаю, чтобъ вы были слишкомъ заняты...

— Нѣтъ милостивый государь, я теперь очень нуждаюсь... Много я потерялъ послѣ смерти мельника...

— Вотъ нѣсколько разъ я слышу, что вы потеряли много послѣ смерти мельника, и не понимаю, какъ это могло случиться. Если онъ былъ вамъ долженъ, такъ у него осталось значительное состояніе, которое, хотя и полъ севестромъ, но долги все-таки будутъ уплачены наследниками.

— Милостивый государь, я былъ стряпчимъ. Мельникъ давалъ въ ростъ деньги; онъ преимущественно сужалъ такихъ людей, про которыхъ зналъ, что навѣрное не заплатятъ въ срокъ; для этого ему надо было возобновлять векселя; ему-то доставляло это выгоды, а для меня такъ убыточно было. Потомъ, я пустился на аферы: онъ платилъ мнѣ за то, что я приводилъ къ нему заимодавцевъ, и заимодавецъ, съ своей стороны благодарилъ меня какимъ-нибудь подарочкомъ.... И потому.... время отъ времени, я и получалъ кое-какія *шляпы*..

— Какія шляпы?... Вамъ мельникъ давалъ шляпы?

— Нѣтъ, не онъ,.... а изъ-за него мнѣ давали ихъ.... и это было мой лучшей доход....

— Я не понимаю.

— Вы не Норманецъ, милостивый государь?

— Нѣтъ.... не имѣю чести быть.

— А, такъ вамъ нельзя понять, это здѣшнее слово...

— Чтò жъ это значитъ?

— Вотъ это чтò значитъ: знали, что я обдѣлывалъ дѣлишки Эмуа Алена, и знали, что онъ очень богатъ. Я никогда не пропускалъ ни одной продажи, какія случались въ здѣшнемъ краю; различныя мои занятія очень облегчали мнѣ это. Въ день, назначенный для продажи чьего-нибудь имѣнія, я являлся и объявлялъ, что хочу торговаться на ферму, или на лѣсной участокъ: мое присутствіе безпокойло другихъ. — Скажи, Епифанъ, говорили они, чего ты тутъ хочешь? — А можетъ быть, и хорошо

выйдетъ.—Да все это пустяковъ стоить.—Такъ, можетъ быть, поэтому продадутъ подешевле.—Не думай, охотниковъ много; цѣну, пожалуй, высоко поднимутъ.—Тѣмъ лучше для продавца... —А ты сколько дашь?—Увидите.... какъ станутъ надбавлять.... —О, мы знаемъ, на кого ты надѣнешся... Ну, кому достанется, такъ не дешево.... Вотъ это значитъ не сговориться;... а нашъ былъ бы верхъ. Но мы и сами не дадимъ промаха.... Когда ты хочешь все испортить, такъ самъ и заплатишь, чтò будетъ стоить намъ. — Мнѣ все равно,.... деньги не мои. — Послушай, Епифанъ, хочешь ли *шляпу*? Я не много поломаюсь, нельзя, молю, потомъ какъ шляпу увеличать, я и соглашусь; получу шляпу, и при продажѣ сдѣлаю двѣ-три маленькія надбавочки, да и отступлюсь, такъ что изъ за шляпы-то и хороша вещь пойдетъ за безцѣнокъ.

— Но вы все-таки не объяснили, чтò такое *шляпа*?

— Это точно.... Вотъ видите: когда дѣло идетъ о продажѣ чего-нибудь значительнаго, и если хотятъ удалитъ оискателя, то даютъ ему шляпу, чтобъ онъ не вмѣшивался тутъ; очень часто платятъ за шляпу серебромъ. Случается, шляпы даютъ въ полторы, въ двѣ, даже въ сто тысячъ франковъ, смотря по важности дѣла.

— А, понимаю, сказалъ Бревиль: это то же, что мошенники зовутъ *букетомъ*. Ну такъ значитъ, у васъ теперь, господинъ Гаранденъ, занятій немного, и вы не откажетесь помочь мнѣ въ одномъ дѣлѣ.

— Если я буду дѣйствовать вашимъ именемъ, милостивый государь, такъ, надѣюсь, что кое-какъ, достану нѣсколько шляпъ; но если узнаютъ, что я дѣйствую на собственный счетъ, такъ не вѣдутся въ обманъ.

— О, совсѣмъ не такія дѣла я хочу поручить вамъ; вы нужны мнѣ для моего *трактата объ устрицахъ*.

— Я ѣдалъ устрицъ, а больше ничего не знаю объ нихъ.

— Да мнѣ и не нужно, чтобъ вы знали болѣе; ваше дѣло будетъ только приводить въ порядокъ мои изслѣдованія, и переписывать мои замѣтки. Трактатъ мой объ устрицахъ, господинъ Гаранденъ, сочиненіе очень важное и будетъ читанъ въ академіи наукъ; я работаю не спѣша, потому-что ни о чемъ не хочу говорить безъ доказательствъ. Знаете ли вы по-гречески, господинъ Гаранденъ?

— Нѣтъ, милостивый государь; я училъ греческому языку, но не знаю его.

— Вы знаете, по крайней мѣрѣ, читать и писать?

— Да, немножко.

— Этого и довольно: онъ понадобится только для словопроизводства. Да, я сказалъ вамъ, что работаю медленно, иногда двѣ строки стоить мнѣ восьми дней предварительныхъ изысканій; потому, нужно будетъ, чтобъ вы всегда были при мнѣ.

XXV.

Прошелъ еще годъ, безъ важныхъ перемѣнъ въ положеніи нашихъ лицъ. Свадьба сына Пахома Глама съ Вереникою была отложена, по случаю смерти жены Пахома Глама. Господинъ Бревиль вполне заслужилъ репутацію человѣка совершенно глухого и немножко глупаго, которому можно было все говорить и все лгать. Деидерія была по прежнему ключницей безвальскаго замка, и Гаранденъ, мужъ съ женою, также поселились въ немъ. Епифанъ очень много трудился для господина Бревиля, котораго ученія изслѣдованія доходили до чрезвычайныхъ размѣровъ. Изъ цѣлага тома экстрактвъ, написаннаго Епифаномъ Гаранденомъ, выбиралось только нѣсколько строчекъ для сочиненія новаго владѣтеля Безваля. Все заставляло думать, что это твореніе окончится вмѣстѣ съ жизнію автора и его секретаря. Деидерія, съ одной стороны, Гаранденъ съ другой, грабили господина Бревиля безъ всякой пощады.

Прекрасная погода снова привлекла на берега моря охотниковъ купаться, и господинъ Бревиль далъ нѣсколько праздниковъ. Согласіе, бывшее до тѣхъ поръ между Деидеріей и женой Гарандена, скоро стало колебаться. Деидерія хотѣла властвовать въ домѣ; жена Епифана не хотѣла ей покоряться. Гаранденъ, когда случалось ему быть при этихъ спорахъ, всегда уговаривалъ и бранилъ свою жену; но та презирала приказанія своего мужа и ни за что не соглашалась быть ниже другихъ. Нѣкоторые обвиняли самого господина Бревиля, что онъ могъ бы установить согласіе въ своемъ домѣ, да не хотѣлъ сдѣлать этого; можно было думать, что ему еще нравились эта болтовня и перебранки; онъ выслушивалъ жалобы каждаго отдѣльно и, кажется, возбуждалъ противниковъ одного противъ другаго, вмѣсто того, чтобы примирять ихъ; а это еще больше подтверждало ограниченность его ума.

— Вы здѣсь, господинъ Гаранденъ?

— Здѣсь.

— Прекрасно. Пишите: «Устрица, по-латынѣ *ostreum*; по-гречески *οστρεον*. Менажъ утверждаетъ, что Французы прежде чѣмъ стали называть ее *huitre*, называли *oistre*.» Очень было бы любопытно, господинъ Гаранденъ, прослѣдить это слово *οστρεον*, *ostreum*, *oistres*, *huitres*, во всѣхъ его различныхъ измѣненіяхъ. Это будетъ предметомъ дальнѣйшихъ изысканій. Вы мнѣ говорили, что давали уроки греческаго языка, конечно, это были частные уроки, потому-что по-гречески не учатъ въ общественныхъ школахъ.

Господинъ Бревиль сидѣлъ въ рабочемъ своемъ кабинетѣ, окруженный книгами, и диктовалъ Епифану Гарандену, перемѣшивая ученія свои разсужденія съ самыми пустыми разговорами.

— Да, я давалъ нѣсколько уроковъ сыну господина Мале, прежняго владѣльца Безваля; бѣдняжка преждевременно умеръ.

— Вы были учителемъ, когда умеръ мельникъ, о смерти котораго столько говорили, да и теперь еще говорятъ въ здѣшнемъ краю?

— Нѣтъ, я былъ тогда стряпчимъ.

— Прекрасно. Пишите: «Римляне очень долго ѣли устрицъ только изъ дукринскаго озера, потомъ, они стали привозить ихъ изъ Брундузіума и Тарента, наконецъ, самыя лучшія, которыя вытѣснили всѣ остальные, ловились въ Атлантическомъ океанѣ. Устрица есть двучерепная раковина; скорлупа устрицы бываетъ почти круглая, обыкновенно толстая, шероховатая, неровная...» Говорили, что вы были доносчикомъ по дѣлу?...

— По какому дѣлу?

— Да по дѣлу мельника.

— Да, я далъ показаніе.

— Убійца былъ сынъ здѣшняго рыбака?

— Да, это былъ сынъ Транкилла Алена.

— Онъ бѣжалъ изъ тюрьмы?

— Да, онъ убѣжалъ, но послѣ, говорили, умеръ.

— Меня увѣрили, что онъ потонулъ, я слышала нѣкоторыя подробности объ этомъ дѣлѣ, когда покупалъ Безваль; Безваль, вѣдь, былъ въ закладѣ у мельника, а наследникомъ мельника былъ этотъ.... какъ вы его называете?

— Кого?

— Убійцу?

— А, убійцу! его звали Ониспимомъ Аленомъ.

— Я полагаю, что вы въ ладахъ съ Деидеріей, господинъ Епифанъ?

— Да мы, кажется, и не ссоримся.

— Она не совсемъ хорошо относится объ васъ, особенно она дурно отзывается объ вашей женѣ. Вчера, я ужъ долженъ былъ заставить ее молчать; ее, видите, беретъ досада, что у вашей жены новѣй чепчикъ.

— У Дешидеріи есть залежныя деньжонки, такъ она немножко и гордится, хоть тутъ и не чѣмъ бы чваниться много. Правда, что у ней есть, она не украла. Старѣй мельникъ, у котораго она очень долго жила, часто доводилъ ее до слезъ. Этакого грубаго человѣка я и не видывалъ, особенно, какъ онъ, бывало, подошьетъ.

— А что жъ она хотѣла сказать этимъ: жена Епифана слишкомъ высоко носитъ свой чепчикъ?

— Не знаю. Можетъ-быть, она хотѣла этимъ обвинить мою жену въ тщеславіи. Знаете, милостивый государь, новѣй чепчикъ, для людей нашего званія, тоже, что корона; кому удастся завестись этой обновкой, такъ и носъ подниметъ, а другихъ зависть беретъ. По этому, Дешидерію нечего винить. Жена моя слишкомъ иногда выполняетъ свои капризы; забываетъ, что мы бѣдняки, и хочетъ показаться, какъ будто она жена негоціанта, но со временемъ, я все улажу.

— Пишите: «Макробій говорилъ, что устрицъ всегда подавали за столомъ римскихъ первосвященниковъ. Апицій зналъ средство сберечь устрицъ, но это средство не дошло до насъ; онъ посылалъ ихъ изъ Италіи въ Персію, къ императору Траяну, и устрицы нисколько не теряли своей свѣжести. Что касается до доброты устрицъ....» Разкажите мнѣ исторію этого убійства....»

— Тутъ ничего вѣтъ любопытнаго, милостивый государь; Онисимъ Аленъ оказалъ одну услугу своему дядѣ Элуа, и тотъ въ духовномъ завѣщаніи назначилъ его своимъ наследникомъ. Онъ обѣщалъ передать ему все имѣніе, но, при жизни своей, никогда не давалъ ему ни копѣйки. Между тѣмъ, Онисимъ уже считалъ себя богачемъ, сорилъ деньги и надѣлалъ долговъ. Однажды, какъ пришло не въ моготу, онъ спросилъ у своего дяди денегъ. Тотъ отказалъ, и они поссорились. Видѣли, что Онисимъ выпрыгнулъ изъ окна, а мельника нашли задушеннымъ.

— А вѣтъ подозрѣній, не былъ ли кто тутъ соучастникомъ?

— Не слышно, чтобы были соучастники. Впрочемъ, уликъ противъ Онисима достаточно; обѣство его принято людьми умными за признаніе. Я зналъ больше объ этомъ. Родные его

винять меня, что я донесъ на него, за то я больше всѣхъ помогу ему скрыться.

— Да, справедливо!

— Я зналъ Онисима еще ребенкомъ. У меня сердце разрывалось, когда я доносилъ на него. Но подъ присягой заставляли сказать *всю правду*, надо было говорить; я сказалъ, что зналъ; за то, какъ дѣло дошло до побѣга, я провелъ его до судна, которое должно было высадить его въ Англіи. Тогда-то онъ благодарилъ меня, обнялъ меня и во всемъ признался. Только онъ всегда говорилъ, что мельникъ сначала ударилъ его. Это возможно, потому-что Элуа Аленъ, при жизни.... былъ ужасно вспыльчивъ; но все-таки не слѣдовало бы задушить его.

— Совершенно справедливо.... Оставимъ пока сегодня мой *Трактатъ объ устрицахъ*.

.....

*Брєвилъ господину Эдмону *** , въ Парижѣ.*

«Любезный другъ, вы очень бережливы на свои познанія. До сихъ поръ не присылаете ко мнѣ ничего, и вотъ заставили остановиться на половинѣ фразы въ моемъ *Трактатѣ объ устрицахъ*.... Не теряя ни минуты, пришлите продолженіе. Весь къ вашимъ услугамъ.

«По-прежнему, господину Брєвилю, въ безвальскій замокъ, близъ Дипа.»

.....

— Сударыня, сказалъ, однажды утромъ, господинъ Брєвилъ Дешидеріи, сведите наши счета по дому. Ахъ, сударыня, прибавилъ онъ, отчего это, вотъ ужъ три дня, вы не приготавлиете для меня ничего рыбнаго?

— По очень простой сударь, причинѣ, отвѣчала Дешидеріа; погода стоитъ дурная и рыбаки не выѣзжаютъ въ море.

— Странно, сударыня; а господинъ Гаранденъ, которому, признаюсь вамъ, я немножко пожаловался, что вы не подаете мнѣ рыбы, сказалъ, что не больше, какъ за полчаса, рыбаки возвратились съ полными лодками рыбы.

— Епифану нечего мѣшаться въ чужія дѣла, посмотрѣлъ бы лучше на себя.

— Я и то остановилъ его, когда онъ уже вышелъ изъ граицицъ.... Я думалъ, что вы, сударыня, въ дружбѣ съ ними.

— Какъ, сударь, онъ смѣлъ сказать обо мнѣ что-нибудь дурное?

— А сегодня вы приготовите для меня рыбное?

— Извините, сударь, а я бы все на свѣтъ отдала, чтобъ только узнать, что онъ говорилъ обо мнѣ, я...

— Ахъ, если бы приготовили сегодня жаркое изъ камбады...

— Господинъ Бревиль, ради Бога, что онъ обо мнѣ говорилъ?

— Не стоить повторять, сударыня, глупости.... Пустыя сплетни, сударыня.

— На что это похоже, говорить про меня такія вещи!

— Успокойтесь, сударыня, господинъ Гаранденъ ничего не говорилъ, что бы могло васъ безчестить.

— Меня безчестить! да онъ во всю жизнь и заикнуться не помянетъ; я ему зажму ротъ.

— Ахъ, Боже мой! вотъ господинъ Епифанъ; будьте благодарны, сударыня, прошу васъ. Я очень занятъ посторонними дѣлами, нужно будетъ его попросить свести счеты съ вами. Надѣюсь, вы не будете горячиться съ нимъ, и не скажете ему ничего... Господинъ Епифанъ, потрудитесь за меня свести счеты съ Деидеріей.

И господинъ Бревиль вышелъ изъ комнаты, гдѣ оставилъ Деидерію и Епифана, которые измѣряли другъ друга глазами и выжидали только, пока онъ удалится, чтобъ начать сраженіе.

— Я очень рада, что васъ встрѣтила, господинъ Гаранденъ, начала Деидерія, когда увидѣла, что господинъ Бревиль вышелъ и заперъ уже за собою дверь.

— И я также, госпожа Деидерія, хотѣлъ видѣться съ вами, возразилъ Епифанъ.

— Вы черезъ-чуръ безсовѣстны, господинъ Гаранденъ...

Разговоръ, начатый такимъ образомъ, становился все жарче и жарче; господинъ Бревиль, не смотря на свою глухоту, расположился подслушать его до конца; этимъ подтвердилось обвиненіе, взводимое на него. Говорили, господинъ Бревиль любить сплетни, но кто безъ недостатка; впрочемъ, онъ прекраснѣйшій человекъ, самый скромный и чрезвычайно доверчивый. За все онъ платитъ очень дорого, иногда за одну вещь платитъ два раза. Въ дѣсахъ его дѣлаютъ порубки, на лугахъ пасутъ скотъ; какъ тутъ его похулишь. Онъ даетъ праздники, доставляетъ работу, при случаѣ, не отказывается помочь несчастному. Онъ хочетъ только знать все; если для него что пріятно, надо же простить такому человеку... Впрочемъ, вѣдь, и не онъ одинъ любить сплетни.

*Эдмонъ *** господину Бревиллю, въ безвальскомъ замкѣ, близъ Дива.*

«Любезный другъ,

«Я постараюсь прислать вамъ все, что написано о моллюскахъ, въ которыхъ вы принимаете такое участіе. Во всѣхъ трактатахъ о воспитаніи устрицъ, вы найдете только искусство откармливать ихъ посредствомъ одной болѣзни, до которой доводить ихъ черезъ постепенную примѣсь прѣсной воды. Какое бы ни было ваше намѣреніе, любезный другъ, я предоставляю въ ваше распоряженіе все, что я знаю, даже болѣе, потому-что въ собранныхъ мною для васъ различныхъ трактатахъ находятся не только такія свѣдѣнія, которыхъ я не знаю, но и такія, которымъ я не совѣмъ доверяю.

«Надѣюсь, въ концѣ нынѣшней осени, помочь вамъ истребить вашихъ питомцевъ.

«Эдмонъ ***.»

Гюберъ господину Безвалю, въ безвальскій замокъ, близъ Дива.

«Любезный мой другъ, мой благодѣтель.

«Я посылаю это письмо на одномъ кораблѣ, который достигнетъ береговъ Франціи прежде меня; но надѣюсь, что черезъ мѣсяцъ, и я буду тамъ же. Первое мое путешествіе, въ званіи капитана, превзошло всѣ мои ожиданія: корабль плылъ по морю, какъ рыба; только море не совѣмъ было благопріятно; мы выдержали ужасную бурю; потерявъ всѣ мачты, мы должны были оставить корабль. Смѣло скажу, что мнѣ не въ чемъ раскаяваться; хозяева корабля въ этомъ такъ убѣдились свидѣтельствомъ экипажа и пассажировъ, что писали уже мнѣ о принятіи начальства надъ другимъ кораблемъ.

«Послѣ того, какъ мы оставили наше несчастное судно, цѣлыя сутки носились мы въ шлопкѣ по бѣшенымъ волнамъ. Я сдѣлалъ обѣтъ Пресвятой Богородицѣ, который обѣщала исполнить въ дивской церкви: всѣ послѣдовали моему примѣру.

«Едва я произнесъ обѣтъ, какъ вдругъ на небѣ, покрытомъ свинцовыми тучами, явилась свѣтлая точка. Одинъ изъ матросовъ вскричалъ: Вотъ открылось окно на небѣ! милосердый Богъ взираетъ на насъ! Мы ободрились и поручили себя заступничеству Пресвятой Дѣвы. Въ самомъ дѣлѣ, назавтра,

въ полдень, мы встрѣтили корабль, который принялъ насъ и скоро доставитъ во Францію.

«Что можетъ быть прекраснѣе того дня, мой любезный другъ, мой благодѣтель, когда, съ своимъ экипажемъ, я приду въ Дивскую церковь исполнить данный мною обѣтъ Пресвятой Богородицѣ!

«Теперь я не скажу вамъ болѣе ничего. Это письмо, которое я доверилъ неизвѣстному мнѣ человѣку, можетъ быть, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, или не дойдетъ до васъ, или попадетъ въ другія руки.

«Прощайте, мой любезный, мой единственный другъ. Скоро, надѣюсь увидѣться съ вами. Чѣмъ я вознаграждаю за всѣ ваши благодѣянія, оказанныя мнѣ? Сердце мое наполнено благодарностию. Вы пишете мнѣ, что скоро будетъ свадьба; досадно, если я не буду на ней.

«Гюберъ.»

На письмо Гюбера, господинъ Бревиль отвѣчалъ только двумя словами: «Будь остороженъ.» Но Гюберъ не получилъ этой записки.

— Ахъ, сударыня, сказалъ однажды Бревиль женѣ Гарандена: почему вы не надѣваете нынче того прекраснаго ожерелья, которое я видѣлъ однажды на вашей шеѣ, и котораго съ тѣхъ поръ никогда не видалъ на васъ? А оно такъ чудесно шло къ вамъ!

— Ахъ, Боже мой, отвѣчала жена Гарандена, Епифанъ все не любитъ, чтобъ я наряжалась въ свои прекрасныя *бездлушки*. Онъ и тогда ужасно бранилъ меня, когда я отворила вамъ дверь, не снявъ съ себя ожерелья. Еслибъ я слушала его во всемъ, такъ, право, ходила бы всегда какъ нищая.

И она показала господину Бревилю всѣ свои наряды, бѣлье, платья и дорогія вещи. А къ чему мнѣ служить всѣ эти *бездлушки*, сказала она, вздыхая, когда не позволяютъ мнѣ никогда надѣвать ихъ, даже по праздникамъ?

— Не наряжаясь ни въ дорогіе камни, ни въ богатые матеріи, сударыня, мнѣ кажется, вы могли бы поддержать ваше званіе приличнымъ образомъ, потому-что мужъ вашъ былъ учителемъ, даже стряпчимъ. Вотъ, на примѣръ, какое-нибудь платье, я, на вашемъ мѣстѣ, непременно бы надѣвалъ по временамъ. Платье всегда подъ замкомъ! Да оно исплѣтеть, сгнѣтъ отъ этого. Конечно, въ будни, когда вы дома или при ваннахъ,

вы можете одѣваться, какъ вамъ удобнѣе; но въ воскресенье, когда пойдете къ обѣднѣ, для чего вы носите простой чепчикъ? Вѣдь прежде носили же вы шляпки?

— Да, это правда, сударь; но въ то время Епифанъ былъ стряпчимъ, и жена стряпчаго должна была носить шляпку, чтобы поддержать честь своего мужа и его должности. Нынче обстоятельства перемѣнились, трудныя времена стали.

— Да вѣдь, сударыня, господинъ Епифанъ Гаранденъ теперь мой секретарь, и я не хочу, чтобъ онъ считалъ себя разорившимся черезъ это. Если я захочу, я найду людей, которые скажутъ противное. Не нужно унижать себя.

Въ слѣдующее воскресенье, госпожа Гаранденъ хотя и не смѣла надѣть своего дорогаго ожерелья, но вырядилась въ новое платье, которое такъ шло ей, по словамъ господина Бревилья, и надѣла шляпку. Господинъ Бревиль былъ въ столовой комнатѣ и смотрѣлъ въ окно, а Дезидерія накрывала на столъ, къ завтраку, когда госпожа Гаранденъ отправилась къ обѣднѣ.

— Ахъ, клянусь Богомъ, вскричалъ господинъ Бревиль: госпожа Гаранденъ одѣвается со вкусомъ. Это платье чудо какъ идетъ къ ней, какъ она хороша въ немъ? Право, у ней прелестная талія.

Дезидерія подбѣжала къ окну.

— Она всегда носитъ шляпки? спросилъ господинъ Бревиль.

— Она можетъ носить, что захочетъ, сказала Дезидерія: а по моему, хорошая слава лучше золота. Сказала бы я слово! Боже мой: шляпка! Прежде, когда она была стряпчихой, тоже носила шляпки; я думала, что уже прошла пора ей важничать. Забыла, что говорили.....

— А развѣ о госпожѣ Гаранденъ говорили что-нибудь? спросилъ господинъ Бревиль. Она, кажется, всегда такъ благородно вела себя.....

Похвалы господина Бревилья до того взбѣсили Дезидерію, что она попросила у него отпуска. Такъ какъ ей было чѣмъ жить, благодаря щедрости своего прежняго хозяина, то она вдругъ исчезла, и никто не зналъ, куда дѣвалась.

Наступало время свадьбы Вереники съ сыномъ Глама. Пелагея проговаривалась, что ей не хотѣлось бы слишкомъ праздновать свадьбу. Впрочемъ, она желала счастья своей дочери и живо сочувствовала ему, но не хотѣла принимать никакого участія въ свадебныхъ пирахъ. Что касается до Транкилла, то онъ рѣшительно отказался отъ свадебныхъ увеселеній; Вереника также было согласна съ этимъ; только сынъ Глама и его друзья хотѣли повеселиться какъ слѣдуетъ. Но наконецъ, всѣ

поняли, что надо было уважить скорбь семейства Аленъ. Рѣшили, чтобъ не было никакихъ пировъ, и чтобъ все ограничилось одною церковною церемоніей.

— Счастье, говорила Пелагея: не можетъ быть больше нашимъ гостемъ. Сынъ, который радовалъ насъ, которымъ мы думали гордиться, сдѣлался причиною нашего отчаянія и стыда. Радость отлетѣла отъ насъ, намъ не идутъ теперь праздничныя платья.

— Да, отвѣчала Пульхерія: воспомнаніе о тѣхъ, кого мы такъ преждевременно лишились, будетъ примѣшаться ко всему. Для нашего утѣшенія нужно было бы изгнать ихъ изъ нашего сердца; но это невозможно.

Транкиль хотѣлъ, чтобъ наканунѣ свадьбы отслужили обѣдно по Онисимѣ.

Пульхерія пошла на кладбище, помолиться на могилахъ тетки и сына. На воротахъ дивскаго кладбища въ то время находилась надпись, которая впоследствии была стерта; безъ сомнѣнія, ее написалъ какой-нибудь путешественникъ:

Жизнь есть отсрочка при приговорѣ къ смерти.

Тѣ которые умерли — живы; ты, который живешь, умрешь.

Выходя съ кладбища, Пульхерія пошла прогуляться по берегу моря; море только что начинало прибывать. Пульхерія предалась мечтамъ, и когда Вереника встрѣтила ее, она безсознательно чертила на песокъ, своей маленькой ножкой, какія-то слова; прежде чѣмъ волна успѣла смыть песокъ, Вереника прочтала въ этихъ словахъ имя Онисима. — А, Пульхерія, сказала она: такъ ты думаешь о немъ?

— Да, сказала Пульхерія. Я по-прежнему привязана къ нему. И не для меня ли онъ принесъ себя въ жертву? Вся жизнь его не была ли продолжительнымъ самоотверженіемъ, съ того самаго дня, какъ онъ, еще ребенкомъ, рѣшался умереть для меня отъ холода; когда мы были увлечены морскимъ отливомъ? О, я давно уже укоряю себя въ легкомысліи, что не умѣла понять этого благороднѣйшаго сердца, этой возвышенной души! Теперь только я понимаю эту душу во всей ея красотѣ. Ахъ, милая Вереника, какъ жалко, что мы не можемъ поселиться на твоей свадьбѣ!

— Серьезный видъ приличіе счастья; печаль, также какъ и излишняя радость, не приличны для свадебныхъ пировъ. Впрочемъ послѣ всего, что случилось въ нашемъ несчастномъ семействѣ, то, что другіе называютъ счастьемъ, мы можемъ называть только утѣшеніемъ.

Звонять по умершемъ, говорили въ Дивѣ. Семейство Аленъ, къ которому надо причислить и Пульхерію, отправилось къ обѣднѣ въ траурныхъ платьяхъ; съ Вереникой шель сынъ Глама, нѣкоторые друзья и знакомые также присоединились къ нимъ. Обѣдня и панихида были отправлены со всею торжественностію. Въ то время, какъ священникъ кончилъ гимнъ *Dies iræ, dies illa*, чей-то голосъ, при входѣ въ церковь, произнесъ: *Amen!* Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ церкви обернулись назадъ и замѣтили челоуѣка бѣдно одѣтаго и совершенно незнакомаго, который вскорѣ вышелъ изъ церкви и вдругъ исчезъ.

XXVI.

Еще другаго рода были происшества въ Дивѣ. Знаменитый пианистъ, господинъ де-Моргенштейнъ встрѣтилъ въ ваннахъ виконтессу дю-Морталь и ея дочь; они занимались музыкою, потомъ отправлялись гулять. Кончилось тѣмъ, что господинъ де-Моргенштейнъ открылся въ своей пламенной страсти мадмуазель дю-Морталь; молодая дѣвушка, казалась, была очень тронута этимъ, и отвѣчала только, что никогда не выйдетъ изъ воли матери. Виконтесса не могла вдругъ рѣшиться и просила нѣсколько времени подумать; но благосклонность ея къ господину де-Моргенштейну такъ замѣтно возрасла съ этой минуты, что дѣло, казалось совершенно оконченнымъ, и жизнь ихъ сдѣлалась почти нераздѣльною. Впрочемъ господинъ де-Моргенштейнъ все таки нѣсколько беспокоился; на его небѣ еще носились облака. Послѣ продолжительныхъ размышленій, онъ рѣшился наконецъ пресѣчь всѣ преграды однимъ рѣшительнымъ ударомъ.

Мадмуазель дю-Морталь и ея мать оканчивали свой туалетъ и разговаривали, съ своей стороны, о предметѣ, который такъ нѣсколько тревожилъ ихъ.

— Ну, матушка, сказала молодая дѣвушка: какъ намъ выйти теперь изъ этихъ неприятностей, до которыхъ довела насъ твоя страсть сдѣлаться виконтессою? Что подумаетъ Адальбертъ, когда узнаетъ, что мы во все не знатныя какія нибудь, а просто....

— Что ему до того? Вѣдь ты не оставишь же за собою своего имени, когда выйдешь за него за мужъ?

— Надѣюсь, сказала Клара, потупивъ глаза: что онъ любить меня не за одно только имя; но его фамилія такъ гордится сво-

имъ гербомъ, и объ ней нынче онъ болѣе уже не поминаетъ; потому, быть можетъ, что для него недостаточно нашей выдуманной знатности;—что же скажутъ его родные, когда узнаютъ о нашемъ настоящемъ званіи?

— Я, на твоёмъ мѣстѣ, не много бы хлопотала о любви, которая не могла бы побѣдить этой смѣшной родословной гордости и этой жестокой несправедливости родителей, ослѣпленныхъ пустымъ блескомъ.

— Такъ за чѣмъ же намъ были эти титулы, которые ты такъ презираешь? Впрочемъ, еслибъ Адалбертъ всегда зналъ, кто я такая, что я, просто, дочь добрыхъ мѣщанъ, и отказался бы отъ меня по этому; право, я и не подумала бы пожалѣть объ немъ; но теперь совсѣмъ не то, теперь онъ можетъ обвинять насъ въ плутовствѣ.

— Ну, хорошо, хорошо, все уладится.

— А когда онъ узнаетъ, что у меня нѣтъ приданого?

— Какъ, нѣтъ приданого? Развѣ это ничего не значитъ, что вы будете жить у меня, имѣть у меня столъ? Развѣ ничего не значатъ мои связи? Такъ ты думаешь, что тотъ, кто любитъ тебя, такъ корыстолюбивъ!

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ; у Адалберта благородное сердце; но его родные, особенно когда узнаютъ о нашемъ званіи, не будутъ ли ожидать вознагражденія, по крайней мѣрѣ, деньгами? Нужно все объяснить Адалберту. Съ каждымъ днемъ это признаніе становится для меня затруднительнѣе, и съ каждымъ днемъ я болѣе стыжусь и досаую на себя, что не могла признаться прежде.

Въ эту минуту принесли письмо отъ господина де-Моргенштейна. Госпожа дю-Морталь поспѣшила распечатать его; въ немъ написано было слѣдующее:

«Виконтесса, и вы, обожаемая Клара.

«Нѣтъ силъ откладывать далѣе признаніе, которое я долженъ сдѣлать вамъ, но я уже не буду этого стыдиться. Я рѣшился разсчитаться съ жестокою судьбою. Смерть прекратитъ мою безсвѣтлую жизнь. Да, небо, наградившее меня аристократическою душою, и—смѣю ли сказать?—аристократическимъ талантомъ, какъ будто въ насмѣшку, судило мнѣ родиться въ такомъ сословіи, съ которымъ я не могу сродниться ни по моимъ склонностямъ, ни по образованію. Я не благородный! или благородный только по чувствамъ. Почему не могу я на полухъ битвъ заслужить герцогской короны и положить ее у вашихъ ногъ? Но что больше дѣлать въ эти прозаическія времена, если не возвышаться дарами природы, если не казаться графомъ по

таланту и княземъ по генію? Это сдѣлано! Я не хочу подвергаться презрѣнію гордой знати. Когда вы будете читать это письмо, я заряджу пистолеты, и, какъ Вертеръ, покину эту жизнь, слишкомъ тѣсную для моей души.

«Прощайте, Виконтесса; прощайте, Клара, прощайте!»

— Ахъ, Боже мой! поспѣшимъ, матушка, вскричала молодая дѣвушка: спасемъ его, если есть еще время.

— Времени будетъ довольно, холодно отвѣчала госпожа дю-Морталь. Все это, просто, значитъ, что господинъ де-Моргенштейнъ называется не госполиномъ де-Моргенштейномъ, и благороденъ онъ только по-своему.

— Это тѣмъ лучше, матушка.... Но пойдѣмъ.

— Сейчасъ.

— Но если мы уже опоздали?

— Не опоздаемъ. Я все думаю, надобно ли мнѣ теперь соглашаться на вашу свадьбу.

— Ахъ, матушка, ужели мы не простимъ его за обманъ, когда и сами въ томъ же виноваты?

— Не въ томъ дѣло; а надо поучить этого молодца.

— Прости его, матушка. Я побѣгу скорѣе къ нему.

— Бѣдняжка, не дадутъ ему времени и пистолеты-то зарядить. Но предоставь мнѣ самой переговорить съ нимъ, иначе все испортить.

Клара побѣжала впередъ. Оставалось только пройти корридоръ до комнаты Моргенштейна; она съ нетерпѣніемъ поступалась въ дверь; слабый голосъ отвѣчалъ изъ комнаты: Войдите. Въ это время подошла госпожа дю-Морталь, и отворила дверь:—А ключъ въ дверяхъ? сказала она, плохая шутка.

Адалбертъ стоялъ; два пистолета лежали на столѣ.

— Адалбертъ! вскричала падуазель дю-Морталь? что вы хотите дѣлать?

— Несчастный молодой человекъ! сказала госпожа дю-Морталь. Хорошо что мы пришли въ пору. Бросьте свое намѣреніе; дочь моя принадлежитъ вамъ.

Адалбертъ кинулся къ рукѣ госпожи дю-Морталь, и покрылъ ее поцѣлуями. Вставая, онъ откинулъ свои волосы назадъ, какъ будто садился за фортепьяно.

— Какъ онъ блѣденъ! сказала госпожа дю-Морталь; и Адалбертъ, удивляясь своей блѣдности, всячески старался взглянуть на себя въ зеркало.

— Оставь меня, Клара, прибавила виконтесса: мнѣ нужно переговорить съ нимъ.

Клара вышла, обмѣнявшись нѣжными взглядами съ господи-

номъ де-Моргенштейномъ. Госпожа дю-Морталь взяла руку Адальберта, и они пошли на берегъ моря.

— Видите, изъ пустяковъ рождаются несчастія! Что вашъ отецъ былъ не знатенъ, такъ вамъ нужно умереть отъ этого? А развѣ собственныя наши заслуги стоѣтъ меньше заслугъ нашихъ предковъ? Ужели вы думаете, что дочь моя удовольствовалась бы тѣмъ только, что при Филиппѣ-Прекрасномъ былъ какой-то знаменитый Моргенштейнъ? Не пріятнѣе ли ей, чтобы вы сами были такимъ? Сердце не такъ глупо, какъ думаютъ, оно часто поступаетъ очень разборчиво. Что значить частичка *де*, поставленная передъ именемъ? Уже ли эти двѣ буквы имѣютъ такую волшебную силу, что дѣлаютъ человѣка и прекраснымъ и благороднымъ и знаменитымъ? скажите, Адальбертъ.

— Это глупый и смѣшной предрасудокъ, отвѣчала Адальбертъ.

— Вы благородны талантомъ и гениемъ, благородны душою и сердцемъ?

— Я такъ думаю, сударыня.

— Ужели вы полагаете, что частичка *де* прибавляетъ что-нибудь къ прелестямъ моей дочери? Развѣ бѣлизна ея кожи, густые, нѣжные волосы и гибкій, стройный станъ, зависятъ скольконибудь отъ этого *де*?

— О, нѣтъ!

— И вамъ также, что придало бы *де*? Уже ли бы отъ того у васъ было больше воображенія въ головахъ и больше быстроты въ пальцахъ? Вѣдь не за эти двѣ буквы любила васъ Клара? Да и вы, я думаю, обожаете Клару не за этотъ слогъ?

— Нѣтъ, сударыня. И чтобы доказать вамъ это, я жалѣю, что не родился на тронѣ, а Клара не простая пастушка.

— Адальбертъ, вотъ истинное благородство; оно состоитъ въ чувствованіяхъ души. Но что бы вы тогда сдѣлали, если бы на самомъ дѣлѣ осуществились ваши слова? Вы, принцъ, вѣрно, оказались бы отъ руки Клары, простой деревенской дѣвушки?

— Ахъ, сударыня! я былъ бы тогда величайшій подлець. Повторю вамъ, я бы желалъ, чтобы она не имѣла ни титуловъ, ни родословной.

— Такъ будьте счастливы. Клара не знаетъ васъ.

— Вы хотите испытать меня....

— Совѣмъ нѣтъ, это сущая правда.... Мужъ мой приобрѣлъ этотъ титулъ. А по мнѣ, хотя бы вовсе его не было. Если я еще удерживаю его, такъ для того только, что бросить пыль въ глаза глупцамъ. Для людей знатныхъ и умныхъ нужно истин-

ное благородство; а черни и глупцамъ довольно бросить какой-нибудь титулъ.

— Но, сударыня.... я также и бѣденъ, какъ не знатенъ.

— Какое жѣ до этого дѣло?

— Ахъ, сударыня....

— Если вы бѣдны, можете разбогатѣть. Послушайте, Адальбертъ, мы слишкомъ давно разыгрываемъ комедію; я буду говорить съ вами откровенно, и вы не продолжайте своей роли со мною. Вамъ трудно будетъ обмануть меня. Мы также не богаты, какъ и вы; но я занимаюсь промышленностію, которая доставляетъ мнѣ и мѣсто и способы жить въ свѣтѣ: я работаю для нѣкоторыхъ журналовъ. Въ васъ есть то, что на первый взглядъ называютъ талантомъ, или, по крайней мѣрѣ, вы можете показать, что имѣете: этого достаточно. Нынче почти всѣ, кто пользуется большимъ успѣхомъ и приобретаетъ больше денегъ, и знаютъ и дѣлаютъ не больше васъ. Свѣтъ и особенно женщины полюбятъ васъ больше за тотъ талантъ, который они сами откроютъ въ васъ, чѣмъ за тотъ, который вы дѣйствительно имѣете. Вы не музыкантъ; вы быстро перебираете клавиши; вы принимаете на себя вдохновенный видъ и до ста разъ повторяете одно какое-нибудь мѣсто, но это дѣло чисто механическое. Ваша томность въ приемахъ—подражаніе; по это не дурно, и оно дастъ....

— Сударыня....

— Подождите немножко. Я хорошо знаю свѣтъ; я располагаю журналами, которымъ при случаѣ можете и вы. Васъ уже знаютъ, но я доставлю вамъ славное имя. Мы будемъ добывать деньги, и счастливо заживемъ втроемъ. Между посторонними вы продолжайте вашу роль, какъ я играю свою. Кто не разыгрываетъ какой-нибудь роли? Но вотъ ваше убійство, такъ плохо было разыграно. Если вы вздумаете когданибудь дать второе представленіе, скажите мнѣ, я научу васъ, и дѣло будетъ успѣшнѣе.

— Клянусь вамъ, сударыня....

— Не клянитесь; Клару я не хочу выводить изъ увѣренности, что вы хотѣли застрѣлиться. Будемте друзьями; я кой-что сдѣлаю для васъ; но только не нужно больше комедій. Если вы обманете меня, то не надолго, и тогда вы не дождетесь отъ меня ничего. Скажите мнѣ про себя всю истину, какова бы она ни была, я воспользуюсь этимъ.

Истина была открыта: господинъ де-Моргенштейнъ принадлежалъ къ самому низшему сословію; отецъ знаменитаго піаниста былъ простой работникъ. Госпожа дю-Морталь больше ни-

чего и не хотѣла знать, и этимъ признаніемъ кончился разговоръ.

Эдмонъ *** господину Бревилью, въ замокъ Безваль, близъ Дива.

«Я на дорогѣ въ Безваль, любезный мой другъ, и везу къ вамъ самаго неприличнаго гостя. Со мной случилось горестнѣйшее происшествіе, какое только можно вообразить.

«Я заѣхалъ повидаться съ друзьями въ Лизье; они проводили меня до Гонфлёра, гдѣ я вздумалъ переночевать. Утромъ дилижансъ отправлялся въ Трувилль. Я раздѣлся и легъ уже, какъ вошелъ трактирный слуга и сказалъ мнѣ, что чемоданъ мой просятъ прислать въ дилижансъ съ вечера, чтобъ уложить заранѣе, потому что завтра отправляются въ пять часовъ утра. Я былъ ужасно утомленъ, сонъ клонилъ меня чрезвычайно; впрочемъ, исполнилъ то, о чемъ меня просили. Слуга унесъ чемоданъ, и я заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ и проспалъ до половины пятого. Меня разбудили; я вскочилъ и хотѣлъ одѣваться; но платье мое исчезло. Я позвалъ слугу.

— Я сейчасъ, сударь, найду ваше платье, сказалъ онъ. Его унесли въ комнату, гдѣ чистятъ всѣ платья.

«Черезъ десять минутъ онъ пришелъ и сказалъ, что моего платья не нашелъ. Я послалъ его въ контору, чтобъ остановить отправленіе дилижанса, а самъ привалелъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ гостиницы, вскакъ, подъ постелью, въ лищикахъ, вездѣ, все перерылъ. Слуга скоро возвратился: — Дилижансъ отправился, сказалъ онъ; я удерживалъ его слишкомъ десять минутъ, больше нельзя его останавливать.

— Ахъ, Боже! вскричалъ я тогда, я знаю, гдѣ мое платье.

— Гдѣ, сударь?

— Вчера вечеромъ я усталъ, и мнѣ чрезвычайно хотѣлось спать; когда спросили у меня чемоданъ, я, въ просонкахъ, свернулъ туда все платье и заперъ. Когда отправится другой дилижансъ?

— Завтра утромъ, сударь.

— Значитъ, день остановки; но дѣлать нечего, проведемъ эти сутки въ Гонфлёрѣ.... Дайте сюда мой чемоданъ, я одѣнусь.

— Да вашъ чемоданъ въ дорогѣ.

— Какъ! въ дорогѣ?

— Да, сударь, вы наняли мѣсто, и остались должны извозчи-

ку; онъ сказалъ, что отдастъ вашъ чемоданъ въ Трувилль, когда получитъ отъ васъ деньги.

— Глушецъ!

— Извините, сударь, а извозчикъ правъ; ему не слѣдъ терять плату за ваше мѣсто, которое, конечно, онъ отдалъ бы другому, еслибъ не оставилъ для васъ.

— Но что-жъ тутъ дѣлать! Платья мои въ чемоданѣ, а чемоданъ вы отослали въ Трувилль. И вотъ до завтрашняго утра я остаюсь въ одной рубашкѣ.

— Это не пріятно; но не моя тутъ вина.

«Я ужасно разсердился, разбилъ стаканъ съ водою, разбросалъ стулья. Наконецъ трактирщикъ сказалъ мнѣ:

— Милостивый государь, въ моемъ домѣ такъ все тихо и спокойно, что и въ полгода этакого шума не услышать, какъ вы надѣлали въ полчаса. — Я вышелъ изъ себя и сталъ ругать хозяина. — Милостивый государь, опять началъ трактирщикъ, слѣдите одолженіе, сейчасъ же избавьте мой домъ отъ такого шумливаго и беспокойнаго гостя, иначе я заставлю васъ выйти чрезъ полицію.

— Глушецъ, какъ вы требуете, чтобъ я вышелъ въ такомъ положеніи? Портфель мой въ сюртукѣ, кошелекъ въ брюкахъ; и все это на дорогѣ въ Трувилль.

— Какъ же вы со мной расплатитесь? сказалъ хозяинъ.

«Я вспомнилъ объ васъ, мой другъ, и спросилъ, отправлена ли почта; мнѣ сказали, что она пойдетъ не раньше двухъ часовъ; по этому я и написалъ къ вамъ такое длинное письмо. Сегодня вечеромъ, это письмо будетъ въ Трувилль; а завтра утромъ; вы, вѣрно, получите его въ Безваль; пошлите, ради Бога, скорѣе съ кѣмъ-нибудь ко мнѣ денегъ, платье и коляску.

«Весь вашъ

«Эдмонъ***.»

Господинъ Бревиль въ ту же минуту отправился въ дорогу на помощь своему другу.

XXVII.

Вереника, которой свадьба назначена была на другой день утромъ, съ заката солнца до самой ночи прогуливалась съ своимъ женихомъ по морскому берегу; оба мечтали о будущемъ.

— Отец мой, говорилъ Гламъ, скопилъ нѣсколько денегъ; онъ оставилъ мнѣ свою лодку. Ты, Вереника, не будешь заниматься кружевами; довольно съ тебя, когда почишь сѣти; надо также, чтобъ ты помогала своей матери въ хозяйствѣ; родители твои ужь устарѣли; я не хочу лишить ихъ такой доброй дочери, а самъ замѣню имъ сына. Бѣдный Онисимъ, я отъ души за него молился нынче утромъ. Перваго сына мы назовемъ Онисимомъ.

Вереника вспыхнула и хотѣла вернуться домой. Между тѣмъ, началась буря; деревья зашумѣли; вдругъ сильными, внезапными порывомъ приклонило ихъ къ самой землѣ, и потомъ снова все стихло; молніи, блѣдно-спинны, огненными, фиолетовыми полосами, раздирали черныя, нависшія тучи, и раскаты грома, то съ глухимъ гуломъ, то съ ужаснымъ трескомъ, раздражались въ облакахъ, и потрясали воздухъ. Въ промежутки страшныхъ ударовъ грома слышалось нѣжное чириканье птичекъ, которыя, прыгая по вѣткамъ деревьевъ, стряхали съ своихъ крылышекъ падавшія капли дождя.

Пульхерія, съ вѣрнымъ своимъ мопсомъ, поднялась по берегу рѣчки Безвала и съѣла подлѣ ивой Онисима; она предалась мечтамъ, которыя воскресили въ ея душѣ прежніе, исчезающіе призраки. Замѣтивъ, что день уже клонился къ вечеру, она разсудила лучше вернуться въ Дивъ и попросить кого-нибудь проводить ее до Кабура. Между тѣмъ, ей хотѣлось пройти черезъ Безвалъ, гдѣ промелькнуло для нея столько удовольствій и столько горестей въ жизни. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка, она встрѣтила Епифана. Мопсъ заворчалъ, оскаливъ свои бѣлые, острые зубы. Епифанъ поздоровался съ Пульхеріей и предложилъ ей, если она боится, проводить ее до Дива или до Кабура.

— Видите, сказала она, показывая на мопса, который, оцетинившись, все ворчалъ, косясь на Епифана: въ случаѣ нужды, у меня есть хорошей защитникъ.

— Что это! спросилъ Гаранденъ; кажется кто-то бродитъ около замка?

И онъ подошелъ къ воротамъ въ ту минуту, когда незнакомецъ позвонилъ; выглянула женщина.

— Дома господинъ Бревиль? спросилъ незнакомецъ.

— Нѣтъ, сударь, онъ уѣхалъ.

— Надолго?

— Онъ возвратится нынче вечеромъ или, навѣрное, завтра утромъ.

— Тогда мнѣ нельзя его видѣть; скажите, что приходилъ господинъ Гюберъ, но не могъ дожидаться, и тотчасъ же ушелъ.

Мопсъ снова началъ ворчать; и потомъ, вдругъ, не смотря на крики Пульхеріи, старавшейся призвать его къ себѣ, кинулся на незнакомца; но вмѣсто того, чтобы укусить его или разорвать на немъ одежду, онъ прыгалъ на него, лизалъ у него руки и платье; съ радостнымъ воемъ катаясь по землѣ, потомъ, снова прыгалъ, бѣгалъ около него, и такъ высоко вскакивалъ, что лизалъ его прямо въ лицо.

— Мопсъ, Мопсъ! вскричалъ незнакомецъ, и, взявъ собаку въ руки, съ нѣжностію ласкалъ ее.

Епифанъ подошелъ къ незнакомцу: — Вы, сударь, спрашивали господина Бревиль?

— Вы изъ здѣшняго дома?

— Да, сударь.

— Но я сказалъ уже свое имя.

— Господинъ Гюберъ?...

— Да, такъ.....

— Послушай, Онисимъ, если ты отъ меня хочешь скрыть свое имя и голосъ, такъ напрасно трудишься. Я хорошо призналъ тебя; но что ты здѣсь дѣлаешь, несчастный Онисимъ?

Пульхерія, удивленная радостію собаки и услышавъ издали имя Онисима, подошла ближе; но когда Гаранденъ назвалъ Онисима по имени во второй разъ, она вскрикнула и упала на колѣни.

— Пульхерія! вскричалъ Онисимъ.

— Онисимъ, это ты? а сказали, ты умеръ?

— Теперь не время говорить, сказалъ Епифанъ: если узнаютъ, что Онисимъ здѣсь, онъ погибъ.

— Ты похлопочешь скорѣе извѣстить всѣхъ, подлець, измѣнникъ; но не настала еще часъ намъ разсчитаться съ тобою; провались отъ меня сію же минуту.

При этихъ словахъ, Онисимъ схватился за ручку кинжала, бывшаго у него за поясомъ. Епифанъ уже былъ далеко.

— Милая Пульхерія, началъ Онисимъ: это не страхъ одинъ гонить Епифана; впрочемъ, время еще не пришло, когда я по прежнему буду жить съ вами, но я не могъ удержаться, чтобъ издали не взглянуть на васъ вчера въ церкви. За чѣмъ вы были всѣ въ драуръ? Я не слышалъ, чтобъ кто-нибудь умеръ.

— Онисимъ, вчера служили объѣдню за упокой вашей души.

— Милая, единственная, безцѣнная Пульхерія, вы взяли къ себѣ моего бѣднаго мопса?

— Вы безопасны, Онисимъ?

— Как нельзя меньше.
 — Так бѣгите же, несчастный!
 — Мнѣ нужно видѣться съ однимъ человѣкомъ, который возвратится сюда завтра.
 — Но Епифанъ вамъ измѣнитъ.... это отъ него станется.
 — Я даже увѣренъ въ этомъ. По тому-то, я не хотѣлъ, чтобъ кто-нибудь узналъ меня; я лучше желалъ, чтобъ меня считали мертвымъ; теперь можетъ случиться, что друзья мои потеряютъ меня во второй разъ.
 — И это ужасное дѣло.....
 — Я невиненъ, Пульхерія; но осужденъ на смерть.
 — Какъ вы перемѣнились, Онисимъ!
 — Я учился и трудился съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались; однако... я бы лучше хотѣлъ не встрѣчаться теперь съ вами. Прощайте, не говорите обо мнѣ никому, даже Вереникѣ, впрочемъ, когда не случится ничего дурнаго; потому-что, если мнѣ измѣнять и меня арестуютъ, такъ заговорятъ и безъ васъ. Будьте увѣрены, Пульхерія, вся моя жизнь принадлежитъ вамъ; что бы ни случилось, она ваша до конца; послѣдній мой вздохъ будетъ для васъ. Прощайте.

И Онисимъ исчезъ между деревьями. Мопсъ побѣждалъ-было за нимъ, но Онисимъ прогналъ его назадъ. Пульхерія не смѣла идти въ Дивъ, гдѣ должна была скрывать такую важную тайну, и гдѣ легко бы замѣтили ея волненіе; она прямо пошла въ Кабуръ; для ея давно уже спать.

Было около полуночи, когда Бревиль пріѣхалъ въ Безваль съ своимъ другомъ, Эдмономъ. Эдмонъ былъ человѣкъ довольно толстый; онъ не могъ напалить на себя ни одного изъ платьевъ господина Бревиль, которая тотъ привезъ для него, и воспользовался только деньгами. Позвали торгашей старымъ платьемъ, но съ большимъ трудомъ могли выбрать что-нибудь годное, хоть только бы выйти въ приличномъ видѣ изъ гостинницы; потому-что портные, выкраивая свое платье изъ лоскутьевъ, не предполагали, чтобъ оно потребовалось для гучнаго стана господина Эдмона. Пока дѣлались эти опыты и изысканія, господинъ Бревиль выбралъ рединготъ, который принесенъ былъ въѣсть съ другимъ старьемъ, и заплатилъ за него не торгуясь.

Бревиль и Эдмонъ были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка, какъ вдругъ какой-то человѣкъ остановилъ ихъ лошадь, и въ то же время, вскричалъ: — это я, Губеръ.

— Несчастный! безразсудный! кто-нибудь видѣлъ васъ?

— Да, Епифанъ.

— Чортъ возми!

— И надо думать, что онъ уже прінялъ мѣры задержать меня. Еслибъ я не встрѣтилъ васъ нынче вечеромъ, я отпра-вился бы ночью.

— Вамъ нужно притти въ замокъ; тамъ увидимъ, что надо будетъ сдѣлать. Подождите пока все запрутъ. Когда увидите свѣтъ въ залѣ, войдите въ садъ, я тамъ васъ буду ждать.

— Хорошо.

Прошло полчаса; въ залѣ показался свѣтъ; Онисимъ встрѣтилъ въ садовой калиткѣ господина Бревиль, который съ нѣжностью обнялъ его.

— Я очень недоволенъ вами, Онисимъ. Какъ, не смотря на мое запрещеніе.....

— Я не въ силахъ былъ болѣе ждать...

— Вы безразсудны.... Епифанъ увѣдомилъ жандармовъ, онъ уже возвратился.

— Я предъугадывалъ это.

— Онъ говорилъ мнѣ о встрѣчѣ съ вами. Что онъ сдѣлалъ, такъ это для вашей же пользы, и для пользы вашего семейства. Онъ совѣтовалъ вамъ сначала удалиться, вы не хотѣли слушать его; потомъ, чтобы спасти васъ противъ воли, онъ рѣшился призвать жандармовъ въ деревню, но далъ имъ такія наставленія, что они бесполезно проищутъ васъ завтра цѣлое утро. Онъ думалъ, что, видя неизбежную опасность, вы, безъ сомнѣнія, рѣшитесь бѣжать. Вотъ какъ онъ совѣтовалъ жандармскому начальнику искать васъ: сначала здѣсь, гдѣ онъ увѣренъ, что вы не будете, потомъ у вашихъ родителей, за тѣмъ въ Кабурѣ, у господина Мале, наконецъ, у Глама, сынъ котораго женится на вашей сестрѣ. Онъ полагаетъ, что эти переходы по разнымъ мѣстамъ дадутъ вамъ слишкомъ довольно времени скрыться въ безопасное мѣсто.

— Что за новую измѣну скрываютъ эти предостереженія?

— Никакой. Епифану, дѣйствительно, пріятнѣе, чтобъ вы убѣжали, чѣмъ были арестованы. Жандармы придутъ сюда съ разсвѣтомъ. Поужинайте и усните; мы поговоримъ во время ужина.

Не было еще шести часовъ утра; Вереника проснулась счастливою невѣстой. Пульхерія пришла одѣть ее. Вдругъ пришелъ сынъ Глама и принесъ извѣстіе, что Онисимъ живъ, его видѣли въ деревнѣ, и что онъ арестованъ жандармами въ ту самую минуту, когда хотѣлъ перебраться черезъ стѣну безвальскаго замка. Это извѣстіе поразило всѣхъ различными, даже противоположными впечатлѣніями. Онисимъ былъ живъ, но онъ жилъ

безъ сомнѣнiя, для того, чтобы умереть безславною смертію. О свадьбѣ въ тотъ день не было и слова. Пульхерiя сказала тогда, что она встрѣтилась съ Онисимомъ наканунѣ. Всѣ ласкали Мопса, который такъ хорошо узналъ своего хозяина. — Ахъ, сказала Пелагея, хоть бы миѣ обнять его и прижать къ своему сердцу.

Съ удивленіемъ замѣтили, что жандармы, проводя Онисима въ каенскую тюрьму, снова возвратились въ Безваль, и пробыли тамъ вѣскольکو дней. Скоро пригласили въ судъ свидѣтелей, Епифана Гарандена и его жену, а также и служанку мельника; но, какъ мы уже сказали, Дезидерiя исчезла изъ деревни, неизвѣстно куда.

Господинъ Бревиль часто ѣздилъ въ Каенъ. Когда наступалъ день суда, онъ спросилъ у Транкилла Алена и Пелагеи, хотятъ ли они тамъ присутствовать. Они долго не рѣшались, но были потребованы, какъ свидѣтели. Господинъ Мале также былъ приглашенъ и явился съ своей племянницей, Пульхерiей.

XXVIII.

День суда наступилъ. — Не многіе изъ нашихъ дѣйствующихъ лицъ спали въ эту ночь; свидѣтели явились. Вереника, Пульхерiя и Пелагея сидѣли въ отдаленіи; всѣ онѣ были блѣдны и едва могли говорить, Господинъ Мале, Транкиллъ Алень, Епифанъ и его жена сидѣли на скамейкѣ свидѣтелей. Судьи заняли свои мѣста, и президентъ велѣлъ ввести преступника. Онисимъ явился между двухъ жандармовъ и сѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ. Три женщины, увидѣвъ его, молча, залились слезами. Транкиллъ Алень избѣгалъ случая взглянуть на сторону сына; скорбь его была смѣшана съ строгостью. Сдѣлали перекличку свидѣтелей; всѣ отвѣчали, кромѣ Дезидерiи, служанки мельника, мѣстопробыванiя которой не могли отыскать, и господина Бревилля, отсутствiя котораго никакъ не могли объяснить. Президентъ объявилъ, что пренiя открыты. Когда обвиняемый отвѣчалъ на обыкновенные вопросы, что онъ морякъ и капитанъ купеческаго корабля, то королевскiй прокуроръ прервалъ его: — Подсудимый не имѣлъ этого званiя при допросахъ, бывшихъ до его бѣгства; дѣйствительное ли это званіе?

— Милостивый государь, отвѣчалъ Онисимъ: я бѣжалъ,

хотя былъ невиненъ, потому-что видѣлъ, что всѣ обстоятельства такъ стеклись къ рѣшительному обвиненію меня, что могли обмануть прозорливость судей. Я надѣялся, что случай, или лучше, Провидѣніе укажетъ какое-нибудь доказательство моей невинности, которое я самъ бы представилъ на разсмотрѣніе суда. Между-тѣмъ, подъ ложнымъ именемъ Губера я образовалъ себя, получилъ должность капитана и совершилъ путешествіе въ Индію. Вотъ бумаги, которыя подтвердятъ мои слова.

За тѣмъ королевскiй прокуроръ читалъ обвинительный актъ, составленный по случаю смерти мельника, который, очевидно, былъ убитъ, когда защищалъ свое сокровище. «Правосудіе», продолжалъ онъ, «сначала было въ недоумѣніи. Одинъ только человекъ входилъ по ночамъ и имѣлъ доступъ къ Элуу Алену; но этотъ человекъ былъ его племянникъ, его наслѣдникъ, какъ видно изъ духовнаго завѣщанiя, и онъ зналъ это, что не только подтвердилось множествомъ свидѣтельствъ, но также собственными его отвѣтами и признанiями. Недовѣрчивость правосудiя къ этому преступленію исчезла, когда показанiя очевидца заставили повѣрить гнусному злодѣйству, къ счастью слишкомъ рѣдкому еще между вами. Человекъ, связанный съ этимъ семействомъ дружбою и общими между ними выгодами, по имени Епифанъ Гаранденъ, который, бывши школьнымъ учителемъ, имѣлъ подсудимаго въ числѣ своихъ учениковъ, побуждаемый голосомъ истины и гнусностію преступления, объявилъ правительству о страшномъ злодѣянiи. За вѣскольکو часовъ до преступленiя, Гаранденъ видѣлъ Элуу Алена. Онъ былъ совершенно здоровъ и хотѣлъ еще ити куда-то. Онисимъ Алень, бѣглый морякъ, скрывавшійся отъ преслѣдованiя правительства, вошелъ въ домъ своего дяди, и, цѣмного спуста, выпрыгнулъ въ окно. На другой день мельникъ найденъ былъ мертвымъ.

«Подсудимый, который въ ту же ночь бѣжалъ изъ деревни, арестованъ былъ въ Гаврѣ, во-время пирушки его съ матросами, и посаженъ въ тюрьму. Тамъ, при допросахъ, онъ признался, что, послѣ напрасныхъ старанiй выхлопотать у мельника отсрочку одному его должнику, котораго считалъ своимъ другомъ, онъ рѣшился, по праву наслѣдника, взять у своего дяди необходимую сумму, тѣмъ болѣе, что эти деньги, черезъ вѣскольکو часовъ, были бы отда ны мельнику обратно, всѣ сполна. Дѣйствительно, онъ вошелъ къ своему дядѣ, въ его отсутствіе, и открылъ потайной сундукъ, въ которомъ хранилось очень много денегъ. Въ ту минуту, какъ онъ взялъ деньги, сколько было ему нужно, за дверью послышался шумъ. Взглянувъ въ замочную скважину, на другой сторонѣ двери онъ замѣтилъ

чей-то глазъ, слѣдившій за его движеніями. Испуганный, онъ бросился бѣжать, и узналъ о смерти дяди, спустя очень долго, когда былъ арестованъ въ Гаврѣ. Онъ, точно, зарылъ взятую имъ сумму подъ деревомъ, гдѣ должны были взять ее тѣ лица, которымъ она была назначена, и которыхъ онъ увѣдомилъ объ этомъ письмомъ. Но благоразуміе этихъ людей восторжествовало надъ нуждою, и они, открывъ этотъ поступокъ правительству, отклонили отъ себя всякое подозрѣніе въ соучастіи. Но оправданіе обвиняемаго слишкомъ было недостаточно. Подсудимый признавался во всемъ этомъ и отвергалъ показанія другихъ. По этому дѣлу его должно было перейти въ ассизный судъ; но въ день, назначенный для суда, Онисимъ Алень скрылся. И вотъ, за нѣсколько дней, онъ снова явился въ этой сторонѣ, по своему ли неблагодарному, по увѣренности ли что это дѣло уже забыто, или скорѣе по непреклоннымъ судьбамъ Провидѣнія, которое попускаетъ иногда важнымъ преступленіямъ быть ненаказанными, для того только, чтобы впоследствии наказать ихъ съ большимъ торжествомъ. Онисимъ Алень нынѣ въ рукахъ правосудія и снова долженъ оправдываться; но всѣ улики такъ ясно говорятъ противъ него, что едва ли ему удастся защитить себя».

Послѣ изложенія дѣла, королевскій прокуроръ читалъ рѣчь. Онъ выставялъ ужасную благодарность Онисима, который, будучи осмыанъ благодареніями своего дяди, рѣшился такъ по-ло убить его, не имѣя терпѣнія дожидаться завѣщанія, и хвалилъ поступокъ Епифана Гарандена, который, по благородству своего сердца, былъ объятъ такимъ ужасомъ при видѣ этого злодѣянія, что, не смотря на прежнюю дружбу къ преступнику, не поколебался способствовать правосудію въ исполненіи его строгихъ обязанностей. Онъ окончилъ свою рѣчь требованіемъ поступить съ Онисимомъ по всей строгости законовъ.

Президентъ спросилъ у Онисима, имѣетъ ли онъ что сказать въ свою защиту, и избралъ ли для себя адвоката. Въ это время пробился сквозь толпу высокій, сухощавый мужчина и подошелъ почти къ самому трибуналу.

— Господинъ президентъ, сказалъ онъ: я изъ числа приглашенныхъ по этому дѣлу свидѣтелей, и, съ согласія подсудимаго, хочу говорить въ его защиту прельъ господами присяжными и судьями.

— Согласны ли вы принять этого свидѣтеля въ защитники своего дѣла? спросилъ президентъ, обратившись къ подсудимому.

— Согласенъ, милостивый государь.

— Позвольте узнать ваше имя и званіе.

— Гекторъ-Еженъ, графъ де-Сеვენъ.

Жители Дива и Безваля съ удивленіемъ переглянулись между собою. Президентъ говорилъ довольно тихо, и Бревиль, называвшійся теперь графомъ де-Сеვენъ, отвѣчалъ въ ту-же минуту, тогда-какъ прежде ему надо было кричать подъ самое ухо, и то онъ съ трудомъ слышалъ.

— Свидѣтель, сказалъ королевскій прокуроръ: называется Бревилемъ

— Пожалуй, Бревиль, если вамъ угодно. Это не важно. Впрочемъ, вотъ бумаги, которыя докажутъ вамъ, что это одно и то-же.

— Вотъ что! такъ онъ не глухъ, прошепталъ Епифанъ.

— Странное превращеніе, сказалъ господинъ Мале. Но мнѣ пріятнѣе, что нынѣшній владѣтель Безваля человѣкъ хоть куда! Я это подозрѣвалъ.

— Позвольте начать?

— Извольте, милостивый государь.

«Господа присяжные и судья, я стоялъ на пристани, въ Гаврѣ, въ ту минуту, когда погибалъ одинъ корабль. Опасность была такъ велика, что самые отважные лодчаны не рѣшались пуститься въ море. Вызвался Онисимъ Алень, и его примѣръ ободрилъ моряковъ. Бѣшенство моря было побѣждено, и шесть человѣкъ избавлены отъ вѣрной смерти. На другой день, во время обѣда, къ которому сдѣлали честь пригласить и меня, Онисимъ Алень былъ арестованъ, какъ обвиняемый въ убійствѣ своего родственника и благодѣтеля, съ намѣреніемъ обокрасть его. Я, видѣвшій своими глазами самопожертвованіе Онисима Алена для спасенія неизвѣстныхъ ему людей, видѣвшій, съ какою благородною гордостью отказался онъ отъ вознагражденія, которое предлагали ему за это, находилъ обвиненіе неправдоподобнымъ и нелѣпымъ. Я не оставилъ этого смѣлаго, благороднаго человѣка; я вскорѣ узналъ, что за нѣсколько лѣтъ онъ подвергался опасности сторгѣ для спасенія того родственника, въ убійствѣ котораго обвиняли его. Странное стеченіе обстоятельствъ представляло сильныя улики. Я справлялся, хлопоталъ; видѣлъ, что Онисимъ будетъ обвиненъ; простите мою дерзость, господа, но я думалъ, что правосудіе обманывалось, и что оно впадетъ въ одно изъ тѣхъ рѣдкихъ, но горестныхъ заблужденій, которыя пятнаютъ его нѣсколькими каплями невинной крови. Я рѣшительно не находилъ ничего въ защиту обвиняемаго; но голосъ сердца краснорѣчиво говорилъ мнѣ: этотъ человѣкъ невиненъ. Я принудилъ его скрыться. Надо сказать, что мнѣ помогалъ одинъ человѣкъ, о которомъ съ такою похвалою отзывался господинъ королевскій прокуроръ;

именно: мнѣ помогалъ Епифанъ Гаранденъ, и своимъ необыкновеннымъ усердіемъ и мужествомъ онъ чрезвычайно много способствовалъ къ удачному побѣгу. Я съ трудомъ уговорилъ Онисима Алена рѣшиться на бѣгство. Онъ былъ увѣренъ въ своей невинности и не боялся суда. Господа, онъ достойно цѣнилъ вашу мудрость; но я былъ постарше, я жилъ, я видѣлъ свѣтъ, а это сдѣлало меня не совсѣмъ довѣрчивымъ: я увезъ Онисима. Я имѣю друзей, небольшой вѣсъ и даже нѣсколько денегъ. Онисимъ, не получившій никакого воспитанія, образовывалъ себя въ своемъ убжищѣ, и образовывалъ съ умомъ и съ ревностію. Черезъ полтора года онъ получалъ должность капитана, подъ именемъ Гюбера, оставивъ, по моему совѣту, настоящее свое имя, пока онъ снова могъ бы принять его безъ пятна и безъ подозрѣнія.

— Милостивый государь, прервалъ королевскій прокуроръ: мнѣ кажется, вы рассказываете здѣсь исторіи, которыя не относятся прямо къ процессу, а утомляютъ вниманіе господъ присяжныхъ, и....

— Милостивый государь, отвѣчалъ графъ де-Севенъ: вы говорили въ-продолженіе двухъ съ половиною часовъ, чтобъ подтвердить обвиненіе; я прошу только получаса, чтобы разсѣять его. Позвольте мнѣ употребить мои полчаса какъ мнѣ угодно. Я увѣренъ, что господа присяжные не захотятъ осудить невиннаго, и потому не будутъ скучать при моихъ словахъ; впрочемъ, я опушу нѣкоторыя подробности, чтобъ доставить нѣкоторое удовольствованіе и вамъ, господинъ королевскій прокуроръ. Могу ли продолжать?

— Продолжайте, сказалъ президентъ.

«Другъ мой былъ въ безопасномъ убжищѣ. Я говорю: мой другъ, господа, потому-что человѣкъ, сидящій между двумя жандармами, сдѣлалъ мнѣ честь назвать меня своимъ другомъ, честь, которую я получилъ въ день гибели корабля, и которая сдѣлалась для меня еще несравненно выше съ тѣхъ поръ, какъ онъ впалъ въ несчастіе, былъ несправедливо обвиненъ и оставленъ всѣми. Несчастіе придаетъ людямъ что-то высокое, неземное, и заставляетъ уважать ихъ. Впрочемъ, я не довольствовался тѣмъ, что Онисимъ Алень былъ въ безопасности противъ несправедливаго обвиненія; я вѣрилъ, я чувствовалъ, я зналъ, что онъ невиненъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго доказательства этому; но мнѣ нужно было оно, хотя бы я пропсалъ его цѣлую жизнь; и я совершенно обрѣкъ себя на это великое, благородное дѣло.

«Я пріѣхалъ въ Безвалъ, какъ будто случайно; я притворился очень глухимъ и слишкомъ легковѣрнымъ; я не слышалъ ничего и вѣрилъ всему. Эти два недостатка отклонили отъ ме-

ня всякую недовѣрчивость. При мнѣ говорили совершенно свободно, какъ будто бы меня не было. Я объѣзжалъ весь этотъ край и хотѣлъ знать жизнь каждаго. Пѣтъ почти ни одного человѣка, который бы не разсказалъ мнѣ два или три раза исторіи мельника Элуа Алена, найденнаго мертвымъ въ его комнатѣ. Сто разъ мнѣ казалось, что вотъ дѣло начинать объясняться, и сто разъ я сталкивался съ нелѣпою ложью. Я записывалъ всѣ слухи, всѣ противорѣчія. Это продолжалось, господа, три года; и вотъ только еще три недѣли, какъ у меня въ рукахъ доказательство, котораго мнѣ не доставало, не для моего убѣжденія (оно не могло быть сильнѣе того, какъ и въ первый день), но для вашего, господа; и теперь я вамъ скажу и представлю неопровержимыя доказательства, во-первыхъ, что другъ мой, Онисимъ Алень, невиненъ, а во-вторыхъ, что виновникъ убійства мельника Элуа Алена есть тотъ человѣкъ, Епифанъ Гаранденъ, котораго такъ превозносилъ господинъ королевскій прокуроръ».

Произнеся эти слова, графъ де-Севенъ, гордо и величественно, съ сверкающими глазами, подошелъ къ Епифану, блѣдному, какъ смерть, взявъ его за руку, и съ ужасною силою вытащилъ на самую среднюю комнату, передъ судей и присяжныхъ, безмолвнѣе отъ удивленія и ужаса.—Да, господа, повторилъ онъ опять: этотъ человѣкъ, Епифанъ Гаранденъ, есть вмѣстѣ доносчикъ на Онисима Алена и убійца мельника.

— Господа, вскричалъ Епифанъ: это клевета, этотъ человѣкъ сумасшедшій.

Все собраніе приведено было въ ошолбенѣніе. Когда Епифанъ, по знаку президента, возвратился на свое мѣсто, свидѣтели, сидѣвше возлѣ него, раздвинулись, какъ будто боясь прикоснуться къ нему. Стали разбирать дѣло. Зрители, не смотря на частыя приглашенія къ молчанію, безпрестанно выражали между собою свои впечатлѣнія. Женщины плакали. Президентъ, послѣ переговоровъ съ судьями и королевскимъ прокуроромъ, велѣлъ свидѣтелямъ выйти въ назначенную имъ залу, а Епифану остаться одному въ судейской палатѣ. Графъ де-Севенъ спросилъ тогда президента, не угодно ли ему будетъ потребовать въ свидѣтели дѣвицу Деидерію Морель, бывшую служанкою у мельника до самой его смерти. Я объясню вамъ, прибавилъ онъ, почему Деидерія Морель не отозвалась при перекличкѣ свидѣтелей.

Президентъ приказалъ позвать дѣвицу Деидерію Морель, которая, отвѣтивъ на обыкновенные допросы, присоединилась къ прочимъ свидѣтелямъ.

— Господинъ де-Сьевенъ, спросилъ президентъ: угодно ли вамъ продолжать вашу рѣчь?

— Да, господинъ президентъ. Я желалъ бы только, чтобъ Епифанъ Гаранденъ отвѣтилъ на одинъ вопросъ.

— Скажите, милостивый государь, въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ, и я передамъ его сви...дѣтелю.

— Прошу васъ, господинъ президентъ, спросить у сви...дѣтеля, остается ли онъ при прежнемъ своемъ показаніи?

— Свидѣтель Епифанъ Гаранденъ, что знаете вы объ убійствѣ Элуа Алена, безвальскаго мельника?

Епифанъ всталъ и сказалъ: — Я остаюсь при томъ же, что объявлялъ при прежнихъ допросахъ.

Королевскій прокуроръ громкимъ голосомъ прочиталъ показаніе Епифана.

— Такъ вы подтверждаете, спросилъ президентъ: все, что показали прежде?

— Подтверждаю, господинъ президентъ.

— И вы увѣрены, что безвальскій мельникъ убить Онисимомъ Аленомъ?

— Увѣренъ, господинъ президентъ.

— Этого вы только и желали, господинъ де-Сьевенъ?

— Такъ точно, милостивый государь.

— Миѣ казалось бы справедливымъ и согласнымъ съ законами, возразилъ королевскій прокуроръ, чтобъ въ новомъ положеніи, въ какое защитникъ подсудимаго старается поставить одного изъ свидѣтелей, этотъ свидѣтель, съ настоящей минуты, избралъ для себя адвоката. Какъ миѣніе суда?

Президентъ собралъ голоса, и спросилъ, есть ли въ залѣ адвокаты. Явилось нѣсколько человѣкъ. — Епифанъ Гаранденъ, сказалъ президентъ, я возлагаю обязанность защищать васъ на господина ***; это одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ нашихъ адвокатовъ. Согласны ли вы принять его?

— Согласенъ, господинъ президентъ.

Адвокатъ сѣлъ возлѣ Епифана, съ которымъ время отъ времени говорилъ тихонько. Президентъ попросилъ графа де-Сьевена продолжать рѣчь.

«Поселась въ этомъ краю, господа, и убѣдивъ всѣхъ въ своей глухотѣ и легковѣрности, я взялъ къ себѣ въ управительницы дѣвицу Деидерію Морель, служанку покойнаго мельника, а секретаремъ Епифана Гарандена, съ которымъ, при бѣствѣ Онисима, я не имѣлъ прямыхъ сношеній. Почтенный Епифанъ былъ попеременно, школьнымъ учителемъ, жестяникомъ, солдатомъ, плохимъ музыкантомъ и пѣвцомъ, аптекаремъ, и на-

конецъ убійцею и ложнымъ доносчикомъ. Чтобы доставить занятіе своему секретарю, или сви...дѣтелю, какъ называется его господинъ президентъ, я притворился будто составляю ученое сочиненіе объ устрицахъ. Съ этой минуты завязался бой: я то мирилъ Епифана, жену его и Деидерію, и тогда они съ довѣрчивостію говорили обо мнѣ; то посѣввалъ между ними несогласіе, и въ сердцахъ они высказывали мнѣ все другъ про друга; я записывалъ, я велъ свои замѣтки. Наконецъ, теперь, господа, я могу вамъ открыть, какъ совершенно было преступленіе. Я ничего не скажу, чего не могу подтвердить самыми полными доказательствами.

«Онисимъ, преслѣдуемый, какъ бѣглець и руководимый болѣе благороднымъ, чѣмъ разумнымъ побужденіемъ, остается на своей сторонѣ, нашель себѣ убѣжище у своего дяди, которому пѣвкогда спасъ онъ жизнь съ такимъ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Вотъ медаль, свидѣтельствующая о его благородномъ поступкѣ. Элуа Алень,—надо сказать, не смотря на обыкновеніе, какое имѣютъ живые, собирать въ похвалу мертвыхъ всѣ добродѣтели, объ которыхъ, можетъ быть, тѣ и не слышали, — Элуа Алень былъ ростовщикъ. Не совсѣмъ честными средствами онъ захватилъ въ свои руки большую часть имѣнія господина Мале де-Безваля, и съ ожесточеніемъ домогался, чтобъ принудить его продать свой домъ, все, что только оставалось у него отъ значительнаго его состоянія.

«Съ давнихъ поръ, семейства Онисима и господина Мале связаны были искренней дружбой. Дѣти обоихъ домовъ воспитывались вмѣстѣ. Онисимъ умолялъ своего дядю сжалиться надъ старикомъ, который, потерявъ значительное имѣніе, отягченъ теперь несчастіями и доведенъ до нищеты и отчаянія. Мельникъ былъ неумолимъ; старика и его племянницу выгнали бы изъ дома. Замокъ, послѣднее ихъ убѣжище продали бы; уже были наклеены объявленія, когда Онисимъ, испытавъ всѣ средства умиловитивъ своего родственника, и доведенный до отчаянія, рѣшился на послѣднюю крайность. Онъ вздумалъ взять у мельника сумму, какую взыскивалъ тотъ съ господина Мале, для того, чтобы господинъ Мале возвратилъ ему ее на другой день, въ видѣ уплаты. Элуа Алена не было дома; Онисимъ отыскалъ по догадкамъ потайной ящикъ, отсчиталъ необходимую сумму; потомъ услышавъ шумъ и замѣтивъ въ замочную скважину, съ другой стороны двери, чей-то глазъ, онъ бросился бѣжать и оставилъ эту сумму несчастному должнику мельника, который, впрочемъ, не хотѣлъ воспользоваться ею, и черезъ нѣсколько дней возвратилъ ее по принадлежности. Человѣкъ, испугавшій

Онисима и смотрѣвшій на него въ замѣкъ, былъ не Элуа Аленъ, а Епифанъ Гаранденъ, который, также какъ и Онисимъ, имѣлъ всегдѣшній доступъ къ мельнику. Хотѣлъ ли онъ, какъ и Онисимъ, пользоваться отсутствіемъ хозяина, открыть потайной ящикъ, или, бывъ случайнымъ свидѣтелемъ происходившаго, счелъ очень удобнымъ сложить воровство на другаго и опорожнить весь сундукъ. Онисимъ взялъ восемь тысячъ семьсотъ франковъ, которые впоследствии были возвращены господиномъ Малед-Безвалемъ; а оставилъ тамъ золотомъ и векселями двадцать восемь тысячъ, которые Епифанъ Гаранденъ готовъ былъ унести, но онъ въ свою очередь былъ испуганъ, и на этотъ разъ самими мельникомъ; мельникъ схватилъ его за воротъ и хотѣлъ кричать, но Епифанъ задушилъ его, и преспокойно ушелъ, взявъ съ собою все двѣнадцать восемь тысячъ франковъ.

«На другой день, мельника нашли мертвымъ у пустаго сундука. Въ рукѣ трупа былъ кусокъ сукна, вѣроятно, оторванный отъ платья его убійцы. Тогда не постарались запечатать его, и черезъ нѣсколько часовъ, кусокъ исчезъ. Но вотъ онъ.

«Епифанъ, придя домой, долженъ былъ разказать женѣ о случившемся. Онъ сказалъ, что мельника нашьелъ убитымъ, при послѣднемъ издыханіи. Вору не удалось захватить всего; а потому, онъ собралъ остальное, что, безъ того, досталось бы Онисиму, убійцѣ и наслѣднику своего дяди. Въ предсмертныхъ судорогахъ, Элуа Аленъ, которому онъ хотѣлъ подать помощь, разорвалъ его рединготъ и забрызгалъ нѣсколько кровью. Онъ велѣлъ своей женѣ сечь рединготъ: та положила его на огонь; но боясь, чтобъ запаха сукна не услышали сосѣди, а также, можетъ быть, изъ скряжничества, или по волѣ Провидѣнія, она вытащила рединготъ изъ огня и спрятала. Черезъ нѣсколько времени, она продала его въ Каенѣ, лоскутнику, по имени Самуелю, который починилъ его и перепродалъ одному изъ своихъ товарищей, Соломону, живущему въ Трувиллѣ, гдѣ я и купилъ его. Вотъ рединготъ, съ двумя заплатами другаго сукна того же цвѣта, вставленными, одна на мѣстѣ, вырванномъ мельникомъ, а другая на выжженномъ мѣстѣ. Химикъ, быть можетъ, найдутъ и слѣды крови. Господинъ президентъ, если угодно, можетъ позвать двухъ лоскутниковъ.

«Епифанъ думалъ, и въ чемъ онъ былъ увѣренъ даже до настоящей минуты, что жена его сожгла роковое его платье, отыскалъ дѣвицу Деизерію, сплелъ ей ту же басню, какъ и своей женѣ, съ нѣкоторыми только переиначеніями въ подробностяхъ: онъ не говорилъ ей о двадцати восьми тысячахъ франковъ. Онъ убѣждалъ ее вытащить кусокъ сукна изъ руки мельника;

но Деизерія, которой нѣкоторыя обстоятельства казались сомнительными, бережно хранила этотъ лоскутъ, и наконецъ, передала мнѣ. Она очень была привязана къ своему хозяину. Епифанъ уговаривалъ ее обмануть правосудіе, убѣждая особенно тѣмъ, что хотя и неизвѣстно объ убійствѣ мельника споймъ племянникомъ, но онъ, Епифанъ, для избѣжанія подозрѣній, самъ обязанъ донести объ этомъ. Послѣ, когда, похищеніемъ изъ руки убитаго куска сукна ложью передъ правительствомъ, она была впутана въ это дѣло, то меньше стали ее опасаться, и она узнала кой-какія подробности; но все-таки думала, что убійцею былъ Онисимъ. Такимъ же образомъ ее убѣдили обвинить Онисима, когда Епифанъ, чтобы отвлечь отъ себя малѣйшія подозрѣнія, рѣшился погубить его; Гарандену не трудно было собрать улики. Впрочемъ, не смотря на то, что Онисимъ опутанъ былъ сѣтями, разставленными около него случаемъ и вѣроломствомъ Епифана, послѣдній опасался, чтобы при производствѣ дальнѣйшихъ слѣдствій, дѣло какъ-нибудь не объяснилось, и не открылась истина. И потому, для своей безопасности, онъ способствовалъ бѣгству обвиненнаго. Когда я рѣшился раскрыть истину, чтобы показать ее вамъ, милостивые государи, я не хотѣлъ изищнее торопливостію испортить дѣло. Я три года отыскивалъ доказательства, и собиралъ свое сокровище, какъ муравей, зерно по зерну. Теперь господинъ президентъ, не угодно ли вамъ будетъ спросить свидѣтелей!»

Президентъ обратился къ Епифану и спросилъ у него, что онъ можетъ сказать противъ обвиненія, слѣланнаго на него господиномъ Бревилемъ. Епифанъ всталъ и снова упалъ на скамейку, не произнесъ ни слова; потомъ опять поднялся и сказалъ: — Во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды, но мой адвокатъ будетъ отвѣчать на эту ябеду.

Адвокатъ отвѣчалъ: — Я совѣтовалъ своему клиенту не отвѣчать ни на одинъ вопросъ, пока я не переговорю съ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ президентъ: мы выслушаемъ другихъ свидѣтелей. Позовите жену Гарандена. Епифана Гарандена отвезти, и приказать жандармамъ смотрѣть за нимъ.

— Милостивый государь, сказалъ графъ де Сьевенъ: могу ли я предложить нѣсколько вопросовъ свидѣтелямъ?

— Сообщите эти вопросы мнѣ.

Послѣ первыхъ обыкновенныхъ вопросовъ, президентъ спросилъ у жены Гарандена, знаетъ ли она рединготъ, купленный господиномъ Бревилемъ. Она отвѣчала, что не знаетъ.

— Вы продавали рединготъ лоскутнику Самуелю?

— Я никогда не выдала и не знаю никакого Самуеля.

— Садитесь. Позвать Самуеля.

Самуель былъ спрошенъ: онъ узналъ жену Гарандена, у которой купилъ рединготъ, проданный имъ потомъ Соломону, въ Трувиллѣ. И эта покупка записана въ его книгахъ; только госпожа Гаранденъ немножко искажила свое имя, назвавшись госпожою Парантенъ.

— А вы все-таки, сударыня, не признаетесь, что продали лоскутнику Самуелю этотъ рединготъ?

— Да, я продала, но я боюсь. Я не знаю, къ чему всё эти вопросы; чтобы мнѣ не обезчестить себя отвѣтами.

— Только ложью вы можете обезчестить себя. Говорите всю правду, какъ бы вы говорили предъ самимъ Богомъ. Это вы положили двѣ заплаты на рединготъ?

— Нѣтъ, милостивый государь.

— Вашъ мужъ приказывалъ вамъ сжечь этотъ рединготъ, и вы сочли за лучшее продать его?

— Я право, ничего не помню, помню только, что продала его.

— Въ день убійства мельника, вашъ мужъ принесъ домой большую сумму денегъ?

— Нѣтъ, милостивый государь, мы еще никогда не были такъ бѣдны, какъ послѣ этого несчастнаго случая; это всёмъ хорошо извѣстно.

— Господинъ президентъ, прервалъ графъ де-Сьевенъ, не угодно ли вамъ спросить у почтеннѣйшей супруги Епифана Гарандена, не есть ли это хитрость, выдуманная ея мужемъ, и которой не рѣдко онъ измѣнялъ. Прошу васъ также спросить, получила ли она у мужа позволеніе носить нѣкоторыя украшенія, въ которыя она иногда наряжалась, замкнувъ напередъ дверь. Спросите у ней, когда я приходилъ къ нимъ въ первый разъ, не забыла ли она, въ торопяхъ, снять съ себя золотое ожерелье, и не выговаривалъ ли ей за это Епифанъ въ поголося, надѣясь на мою глухоту.

— Можно обыскать домъ, ожерелья нигдѣ не найдутъ.

— Это зависитъ отъ того, гдѣ будутъ искать. Если поднять камень въ самомъ концѣ печной трубы, то тамъ найдутъ и золотое ожерелье и другія драгоценности, а также почти всю сумму, двадцать восемь тысячъ франковъ, украденную Епифаномъ.

— Что вы на это, сударыня, скажете?

— Господинъ президентъ, это все ложь.

— Сдѣлаютъ обыскъ.

— Да, это правда, тамъ есть деньги, но Епифанъ нашелъ ихъ.

— Господинъ президентъ, не угодно ли вамъ еще спросить у супруги Гарандена: во время ссоры, которыя я старался поджигать между нею и Деидерію, не дѣлала ли Деидерія намеконъ на преступленіе Епифана, которое она знала только отчасти. Не говорила ли она ей между прочимъ: — Еслибъ я захотѣла, то упекла бы твоего мужа на галеры. — На что госпожа Гаранденъ отвѣчала умоляющимъ видомъ и указывая на меня; но Деидерія напоминала ей, что я глухъ.

Жена Епифана казалась совершенно убитою и не отвѣчала ни слова. Позвали Деидерію; отвѣты ея совершенно подтверждали слова, графа де-Сьевена. Она жаловалась на господина Бревилля, что тотъ такъ долго обманывалъ ее, притворяясь глухимъ, и принялъ такой добродушный, такой легковѣрный видъ, что никакъ нельзя было не довѣриться ему. Она припомнила также, какъ онъ старался, то ссорить, то мирить ее съ Гаранденами. По его же совѣту, она оставила этотъ край.

Снова ввели Гарандена. Королевскій прокуроръ спросилъ его, гдѣ онъ нашелъ деньги. Онъ отвѣчалъ, что не находилъ денегъ.

— Запритесь нечего, возразилъ прокуроръ: ваша жена призналась, что вы нашли деньги.

— Точно, я нашелъ одно эку на трувилльской дорогѣ.

— Дѣло не въ эку, а въ двадцати восьми тысячахъ франковъ, которые у васъ положены въ трубѣ. Ваша жена сказала, что вы нашли эти деньги.

Адвокатъ всталъ и сказалъ, что онъ снова запретилъ своему клиенту отвѣчать. — Господа судьи и господа присяжные, прибавилъ онъ, положеніе моего клиента не позволяетъ мнѣ защищать его безъ предварительныхъ приготовленій и безъ разпросовъ. Я прошу, чтобы дѣло было отложено на нѣсколько дней. Безъ сомнѣнія, мы пригласимъ нѣкоторыхъ свидѣтелей и будемъ требовать законныхъ отсрочекъ.

Судъ, съ своей стороны, также пригласилъ свидѣтелей. Онъ отложилъ дѣло на два дня; но постановилъ, чтобы Епифанъ Гаранденъ былъ отведенъ въ тюрьму, также жена его и Деидерія; чтобы всѣ арестанты содержались подъ строгимъ карауломъ и не имѣли сообщенія ни съ кѣмъ; даже защитниковъ ихъ запрещено было допускать раньше полудня другаго дня, потому что дѣло, принявъ новый оборотъ, требовало дополнительнаго производства. Жандармы отвели сначала Онисима, потомъ Гарандена, жену его и Деидерію.

Нѣтъ нужды говорить, что думали, что чувствовали теперь всѣ лица нашего разсказа. Транкиллъ и жена его обнимались, плакали и благодарили небо. Пульхерія и Вереника хвалились, что онѣ никогда не считали Онисима виновнымъ; всѣ ругали Епифана за двойное его преступленіе; но больше всего говорили о графѣ де-Севенѣ, объ его терпѣнн и преданности къ оправданію невинности; благодарили Провидѣніе, что оно внушило ему такую необыкновенную твердость, такое упорное сопротивление.

Наступилъ назначенный день для суда; адвокатъ Епифана говорилъ долго, но не сказалъ ничего важнаго. Притомъ же у господина де-Севена была непобѣдимая тетрадь, исписанная грозными замѣчаніями, которыя, если отвергались обвиняемыми, то подтверждались и признавались за истинныя свидѣтельства. Въ ней были наблюденія каждаго дня, въ продолженіе трехъ лѣтъ; часто даже для одного дня было по три и по четыре замѣтки. Судьи и все собраніе были непріятно изумлены, когда присяжные объявили, что въ пользу Епифана признаны нѣкоторыя смягчительныя обстоятельства. Не забыли припомнить, что въ приговорѣ невиннаго Онисима не было ни малѣйшей пощады, и что тотъ прямо приговоренъ былъ къ смертной казни. Епифанъ осужденъ былъ на вѣчныя работы, жена его къ пятилѣтнему тюремному заключенію, а Дезидерія къ заключенію на годъ. Впрочемъ, по ходатайству графа де-Севена, Дезидерія выпущена была черезъ три мѣсяца.

Объ Онисимѣ объявлено было, что онъ не имѣлъ причины идти противъ собственнаго счастья, и потому, опредѣлили: тотчасъ же извѣстить его отъ суда и дать свободу, если не имѣется другихъ причинъ къ задержанію его. Онъ былъ освобожденъ; графъ де-Севенъ взялъ его на поруки до окончанія дѣла о побѣгѣ, а президентъ обѣщалъ исходатайствовать ему прощеніе. Все собраніе было тронuto, увидѣвъ этого рослаго, прекраснаго молодаго человека, бросившагося на колѣни передъ отцомъ и матерью, которые благословили его и обняли. У графа де-Севена были уже готовы коляски, и всѣ понеслись по дорогѣ въ Дивъ.

Черезъ нѣсколько дней, Онисимъ Алень былъ увѣдомленъ, что, согласно духовному завѣщанію дяди его, безвальскаго мельника, Элуа Алена, все имѣніе послѣдняго переходитъ въ его руки. Не нужно, кажется, говорить, какова была радость всего семейства Алень, когда Онисимъ проводилъ первую ночь въ хижинѣ своего отца. Пелагея, по нѣжному предчувствію жен-

щины, сжавъ Пульхерію въ своихъ объятіяхъ, сказала ей: Дочь моя!

XXIX.

Въ слѣдующіе дни не видно было ни Пульхеріи, ни Онисима. Онисимъ постоянно жилъ въ безвальскомъ замкѣ, гдѣ, вѣроятно, проводилъ время съ графомъ де-Севеномъ. Пульхерія, подл разными предлогами, оставалась въ Кабурѣ. Впрочемъ, нездоровье господина Мале и дѣйствительно могло удерживать ее. Нѣкоторыя объясненія, сдѣланныя во время процесса, объ его упадкѣ, глубоко унизили его. Онъ безпрестанно повторялъ: — Боже мой! что теперь скажутъ? Я не смѣю глазъ показать въ этомъ краю; я скрывалъ свою бѣдность съ такимъ стараніемъ и съ такимъ успѣхомъ, и вотъ эти проклятые болтуны сдѣлали ее предметомъ своихъ рѣчей! — Пульхерія не смѣла говорить ему, что никогда никто не довѣрялъ его печальной комедіи. Вереника часто видѣлась съ Пульхеріей; но и сама Вереника была чрезвычайно встревожена. Противъ ожиданія всего семейства, Онисимъ не заикнулся о свадьбѣ съ Пульхеріей; ему не смѣли объ этомъ говорить, но Вереника и Пелагея толковали между собою. — Мнѣ объ томъ только теперь придется погоревать, если Пульхерія не будетъ моею дочерью, говорила добрая мать; я напередъ чувствую, что не буду любить ту, которая займетъ ея мѣсто.

— Нельзя никого принуждать въ такихъ дѣлахъ, говорилъ Транкиллъ; но я не думаю, чтобы мысли его измѣнились потому, что онъ сдѣлался богатъ, а Пульхерія обдѣвѣла, не думаю, чтобы потому.

— О, нѣтъ! вскричала Вереника: я совершенно увѣрена, что онъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ о союзѣ съ Пульхеріей; я готова битися объ закладъ, что нынче же вечеромъ, онъ придетъ просить вашего согласія.

— Долго не будетъ ждать, сказала Пелагея.

Но онъ не приходилъ ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе вечера; и Вереника стала безпокоиться. Разговоры съ Пульхеріей были также затруднительны для нея; она опасалась поразить сердце или узавить гордость графини де-Морвилъ. Пульхерія плакала и говорила: — Онъ правъ; онъ платитъ мнѣ за мое презрѣніе. Не пренебрегла ли я имъ, когда онъ такъ любилъ меня, и былъ

бѣденъ? Но Богъ свидѣтель, не бѣдность его мѣшала мнѣ думать объ немъ. Какъ онъ переѣхался! Лицо его сдѣлалось такъ благородно, пріемы такъ важны! какъ давно я знаю, что онъ жертвуетъ для меня всѣмъ, и я не могла полюбить его за это терпѣніе, за эти бѣдствія, которыя онъ перенесъ изъ-за меня! но теперь я должна избѣгать его, должна скрывать отъ него свою привязанность; какое несчастье, что онъ будетъ богатъ!

Господинъ Мале позвалъ ее къ своей постели.

— Пульхерія, сказалъ онъ: я не смѣю требовать, чтобъ ты оставила твоихъ друзей, но мнѣ нужно уѣхать дальше отъ Безвала; теперь извѣстно, что я бѣденъ, я не смѣю куда выйти; дѣти будутъ указывать на меня пальцами, я не останусь здѣсь.

— Мы уѣдемъ, когда вамъ угодно, любезный дядюшка, любезный батюшка; я довольна и тѣмъ, если буду получать о своихъ друзьяхъ какія нибудь извѣстія, и буду знать, время отъ времени, что они счастливы.

Я думаю обоемъ намъ будетъ лучше вездѣ, въ другомъ мѣстѣ; я напишу къ госпожѣ де-Фондуа, моей бывшей подругѣ, буду просить ее найти мнѣ въ Парижѣ уроки на фортепiano; ей это будетъ легко сдѣлать для меня. Мы поѣдемъ въ Парижъ: тамъ всякій живетъ, какъ хочетъ; никто не знаетъ, что у васъ есть, да и не хлопочетъ объ этомъ; я буду заботиться объ васъ, и мы проживемъ счастливо.

— Благодарю, благодарю, моя милая Пульхерія! вскричалъ старикъ: я не смѣлъ требовать отъ тебя, но ты спасешь мнѣ жизнь; я не хотѣлъ оставить тебя одну, и не могъ болѣе жить здѣсь, здѣсь, гдѣ всѣ знаютъ о моей нищетѣ, здѣсь гдѣ лучшее чувство, какое я могу внушить, будетъ сожалѣніе; благодарю, благодарю! Когда мы отправимся?

— Когда вамъ угодно, дядюшка: но не лучше ли подождать отвѣта отъ Маріи?

— Какъ ты хочешь; я, пожалуй не сдѣлалъ бы теперь и шага за порогъ, если бы не приходилось разставаться съ Дивомъ, съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться сюда. Но, нѣтъ! я не позволю никому встрѣтить на дорогѣ бѣднаго, униженнаго владѣтеля Безвала, котораго видѣли прежде богатымъ и счастливымъ. Подожду; да и какая нужда мнѣ выходить? что я увижу? Земли, которыми я владѣлъ, лѣса мои, которые теперь вырубили, замокъ Безвалъ, замокъ, стоявшій мнѣ столько денегъ и трудовъ, и на который я могу взглянуть только сквозь рѣшетку! Говорятъ, что графъ де-Севенъ, который сдѣлалъ доброе дѣло, избавивъ невиннаго отъ эшафота, но которому не слѣдовало бы говорить лишнее о другихъ, много переправилъ въ замокъ, какъ

будто было, что поправлять! Я увѣренъ, что теперь все исполнено; хотѣлъ бы я только разъ войти туда и посмотрѣть на безвкусіе этихъ людей.

— Къ чему это, дядюшка? Это значило бы прибавлять себѣ огорченій. Но мнѣ, если только буду слышать, что друзья моего дѣтства счастливы, — въ чемъ не сомнѣваюсь, потому-что теперь у нихъ есть все, чего недоставало имъ, — такъ я ни о чемъ не буду жалѣть здѣсь, кромѣ могилъ.

Надежда скоро оставить Дивъ, въ нѣсколько дней поправила здоровье старика; онъ не хотѣлъ даже открывать окно, и вду-скалъ воздухъ только по вечерамъ, чтобъ никто его не увидалъ.

Скоро получили письмо отъ Маріи де-Фондуа. Марія писала съ видомъ покровительства. Впрочемъ, она исполнила просьбу Пульхеріи; отыскала ей уроки въ двухъ домахъ, и обнадѣживала доставить еще другіе. Марія очень жалѣла о несчастной судьбѣ графини де-Морвилъ, но также съ нѣкоторою обязательностію. Для объясненія этого, надо сказать, что Марія де-Фондуа не забыла еще, какъ, въ прежнее время, Пульхерія де-Морвилъ затѣивала ее въ свѣтѣ и богатствомъ и изяществомъ нарядовъ и даже красотою. Не смотря на обидный токъ, Пульхерія была очарована этимъ письмомъ и, съ согласія господина Мале, принялась за приготовленія къ отъѣзду.

Однажды, Вереника возвратясь домой, упала на грудь Пелагенъ и залилась слезами. — Ты не знаешь, матушка, Пульхерія уѣзжаетъ отсюда. Я пришла, она укладывается. Она ѣдетъ въ Парижъ съ своимъ дядею; господинъ Мале не можетъ переносить униженія, говоритъ она, тамъ, гдѣ онъ былъ въ чести, особенно послѣ того, какъ, во время процесса Онисима, говорили о его бѣдности, которую онъ думалъ скрыть отъ всѣхъ. Съ тѣхъ поръ, онъ ни разу не выходилъ изъ дому, такъ убило его это горе, и ты не можешь повѣрить, какъ онъ переѣхался. Пульхерія будетъ давать въ Парижѣ уроки на фортепiano, но я думаю, что она не рѣшилась бы уѣхать отсюда, если бы не господинъ Мале: Онисимъ и его необъяснимая холодность причиною всему. Я часто замѣчаю у нея раскрасившіеся глаза. Я не говорю съ нею объ Онисимѣ, потому что, правду сказать, не знаю, что и думать объ немъ; она также не говоритъ ничего, но я вижу, какъ это ложится ей сердце. Надо сказать, что Онисимъ очень страненъ. Онъ жилъ до сихъ поръ только для нея, и теперь, когда можетъ владѣть ею, онъ какъ будто и не думаетъ объ этомъ. Впрочемъ, я не вѣрю, чтобъ онъ измѣнился, отъ того, что сдѣлался богатъ. Да и чего ему

желать лучше? Пульхерія прекрасна, образованна и любитъ его! Я столько говорила ей, въ продолженіе трехъ лѣтъ, о любви, о преданности и о горестяхъ своего брата! Наконецъ, Пульхерія уѣдетъ, и въ самомъ дѣлѣ, я понимаю, что ей не хочется остаться здѣсь. Я ничего не могла ей сказать; скрыла свое горе и поспѣшила сюда поплакать съ тобою.

— Но это ужасно, вскричала Пелагея: я не хочу, чтобы Пульхерія уѣхала. Правда, что Онисимъ уже не позоритъ насъ болѣе; онъ все время проводитъ въ замкѣ съ господиномъ де-Сье-венемъ. Господинъ де-Сьевенъ оказалъ ему большую услугу, это истинный другъ; но все-таки ему не надо забывать своего семейства и своей возлюбленной. Послушай, Вереника, не быть этому такъ; надо, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ объяснился. Одѣнся, пойдѣмъ въ замокъ, мы поговоримъ съ нимъ; онъ долженъ раскрыть намъ свое сердце.

— Пойдемъ, матушка.

Обѣ отправились въ дорогу. Проходя не въ дальнемъ разстояніи отъ безвальскаго кладбища, они увидѣли Пульхерію, которая стояла на колѣняхъ у могилы своего дяди; потомъ, помолвившись на гробницѣ тетки, она положила на обѣ могилы цвѣты и поцѣловала покрывавшіе ихъ камни.

— Видишь ли, матушка, сказала Вереника: она пришла проститься съ ними.

Онѣ скоро дошли до замка. Спросили Онисима. Имъ сказали, что онъ уѣхалъ еще утромъ, но скоро воротится. Онѣ подождали. Черезъ полчаса, Онисимъ пріѣхалъ. Онъ съ жаромъ обнялъ мать и сестру.

— Онисимъ, сказала Пелагея: мы шли около безвальскаго кладбища и издали видѣли Пульхерію; она просталась съ своими умершими родственниками, которыхъ оставляетъ здѣсь.

— Прощалась?

— Да, прибавила Вереника: она ѣдетъ, съ господиномъ Малѣ въ Парижъ; она навсегда оставляетъ Дивъ.

Онисимъ поблѣднѣлъ и, положивъ руку на сердце, вскричалъ:

— Но она не уѣхала? она не уѣхала еще?

— Ахъ, матушка, вскричала Вереника, заливаясь отъ радости слезами: онъ любитъ ее; ты видишь, онъ не переставалъ любить ее?

— Чтѣ ты хочешь сказать? спросилъ Онисимъ.

— Мы думали, что ты не любишь болѣе Пульхерію.

— Я! А для чего же я жилъ? какая постоянно была цѣль моей жизни? Можно ли было въ этомъ сомнѣваться!

— Но ты такъ чуждался всѣхъ насъ, сказала Пелагея, что Пульхерія невольно подумала, что ты презираешь ее.

— Презирать Пульхерію! Матушка, я обожаю ее; я дышу только ею! Я никогда не думалъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ могъ сомнѣваться въ этомъ.

— Оно такъ, но, безъ сомнѣнія, твое молчаніе заставило ее ѣхать отсюда, да и старикъ Малѣ умираетъ отъ скорби, что его такъ унизили, и ни за что не хочетъ остаться въ здѣшнемъ краю.

— Это господинъ де-Сьевенъ удерживалъ меня здѣсь; но теперь все кончено. Я все-таки не могу представить, какъ вы могли подумать, что я забылъ Пульхерію? Вы, вѣрно, знаете, что она не уѣдетъ, по-крайней-мѣрѣ, сегодня?

— Нѣтъ, Пульхерія еще не просталась съ нами.

— А вы полагаете, что она придетъ проститься съ вами? Ступайте же скорѣе домой, приберите все хорошенько. Батюшка дома?

— Дома.

— Хорошо. Я увижусь только съ господиномъ де-Сьевенемъ; дожидайтесь меня въ Дивъ.

Пульхерія болѣе часа оставалась на кладбищѣ, плакала, молилась и повторяла: Прощайте, прощайте! Возвратившись въ Кабуръ, она нашла своего стараго дядю чрезвычайной веселымъ, потому-что въ этотъ вечеръ они должны были выѣхать; и Пульхерія не мѣшала ему устроить это дѣло, какъ только ему хотѣлось. Они продали свои мебели, оставили только платье и бѣлье. Господинъ Малѣ, видя, что у него собралось не много денегъ, хотѣлъ съ приличіемъ выѣхать изъ страны, которая, повидимому, торжествовала надъ его бѣдностію. До Гон-флера онъ думалъ нанять почтовую карету.—А тамъ, говорилъ онъ, насъ не знаютъ, мы можемъ ѣхать въ дилижансѣ, и вознаградимъ то, что передержимъ на почтовую карету. Здѣсь, мы скажемъ, что отправляемся въ Парижъ за полученіемъ очень большаго наслѣдства, которое намъ достается по случаю; я уже сказалъ объ этомъ словцо дядьскому меру, когда онъ проходилъ здѣсь мимо воротъ: это сейчасъ разнесется по всей деревнѣ; я послалъ также записку за почтовою каретою, и это подтвердить исторію объ наслѣдствѣ; такимъ образомъ, когда будутъ говорить обо мнѣ въ Дивъ или Безвалѣ, то вмѣсто того, чтобы сказать: это бѣднякъ, который разорился и умеръ въ нищетѣ, скажутъ: О, о, господинъ де-Безвалъ, вотъ счастливый человекъ; его разорили, благодаря его же великодушію; а онъ разбогатѣлъ еще больше прежняго. Видишь ли, если люди бѣд-

ны, всегда говорятъ, что они сами виноваты; когда узнаютъ, что мы снова сдѣлались богаты, то всѣми средствами стараются извинить прошлыя глупости.

— Скажутъ только правду, дядюшка, что вы разорились по своему великодушію.

— Да не много также по тщеславію, породниться съ графомъ, милая племянница. Но это все равно; я писалъ на почту при-слать сюда карету въ шесть часовъ вечера для господина Мале де-Безваля и графини де-Морвиля. Въ шесть часовъ рыбаки будутъ возвращаться, я хочу чтобъ они видѣли, какъ мы поѣдемъ, чтобъ видѣли, какъ мы поѣдемъ въ почтовой каретѣ. Простилась ли ты съ Аленами?

— Нѣтъ.... еще.... дядюшка; они также мнѣ родные, и если вы обвиняете себя въ нѣкоторомъ тщеславіи, то я не могу не порицать себя въ глупой гордости. Я никогда не была для семейства Аленъ тѣмъ, чѣмъ бы должна быть, между тѣмъ, они всегда были для меня, добры, нѣжны, преданы, не говоря уже о самоотверженіи одного изъ нихъ. Я пойду въ Дивъ. Я бы хотѣла, чтобы скорѣе минуло это жестокое испытаніе; признаюсь, я этого больше боюсь, чѣмъ всего остального.

— Не забудь сказать имъ о наслѣдствѣ, потому что, если мы не будемъ говорить всѣмъ одного и того же, то, пожалуй, узнаютъ и правду.

Пульхерія одѣлась, и хотѣла уже идти, какъ вдругъ кто-то постучался у воротъ. Вошелъ Транкиль Аленъ съ Пелагеею и Вереникою, всѣ въ праздничныхъ платьяхъ. За ними шли графъ де-Сьевенъ, Онисимъ и сынъ Глама, который, вмѣстѣ съ господиномъ де-Сьевеномъ, остался за воротами.

— Добраго здоровья, господинъ де-Безваль, сказалъ Транкиль Аленъ: но что это за тюки? Ужъ не въ дорогу ли собираетесь?

— Да, любезный мой Аленъ, да, мой добрый другъ; у меня былъ родственникъ, который изволилъ скончаться; милый человекъ, онъ только и сдѣлалъ пріятнаго другимъ въ жизни, что умеръ; тогда какъ здѣсь я глупо разорился, онъ въ Парижѣ богатѣлъ, и умеръ такъ кстати, чтобы поправить мои дѣла. И я теперь немножко побогаче, чѣмъ прежде. Мы ѣдемъ въ Парижъ, и тамъ поселимся.

— О, тогда, господинъ де-Безваль, я не знаю, говорить ли ужъ объ этомъ.... Нѣтъ.... я думаю, что нѣтъ.

Пелагея утѣшила Пульхерію въ другую комнату, и сказала ей: Правда ли это наслѣдство? Тогда нечего и думать болѣе. Бѣдный Онисимъ еще разъ потеряетъ тебя. Онъ любитъ тебя;... те-

перь онъ не вынесетъ.... я знаю, почему онъ не говорилъ ничего....

— Добрая моя матушка, отвѣчала Пульхерія, да, это не правда, но потому-то онъ и потеряетъ меня и я лишусь его; я узнала Онисима, чтобъ жалѣть только объ немъ.

— Пойдемъ туда, сказала Пелагея.

— Добрый мой другъ, сказалъ господинъ Мале Транкилю: если я могу быть вамъ полезенъ въ Парижѣ, скажите мнѣ; я съ удовольствіемъ готовъ служить вамъ.

Пелагея отвела въ сторону своего мужа, Онисима и Веренику. Послѣ того, Аленъ снова подошелъ къ господину де-Безвалю: — Послушайте, господинъ де-Безваль, сказалъ онъ: мы не за деньги васъ любили; мы также уважали васъ и любили и тогда, какъ постигло васъ несчастіе. Я не знаю, угодно ли вамъ слушать это. Не наше бы дѣло рассказывать сказки.

Пелагея сдѣлала знакъ своему мужу, чтобы остановить его, но было бесполезно. Аленъ продолжалъ: — Но нѣтъ нужды до этого. Я знаю разницу между вами и нами, господинъ де-Безваль; мы не думаемъ гордиться, хотя бы у васъ было и меньше денегъ, чѣмъ прежде. Правда, это не множко смѣло, что я хочу сказать, но все таки скажу: вы знаете Онисима съ самаго дѣтства; его воспитывали вмѣстѣ съ Пульхеріей; и она всю жизнь была его божкомъ; онъ готовъ былъ всѣмъ для нея пожертвовать; онъ подвергалъ для нея опасности и жизнь свою и честь. Онъ нанесъ намъ много огорченій въ эти годы; много разъ я просилъ у Бога смерти; но все кончилось, не будемъ больше и говорить объ этомъ. Онисимъ теперь уже не крестьянинъ; онъ выучился теперь, и говорить не хуже никакого господина; онъ капитанъ и богатъ. Конечно, это для васъ не важно; но я говорю только для того, чтобы уменьшить сколько-нибудь разстояніе между вами и нами. Такъ вотъ что! Господинъ де-Безваль, угодно ли вамъ отдать за него Пульхерію?

Господинъ Мале хотѣлъ отвѣчать и началъ: — Племянница моя, графиня де-Морвиля.... Пульхерія, извиняясь, что перебьетъ его, сказала: Я не презирала Онисима, когда была богата, но не приму его руки, когда онъ сдѣлался богатъ, а я стала бѣдною. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ знаю, что онъ сдѣлалъ для меня, я питаю къ нему самыя нѣжныя чувства, какихъ только онъ можетъ желать; но я должна ѣхать.

— Извините, сказалъ Онисимъ. Пульхерія, ради пламеннѣйшей любви, ради жизни, которая всецѣло была посвящена вамъ, скажите, эта ли одна причина препятствуетъ вамъ быть моею?

— Или я сама хотѣла бы быть богатою, или, чтобъ вы бы-

ли бѣдны, Онисимъ.... Но пусть я буду терпѣть самую жестокую пытку. Я должна ѣхать, и уѣду.

По знаку Онисима, вошелъ въ комнату графъ де-Севенъ. Онъ подошелъ къ господину Мале и, раскрывъ табакерку полную золью, сказалъ ему:

— Что вы видите здѣсь, господинъ де-Безваль?

— Къ чему этотъ вопросъ, милостивый государь?

— Вы узнали бы къ чему, если бы отвѣтили мнѣ.

— Ну! я вижу тутъ нѣсколько щепотей золью.

— А!... Такъ вотъ что, эта зола содержитъ въ себѣ все, что осталось отъ купчей крѣпости на замокъ Безваль и отъ векселей, данныхъ вами мельнику. Можетъ быть, даже тутъ примѣшалось нѣсколько и сигаръ, которыя мы съ Онисимомъ зажигали этими негодными бумагами.

Всѣ присутствующіе были поражены.

— Такимъ образомъ, вы никогда не продавали замка, и никогда не были должны ни одного су.

— Но, милостивый государь, сказалъ господинъ Мале: я не знаю....

— Это до меня не относится, господинъ де-Безваль: я купилъ замокъ на счетъ Онисима, который совершенно со мной расплатился. Онъ привелъ мнѣ свои причины, чтобы зажечь наши сигары этими документами; я нашелъ ихъ очень уважительными, и сигары никогда еще не казались мнѣ такъ пріятными. Если вамъ угодно, пусть онъ скажетъ эти причины; надѣюсь, вы согласитесь со мною.

— Господинъ де-Безваль, сказалъ почтительно Онисимъ: я думаю, вамъ извѣстно, что я наслѣдникъ дяди моего, безвальскаго мельника. Я нашелъ въ своихъ бумагахъ доказательства, что въ сдѣлкахъ, которыя онъ имѣлъ съ вами и съ вашимъ родственникомъ, графомъ де-Морвилемъ, вклялись очень важныя ошибки. Изъ-за этихъ ошибокъ, суммы, ссуженныя за непомерные и разорительные проценты, возрасли почти до невѣроятности. Дядя мой умеръ печально, и я, въ память его, счелъ обязанностію заглядѣть ошибку, которой онъ не успѣлъ исправить. Закладныя на замокъ Безваль и на нѣкоторыя изъ его угодій, мнѣ казалось, нужно было уничтожить. Вы, милостивый государь, не можете отказываться отъ того, что ваше, и что отнято было у васъ только по ошибкѣ въ расчетахъ.

— Какъ! Это ты, Онисимъ, возвращаешь мнѣ замокъ Безваль, мой замокъ, гдѣ умерла моя бѣдная Доротея! Я могу еще жить въ Безвалѣ!

— Дуньте, милостивый государь, сказалъ графъ де-Севенъ,

поднося къ господину Мале табакерку съ золою. Не хотите? Ну, такъ я самъ дуну.—И зола разлетѣлась по комнатамъ. — Вотъ и кончено, прибавилъ де-Севенъ. Но что это за экипажъ остановился у воротъ?

— Это почтовая карета, которую я требовалъ для графини де-Морвилемъ, моей племянницы, и для себя, по случаю нашего отъѣзда.

— И прекрасно! она отвезетъ васъ домой, въ Безваль, гдѣ вы найдете все, какъ оставили. Мы съ Онисимомъ постарались привести все въ порядокъ.

Старикъ, изнемогшій отъ сильнаго волненія, блѣдный упалъ въ кресла. Пульхерія поспѣшила подать ему помощь. Впустили свѣжаго воздуха, и онъ почти тотчасъ же открылъ глаза.

— Не бойтесь, сказалъ онъ: это ничего, пройдетъ. Ну, любезный мой Онисимъ, чего ты хочешь? У меня ничего нѣтъ, кромѣ того, что ты мнѣ дашь. Спроси у Пульхеріи, не богаче ли она меня.

Онисимъ обратился къ своему отцу и подалъ ему бумагу:— Сынъ, сказалъ онъ, не можетъ быть богаче своего отца. Эти бумаги передаютъ вамъ все, что слѣдуетъ намъ получить отъ дяди Эдуа. Все это принадлежитъ вамъ и матушкѣ. Вы возьмете къ себѣ Веренику и Глама, меня и Пульхерію, если она согласится. Потомъ, обращаясь къ Пульхеріи, прибавилъ: — Пульхерія, вся моя жизнь до сихъ поръ принадлежала вамъ; угодно ли вамъ принять и остальную? Я достоинъ васъ только по любви своей.

Пульхерія бросилась въ объятія Пелагеи, потомъ Вереники, которую цѣловала она въ обѣ щеки. Онисимъ собралъ эти поцѣлуи со щекъ своей сестры.

Лѣтъ около двѣнадцати назадъ, въ одинъ августовскій день, я прогуливался по берегу Безвали. Солнце жгло землю; птицы молчали, только чиканье кузнечиковъ раздавалось по полямъ. Я сѣлъ въ тѣни ивъ, на берегу смѣющагося, прозрачнаго безвальскаго ручья, журчащаго по камушкамъ.

Не вдалекѣ отъ меня, также въ тѣни, сидѣлъ старый пастиухъ, одѣтый въ темный балахонъ; изъ подъ шляпы съ широкими полями висѣли длинныя космы бѣлыхъ волосъ, переплетавшихся съ бѣлою же бородою; не смотря на эти сѣдины, въ немъ почти ничего не было почтеннаго. Подъ густыми его рѣсницами виднѣлись лукавыя глаза, которые, кажется, избѣгали взглядовъ. У ногъ его лежали собаки. Овцы, на скошенныхъ поляхъ, отыскивали блѣдно-розовые цвѣточки повилки, издающей запахъ миндаля, единственной зелени, оставленной солдцемъ на пастбищѣ. Другія липали траву подъ деревьями, или старались сорвать нѣсколько листочковъ съ повисшихъ вѣтвей пивовыхъ кустовъ.

Мнѣ захотѣлось завязать съ пастухомъ разговоръ. Я обратился къ нему съ обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ наблюдениемъ, что очень жарко. Съ одной стороны, онъ не могъ бы отвергать этого, а съ другой, я такъ былъ убѣжденъ въ справедливости своихъ словъ, что мнѣ не было никакой нужды подтверждать ихъ согласіемъ пастуха. И потому, онъ не считалъ нужнымъ отвѣчать мнѣ. Я спросилъ тогда у него, сколько дорогъ изъ Безваля въ Дивъ, гдѣ я жилъ, и которая изъ нихъ короче. Онъ всталъ, собралъ своихъ овецъ, свиснулъ собакъ и пошелъ прочь, не вымолвивъ ни слова. Скоро онъ исчезъ за плетнями.

Возвращаясь въ Дивъ, я не много сбился съ дороги; когда пришелъ домой, хозяйка встрѣтила меня словами:—Ну, сударь, я не виновата, что вашъ обѣдъ никуда не годится; слыханое ли дѣло, приходитъ къ обѣду въ семь часовъ.

— Клянусь, сказалъ я: обновать пастухъ, онъ не хотѣлъ показать мнѣ дороги, и я заблудился.

— Мнѣ кажется, продолжалъ я вполголоса, обратившись къ хозяйской дочери, что человекъ, котораго я встрѣтилъ, не совсѣмъ чистъ въ совѣсти. Если фантомія не обманываетъ меня, на душѣ его лежитъ что-то очень тяжелое.

— Если это тотъ, котораго мы знаемъ, сказала хозяйка, любившая всегда подслушивать, что говорили съ ея дочерью, особенно когда говорили не вслухъ: если это старикъ, сухощавый, съ сѣдыми волосами и бороною, такъ вы и не подумаете никогда, что съ нимъ было. Нынче онъ сдѣлался колдуномъ, наговариваетъ и снимаетъ заговоры, пѣбавляетъ молодыхъ людей отъ рекрутства; но всегда угрюмъ и молчаливъ; есть мѣста, куда онъ никогда не ходитъ. Вы ни за что въ свѣтъ не заставите его дойти до безвальской мельницы. Вотъ той, что на берегу моря. Много тому времени, онъ убилъ мельника, у котораго жилъ; мельница ужъ не та, другая выстроена на томъ же мѣстѣ. Онъ не ходитъ также туда, гдѣ стоялъ прежде безвальскій замокъ. Рассказываютъ.... страшныя исторіи, гдѣ все дѣло шло о богатствѣ; но большая часть этихъ людей уже умерли, другіе уѣхали отсюда, и теперь состарѣлись. Пастуху Гарандену, говорить, девяносто шесть лѣтъ, но онъ умереть здѣсь. Его навѣчно присудили—было на галеры; да черезъ двѣнадцать лѣтъ простили. Только не позволено ему выходить отсюда, за нимъ строго смотреть.

Я спросилъ, можно ли мнѣ рассказать эту страшную исторію. Хозяйка подвела меня къ глухой старухѣ, которая плела черныя кружева. Та знала всѣ лица этой повѣсти и была родственницею Дизидерин, служанки мельника. Нѣсколько дней она припоминала и рассказывала мнѣ эту исторію.

Въ свою очередь и я рассказалъ ее вамъ.

САМОПОЖЕРТВОВАНІЕ.

РАЗСКАЗЪ де-ЛАЖНЕВЕ.

Я хочу рассказать одинъ случай изъ моей жизни. Не пицте здѣсь ни вымысла, ни приключеній; это будетъ простая исторія; это одно изъ грустныхъ воспоминаній, къ которымъ невольно переносится душа въ часъ унынія, и находитъ успокоеніе отъ внутреннихъ тревогъ.

На сѣверѣ Франціи, близъ бельгійскихъ границъ, лежитъ небольшой, почти безвѣстный городокъ. Кругомъ него возвышаются укрѣпленія, которыя возникли въ военное время и, кажется, совсѣмъ подавили своей громадностію убогія жилища гражданъ. Бѣдный городокъ, стѣсненный укрѣпленіями, лишился и послѣдней красоты, какую придавало ему мѣстоположеніе. Съ умноженіемъ жителей, лужайки кругомъ домовъ исчезли, площади уменьшились, улицы перепутались; не стало ни простора, ни правильнаго расположенія. Дома, тѣсняя другъ друга, представляютъ видъ огромной тюрьмы. Кромѣ того, тамъ господствуетъ угрюмый климатъ сѣверной Франціи: цѣлые шесть мѣсяцевъ природа будто мертвѣетъ, по небу носятя туманы и облака, и крутится снѣгъ. Въ добавокъ ко всему, черный дымъ каменнаго угля стелется надъ домами и придаетъ городу еще болѣе мрачности. Никогда не забуду грустнаго впечатлѣнія, какое я почувствовалъ, вступивъ въ этотъ городъ черезъ подлѣмные мосты. Съ ужасомъ спрашивалъ я самого себя: ужели есть люди, которые здѣсь родились и здѣсь должны умереть, не зная ничего о другихъ мѣстахъ, гдѣ жи-

вуть подобныя имъ существа? Да, нѣкоторымъ была суждена такая участь! Но Провидѣніе даровало этимъ бѣднякамъ отраду въ ихъ трудахъ; постоянно преданные своимъ занятіямъ, они не имѣютъ досуга посмотреть: свѣтло ли надъ ними небо и горитъ ли на немъ солнце. Они забываютъ о своихъ лишеніяхъ. Но я, пересслившись въ этотъ мрачный, дымный городъ, невольно вспомнилъ былые дни, которые проводилъ на свободѣ, подъ яснымъ небомъ, гдѣ блистало солнце, и на прекрасныхъ поляхъ, чтó развѣртывались передо мною. Въ эту минуту, я благодарилъ небо за дары, какими наслаждался на родинѣ: за свѣтъ, воздухъ и обширный горизонтъ.

Я прожилъ здѣсь полтора года, и начиналъ уже скучать, какъ случилось слѣдующее происшествіе.

Каждый разъ, когда бывало вздумается мнѣ выйти за городъ, я проходилъ по одному переулку, гдѣ крутой склонъ, выходявшій къ воротамъ крѣпости, былъ высѣченъ ступеньками, на подобіе лѣстницы. Часто бывалъ я въ этомъ узкомъ и мрачномъ переулкѣ, но мои мысли никогда не останавливались на немъ; я думалъ только о томъ, чтобы скорѣе добраться до поля. Разъ, по какому-то случаю, я обратилъ вниманіе на одинъ бѣдный домикъ. Это была хижина, увязнувшая въ землѣ, съ двумя окошечками и небольшою дверью. Стѣны были окрашены темною краскою; въ рамкахъ оконъ торчала тысяча звеневъ, изъ толстаго, зеленоватаго стекла. Кажется, день никогда не могъ заглянуть во внутренность домика, сквозь эти преграды. Кромѣ того, улица была слишкомъ узка и солнце едва ли показывалось въ ней. Тамъ царствовала вѣчная тѣнь и вѣчная прохлада, не смотря ни на какие жары.

Въ зимнюю пору, когда бывало обледеваютъ ступеньки, прорытыя въ землѣ, въ этомъ переулкѣ нельзя ступить ни одного шага, не рискуя сломить себѣ шею. И быть можетъ, по такому пустынному пути путешествовалъ только одинъ я. Не помню, встрѣчался ли мнѣ тамъ хоть одинъ прохожій, или хоть птица садилась ли, для отдыха, на развалившіяся стѣны. — Вѣрно, думалъ я, въ этомъ домѣ живутъ люди, которые отжили свой вѣкъ и подъ старость не чувствуютъ ни скуки, ни тоски. Ужасно было бы затвориться тамъ въ молодые лѣта! — Въ домикѣ господствовало безмолвіе, никакого шума, никакого движенія; всегда тихо, словно въ могилѣ. Каждый день я спрашивалъ себя: кто же живетъ тутъ?

Наступила весна. Свѣтъ растаялъ; земля просохла; возлѣ стѣнъ показалась трава. Ключекъ неба, который видѣлся надъ улицей, просвѣтлѣлъ. Наконецъ весна бросила тѣнь жизни да-

же въ этотъ забытый уголокъ; а въ домѣ, по прежнему, все мертво: ни шума, ни движенія, какъ и прежде.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, по своему обыкновенію, я отправился на повседневную прогулку и замѣтилъ букетъ фіалокъ, поставленный, въ стаканѣ, на одномъ изъ оконъ домика.

— Ахъ, вскричалъ я, здѣсь страдаетъ кто нибудь!

Чтобы любить цвѣты, надобно быть если не въ молодыхъ лѣтахъ; по-крайней-мѣрѣ, сохранять нѣсколько воспоминаній юности; надобно быть еще далекимъ отъ холодныхъ расчетовъ матеріальной жизни; надобно имѣть способность мечтать и надеяться. Любовь къ цвѣтамъ — это нѣга, наслажденіе души, нѣчто идеальное, поэтическое въ нашей жизни. Если любовь къ цвѣтамъ закрадывается въ жилища бѣдности, это знакъ борьбы между нуждами житейскими и вистинками души. Букетъ фіалокъ произвелъ на меня грустное впечатлѣніе; онъ какъ будто говорилъ: здѣсь нѣкто тоскуетъ о воздухѣ, солнцѣ, и счастьи, чувствуетъ свои лишенія; здѣсь такъ мало удовольствій, что я составляю единственную отраду жизни, я, бѣдный букетъ фіалокъ. — Мнѣ стало грустно. Не завянутъ ли эти цвѣты отъ темноты и холода? Освѣжить ли ихъ вѣтерокъ? спрашивалъ я самъ себя. Я чувствовалъ сожалѣніе къ нимъ, и желалъ, чтобы они какъ можно долѣе утѣшали своего покровителя.

Прохожу на другой день. Цвѣты пострадали. Они поблекли; увядшія лепестки свернулись сборчатými трубочками. Окно было полураскрыто; дневной свѣтъ проникалъ въ комнату, упавъ длинною полосой на полъ; но по обѣ стороны этой свѣтлой полосы была такая темнота, что я не могъ ничего разсмотреть.

Прохожу еще разъ, на слѣдующій день. День былъ прекрасный; пѣли птички; тысячи насѣкомыхъ жужжали къ воздуху; деревья распустились. Солнце горѣло во всемъ блескѣ; вездѣ была жизнь, вездѣ радость.

Одно окно въ маленькомъ домикѣ было открыто. Я подошелъ и увидѣлъ женщину, которая сидѣла у окна и работала. Моя грусть, съ какою я смотрѣлъ на бѣдное жилище, удвоилась. Не могу сказать о лѣтахъ этой женщины. Она была не такъ молода, не была и красавицей, или, быть-можетъ, красота ея уже увяла; бѣдность покрывала ея лице. Она замѣтила меня и слегка кивнула мнѣ головою. По ея взгляду, по ея физиономіи, я могъ угадать, что она страдала, но страдала безъ ропота, безъ слезъ; въ ея чертахъ выражалось спокойствіе и самоотверженіе. Но это спокойствіе было предвѣстникомъ смер-

ти. Мнѣ казалось, что изнуренная страданіями, она медленно прощалась съ жизнью.

Каждый день, я видѣлъ ее у окна за работою. Она всегда кланялась мнѣ, съ горькою улыбкою. Послѣ нѣсколькихъ наблюденій, я составилъ нѣкоторыя предположенія о ея жизни. Она не работала по воскресеньямъ, и я заключилъ, что она выходила изъ дому въ этотъ день, потому—что въ понедѣльникъ являлся на окнѣ небольшой букетъ фиалокъ. Она была бѣдна и работала для поддержки своего состоянія: она вышивала по прекрасной, дорогой кисеѣ, между-тѣмъ какъ одѣвалась очень скромно. Наконецъ, она, не одна жила въ домикѣ, развѣ какой-то нѣсколько повелительный голосъ закричалъ: Урсула! и она съ поспѣшностію оставила свое мѣсто. Въ этомъ голосѣ звучала какая-то суровость, а въ движеніи Урсулы выражалась полная преданность. И я думалъ, что Урсулу не любили домашніе, но она, по своему кроткому характеру, была привязана къ нимъ всѣмъ сердцемъ.

Время шло, и я мало-по-малу разгадывалъ жизнь бѣдной Урсулы; но чтобы посвятить въ тайны ея жизни, я имѣлъ одно только средство: проходить развѣ въ день мимо ея окна. Я сказалъ, что она кланялась мнѣ съ улыбкою. Спусти нѣсколько времени, я во время своихъ прогулокъ сталъ собирать цвѣты и поутру, на другой день, робко оставлялъ ихъ на окнѣ Урсулы. Урсула краснѣла, но потомъ улыбалась. Съ-тѣхъ-поръ, каждый день, у нея былъ свѣжій букетъ цвѣтовъ. вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами, я приносилъ нѣкоторыя растенія изъ моего сада. Наконецъ, въ бѣдный домикъ какъ-будто заглянула весна.

Разъ, я возвращался съ своей загородной прогулки, и только-что вошелъ въ знакомый переулокъ, какъ хлынулъ проливной дождь. Урсула бросилась къ воротамъ своего дома, отворила ихъ, и взявъ меня за руку, просила войти въ домъ; въ корридорѣ, что былъ передъ ея комнотою, бѣдная дѣвушка сжала обѣ мои руки и, со слезами на глазахъ, произнесла: Благодарю. То было первое слово, какое я услышалъ отъ нея. Я вошелъ въ комнату, гдѣ обыкновенно работала Урсула. Въ этой комнатѣ, освѣщенной однимъ окномъ, выходившимъ на улицу, было темно, холодно, сыро. И Урсула необходимо должна была сидѣть у окна: тамъ только она находила нѣсколько свѣта и могла дышать свободнымъ воздухомъ. Тогда я понималъ, отчего Урсула была такъ блѣдна; въ ней никогда не было свѣжести; она чахла, какъ растеніе, никогда необогрѣтое лучемъ солнца.

Въ темномъ углу комнаты, на старинныхъ покойныхъ креслахъ, сидѣлъ старикъ съ своею женою тоже преклонныхъ лѣтъ. Эта женщина ввязала вдали отъ окна; она была слѣпа. Старикъ не дѣлалъ ничего, а только смотрѣлъ, но знаю куда, неопредѣленнымъ, безсмысленнымъ взоромъ. Онъ отжилъ уже свой вѣкъ, и теперь существовало только его тѣло; онъ какъ-будто возвратился къ младенческому состоянію. Говорятъ, что если наша жизнь продолжается слишкомъ долго, то душа, разраженная долгимъ плинничествомъ, старается вырваться изъ своей темницы, и въ своихъ усиліяхъ, разрушаетъ связи, поддерживающія гармонию жизни. Тогда совершается въ насъ какой-то переворотъ. Душа еще не покидаетъ тѣла, но уже жаветъ не по опредѣленнымъ законамъ. И такъ, вотъ что скрывалось въ этой уединенной, безмолвной, мрачной хижинѣ, получалось въ этой старухе, дряхломъ старикѣ, и несчастная дѣвушка, увидшая прежде времени!

Да, молодость Урсулы была подавлена, заглушена окружившими ее живыми древностями и этими ветхими стѣнами, въ которыхъ она жила, какъ плѣнница. По крайней мѣрѣ, хотя бы Урсула была съ ограниченнымъ умомъ, была дѣтельной, хлопотливой хозяйкою, которую поглощали бы мелочныя заботы и не давали ей подумать о своемъ состояніи! Но въ этомъ домѣ была забыта небомъ дѣвушка юная, мечтательная; она угадывала жизнь, чувствовала свои радости, и горе, ея сердце было создано музыкальнымъ инструментомъ, на которомъ всѣ струны могли бы издавать волшебные звуки, но были обречены на вѣчное безмолвіе. Часть Урсулы была гораздо горестнѣе, чѣмъ я предполагалъ прежде; она видѣла, какъ день за днемъ время похищало у ней красоту, надежды, жизнь. Я часто навѣщалъ ее. Однажды мы вмѣстѣ сидѣли у окна и она рассказала мнѣ исторію своей жизни.

— Я, сказала она, родилась и выросла въ этомъ домѣ, и никогда не оставляла его. Но мои родители не здѣшніе; у насъ нѣтъ здѣсь ни родныхъ, ни знакомыхъ. Моя мать ослѣпла, и это навело на нее вѣчную грусть. Въ нашемъ домѣ всегда было такъ тихо, такъ уныло; я даже никогда не шла. Въ дѣтствѣ, мнѣ не позволяли никакой рѣзости; рѣдко я видѣла даски родителей; между тѣмъ они любили меня; хотя никогда не открывали мнѣ своихъ чувствъ, и я судила объ нихъ по своему сердцу; я любила ихъ, и думала, что и они любятъ меня. Впрочемъ, моя жизнь не всегда была такъ печальна, какъ теперь; у меня была сестра.

Взоры Урсулы увлажнились слезами, но эти слезы останови-

лись въ глазахъ и упали на сердце бѣдной дѣвушки. Она продолжала:

— Сестра была старше меня; мы любили другъ дружку и раздѣляли попеченіе о своихъ родителяхъ. Мы никогда даже не наслаждались удовольствіемъ прогуливаться вмѣстѣ, тамъ въ рошѣ, на высокомъ холмѣ; но одна изъ насъ непременно оставалась дома, чтобы ухаживать за престарѣлымъ родителемъ; а та, которая выходила на прогулку, всегда приносила домой нѣсколько вѣтокъ боярышника и рассказывала своей сестрѣ о солнцѣ, о деревьяхъ, о воздухѣ. По вечерамъ, мы работали у лампы. Намъ нельзя было разговаривать, потому что родители спали возлѣ насъ; по крайней мѣрѣ, встрѣчаясь взорами, мы весело улыбались другъ дружкѣ; потомъ, въ той же комнатѣ, мы ложились спать и засыпали не прежде, какъ любимыи голосъ повторить нѣсколько разъ: спокойной ночи, пріятнаго сна, милая сестра. Небо не должно было бы разлучать насъ, не правда ли?... Но я не ропщу. Марта блаженствуетъ тамъ.... Не знаю, недостатокъ ли въ свѣжемъ воздухѣ и въ прогулкахъ, или скорѣе горькая наша участь произвела въ Мартѣ зародышъ болѣзни, но она взнемогала, чахла, страдала. Она я сочувствовала ея страданіямъ; матушка не могла видѣть ничего; Марта не произносила никакой жалобы; а батюшка уже началъ приходить въ безчувственное состояніе, въ какомъ вы видите его теперь. Я уговорила сестру обратиться къ доктору. Но было поздно.... Моя сестра вскорѣ простилась съ жизнію. На канунѣ своей смерти, она подозвала меня къ себѣ, и сжавъ мои руки, сказала: Прощай, моя бѣдная Урсула! Я ужъ не стану болѣе горевать на землѣ, какъ ты. Но не унывай, заботься о батюшкѣ и матушкѣ; они любятъ насъ, Урсула; побереги свое здоровье для нихъ; ты должна умереть не иначе, какъ послѣ нихъ. Прощай, моя добрая сестра; не плачь, молись Богу, до свиданія Урсула. Черезъ три дня, вынесли изъ дому, гробъ Марты, и я осталась одна съ моими родителями.

Когда я сказала матушкѣ о смерти моей сестры, она вскрикнула, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ, и упала на колѣни. Я подняла ее и подвела къ кресламъ. Съ тѣхъ поръ, она ни разу не плакала, но стала молчаливѣе прежняго, и чаще обыкновеннаго перебираетъ свои четки. Болѣе почти нечего и сказать вамъ. Мой отецъ сдѣлался совершеннымъ ребенкомъ. Мы прожили все, что имѣли. Я не хотѣла, чтобы мои родители замѣтили это; а обмануть ихъ было легко; одинъ ничего не понимаетъ, другая ничего не видитъ. Я начала работать и украдкою продавать свое шитье. Я не говорю ни съ

тѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя сестра. Я люблю читать, но не имѣю досуга; надо работать. Я дышу вольнымъ воздухомъ только по воскресеньямъ; но я прогуливаюсь не подальше отъ дома, потому что я одна.

За нѣсколько лѣтъ, когда я была моложе, я любила мечтать, у этого окна, смотря на небо. Свою пустыню я населяла тысячами химеръ, которые сокращали длинные дни. Но теперь, какое-то оцѣпенѣніе подавляетъ мои думы; я не мечтаю болѣе. Прежде, не знаю почему, я все надѣялась, что мое участіе перемѣнится. Теперь мнѣ двадцать девять лѣтъ. Грусть и годы иссушили меня. Я сказала все!... мнѣ нечего ожидать, не на что надѣяться, здѣсь я окончу свою жизнь.

Не думайте, чтобы всегда съ покорностію, безъ ропота, переносила я свою участь. Нѣтъ, было время, и мое сердце волновалось отъ мысли умереть безъ любви. Не быть любимою, это еще сносно; но не любить, убійственно! Признаюсь, я роптала на Провидѣніе, упрекала небо за свою несчастную судьбину. Но это внутренняя тревога миновала вмѣстѣ съ надеждами. Мнѣ приходять теперь на мысль слова Марты: До свиданія, милая сестра! Во мнѣ не остается ничего болѣе, какъ страдательная покорность судьбѣ, какъ самоотверженіе. Я часто молюсь, но плачу рѣдко. А вы, вы счастливы?

Я не отвѣчалъ на вопросъ Урсулы; говорить ей о счастьи, значило то же, что говорить о неблагодарномъ другѣ тѣмъ людямъ, которые забыты имъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ одно прекрасное осеннее утро, только что я собрался навѣстить Урсулу, какъ вошелъ ко мнѣ одинъ молодой поручикъ изъ гарнизона, стоявшаго въ томъ городѣ. Онъ подавъ мнѣ руку, чтобы идти вмѣстѣ, и мы направили свой путь къ переулку, гдѣ жила Урсула. По этому случаю, я заговорилъ о своемъ знакомствѣ съ бѣдною дѣвушкою; мы шли очень медленно, и когда поравнялись съ домомъ Урсулы, я кончилъ рассказъ о ея жизни. Офицеръ, котораго я назыву Морисъ д'Эрваль, взглянувъ на нее съ участіемъ и сожалѣніемъ, поклонился и пошелъ дальше. Присутствіе посторонняго лица смутило Урсуду, потому что она надѣялась увидѣть только одного меня; ея щеки покрылись легкимъ румянцемъ, и она показалась мнѣ, въ ту минуту, почти красавицей. Какія-то смутныя мысли зародились въ моей душѣ; долго смотрѣлъ я на Урсуду, и потомъ, занятый своими думами, не говоря ни слова, всталъ, прикоснулся къ прядямъ ея волосъ и спустилъ ихъ ниже по ея блѣднымъ щекамъ. Потомъ я снялъ съ своей шеи черную бархатную ленточку, обвилъ ее кругомъ

шей Урсулы, и взявши нѣсколько цвѣтовъ, убралъ ими ея голову. Урсула улыбалась той улыбкой, которая всегда наводила на меня грусть; нѣтъ ничего горестивѣе улыбки несчастныхъ!

Долго я не видѣлся съ Морисомъ д'Эрвалемъ, долго не приводилось намъ быть вмѣстѣ у дома Урсулы. Наконецъ это случилось. Мы возвращались съ веселой пргулки. Я взялъ за руку Морисъ д'Эрвала, чтобы идти вмѣстѣ къ Урсулѣ! Въ этомъ случаѣ, я повиновался невольному движенію, не говорилъ ни слова, и предался своимъ мечтамъ. Миѣ казалось, что молодой офицеръ не могъ не угадать моихъ мыслей. Я думалъ, надѣялся, что онъ пойметъ мое внутреннее волненіе. Но... можетъ быть, я обманулся.

Былъ уже вечеръ, одинъ изъ прекрасныхъ осеннихъ вечеровъ, когда настаетъ тишина, безмолвіе; даже дыханіе вѣтерка не шлоестило деревъ, освѣщаемыхъ послѣдними лучами заходящаго солнца. Невозможно было не предаться сладкой задумчивости, при взглядѣ на природу, которая наводила сонъ на все живущее, кромѣ человѣка, который бодрствовалъ, чтобы размышлять. Настала одна изъ тѣхъ минутъ, когда душа наполняется нѣжными чувствами, когда мы готовы плакать, впрочемъ, безъ всякой грусти. Я взглянулъ, и еще съ конца переулка замѣтилъ Урсулу. Прощальный лучъ солнца скользилъ по окну и упалъ на голову дѣвушки, играя на прядяхъ ея черныхъ волосъ. Въ ея глазахъ блеснула радость; она улыбалась.

— Вотъ Урсула! сказалъ я Морису д'Эрвалю. Онъ вперилъ въ нее свои взоры, которые смутили дѣвушку; мы приблизились; ея лицо одушевилось прелестнымъ румянцемъ. Морисъ д'Эрваль остановился, перемѣнился съ нами нѣсколькими словами и удалился. Но съ тѣхъ поръ, онъ часто приходилъ по этому переулку. Наконецъ онъ вошелъ въ домъ вмѣстѣ со мною.

— Есть люди, которые такъ отвыкаютъ отъ всѣхъ надеждъ, что не умѣютъ понять блага, какое посылаетъ имъ судьба. Выросшая въ грустномъ уединеніи, разлученная со свѣтомъ, Урсула не видѣла ничего, не объяснила себѣ ничего, не трогалась ничѣмъ. Въ присутствіи Мориса, она оставалась такъ же унылою, печальною, какъ и всегда. Что касается до Мориса, не знаю, что происходило въ его сердцѣ. Онъ не чувствовалъ любви, но крайней мѣрѣ, я такъ думаю; но сожалѣніе, какое влдохнуло въ него Урсула, могло рѣшить его на самопожертвованіе. Молодому человѣку, нѣскольکو мечтательному, нравилась атмосфера грусти, окружавшая Урсулу. Онъ говорилъ, при свиданіи съ нею, только о тягости человѣческой жизни,

жаловался на свои несчастія, не замѣчая самъ, что симпатія, сближающая два сердца, походить на счастье, существованіе котораго онъ отрицалъ.

Прошло нѣсколько времени. Мы прогуливались по опушкѣ одной рощи. Морисъ началъ говорить.

— Гдѣ, сказалъ онъ, надо искать счастья, какимъ суждено наслаждаться человѣку на землѣ, если не въ счастья другаго?... Не почерпаемъ ли мы безконечнаго наслажденія въ радости, какую даримъ несчастнымъ?... Пожертвовать собою тому, кто безъ насъ знаетъ одиѣ слезы, это, быть можетъ, высокій удѣлъ человѣка въ здѣшнемъ свѣтѣ! Возвратить къ жизни умирающую душу... не прекрасная ли это мечта?

Я взглянулъ съ участіемъ на своего товарища; на моихъ глазахъ навернулись слезы.

— Да, сказалъ онъ, спросите Урсулу, согласится ли она отдать миѣ свою руку.

Радость была моимъ отвѣтомъ; я побѣжалъ къ жилищу бѣдной дѣвушки. Когда я вошелъ въ ея комнату, она по обыкновенію, сидѣла за работою, въ какомъ-то забытій. Уединеніе, отсутствіе всякаго шума, холодность ко всему усыпляли ея душу. Это было одно изъ благодѣяній неба: она не страдала болѣе. Взглянувъ на меня, она улыбнулась. Я рѣшился поразить ее неожиданною вѣстію; миѣ хотѣлось, видѣть, была ли только подавлена въ ней жизнь горестями и страданіями или совсѣмъ уже угасла. Я сѣлъ на стулъ напротивъ нея, взялъ ее за руку и, вперивъ въ нее взоры, сказалъ:

— Урсула! Морисъ д'Эрваль поручилъ миѣ спросить васъ, согласны ли вы будете отдать ему свою руку?

Бѣдную дѣвушку какъ-будто поразилъ громъ: слезы брызнули изъ ея глазъ; въ ея взорахъ заискрилось пламя; щеки покрылись розовымъ цвѣтомъ; грудь поднималась; сердце билось сильно; она судорожно сжимала мои руки. И такъ Урсула была только усыплена, и теперь пробудилась. Въ ея сердцѣ вдругъ загорѣлась любовь. Быть можетъ, она любила и прежде, невѣдомо самой себѣ; но теперь покрывало сдернуто: она узнала свои чувства.

Черезъ нѣсколько секундъ, она приложила руку къ своему челу и глухо произнесла: Нѣтъ, это невозможно!

Я повторилъ свой вопросъ, чтобы пріучить Урсулу къ словамъ, которыя звучали для нея незнакомой мелодіей. Морисъ д'Эрваль спрашиваетъ, согласны ли вы быть его женою?

— Его женою, повторяла она съ изумленіемъ, его женою! Бро-

сившись къ кресламъ своей матери, она сказала: Матушка, слышите ли вы? онъ проситъ, чтобы я была его женою.

— Дочь моя, отвѣчала старуха: милая дочь, Богу такъ угодно наградить тебя за твою добродѣтель.

— Боже мой! вскричала Урсула, что это дѣлается со мною? Жена! Милая дочь!

Въ эту минуту, въ корридорѣ раздались чьи-то шаги.

— Морисъ д'Эрвала! вскричала Урсула. Боже мой! прибавила она, сложивъ обѣ руки на сердцѣ: такъ вотъ жизнь!

Я вышелъ изъ комнаты, предоставивъ Урсулѣ самой принять Мориса д'Эрвала.

Съ этого дня Урсула переродилась. Подъ вліяніемъ счастливой переменъ, она ожила, помолодѣла. Въ ея лицѣ выражалась радость; но она была, по прежнему, молчалива, спокойна и одушевлена чѣмъ-то таинственнымъ. Морисъ любилъ ее. Другъ возлѣ друга, они просиживали длинные вечера въ комнатѣ, подлѣ открытыхъ оконъ, въ которое проливались томные лучи луны. Они говорили мало, но унывались взорами и мечтами. Урсула любила съ дѣтскою искренностію; она говорила Морису:

— Я счастлива; я люблю васъ, я благодарна вамъ.

Ихъ счастье не имѣло нужды ни въ свѣтѣ солнца, ни въ свободномъ воздухѣ полей, ни въ просторѣ Маленькій домикъ одинъ былъ свидѣтелемъ ихъ блаженства. Урсула работала и всегда оставалась съ своими родителями. Но если она не покидала своего привычнаго мѣста, за то ея душа свободно носилась за стѣнами бѣднаго жилища. Сладкая надежда не только обливаешь магическимъ свѣтомъ будущность, но обликаетъ настоящее и всему окружающему даетъ новый видъ. Этотъ домикъ былъ такъ же мраченъ, какъ за двадцать лѣтъ. Но одно чувство, скользлившее въ глубинѣ сердца дѣвушки, превратило его въ дворецъ. Такъ проходило счастливое время для Урсулы.

Но разъ Морисъ сказалъ своей невѣстѣ:

— Другъ мой! поспѣшимъ нашей свадьбой; нашъ полкъ смѣняется; надо обвѣчаться, чтобы отправиться вмѣстѣ.

— Далеко ли это, Морисъ?

— Ужели, милая Урсула, ты боишься увидѣть новую страну, новый уголокъ свѣта. Есть мѣста несравненно прекраснѣе твоей родины.

— Дѣло не обо мнѣ, Морисъ, а объ моихъ родителяхъ; они слишкомъ состарѣлись, чтобы пуститься въ дальній путь.

Морисъ стоялъ неподвижно передъ Урсулой. Онъ зналъ, что

Урсула должна разлучиться съ своими родителями, чтобы раздѣлять его походную жизнь. Онъ предвидѣлъ ея грусть; но надѣялся, что любовь осушитъ ея слезы. Надо было открыть Урсулѣ все.

— Другъ мой, сказалъ Морисъ, вашимъ родителямъ нельзя слѣдовать за ними, въ нашей бродячей жизни!... До-сихъ-поръ, Урсула, мы любили другъ друга, плакали вмѣстѣ; изъ жизни слѣдали мечту, не думая о существенныхъ ея требованіяхъ. Пришла пора поговорить о нашей будущности. Другъ мой! я человѣкъ не богатый; все мое богатство въ моей шапкѣ. Мое жажованье не болѣе какъ нѣсколько сотъ франковъ. Намъ придется увидѣть много нужды. Я полагаюсь на твердость вашей души. Но вы должны слѣдовать за мною однѣ. Присутствіе вашихъ родителей доведетъ насъ до крайней бѣдности; у насъ не будетъ куска хлѣба.

— Оставить родителей! вскричала Урсула.

— Оставьте ихъ съ тѣмъ, что они имѣютъ: вбѣрите ихъ попеченію добрыхъ людей и слѣдуйте за своимъ мужемъ.

— Оставить родителей! повторила Урсула; но вы не знаете, что для ихъ существованія не достанетъ нашего имѣнія? что я украдкою работаю, чтобы платить за это убогое жилище? что двадцать лѣтъ они не знали ничего попеченій, кромѣ моихъ?

— Бѣдная Урсула! прервалъ Морисъ: надо покориться необходимости. Вы скрывали отъ нихъ несчастное состояніе; теперь они должны узнать все, это необходимо. Устройте то, что остается имъ. Къ несчастію, мой другъ, мы не можемъ погнѣяться съ ними ничѣмъ.

— Убѣхать и не взять ихъ съ собою?... это невозможно! Говорю вамъ, я должна работать для нихъ?

Урсула! милая Урсула! прервалъ Морисъ, сжимая руку бѣдной дѣвушки: заклинаю васъ, не увлекайтесь такъ слѣпо порывами вашего благороднаго сердца, подумайте, взгляните прямо на вещи. Мы не отказываемся помогать имъ; но у насъ нѣтъ ничего. Мы можемъ жить только вдвоемъ, и то потому, что у насъ достанетъ твердости перенести нужды.

— Я не могу оставить ихъ!... сказала Урсула, взглянувъ на родителей, которые заснули на своихъ креслахъ.

— Вы не любите меня? спросилъ наконецъ Морисъ свою невѣсту.

Бѣдная дѣвушка отвѣчала потокомъ слезъ. Морисъ долго былъ еще вмѣстѣ съ нею. Тысячу разъ объяснилъ онъ свое положеніе, убѣждалъ ее, что ея мечты несбыточны, вошелъ въ подробности насчетъ будущей судьбы ея родителей. Но

она не отвѣчала ни слова. Оставшись одна, Урсула размышляла нѣсколько часовъ. Позднее счастье, блеснувъ на минуту въ ея жизни, готово было оставить ее. Сладкія мечты, подруживъ юныхъ лѣтъ, посѣтили ее не надолго. Забвеніе, безмолвіе, грусть должны были снова воцариться въ своемъ владѣніи, отнятомъ у нихъ счастливими днями. Ночь прошла. Съ первымъ разсвѣтомъ дня, Урсула затворила окно, которое оставалось открытымъ съ вечера; блѣдная, трепещущая отъ холода и внутреннего волненія, она взяла перо, бумагу и написала слѣдующія строки:

«Прощай, Морисъ! Я остаюсь съ моими родителями. Имъ необходима моя помощь. Покинуть ихъ въ старости значило бы оставить ихъ въ жертву смерти. Кромѣ меня, у нихъ никого нѣтъ! Моя сестра, въ послѣднія минуты жизни, поручила ихъ мнѣ и сказала: До свиданія, Урсула! Я не увижусь съ ней, если не исполню своего долга. Моя жизнь будетъ воспоминаніемъ объ васъ. Вы были такъ добры, такъ великодушны; но бѣдность разрываетъ нашъ бракъ. Я поняла это вчера.... Прощайте! Надо имѣть много твердости, чтобы написать это слово!... Надѣюсь, что ваша жизнь принесетъ вамъ счастье. Васъ полюбитъ другая женщина, болѣе счастливая, чѣмъ я.... Васъ полюбитъ такъ легко.... Но не забывайте совершенно бѣдной Урсулы. Прощай, мой другъ. Ахъ, я знала, что мнѣ не суждено счастье.

«Урсула.»

Урсула снова увидѣлась съ Морисомъ, увидѣлась и со мной. Напрасны были всѣ наши просьбы, она не хотѣла разстаться съ родителями. Мнѣ надо трудиться для нихъ, говорила она. Напрасно я говорилъ ей о любви Мориса, о ея счастливой будущности. Напрасно я напоминалъ ей, съ нѣкоторою суровостію, о ея лѣтахъ, представлялъ невозможность встрѣтить еще разъ счастливый случай.... Она плакала и молчала. Потомъ, склонивъ голову на свою грудь, она повторяла глухимъ голосомъ: Они умрутъ безъ меня, я должна работать для нихъ! Она просила насъ не пересказывать ничего ея матери. И тѣ, для кого она жертвовала собою, не знали ничего. Кака-то невнятная выдумка скрыла отъ нихъ настоящую причину несчастной перемѣны въ судьбѣ дочери... Урсула заняла свое прежнее мѣсто у окна, работала безъ отдыха, неподвижная, блѣдная и истомленная.

Морисъ-д'Эрваль принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые знаютъ предѣлы даже въ пожертвованіяхъ и умѣютъ

удержать себя отъ излишнихъ глупостей. Его сердце, какъ и разумокъ, допускало, что есть вещи невозможныя. Если бы не встрѣтилось никакихъ препятствій и Урсула вышла за мужъ за Мориса д'Эрваль, быть-можетъ, до послѣдней минуты жизни, она вѣрила бы въ безграничную любовь своего супруга. Но случилась преграда, какъ роковой опытъ для любви, и Морисъ увидѣлъ ея границы. Онъ долго умолялъ, плакалъ, наконецъ потерялъ надежду и удалился.

Урсула, въ одинъ день, услышала звуки военной музыки, и тяжелые, ровные шаги раздались въ воздухѣ. Тогда выступалъ полкъ. Музыка стихала вдали; до слуха Урсулы доходила какой-то неопредѣленный гулъ; потомъ, время отъ времени, вѣтеръ доносилъ одинокіе звуки; наконецъ настала мертвая тишина. Казалось, съ этими звуками, раздававшимися вдали, улетѣла и послѣдняя надежда Урсулы, и исчезла вмѣстѣ съ ними. Бѣдная дѣвушка уронила свое шитье на колѣни и закрыла руками свое лицо. Сквозь пальцы струились слезы. Въ такомъ положеніи она оставалась, покада хоть чуть слышались звуки полковой музыки. Потомъ она взяла свою работу.

Вечеромъ того дня, дня вѣчной разлуки, Урсула сѣла у постели своей матери, вѣрила въ нее взоръ, отуманенный слезами, взяла ее нѣжно за руку, и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Матушка! ты любишь меня? Мое присутствіе радуетъ тебя? Мои заботы пріятны тебѣ, не такъ ли? Ты страдала бы, если бы я оставила тебя?

Старуха повернула голову къ стѣнѣ.

— Боже мой! Урсула, сказала она: я утомилась; дай мнѣ отдохнуть!

Урсула желала услышать хоть одно нѣжное слово, въ награду за свое самопожертваніе, и не услышала. Старуха заснула, оттолкнувъ руку, которую протянула ей дочь. Урсула ушла на колѣни передъ распятымъ и долго молилась, простирая къ небу свои руки, которыхъ не хотѣлъ пожать ни одинъ другъ на землѣ. Съ того времени, Урсула стала блѣдна и молчалива болѣе прежняго. Новыя слезы унесли послѣдніе слѣды молодости и красоты. Она состарѣлась въ нѣсколько дней. Она не говорила болѣе о Морисѣ д'Эрвалѣ. Урсула нравилась ему, какъ прекрасная картина; удалившись, онъ забылъ ее.

Спустя годъ послѣ этихъ происшествій, мать Урсулы сдѣлалась больна. Противъ ея болѣзни не было лекарствъ; то была старость. Урсула приняла послѣдній ея вздохъ вмѣстѣ съ послѣднимъ благословеніемъ, послѣ того подошла къ отцу и передала ему печальную вѣсть. Старикъ какъ будто не замѣчалъ

ничего. Но на другой день, послѣ смерти жены, когда вынесли изъ комнаты кресла, на которыхъ она, столько дѣтъ, сидѣла возлѣ своего мужа, старикъ обратился къ пустому мѣсту и закричалъ: жена! Урсула старалась развлечь его, но онъ повторялъ одно слово: жена! Двѣ слезы прокатились по его щекамъ. Вечеромъ Урсула подала ему пищу, но онъ отвернувшись, устремилъ глаза на пустое мѣсто и произнесъ печально: жена!

Урсула испытывала всѣ средства, какія внушали ей печаль и любовь. Но безумный старикъ сидѣлъ, наклонившись въ ту сторону, гдѣ стояли прежде кресла его жены; онъ отказывался отъ всякой пищи, смотрѣлъ на Урсулу, сложивъ руки, и повторялъ какъ дитя, выпрашивающее какую-нибудь вещь: жена.

Мѣсяцъ ступя, онъ умеръ.

Когда выносили гробъ старика изъ дома, Урсула повторяла: Боже мой, ужели я не заслужила, чтобы они жили долѣ!

Теперь Урсула осталась одна навсегда.

Это случилось давно. Мнѣ надо было оставить городъ, оставить Урсулу. Я путешествовалъ. Тысяча происшествій встрѣчалась въ моей жизни, но не могли изгладить изъ моей памяти исторію бѣдной дѣвушки.

Урсула не писала мнѣ о себѣ ничего; такъ всегда бываетъ съ несчастными: они отказываются отъ всякаго утѣшенія. Я потерялъ ее изъ вида. Что стало въ ней? Жива ли она? или умерла? Увы! бѣдная дѣвушка никогда не знала счастья, и мнѣ страшно подумать, что она еще живетъ!

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Науки и Художества.

ТРИЦАТЬ ВОСЕМЬ ДНЕЙ ВЪ САВАННАХЪ НА ОСТРОВЪ КУБЪ.

Одинъ Нѣмецъ, поселившійся въ Гаваннѣ, издалъ недавно въ этомъ городѣ, гдѣ испанская цивилизація подвинулась дальше, нежели во многихъ городахъ самого Пиренейскаго полуострова, занимательное сочиненіе подъ названіемъ: «Шалости юности и пребываніе на островѣ Кубѣ». Въ этой книгѣ встрѣчаемъ мы интересныя подробности касательно внутренняго состоянія испанской колоніи, но особенно замѣчательны извѣстія о тѣхъ мѣстахъ роскошныхъ саваннъ, которыя весьма мало изслѣдованы путешественниками.

Если нѣкоторыя части острова измѣнились съ того времени, какъ взялъ его подъ свое управленіе строгій генералъ Таконъ, о которомъ креолы до сихъ поръ еще хранятъ страшное воспо-

минаше; если недавнее устройство двухъ желѣзныхъ дорогъ и столкновение различныхъ движеній европейской образованности, измѣнили нѣсколько аристократическіе обычаи въ Пуэрто-Рицѣ, въ Гаваннѣ и Матакасѣ;—дѣйственные лѣса, дуга и приморскіе берега, обитаемые одними *игуанами* и попираемые ногами только испанскихъ *гуахиросъ* и *мызниковъ-трубадуросъ*, впрочемъ не измѣнились. Объ этихъ-то мѣстахъ заимствуемъ мы въ особенности замѣчательныя подробности изъ книги господина Фонтъ-Ф...., сокращая сколько возможно его свободный и умный рассказъ. Г. Фонтъ-Ф...., пользуясь своими правами, отъ времени до времени уклоняется отъ своего предмета, какъ Жанъ-Поль-Рихтеръ, философствуетъ, какъ Гегель, распространяется по пустякамъ, какъ ораторъ вашигтонскаго сената, и часто одушевляется, какъ Кальдеронъ-де-ла-Барка.

Все, что онъ наговорилъ на пяти стахъ шестидесяти двухъ страницахъ, мы надѣемся сообщить нашимъ читателямъ въ гораздо меньшемъ размѣрѣ; а между тѣмъ постараемся не пропустить ничего важнаго и существеннаго, и, главное, не пренебречь никакою подробностью о тамошнихъ нравахъ и обычаяхъ, совершенно неизвѣстныхъ въ Европѣ и даже дурно изслѣдованныхъ лѣнивными креолами и американскими наблюдателями нравовъ.

Какъ чистый Нѣмецъ, который дорожитъ своею солидностью и прекрасною нравственностью во всѣхъ отношеніяхъ, Фонтъ-Ф... начинаетъ извиняться передъ публикою, что въ своей юности былъ онъ шалуномъ (а вѣдь это бываетъ едва ли не съ каждымъ изъ насъ). Отецъ опредѣлилъ его на какую-то банкирскую контору въ Новомъ-Орлеанѣ, а сынокъ въ одинъ благополучный день изволилъ оставить и контору и счета и всѣ купеческіе реестры, — словомъ все, что ему до смерти надоело, и съ товарищемъ своимъ, Ирландцемъ О'Нейлемъ, его руководителемъ въ молодости, отправился не на долго въ Гаванну.

— Не предполагаю, говорить онъ, чтобы можно было сдѣлать глупость и показать свою вѣтренность больше, нежели при этомъ случаѣ; но, вспомните, маѣ былъ только двадцать первый годъ. За одну шалость меня бы, можетъ быть, разстрѣляли: надо было увернуться отъ этого неприятнаго обстоятельства.

Голодь, усталость, кораблекрушеніе, переломъ поги, научили меня, что такое бродячая жизнь, и увѣчили мое воспитаніе такъ, что ужъ и позабыть трудно.

Однакожъ, въ замѣтъ того я имѣлъ довольно рѣдкій случай увидѣть, можно сказать, *передъ носомъ* американскія саванны, такъ еще мало изслѣдованныя путешественниками, а между тѣмъ

красивыя до невѣроятности, и посѣтилъ такія мѣста, которыхъ не посѣщалъ ни одинъ путешественникъ, и въ которыхъ случались со мною удивительныя происшествія.

Мой рассказъ, по странности этихъ происшествій и по оригинальности описанія мѣстныхъ видовъ, право, будетъ вторая Одиссея.

Если я сказалъ передъ этимъ, что единственное побужденіе мое рѣшиться на трудное страствованіе было просто любопытство молодости, — я обманулъ васъ, почтенный мой читатель! Нѣтъ, въ эту исторію замѣшались хорошенькіе глазки. Дочь Серафита дель-Пульгаръ (надѣюсь, что вамъ все равно, вѣрю ли я называлъ эту дѣвицу, или придумалъ ей другое имя) протѣжала съ своимъ отцомъ черезъ Новый-Орлеанъ, и въ томъ банкирскомъ домѣ, гдѣ я находился при должности, я имѣлъ случай съ ней видѣться, впрочемъ только мелькомъ.

Я зналъ только, что семейство Серафиты живетъ въ Гаваннѣ, и въ этомъ состояли всѣ мои объ ней свѣдѣнія. Что касается до товарища моего О'Нейля, ему не было пзвненія со стороны людей ни въ любви, ни въ фантази. О'Нейль любилъ приключенія, какъ иные любятъ живописные виды или гармонию звуковъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ надо прибавить, онъ далъ себѣ особенное оправданіе въ своей *шалости*, какъ онъ называлъ наше путешествіе. Онъ былъ сирота, а восемьдесятъ восемь долларовъ побудили его сдѣлать спекуляцію покункою хлопчатой бумаги, и отправиться съ нею въ Гаванну, гдѣ какъ онъ слышалъ, живутъ его родственники, занимающіеся воздѣлываніемъ *кафеталы* на берегу Рио-Гордо, близъ Гаванны.

Эти О'Нейли ужъ непременно ему должны быть дяди, и мой товарищъ ѣхалъ для отысканія своей родни, какъ въ пзвѣстномъ романѣ Марриета несчастный «Лазетъ» отыскивалъ своего отца.

Правду сказать, О'Нейлевъ въ Ирландіи столько же, сколько песку на морскомъ берегу; но всякій доводъ разума разрушался передъ твердою волею О'Нейля, которому, не больше какъ и мнѣ, былъ двадцать первый годъ.

Вмѣстѣ выѣхали мы, благословясь, изъ Нового-Орлеана въ одно прекрасное воскресное утро, въ мѣсяцъ маѣ. Вся наша сумма, какъ у меня, такъ и у товарища, состояла изъ ста тридцати одного доллера, а мы шли почти завоевывать свѣтъ, какъ Александръ Македонскій.

Моралисты, вижу, начинаютъ хмуриться; по что же прикажете дѣлать съ молодостью, съ ея игрою, кипучею кровью? Гдѣ молодости взять философіи и разсудительности? Блаженны тѣ,

которые и въ юныхъ годахъ такъ же обдуманно дѣйствовали, какъ дѣйствуютъ подъ старость. Но такихъ примѣровъ немного. Въ природѣ царствуетъ постоянное броженіе, а гдѣ нѣтъ его, тамъ застой — а ужъ это худо, потому что нѣтъ жизни, нѣтъ движенія, словомъ, полусмерть, параличъ жизни... Кто говоритъ, что это движеніе должно было бы служить живущему существу ко вреду ближнимъ! Совѣмъ нѣтъ; движеніе въ жизни должно служить, если не къ пользѣ ближняго, по крайней мѣрѣ, къ безвредности и пользѣ, или удовольствію самого дѣйствителя.... Мертвенное состояніе души не награждается и не наказывается....

Но оставимъ добрую философію и пойдемъ въ Кубу. Тутъ, при отправленіи, артеріи наши стали биться живѣе, кровь начала обращаться быстрее... Смерть грозила намъ своимъ косящимъ перстомъ; а между тѣмъ мы, слава Богу, были еще живы и годились для жизни.

Я сознаюсь, что съ величайшимъ удовольствіемъ слушаю рассказы какого нибудь стараго гренадера, какого нибудь опытнаго моряка объ ихъ походахъ и рейсахъ, но на этотъ разъ, они только вспоминаютъ, а мнѣ нужно испытывать то, что они испытывали. Это было лучшее время ихъ жизни! Разнообразіе природы, борьба съ опасностями, юношеская отвага — все это составляетъ цвѣтъ нашей кратковременной жизни, да въ томъ дѣло, кто уцѣлеть отъ бурныхъ, крушительныхъ вихрей нашего земнаго бытія?

Нельзя оспаривать, что наша, хотя, пожалуй, сухая, прозаическая жизнь, все же, какъ бы то ни было, есть довольно занимательная поэма, хотя мы ходимъ не въ бархатѣ, а въ платьяхъ, изъ шерстяной матеріи или, пожалуй, даже изъ бумажной... Сердце у человѣка одинъ и тотъ же *микрোকосмъ*, по выраженію Гёте; въ немъ таится живое, движущееся не въ равной степени передъ другими, можетъ быть, но все же со слезами или съ хохотомъ совершающее свою роль на театрѣ жизни, передъ невидимыми зрителями и передъ своими ближними.

Вполнѣ исполнить эту роль трудно, такъ какъ намъ приказано, но не есть ли обязанность человѣка-актера хотя на нѣскольکو шаговъ приблизиться къ своему успѣху? А между тѣмъ, не позволено ль, на сторонѣ, предаваться намъ иногда и чувственнымъ увлеченіямъ? За чѣмъ же даны намъ чувства? Природа такъ предусмотрительна объ нашемъ благѣ, что подѣлила пополамъ наслажденія нашего ума и нашихъ чувствъ. А несчастливъ тотъ, кто теряя рассудокъ, предается чувственности, не думая,

что въ эти моменты своего забытія о человѣческомъ достоинствѣ онъ уже становится звѣремъ.

Переѣздъ нашъ былъ быстръ и благополученъ; но только что подѣхали мы къ Кубѣ, я сейчасъ понялъ, что иначе мы поступили бы, еслибъ были постарше да поумнѣе.

Профиль великолѣпной башни Моро рисовался на горизонтѣ. Мнѣ пришло въ голову спросить у О'Нейля:

— А паспорта-то наши?

— Ахъ, да, гдѣ жъ наши паспорта!...

— Испанскіе доны не смотрятъ на эти дѣла сквозь пальцы.

— Ну, да къ чорту эти паспорта и этихъ доновъ!

— Такъ-то такъ; скоро сказано, а будетъ ли скоро сдѣлано! Вы постарше меня, должны были бы подумать о паспортахъ.

— Намъ достанутъ ихъ, вскричалъ О'Нейль, который имѣлъ обыкновеніе закладывать руки за спину всякій разъ, какъ хотѣлъ исполнить какое нибудь нелѣпное предпріятіе.

— Чтѣ, еслибъ мы вернулись въ Новый-Орлеанъ?

— Эге! вѣдь буду я съ носомъ! Гдѣ же? въ морѣ чтѣ ли я буду искать своего богача-дядю?

Проговоривъ эти слова, О'Нейль не отвѣчалъ уже мнѣ ни на какіе вопросы и насвистывалъ свой ирландскій романсъ *Jankie Doodle*, придуманный, вѣроятно, для того, чтобы убавкивать тюленей, выходящихъ на берегъ.

Возвратиться въ Новый-Орлеанъ, не видавши Кубы, было уже, просто, невозможно.

Сколько разъ отецъ мой (писавшій препорядочные стихи), — замѣйте, если вамъ угодно, что я родомъ изъ Штеттина, — рассказывалъ мнѣ о восхитительныхъ красотахъ Кубы; сколько разъ расхваливалъ онъ мнѣ гостеприимство жителей, и очаровательныя окрестности городовъ: эти окрестности не имѣютъ ни ядовитыхъ насѣкомыхъ, ни ядовитыхъ пресмыкающихся, за исключеніемъ одного только животнаго, о которомъ я буду сейчасъ говорить.

Отецъ говорилъ дѣло: агутти, игуано, яшерипа, хамелеонъ самыхъ разноцвѣтныхъ родовъ; паламбы (чтѣ-то похожее на горлиць-куропатокъ), которыя летаютъ не иначе, какъ по двѣ птицы вмѣстѣ и съ чрезвычайною осторожностью; другая порода горлицъ столь ручныхъ, что онѣ спокойно садятся на плечо путешественника; вотъ двѣ породы животныхъ, невинныя и красивыя, точно какъ Перуанцы до прибытія Пизарро. Перуанцамъ дѣйствительно принадлежалъ островъ Куба, и этотъ островъ вполнѣ заслуживаетъ всѣхъ тѣхъ похвалъ, которыми удостоили его путешественники.

Видъ Кубы съ той стороны моря, откуда мы прѣехали, самый веселый и красивый; промышленное движеніе въ портѣ, какъ кажется, обнаруживаетъ не столько ачтность къ пріобрѣтенію, сколько простой избытокъ умственныхъ и тѣлесныхъ силъ, которыми кипитъ здѣсь и идутъ даже черезъ край. Здѣсь негры съ пѣвнѣмъ катаютъ бочки; тамъ тысячи разныхъ большихъ и малыхъ судовъ, бороздящихъ смиренныя и свѣтлыя волны въ разныхъ направленіяхъ; огромные мѣшки съ кофе, наваленные одинъ на другой на берегу; перевозчики и на берегу и въ чистомъ морѣ, шумныя работы въ гавани, — право, шумѣе ихъ не услышите въ цѣломъ свѣтѣ, — все это передъ нашими глазами, дѣйствуетъ на ваши уши; все это полно движенія, тепла, веселости, и ужъ какъ не хотѣлось намъ, за непѣвнѣмъ паспортовъ, не побывавъ на прекрасномъ островѣ, вернуться въ Новый-Орлеанъ.

Нужно было намъ прибѣгнуть къ двумъ рѣшительнымъ мѣрамъ, а иначе было никакъ невозможно. Изобрѣтеніе этихъ мѣръ принадлежитъ моему Ирландцу. Этотъ народъ, какъ уже давно доказано, — южлага происхожденія, и не задумается при какомъ нибудь отважномъ предпріятіи. О'Нейлю обязанъ я вполне глупѣйшимъ изъ всѣхъ предпріятій въ моей жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ едва ли не лучшими минутами жизни.

Прибывши въ гавань, написали мы къ американскому консулу просьбу отвѣчать за насъ; О'Нейль, разумѣется, занялся этимъ дѣломъ. Проходить день, проходить два, три; нѣтъ отвѣта!

А между тѣмъ и небо, и море и солнце — все, однимъ словомъ, приглашало насъ сойти съ нашего корабля на берегъ.

— Американскій консулъ не отвѣчаетъ намъ, воскликнулъ О'Нейль. Это не благородно съ его стороны; я сыграю, съ вашего позволенія, съ нимъ такую штуку, что онъ долго ея не забудетъ.

— По мнѣ все равно! А, напримѣръ, что вы хотите сдѣлать?

О'Нейль взялъ уже большой листъ бумаги и самымъ лучшимъ почеркомъ писалъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство!

«Два торговца, которыхъ зависть и несправедливое притѣсненіе американскаго консула въ Соединенныхъ Штатахъ господина В... подвергаютъ погибели, имѣніе которыхъ и даже жизнь въ опасности, принадлежатъ къ стопамъ вашимъ и умоляютъ о покровительствѣ. Безвинно и несправедливо задерживаютъ насъ на судиѣ, на которомъ мы прибыли, именно Sea-Sprite, и

очень можетъ быть, что наша значительная торговая спекуляція рѣшительно не будетъ имѣть никакого успѣха, и переездъ нашъ изъ Новаго-Орлеана на Кубу окончится ничѣмъ. Мы становимъ себя подъ покровительство потомка Пизарро и Кортеса и просимъ покорнѣе ваше превосходительство распорядиться о представленіи свѣтлѣйшему лицу вашему».

Бойко подписались мы оба, какъ ни въ чемъ не бывало, и письмо имѣло успѣхъ передъ верховнымъ правительствомъ.

Замѣчательно, что постоянное несогласіе господствуетъ между почти самовластнымъ губернаторомъ острова Кубы и консулами *лиги*, или американскими. Соединенныхъ-Штатовъ, на которыхъ падаетъ сильное подозрѣніе, будто Штаты, по братской вѣжности, имѣютъ желаніе присоединить Кубу къ своимъ обширнымъ владѣніямъ. Примѣръ этому былъ на Техасѣ.

Gubernador general, — лицо послыѣе самого китайскаго императора, когда онъ даже среди своихъ головъ бритыхъ мандариновъ, — послалъ за нами на бортъ нашего корабля, принявъ насъ какъ нельзя лучше, спокойно выслушалъ баснословные рассказы О'Нейля объ американскомъ консулѣ, (который, скажемъ мимоходомъ, ухажалъ на этотъ разъ въ Батавано на развѣдку какого-то краснодеревнаго дѣса), разрѣшилъ обойтись безъ выдержанія полного карантинна и далъ собственными руками и за собою подписью *salvo-conducto* («открытый листъ», по почтовому русскому выраженію). Это былъ волшебный талисманъ, передъ которымъ унычжились всѣ препятствія нашему проѣзду.

— Ну! сказалъ я О'Нейлю: дѣло идетъ впередъ, но когда воротится консулъ, намъ не одобровать. Мы насмѣялись надъ нимъ, и онъ найдетъ средство отомстить намъ. Видите вы эту тюрьму: туда насъ запрячутъ какъ разъ за то, что мы несправедливо порочимъ нашихъ консуловъ. А ужъ Богъ знаетъ, когда эти испанскіе доны насъ оттуда выпустятъ. Дѣло худо!

— Не беспокойтесь, сказалъ О'Нейль, все вздоръ, все пустыня... У меня есть свой особый планъ.

И черезъ два часа наняли мы *воланту* (*volanta*), родъ французскаго кабриолета, который находится только въ Гавани и въ Мексикѣ; наняли негра, одѣтаго въ розовое и желтое платье, и маленькую вороную лошаду, которая бѣжала съ быстротою необыкновенною. Ъхали мы въ Матансасъ, во-первыхъ, для того, чтобъ поглядѣть на главные мѣста Кубы, а во-вторыхъ для того, чтобъ избѣгнуть поисковъ предполагаемыхъ нашихъ преслѣдователей.

Въ Матансасѣ раздѣлялись мы съ негромъ, отпустили воланту съ ея лошадей, и начали совѣтоваться, что намъ дѣлать.

Погода была превосходная; небо точно смѣялось; окрестности красовались, какъ невѣста.

— Повернемъ въ эту сторону, противоположную той дорогѣ, по которой мы до сихъ поръ тащились, сказалъ мнѣ О'Нейлъ, указывая мнѣ на лѣсъ или, если угодно, на огромный портикъ, состоявшій изъ колоннъ круглыхъ, точно полированныхъ, ровныхъ вышиною, разставленныхъ почти на одинакомъ разстоянн и увѣчанныхъ широкими листьями, имѣющими видъ нашего кавалерійскаго на треугольной шляпѣ пера. Надъ голымъ стеблемъ во сто футовъ вышины поднимались эти пышныя перья и прикрывали ихъ отъ зноя, бури и непогоды.

— Если консулъ недоволенъ нами, и если губернаторъ пойметъ, что мы провели его, то ужъ непременно пошлютъ за нами въ эту сторону, и очевидно будетъ сыщикамъ, что, проѣхавъ черезъ Матансасъ, мы держались берега въ нашемъ пути. Обманутся! Вотъ вамъ дорога прелестная, свѣжая, благоуханная, ну, просто, чудо! Въ карманахъ деньги у насъ есть, жители гостепрнмны, чего же еще намъ нужно? — Все это говорилъ, въ утѣшеніе мнѣ, О'Нейлъ.

Въ послѣднемъ отношенн, то есть касательно гостепрнмства и радушія жителей Кубы, товарищъ мой былъ совершенно правъ.

Въ цѣломъ мнрѣ нѣтъ, навѣрно, мѣста столь обильнаго радушными обитателями: они просто осуществляютъ идиллію Геснера. Большая часть нашихъ путешественниковъ довольны тѣмъ, что подвизята Гаваннѣ, да поддадутся волшебному вліанію хорошевыхъ глазокъ и очаровательныхъ улыбокъ хорошевыхъ Испанокъ.

Скажу прямо, — нужно пройти, подобно мнѣ, всѣ извилистыя тропняки и перекрестка въ густыхъ лѣсахъ Кубы, гдѣ нѣтъ почти ни входа, ни выхода; нужно въ ничтожныхъ избушкахъ, точно какъ въ богатыхъ сафеталесъ, — этихъ избушкахъ, удаленныхъ отъ всѣхъ городовъ и гаваней, найти теплый, радушный пріемъ, чтобъ оцѣнить вполнѣ благородство дикихъ обитателей Кубы. Надобно впрочемъ сказать, что Гаванцы терпѣть не могутъ негровъ и Американцевъ; подданныхъ Соединенныхъ Штатовъ также не очень жалуютъ.

Все это не мѣшаетъ имъ, между прочимъ, съ чистымъ радушіемъ принимать и угощать даже самыхъ простыхъ путешественниковъ, пріѣхавшихъ къ нимъ изъ Нью-Йорка или Бостона. И это радушіе непритворное, нелицемерное, не основанное на однихъ только льстивыхъ словахъ, которыми осыпаютъ васъ иные хозяева.

Они, что не говори, какъ не отказываясь, надарятъ вамъ разныхъ вещей. Мы часто это испытывали въ теченіе нашего бродяжничества.

Казалось, что кроткій и простой характеръ первобытныхъ обитателей Перу перешелъ къ испанскому народонаселенію Кубы.

Если вы входите въ какое нибудь селеніе, дѣти окружаютъ васъ и кричатъ вамъ *tio, tio* (дядюшка!), и радость ихъ вашему приходу не представляетъ ничего рабскаго, ничего для васъ стѣснительнаго или васъ беспокоющаго, дай Богъ, чтобъ повѣйшая образованность не разрушила началъ этой патриархальной простоты нравовъ.

Всѣ могутъ повѣрить, что путешественникъ, выѣхавшій изъ Соединенныхъ-Штатовъ, привыкшій къ грубой неучтивости и даже дерзости обитателей Кентуки, находить разительный контрастъ съ гаванскимъ радушіемъ.

Я могу еще прибавить, что души не было, которая бы выдала насъ сыщикамъ, не защищая насъ изъ всѣхъ силъ.

А между тѣмъ мы шли все впередъ да впередъ. О'Нейлъ стащилъ гдѣ-то, а можетъ быть, и получилъ въ подарокъ, нѣскольکو съѣстныхъ припасовъ, и мы превосходно позавтракали подъ огромнымъ деревомъ, которое обвѣвало насъ своими вѣтвями.

Послѣ этого пустились мы опять въ путь, рѣшась остановиться у первой гостиницы (*cafetal*), которая намъ попадется, и просить убѣжища. И вотъ при первомъ блескѣ луны, чрезъ густой пальмовый лѣсъ добрались мы до дороги: *Camino del Centro*.

Въ это время настоящихъ проѣзжихъ дорогъ по Кубѣ было немного и тѣ были нестерпимо дурны. Та изъ нихъ, которая тянулась отъ одного конца острова къ другому, называлась, какъ мы сей-часъ сказали, *Camino del Centro*. При ней лежало нѣскольکو самыхъ важныхъ городовъ и селеній. Отъ каждаго изъ нихъ шла другая дорога къ порту, собственно ему принадлежавшему и отстоявшему, постоянно, никакъ не далѣе ни отъ котораго, какъ на двадцать или на тридцать миль, потому что, заиѣтить должно, какъ извѣстно всѣмъ, — островъ столько же длиненъ, сколько узокъ.

Негры-марроны, зная, что миновать этихъ дорогъ проѣзжимъ никакъ нельзя, и что здѣсь тянутся часто большіе купеческіе обозы, часто держатся въ засадѣ и грабятъ торговцевъ и путешественниковъ.

Едва ли есть племя страшнѣе и жесточе этихъ негровъ-марроновъ; отъ боязни они просто свирѣпѣютъ, какъ зѣбри. Увѣренныя, что прощенія никакого имъ ожидать нельзя отъ правительства, отверженные отъ всѣхъ, они выплываютъ свое уни-

женіе и горе на несчастномъ путешественникѣ, который попадаетъ имъ подъ руку. Когда же найдутъ себѣ отважнаго атамана, они становятся ужасными....

Этого мы не знали, и въ нашемъ крайнемъ положеніи рѣшили избѣгать, какъ можно осторожнѣе, большой дороги, по которой такъ и скачутъ *tenientes*, *alguaziles* и *sartanes de partido*, состоящіе на службѣ при особѣ губернатора. На этомъ основаніи, поспѣшили мы свернуть на первый проселокъ, который попалъ намъ на глаза, и совершенно въ противоположную сторону той, которой мы держались.

Чудная была въ то время ночь! Описывали путешественники эти невообразимыя по красотѣ тропическія ночи, но, помнится, ни у одного не доставало красокъ... И мудрено дожидаться вѣрнаго въ писемѣ изображенія ночи на Кубѣ!..

Пока мы любовались удивительнымъ зрѣлищемъ природы, подкрались къ намъ изъ оврага, освѣннаго роскошными зоялами, три негра-маррона....

— Ага, вскричалъ О'Нейлъ: дѣло не на шутку. Ну - ка попробуемъ.

И онъ сразу повалилъ какого-то чучелу выстрѣломъ изъ прекраснаго бостонскаго карабина.

Двѣ другія рожи гнались за нами. Я выстрѣлилъ, но далъ промахъ.

Приходилось дряться рукопашно, одинъ-на-одинъ. Прислонившись къ дереву, я ожидалъ противника съ *service-knife* (особаго рода ножъ) въ рукахъ. Этимъ оружіемъ каждый родившійся въ Америкѣ можетъ владѣть хоть-куда.

Вдругъ слышимъ лай собакъ и быстрые чьи-то шаги въ застѣнкахъ. Четыре огромные бульдога изъ той извѣстной каждому породы, которая съ-молоду приучена нападать на черныхъ (эта наука далась бульдогамъ еще въ эпоху испанскихъ завоеваній), стремглавъ кинулись на нашихъ непріятелей. Одинъ изъ нихъ, порасторопнѣе своего товарища, *мигомъ* вскарабкался на дерево, а другой—другой также *лигомъ*—былъ разорванъ въ куски.

— Тауо! тауо! раздался голосъ челоуѣка, слѣдовавшаго за собаками издала, верхомъ на лошади. При свѣтѣ луны черты этого незнакомаго ласно передъ нами обрисовались.

Это лицо было любопытное. Оно имѣло на себѣ желтыя туфли, на туфляхъ шпоры, мандолину за плечами, шагу на боку, широкій плащъ, кафтанъ вышитый à la Figaro, шляпу изъ рисовой соломы, острокопечную, какъ колокольня, и поля которой были больше четырехъ футовъ въ диаметрѣ; имѣло оно также при себѣ два пистолета за поясомъ и большую пяку.

Это былъ такъ называемый *гуахино* (*guajiro*), иначе *мызникъ*—кавалеръ—плататоръ—трубадуръ кубанскій,—изъ породы такихъ людей, которые рѣдко встрѣчаются, и потому занимаютъ насъ своею оригинальностью.

Всадникъ подозвалъ своихъ собакъ, прицѣлился въ негра, который былъ на деревѣ, хладнокровно сбиль его оттуда мертваго, будто-бы дѣло шло объ какой-нибудь хищной птицѣ, и, подбѣжавъ, съ презрѣніемъ оттолкнувъ пикой оба трупа.

Тутъ приблизился онъ къ намъ, привѣтствовала насъ какъ *кавалероу* (*kaballeros*), и предложилъ съ вершины своего величія, то есть, своего коня, самымъ учтивымъ образомъ ужинъ и ночлегъ подъ кровлею своей мызы.

Донъ-Гиль Пересъ де-ла-Мескуа (всѣ Испанцы считаютъ себя дворянами) зналъ тысячу пѣсень, самъ сочинялъ ихъ, и когда мы слушали ихъ внимательно, онъ обращался съ нами еще съ большимъ радушіемъ.

Узнавъ нашу исторію, черезъ три дня сказалъ онъ намъ:

— Кавалеры! я совѣтую вамъ какъ можно скорѣе отправиться къ какому-нибудь сосѣднему порту, а оттуда въ Юкатанъ или въ Новый-Орлеанъ: это ужъ ваше дѣло. Мы, Испанцы, не любимъ, чтобы надъ нами потѣшались, и губернаторъ непременно затѣветъ съ вами процессъ, если узнаетъ, что вы, просто, одурачивъ его, получили *salvo-conducto*. Хотите? я вамъ дамъ всѣ нужныя для васъ свѣдѣнія, а пожалуй даже и провожу васъ до Санто-Спириту. Жаль мнѣ будетъ, какъ повезутъ такихъ молодцовъ *кавалероу* въ тюрьму Моро.

Добрый *гуахино* былъ правъ; жена его, Мануэлиа, ужасно дурная собою, скажемъ мимоходомъ, но ужъ мастерица стряпать, совершенно согласна была съ мнѣніемъ мужа.

Да въ томъ дѣло: уѣхать съ Кубы, не взглянувъ даже на Серафиту, это мнѣ казалось невозможнымъ! А однакожъ оба мы чудесно понимали, что затѣхали не въ свободныя зѣмли Соединенныхъ Штатовъ; Моро крѣпко устрашало насъ. Пересъ не только въ точности начертилъ намъ на бумагѣ дорогу, которая приведетъ насъ въ Санто-Спириту, но далъ намъ еще разныхъ съѣстныхъ припасовъ, сухихъ, въ сахарѣ, плодовъ, порцію отличнаго рома, поджаренныхъ банановъ и соленой говядины; мало того, онъ предложилъ намъ даже денегъ въ займы, и напутствовалъ насъ словами: «отправляйтесь съ Богомъ!» Эти слова, при отъѣздѣ гостей, произносятся только въ Россіи да въ Испаніи.

Уѣхали мы отъ нашего добраго *гуахино*; а сколько приключе-

лій предстояло еще намъ! Благодаря вѣтренности О'Нейла, черезъ два дня положеніе наше сдѣлалось еще опаснѣе.

Слѣдую вѣрнымъ и акуратнымъ указаніямъ Гилл-Переса и проведя превосходную звѣздную ночь, не думая рѣшительно, что ожидало насъ вперед, пріѣхали мы позавтракать, такъ, около полудня, у подошвы небольшого холма, украшеннаго большими, можно сказать, исполинскими цвѣтами, съ такими вѣтчиками, которые, просто, можно назвать урнами.

Вдругъ сначала двѣ, а потомъ еще три лошади, съ одѣтыми европейски всадниками, пробѣжали мимо насъ въ саванну. Однакожь пробѣжие насъ замѣтили.

Тотъ, который казался старшимъ между ними, повернулъ лошадь къ намъ. Мы встали, и разговоръ, завязавшійся между нами на англійскомъ языкѣ, доказалъ намъ, что мы наткнулись на того самаго человѣка, котораго избѣгали, какъ демона. Этотъ всадникъ былъ именно консулъ съверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ!

Довольно небрежный къ своимъ обязанностямъ, онъ предавался удовольствіямъ охоты въ странѣ мало посѣщаемой. Онъ спросилъ насъ, что мы за люди?

Богъ ужъ одинъ знаетъ, чего ни паговорилъ ему О'Нейлъ о своемъ отцѣ, одномъ изъ самыхъ богатыхъ плантаторовъ въ штатѣ Теннесси; о дядѣ своемъ, членѣ конгресса; о своихъ помѣстьяхъ съ мѣднымъ рудникомъ близъ озера Мичигана. Никогда, какется, ирландское воображеніе не разыгрывалось до такой степени.

Наконецъ, мы нѣсколько успокоились тѣмъ, что Джедедіа Джибсонъ очевидно не получилъ нашихъ писемъ (я забылъ сказать, что такъ назывался нашъ консулъ); не былъ двѣ недѣли въ Гаваннѣ, и наконецъ, въ совершенномъ незнаніи о томъ, что насъ касается, и намѣреваясь возвратиться къ своему посту не раньше какъ чрезъ недѣлю, онъ не могъ сдѣлать намъ никакого вреда.

Этотъ Джедедіа Джибсонъ, консулъ не совсѣмъ исправный, но очень богатый, имѣлъ долю въ доходахъ одного изъ главнѣйшихъ банкирскихъ домовъ въ Новомъ-Орлеанѣ, то есть, по тамошнему выраженію, былъ sleeping partner «спящій участникъ», и съ тѣмъ вмѣстѣ пополамъ съ кѣмъ-то владѣлъ превосходнымъ заводомъ близъ Бостона.

Все это знали мы твердо, и злодѣй О'Нейлъ вздумалъ передъ консуломъ пошутить надъ его предпріятіями и прозонтами. Товарищу моему показалось это очень забавнымъ и остроумнымъ, а Джедедіа обидѣлся.

Какъ нашъ соотечественникъ, Джедедіа, узнавшій уже отъ насъ, что мы отправляемся въ Санто-Спириту, какъ ему на-

вралъ О'Нейлъ, къ нашему дядѣ, не-смотря на свое неудовольствіе, приказалъ двумъ человѣкамъ сойти съ лошадей и попросилъ насъ взять ихъ въ свое распоряженіе до пріѣзда въ самый городъ.

Такое обязательное предложеніе тронуло бы сердце О'Нейла, еслибъ сердце Ирландца-Американца было хоть сколько нибудь чувствительно. Джедедіа никакъ не могъ полюбить О'Нейлу, за то, что онъ былъ самый ревностный анабаптистъ. О'Нейлъ рѣшительно и глубоко ненавидѣлъ эту секту.

Эта ненависть учетверилась, когда Джедедіа Джибсонъ принялся дорогою рассказывать намъ безконечныя поученія на счетъ необходимости втораго крещенія и возобновленія черезъ то души христіанина.

О'Нейлу все это ужасно надоѣло, и онъ завелъ разговоръ о банкѣ, торговлѣ, хлопчатобумажныхъ плаватіяхъ, заводахъ, процентахъ и проч. и проч.

Принявъ наконецъ самый невпный и откровенный видъ, онъ сказалъ: «Кстати, несчастные случаи по торговлѣ безпрестанно повторяются въ Соединенныхъ-Штатахъ. Солемскій банкъ отложился до времени выдачу денегъ; въ Орлеанѣ торговый домъ Тримбека и комп. (тотъ самый, которому Джибсонъ довѣрилъ свои деньги) совершенно разорился; цѣлый городъ Копенгагенъ, въ штатѣ Миссури, выгорѣлъ; случился также страшный пожаръ около Бостона; прекрасные заводы Габбакука, Симкока и комп. (а компанія эта была самъ Джибсонъ) все обратились въ пепелъ.

Джедедіа, во все время этого разказа, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, самымъ страшнымъ образомъ. Наконецъ судорожно сжалъ онъ поводья своей лошади.

— Что вы говорите?... воскликнулъ онъ съ какимъ-то бормотаніемъ про себя.... Гдѣ-жъ вы это видѣли?... Кто вамъ сказалъ?... Повторите, пожалуйста!...

О'Нейлъ, нисколько не останавливаясь, принялся рассказывать все, что пришло ему въ голову, и болталъ онъ очень ловко и отчетливо; бѣдному Джибсону привелъ онъ въ доказательство своихъ словъ показанія журналовъ, названія ихъ и нумеръ, все обстоятельство пожаровъ, количество потери владѣльцевъ; а во всемъ этомъ не было ни слова правды.

— Господа! вскрикнулъ Джедедіа замирающимъ голосомъ: я во всю прыть скачу въ Гаванну. Тамъ у меня важнѣйшія дѣла.... Возьмите себѣ моего негра Юліяно: онъ приведетъ домой моихъ лошадей. Извините, что такъ внезапно я васъ покидаю. Прощайте!

И онъ что было мочи возилъ свои шпоры въ бедра несчастной

лошади; а свита его, пѣмая отъ удивленія, что это съ нимъ стало, слѣдовала за нимъ, не поспѣвая догнать однакожь.

Негръ Юліано слѣдовалъ за нами. Я не зналъ, умѣеть-ли онъ говорить, или, по крайней мѣрѣ, понимаетъ ли по-англійски, и потому сохранялъ молчаніе; но пронычскій взглядъ моего спутника безпрестанно встрѣчался съ моимъ укоризненнымъ взоромъ. Этотъ безмолвный разговоръ длился довольно долго, пока не былъ прерванъ внезапно восклицаніемъ О'Нейля:

— Ахъ, вотъ досада!

— Что такое?

— Я оставилъ свой патронташъ у гуахиرو!

— Патронташъ! воскликнулъ я въ свою очередь съ удивленіемъ. Я зналъ, что у товарища моего не было никакого патронташа.

О'Нейль слѣлалъ мнѣ знакъ, и, обратясь къ негру Юліано, сказалъ:

— Два доллера тебѣ на водку, если ты найдешь мнѣ у Дона-Гіля Переса *гуахиро*, близъ Ріо Норте, патронташъ изъ краснаго сафьяна. Тамъ въ кошелькѣ восемьдесятъ доллеровъ. Этотъ патронташъ забылъ я на столѣ въ моей комнатѣ. А когда найдешь, приходи къ Гиліу Петеру О'Нейлю: тамъ получишь награду. Онъ живетъ въ Санто-Спириту. Ты его знаешь?

— Какъ не знать этого гуахиро? отвѣчалъ негръ. Будьте спокойны.—И, оборотивъ лошадь назадъ, онъ поскакалъ что есть мочи, почти такъ же быстро, какъ его почтенный господинъ.

Лишь только утихъ топотъ копытъ коня, на которомъ мчался одураченный Юліано, О'Нейль расхохотался какъ сумасшедшій.

— Ну, что такое ты надѣлалъ! Къ чему мы теперь приступимъ?

— Разумѣется что: ѣхать въ Санто-Спириту какъ можно поспѣшнѣе: тамъ, какъ сказалъ намъ Джедедіа, стоитъ, на якорѣ американскій бригъ, который можетъ отвезти насъ домой.

— Славное путешествіе!

— А тебѣ лучше хочется издохнуть въ темницѣ губернатора?

— А Серафита?

— А мой дядя, со вздохомъ прибавилъ О'Нейль.

— Какъ бы то ни было, поторопимся!

— Если такъ, не дремать! Если Джедедіа найдетъ насъ, да еще пожалуй и съ губернаторомъ, не одобровать намъ. Джедедіа такой гордецъ, какъ....

— Какъ Испанецъ....

— И мстителенъ....

— Какъ ханжа....

— Поторопимся же! Чуръ насъ!....

— А лошади?

— Мы оставимъ ихъ въ первой *посадѣ* (гостиницѣ); Юліано найдетъ ихъ тамъ цѣлыми и здоровыми.

Но Провидѣніе судило иначе: поднялась престрашная буря; но, виновать, это было, такъ сказать, только ея начало, которое ставило насъ то въ трагическое, то въ комическое положеніе.

Буря въ Гаваннѣ не есть обыкновенная буря. Это ужъ не кратковременный гнѣвъ стихій: тутъ ждешь какъ-бы разрушенія природы. Вѣтеръ несетъ насъ съ цѣлыми баобабамъ и пальмами; проливной дождь кажется волнующимся моремъ, которому нѣтъ средствъ противиться. Счастливъ, кто можетъ найти убѣжище! Мы поспѣшили повернуть на узкую дорогу, ведущую къ большой долинѣ, защищенной съ обѣихъ сторонъ крутыми, лѣсистыми скалами, и слѣдовательно мало доступной порывамъ вѣтра. Небо было въ огнѣ. Лошади наши дрожали отъ ужаса.

— Куда ѣдемъ мы? спросилъ я О'Нейля.

— Да я бы васъ хотѣлъ спросить объ этомъ: куда будетъ можно и куда захотятъ наши лошади.

Быстрый источникъ протекалъ вдоль одной перпендикулярной скалы, которая составляла какъ-бы стѣну, поставленную нарочно для защиты нашей.

Мы держались источника и стѣны этой; между тѣмъ громъ безпрестанно разражался надъ вершинами скалъ.

Проѣхавъ такимъ образомъ, при неутихавшей бурѣ, около пяти часовъ, промокшіе до костей и измученные голодомъ, мы замѣтили съ правой стороны, внизу одной скалы, спускающейся въ мрачную глубину, маленький огонекъ.

— Здѣсь есть жилище! сказалъ я О'Нейлю.

— Ба! да это тѣ огромныя васкомья, которые носятъ съ собою свои фонари и которыя такъ обыкновенны въ этой странѣ.

— Не можетъ быть: огонь совершенно неподвиженъ. Повернемъ въ эту сторону.

— Я не вижу дороги, а молніи слишкомъ быстры, чтобъ освѣщать намъ ее. Мой совѣтъ: выбрать какое-нибудь углубленіе скалы и ждать въ немъ утра.

Въ самомъ дѣлѣ настала ночь, и мы совершенно потерялись во мракѣ. Огонекъ все еще блисталъ вдаль, но какъ-будто дразилъ насъ. Лошади, побѣжденные усталостью и дрожавшія всѣмъ тѣломъ, не двигались съ мѣста.

Мы какъ можно плотнѣе закутали въ наши плащи, и прислонясь къ обрыву скалы, по колѣно въ водѣ, уже не думали ни о грохотѣ грома, ни о молніи. Никогда ночь не казалась мнѣ такой долгою. Первые проблески дня, омраченные бурей, еще не укротившейся,

доказали намъ, что я не ошибся: мы примѣтили въ полумиліи отъ насъ, въ углубленіи одной скалы, что-то въ родѣ шалаша, очень бѣдной наружности. Садясь на лошадей Джедедіи, О'Нейлъ дрожалъ въ лихорадкѣ; я помогъ ему; но онъ едва держался на лошади.

Наконецъ мы подъѣхали къ шалашу. Въ немъ жилъ *вольный* негръ съ своей женой. Этого рода негры суть бѣднѣйшіе изъ всѣхъ племенъ. Эти бѣдные люди не только хорошо насъ приняли, но Флора, негритянка, которая, какъ многія старыя женщины, имѣла притязаніе на медицину, ходила за О'Нейлемъ съ материнскою заботливостью. Она въ этомъ была довольно свѣдуща; поила моего товарища травами, неизвѣстными Европѣ, которые вылечили его въ пять дней; но онъ былъ еще очень слабъ, и потому вино ему было необходимо для подкрѣпленія силъ; а такъ какъ запасы наши были истощены, то негръ, мужъ ея, отправился въ ближнее селеніе, чтобы достать немного вина.

Но извѣстия, которыя онъ принесъ изъ селенія, были неутѣшительны.—Два *caritanes a partide*, говорилъ онъ, отыскиваютъ двухъ преступниковъ, Англо-Американцевъ, которые украли лошадей, ускользнули отъ законовъ карантинна, и въ которыхъ подозрѣвали англійскихъ шпионовъ въ сношеніяхъ съ непріятелями Соединенныхъ-Штатовъ. За доставленіе ихъ въ Гаванну «мертвыми или живыми» предлагали въ награду сто долларовъ.—Эти преступники были мы сами, а рассказчикъ хозяишъ и не подозрѣвалъ ихъ въ гостяхъ своихъ.

— Не довѣряйтесь никому, сеньоры, говорилъ онъ. Здѣсь есть люди, у которыхъ бѣлая кожа, а черное сердце. Что же касается до меня и моей жены, вы можете быть спокойны.

Бѣднякъ говорилъ правду. Намъ печего было бояться его безкорыстной правдивости. Въ продолженіе восьми дней, необходимыхъ для совершеннаго выздоровленія моего товарища, мы скрывались въ хижинѣ Юхилиа; и, давши ему двадцать долларовъ, которые для него стоили тысячи червонныхъ, мы отправились, не зная, куда ѣдемъ, съ одной цѣлью: избѣгнуть жилища, и, достигнувъ морскаго берега, найти, можетъ быть, спасительное судно.

Саванны, на которыхъ мы находились, представляли изобильную пищу лошадямъ нашимъ, которыхъ мы были незаконными владѣльцами, и которыхъ, если намъ посчастливится попасть на судно, мы предполагали отослать съ учтивостью къ Джедедіи Жибсону, настоящему владѣльцу ихъ.

Вотъ беззаботность юности: пустившись одни, безъ всякаго провожатаго, въ эти плодоносныя и необитаемыя степи, мы оба были очень мало расположены къ задумчивости. Однакожъ наше

положеніе было не слишкомъ хорошо. Какъ спастись и что начать? Мы затрупили тщеславіе губернатора острова и лишили Американца его любимыхъ животныхъ. Насъ искали, и головы наши были оцѣнены. Сдѣлать двумъ могущественнымъ вельможамъ такую обиду, которой они не простятъ никогда, было преступленіе, достойное казни. Мы были иностранцы, молоды, безъ славы, безъ денегъ, безъ друзей, и мы не знали даже ландкарты той страны, въ которую вступили.

Однимъ словомъ, здѣсь дѣло шло о свободѣ и жизни нашей; а все изъ дѣтской и смѣшной проказы, которую угодно было сдѣлать моему другу Ирландцу для забавы и какихъ-то вздорныхъ плановъ, которые онъ себѣ выдумалъ.

Мы не находили никакихъ средствъ выпутаться изъ этого, и я не знаю ничего глупѣе, какъ стараться побѣждать судьбу, бороться съ явными фактами и чистой необходимостью. И такъ мы предались тому, что Богу угодно будетъ съ нами сдѣлать.

Въ-теченіе трехъ дней мы блуждали тамъ и сямъ, встрѣчая только невинныхъ игуановъ, хотя фигуры ихъ походили на крокодила; употребляя въ питье воду источниковъ и питаясь плодами банановъ, охотясь за паломбами и агуги, мы вели жизнь совершенно первобытную и патриархальную, и не находили ея непріятной. Наши лошади оправались. Мы все ѣхали на востокъ, направляясь такимъ образомъ къ мысу острова, въ надеждѣ найти тамъ какое-нибудь средство къ спасенію. Ни одно человѣческое существо не показалось намъ въ-продолженіе этихъ трехъ дней. Но вотъ удивительно, что такія обширныя и плодоносныя пространства земли лишены обитателей, тогда какъ европейскія области, почти безплодныя, недостаточны для прокормленія огромнаго народонаселенія.

Скоро видъ мѣстъ измѣнился: растительность являлась болѣе тощей, пожелтѣлой, менѣе здоровой, и наконецъ, совсѣмъ пропала; источниковъ не стало; кое-гдѣ показывался дернъ; наконецъ мы достигли скалъ, перемѣшанныхъ безпорядочно съ песчаными пространствами, безъ всякаго жилья.

Намъ и лошадямъ вода была необходима. Мы измѣнили направленіе свое въ-право, и къ вечеру четвертаго дня наконецъ открыли небольшую плантацію на берегу болотистой бухточки. Первые негры, которые насъ замѣтили, безъ всякой просьбы нашей, принесли намъ банановъ, апельсиновъ, воды и рому. Такое гостепріимство тамъ общее и обыкновенное. Хозяишъ ихъ, очень бѣдный Испанецъ, дощъ Уругубіо-и-Санаасаръ, велъ торговлю сахаромъ съ островомъ Св. Троицы; и я сужу, по

расположенію мѣсть, что онъ присоединялъ къ обыкновенной своей торговлѣ немного контрабанды. Негры сообщили намъ о прибытіи принадлежащей ему большой барки на парусахъ, и приглашали насъ въ свои жилища; но товарищъ мой отказался отъ приглашенія.

— Гдѣ-же будемъ ночевать мы? спросилъ я его.

— Гдѣ? въ парусномъ суднѣ дона Санасара.

— Надо его отыскать.

— Мы сейчасъ это сдѣлаемъ. Взойдемъ на берегъ бухточки и отправимся на суднѣ. Мы то же съ тобою вѣдь моряки. Наши лошади останутся привязанными на берегу, и эта награда покажется достаточной шкиперу; и такъ мы спасены.

Въ самомъ дѣлѣ это средство было для насъ наилучшимъ; въ глупыхъ обстоятельствахъ дуракъ дѣлается мудрецомъ.

Пройдя съ четверть часа, держа за узды своихъ лошадей, мы увидѣли судно, которое разгружалъ негръ съ своимъ ребенкомъ.

Ночь приближалась, и работники какъ можно спѣшили кончить свое дѣло; они привязали какъ можно тщательнѣе эту барку и, повѣсивъ на шесть два огромные узла, котораго одинъ ковецъ лежалъ на плечѣ у ребенка а другой поддерживался негромъ, отправились такимъ образомъ къ шаламамъ своимъ.

Что же касается до насъ, то намъ было очень трудно оставаться спокойнымъ. Шалаши были такъ близко отъ насъ, что намъ слышенъ былъ крикъ дѣтей. Мы наполнили водой наши тыквенныя бутылки, и собрали столько плодовъ, сколько могли найти на соседнихъ деревьяхъ.

О'Нейлъ привязалъ лошадей къ рожковому дереву, и покуда я укладывалъ провизію, онъ осмотрѣлъ шляпку, помѣстивъ туда запасы и оружіе наше, т. е. все, что мы имѣли, пустившись въ море испытывать судьбу.

Около девяти часовъ вечера мы подняли маленькій якорь, и я взялся за весла. О'Нейлъ, который былъ слабѣе меня, заснулъ на связкѣ веревокъ; мнѣ же нежеліи въ часъ лодка наша переправилась за гавань, и мы очутились въ открытомъ морѣ.

Я разбудилъ моего товарища, чтобъ онъ помогъ намъ натянуть паруса, которые были совершенно исправны. Мы отправились къ востоку, и какъ можно старались удалиться отъ плантацій. Ночь была прекрасная, хотя и безъ луны. Свѣжій сѣверозападный вѣтеръ помогалъ намъ и мы не болѣе какъ часа черезъ два увидѣли платанерп, уже за двѣ мили отъ насъ, которые прекрасно рисовались на синемъ горизонтѣ неба.

Уведенное нами судно имѣло двадцать два фута длины, два

паруса и два весла. Бочку золы и угольевъ, топоръ, ножикъ, оловянный стаканъ и маленький запертый сундучекъ, вотъ все, что мы нашли въ немъ. Все же положеніе наше улучшилось; еслибъ намъ удалось обвѣхать берегъ безъ несчастныхъ случаевъ, и постоянно держась востока, мы бы непременно достигли Ямайки, гдѣ мы, по крайней мѣрѣ, были бы безопасны отъ американскаго консула и губернатора Кубы; только у насъ не доставало провизіи, да и воды ужъ становилось мало.

Плаваніе наше шло довольно удачно. Вечеромъ мы причалили къ одному маленькому заливу, на берегу котораго паслось множество скота. Мы вышли на берегъ вооруженные нашими ружьями, и вскорѣ услышали обыкновенный для нашихъ ушей привѣтъ Испанцевъ:

«Богъ да благословитъ васъ, иностранцы!»

Человѣкъ привѣтствовавшій насъ такимъ образомъ, былъ монтеро очень доброй наружности.

Мы спросили его, не можетъ ли онъ доставить намъ провизію, въ которой мы нуждаемся.

Онъ принялъ насъ за контрабандистовъ, пришедшихъ съ Ямайки, многочисленныхъ героев на островѣ Кубы, и проводилъ насъ въ свое жилище, гдѣ мы и провели ночь. На другой день онъ навьючилъ на свою лошадь и двухъ муловъ, два огромные кувшина съ водой, тридцать кокосовыхъ орѣховъ, два копченыхъ окорока, сто апельсиновъ и банановъ, восемь или десять фунтовъ сушеной и копченой говядины, и двѣнадцать хлѣбовъ, каждый по четыре фунта; все это онъ продалъ намъ очень дешево и не взялъ ничего за ночлегъ.

Проводить насъ до нашей барки, онъ торжественно пожелалъ намъ счастливаго пути, и напѣвая пѣсенку, воротился къ своему дикому жилищу, гдѣ онъ, удаленный отъ всѣхъ центровъ цивилизаціи, жилъ, безъ сомнѣнія, довольнѣе богатыхъ капиталистовъ большихъ городовъ.

Мы выѣхали въ море. Вѣтеръ перемѣнился. Сильный сѣверный вѣтеръ подымалъ волны, барка наполнялась водой, мы едва успѣвали выливать ее, и совершенно потеряли изъ виду берегъ; наконецъ мы не въ силахъ были болѣе управлять нашимъ судномъ. Провизія наша была промочена; хлѣбы наши превратились въ кашу, и такимъ образомъ мы цѣлый день провели въ бесполезной борьбѣ. Мы могли только продолжать путь нашъ, слѣдуя вѣтру, покоряясь волнамъ, опасностямъ моря, и довѣряясь только судьбѣ.

Къ вечеру, мы замѣтили передъ нами огромную стѣну изъ бу-

рувовъ, достигавшихъ почти облаковъ, и бѣлыя, кипящія вершины которыхъ грозили намъ близкой опасностію.

Судно наше увлекаемое быстриною, несло насъ прямо на эти страшные валы. Безсильные остановить наше гибельное стремление, мы ждали смерти, какъ вдругъ мы увидѣли себя посреди архипелага, загроможденнаго скалами, островками, усѣяннаго водяными цѣвтами, черепахами и песчаными меллими. Пѣна клубилась, волны срывали паруса, и мы уже совершенно не знали, гдѣ находимся.

Вдругъ барка понеслась еще скорѣе, проскользнула въ узкое отверстіе, котораго мы сначала не замѣтили, и очутилась между отвѣсными стѣнами двухъ скалъ, куда едва проникалъ свѣтъ.

Этотъ страшный проходъ, очень мрачный и грозный, былъ между тѣмъ нашимъ спасеніемъ.

Войдя въ него съ быстротою, не уступавшей паровой машинѣ, мы почувствовали, что ходъ нашей барки сталъ медленнѣе. Случай и быстрота заставили насъ къ нашему счастью, проникнуть во внутреннее озеро, которое имѣло много оборотовъ, но входъ въ него былъ только одинъ этотъ. Озеро это было усѣяно зеленѣющими островками и окаймлено или лучше сказать увѣчано высокими лѣсами и какъ будто пряталось въ лошѣ ихъ. Навѣрное, судьба помогаетъ взбалмошнымъ и любовникамъ. Еще разъ мы были спасены.

— «Право, мнѣ кажется, мы въ пристани! вскричалъ О'Нейлъ, развертывая парусъ: кто бы догадался, что за узкимъ мысомъ Кабаллоналъ находится озеро.

— «Буканьеры, догадались объ этомъ, отвѣчалъ я, и вотъ доказательства; они сдѣлали изъ этого мѣста центръ своихъ зачатій: вотъ, на песчаномъ берегу, канаты, доски, и даже заржавленный якорь.

— «Завтра утромъ я это увижу. Прежде всего пристанемъ къ берегу; я выбился изъ силъ.

Неспособные ни тотъ, ни другой къ новымъ усиліямъ, мы вышли на берегъ, и, тщательно привязавъ барку хотя и не имѣвшую богатаго груза, мы удалились отъ берега, и закутавшись хорошенько, легли и въ минуту заснули глубокимъ сномъ.

Назавтра, вѣтеръ буживалъ еще съ болѣею силою; мы вычистили наши оружія и привели ихъ въ порядокъ, и послѣ скуднаго завтрака, снова поблагодарили неожиданное убѣжище, въ которомъ находились. Бассейнъ озера, глубоко сжатый въ своихъ берегахъ, поднимавшихся на восемь или двѣнадцать футовъ надъ водой, представлялъ однакожъ легчайшій доступъ и плоскую и песчаную пристань.

Въ бассейнѣ озера, съ крутыми и высокими берегами, которые возвышались на десять или на двѣнадцать футовъ надъ поверхностью воды, попасть казалось было легче. Замѣчу еще — берега озера были плоски, песчаны, и по мѣстамъ красовались зеленью. Островки на немъ, всѣ вулканическаго происхожденія, придавали пейзажу самый разнообразный видъ.

Влѣво, въ тридцати почти саженяхъ отъ бассейна, почва возвышалась болѣе и болѣе; за тѣмъ слѣдовалъ оврагъ, крутой, будто обрубленный, а въ концѣ его была гладкая площадка, увѣчанная великолѣпными бананами.

Взобравшись на нашу обсерваторію было намъ трудненько, но усилія наши были вознаграждены тѣмъ, что увидѣли мы едва ли не великолѣпнѣйшее въ цѣлой Кубѣ зрѣлище.

Открытое море простиралось до горизонта; между нимъ и нами разстлалась тысяча тысячъ подводныхъ камней или, лучше сказать, порядочной высоты скалъ, возвышавшихся по мѣстамъ на двѣсти футовъ надъ бѣлою пѣною, которая разсыпалась у ихъ подошвы. Скалы эти были точно стѣны, твердыя, но уже уступившія напору волнъ, стѣны изранные.

Множество корабельныхъ обломковъ, досокъ, снастей и даже пушекъ, какимъ то образомъ попавшихъ въ амбразуры скалъ, доказывали, что въ этихъ мѣстахъ случалось много интереснаго и много несчастій. И все это происходило съ незапамятныхъ временъ.

Для морскихъ разбойниковъ лучше этого убѣжища нельзя было желать. Съ того пункта, гдѣ мы стояли, легко было обозрѣть все доступное глазу пространство моря, а заливчикъ куда, мы попали, представлялъ буканьерамъ вѣрное убѣжище послѣ счастливой или несчастливой экспедиціи.

Наконецъ сошли мы съ возвышенія, просушили нашу провизію, а потомъ, вытаскивъ наше судно на берегъ и тоже просушивъ на солнцѣ, сѣли въ нашъ водяной экипажъ и отправились странствовать по озеру.

Во многихъ гротахъ или пещерахъ, во многихъ даже ущелинахъ, ржавыя пушки небольшого калибра, снасти, обломки мачтъ, подтвердившіе наканунѣ выраженное мною мнѣніе.

Эти мѣста были, безъ всякаго сомнѣнія, притономъ буканьеровъ.

Въ самой дали залива, такъ примѣрно на десять тоазовъ (саженей) отъ берега озера, полузакрытаго отъ взора огромными и густыми деревьями, замѣтили мы что-то похожее на жилье. Не было, ни дыма изъ трубы его, не слышно было никакого шума

никакого движенія, словомъ, ничего такого, что бы могло обнаружить въ этомъ жильѣ присутствіе человѣка.

Не смотря на это, все-таки зарядили мы наши ружья и съ большими предосторожностями ступили на берегъ.

Киль какой-то шлюпки прикрывалъ небольшую хижину, болѣе длинную, нежели широкую, и сколоченную изъ барочныхъ досокъ; крыльцо состояло изъ пробитаго насквозь барочнаго дна съ боками.

Все это обвалилось, разрушилось, полу-отпавшая дверь лежала къ намъ низомъ; мы оттолкнули ее, и что же? удивленіе наше было невыразимо! Мы нашли довольно удобную, даже хорошенькую комнатку съ двумя окнами, выходившими въ садъ, разсаженный на англійскій манеръ.

Краснаго дерева кресла и стулья, столы съ богатыми, но уже полустлѣвшими ковриками, лампа американской фабрикаціи, привѣшенная мѣдною цѣною къ потолку, диваны, покрытые пунцовымъ, почти совсѣмъ истертымъ бархатомъ, и бюстъ Наполеона на таблѣткѣ, съ которой развѣтывалась большая ландкарта (а на таблѣткѣ было большое венеціанское зеркало) возвѣщало намъ, что много времени прошло съ того времени, какъ пираты оставили свой пріютъ.

Довольно узкая лѣстница, устроенная въ углубленіи комнаты, вела въ верхній этажъ, а потомъ спускалась въ подвалы.

Мы стали кричать. Ни души не было. Я выстрѣлилъ въ окошко; горное эхо отвѣчало моему выстрѣлу десятью разными манерами, и тѣмъ дѣло кончилось.

Верхній этажъ, куда поднялись мы, похожъ былъ на спальню или кабинетъ. Вся мебель этого этажа состояла изъ низкой кровати, нѣсколькихъ хозяйственныхъ приборовъ, нѣсколькихъ матрацовъ на полу, и двухъ или трехъ соломенныхъ стульевъ. Штукъ пять матросскихъ чемодановъ уложены были въ углу; замки ихъ были покрыты ржавчиной, и мы какъ-разъ сломали ихъ.

Тамъ, въ этихъ чемоданахъ, нашли мы поношенное бѣлье, оборванную одежду моряковъ и нѣсколько испанскихъ и французскихъ книгъ, между прочимъ: *Vida de Santa Teresa* и *Histoire des boucaniers et flibustiers*. Края и ветавные, бѣлые листы послѣдняго сочиненія, испещрены были рукописными замѣтками, въ родѣ слѣдующихъ. Я передаю ихъ буквально.

«14 февраля 1809 года потонулъ глупецъ Мартинесъ.—8 апрѣля 1809, погибла «Сильфида».—Въ сентябрѣ 1811 года найденъ старій вертепъ буханьеровъ.» Показанія были довольно точны, и мы не могли въ нихъ сомнѣваться.

Въ настоящее время берега озера имѣютъ уже обитателей. Одинъ Гаваецъ, графъ де-Вильяморе, устроилъ на берегу прекрасную ферму и завелъ превосходныхъ домашнихъ животныхъ для приплода. Находясь между скалами *Voca Grande* и *Voca de Caballones*, эта ферма справа и слѣва прикрывается ихъ вершинами: она рѣшительно потонула въ волнахъ земли. Здѣсь красуются и бананы и пальмы и другія собственно Америкѣ принадлежащія деревья. Глядясь въ зеркальное озеро, они еще болѣе придаютъ ему прелести и величія.

Небольшое пространство озера и спокойствіе волнъ его составляютъ рѣзкій контрастъ съ свирѣпою наружностью черногловыхъ скалъ, стоящихъ у его входа.

Плескъ морскихъ волнъ, слышимый издалика, какъ-будто увѣряетъ путешественника, что онъ въ безопасности находясь въ этомъ убѣжищѣ, черезъ которое безпрестанно пролетаютъ со щеголомъ разныя птицы, для того чтобъ просушить крылья и успокоиться въ гнѣздѣ своемъ, свитомъ между вѣтвями дерева гаявы.

Убѣжище это было очаровательно. Тропическія птицы, маленькіе негрито или черные чижики, перьями золотисто-каричневаго цвѣта, блестящіе и разноцвѣтные попугай, сѣроватыя горлицы кружились надъ озеромъ, какъ-будто надъ животнымъ помѣстьемъ.

Здѣсь былъ истинный избытокъ жизни: ея движеніе было видно по всему. Золотистыя раковины и голубая чешуя рыбъ выдвигались рѣзко изъ водъ.

Разнообразная красоты мѣстности оцѣнили мы уже позднѣе, то есть на другой день утромъ, послѣ «успокоенія нашихъ утомленныхъ членовъ», какъ говорятъ господа поэты, и послѣ «изгнавія изъ себя голода бѣдою», по выраженію добраго Виргилія, который не отказываетъ своему герою, Энею, въ сытномъ объѣдѣ.

Къ тому, что имѣли съ собою, присоединили мы превосходныхъ устрицъ и черепахи, которая такъ и спорила съ ними о превосходствѣ. Все это было чисто королевское угощеніе. Между тѣмъ вѣтеръ стихъ, и солнце стало печь изъ всей силы.

А такъ какъ случай привелъ насъ въ хижину какихъ-то пиратовъ или буханьеровъ, куда, какъ намъ основательно казалось, эти опасныя *персоны* не скоро еще явятся, то мы расположились какъ дома, и рѣшились владѣть ихъ жилищемъ столько времени, сколько позволятъ обстоятельства.

И такъ, мы устроились какъ слѣдуетъ, и задали себѣ завтракъ хоть-куда. О'Нейлъ растянулся на софѣ и захрапѣлъ; я взялъ

два стула и расположился также довольно удобно, съ трубкой въ зубахъ, передъ испровергнутой дверью.

Положеніе мое было самое пріятное, потому что вѣтеръ доставлялъ мнѣ и прохладу и самое разнообразное благоуханіе, которымъ можно только пользоваться въ южномъ, и именно въ американскомъ климатѣ. Наконецъ бросилъ я свою трубку на полъ и заснулъ довольно крѣпко; проснувшись я увидѣлъ, что солнце уже высоко; вдругъ показалось мнѣ, будто какой-то шестая слышится въ кустарникахъ.

Вскривая! Глазамъ моимъ представилось что-то живое, но движенія его были такъ быстры, что невозможно было распознать — человѣкъ это или звѣрь; это живое существо скользнуло отъ берега къ озеру и поплыло. Пристально слѣдилъ я за непонятнымъ явленіемъ, и наконецъ тихонько разбудилъ О'Нейля.

— Это женщина! вскричалъ Ирландецъ. И дѣйствительно зоркій глазъ его не ошибся, и приключеніе становилось очень интереснымъ и стоило Канониковыхъ стиховъ.

Просто переида, напоминавшая намъ чудесные женскіе контуры Рубенса, представилась нашимъ глазамъ. Плавала она удивительно.

Мы притаились; О'Нейль нѣсколько разъ порывался показаться, но всякій разъ я удерживалъ его за руку, а Индіанка, своими ловкими и прихотливыми эволюціями на морѣ, походила на какую нибудь аристократку, которая дома полагается въ своей аршинной ваннѣ.

Найда эта, какъ намъ сдавалось, цѣлое озеро считала своею неотъемлемою собственностью; какъ-то услышала она шумъ, и съ любопытствомъ поднявши голову изъ воды, смотрѣлась кругомъ.... Профиль ея прелестный, черты тонкія и правильныя; на тѣлѣ ея не было никакихъ глупыхъ накалываній и нарѣзываній, которыми щеголяютъ дикарки и даже дикари, къ стыду ихъ.

Прямой носъ, довольно низкій лобъ, блестящіе и выразительные глаза, совершенно горизонтальныя брови, вотъ ея портретъ.

Не могу я описывать всѣ забавы молодой индѣйской наяды на водѣ, потому что она казалась истинно бронзовой флорентинской статуеткой, оживленной какимъ-нибудь чудомъ и подвижной, какъ ртуть.

Всякому будетъ ясно, до какой степени развилось наше любопытство!

Двадцать минутъ, если не болѣе, пожертвовали мы на то, чтобы слѣдовать за движеніями этого прекраснаго существа въ

прихотливой стихіи; признаться, однакожъ, и формы тѣла Индіанки обольщали насъ.

— А что, О'Нейль! вѣдь эта рыба не изъ дурныхъ породъ! Потолкуемъ-ка объ ней!

— Да, дѣло непоследнее! Ну, а что вы мнѣ предложите?

— Люди другаго пола, которыхъ, вѣроятно, довольно теперь, непременно должны быть близко насъ и встрѣтятъ насъ, какъ я предполагаю, не слишкомъ ласково: придется драться!

— Ну такъ чтожь! у насъ два ружья!

Сказавши это, мой вѣтренный Ирландецъ выскочилъ въ окошко и забормоталъ что-то съ женщиной на испанскомъ языкѣ, который зналъ нестерпимо дурно.

Она все еще плавала.

Услышавъ людскую, чужую ей рѣчь, она громко вскрикнула, и выпрела такъ, что мы могли замѣтить только борозду воды, подъ поверхностью которой плыла наша американская найда. Черезъ нѣсколько минутъ высунула она изъ волнъ свою прекрасную голову и съ самымъ робкимъ видомъ, бѣгомъ пустилась къ хижинѣ, густо прикрытой вѣтвями *манглеровъ*.

А ужъ когда и слѣдъ ея простылъ, напрасно хвалили мы ее и по-испански, и по-французски, объясняя что мы зазѣкли, что мы не сдѣлаемъ ей никакого зла и только просимъ проводить насъ подъ ея семейный кровъ.

Объщанія на счетъ платы за хлопоты расточаемы были, сколько хватило силъ, но все осталось безъ успѣха.

Купальщица оставалась нѣмою, какъ *треска*, или, поучтивѣе, какъ *рыба*. Отважный товарищъ мой подѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ мерещилась ему хижина. — Выстрѣлъ изъ ружья! — Bravo, вскричалъ О'Нейль! Эге, да изъ хорошихъ ружей! Погоди, моя красавица! — А, впрочемъ можетъ быть и изъ мужскихъ; все-таки погоди, пріятель или пріятельница, — чортъ васъ знаетъ кто! Вѣдь этакъ душу бы вышибли изъ тѣла! Хорощъ гостинецъ! Ну да и мы не отстанемъ, когда на то пошло! Впередъ!

Что же были за хозяева этой пещеры, куда молодая дѣвушка достигла вплавъ по озеру. Была ли пещера какого-нибудь мятежнаго бродяги, избѣгавшаго покорства новѣйшей цивилизаціи? Была ли эта хижина какого-либо Мексиканца съ полуострова Юкатана? Быть можетъ хозяинъ перенесъ сюда своихъ пловцовъ, такъ часто тревожимый междоусобицей или, какъ говорятъ, войной за независимость.

Пока занимались мы разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, пожаловала къ намъ гостыя — новенькая пуля; эта гостыя прибыла къ намъ ужъ не изъ пещеры, а изъ какой-то трущобы, находившей-

ся почти прямо надъ нашими головами. Пуля явилась съ наставленіемъ, чтобъ мы не долго философствовали; она очень ясно объявила намъ, что не время увлекаться превосходными формами гаванскихъ перелдъ или строить себѣ планы о блаженствѣ въ любви и единеніи.

Положеніе наше было прекрасно: насъ можно было разстрѣлять, какъ преступника привязаннаго къ столбу, а отвѣчать за угощеніе не было никакой возможности.

Во все стороны обращался я для того, чтобы открыть нашихъ враговъ; ни души небыло въ виду. Глаза мои пробѣжали по всей окружности озера; но по его лѣсистымъ берегамъ, начиная отъ Каболлонесъ до Бока-Граиде, мы нашли только пышную немовѣрно и до такой степени роскошную растительность, что глазамъ стало больно: хотѣлось бы, кажется, хоть немного пустынности, хоть немного льду или снѣгу, да къ тому прибавить не мѣшало бы еще нѣсколько темныхъ, суровыхъ съ виду пещеръ, обросшихъ мхомъ или прикрытыхъ какими-нибудь нашими сѣверными хвойными деревьями.

По всему казалось, что непріатели наши, кто бы ни были они, изъ того только бились, чтобъ мы не попали въ ихъ убѣжище, и пулями учтивымъ образомъ просили не тревожить ихъ спокойствія. Они на это время, вѣроятно, никого не принимали.

И дѣйствительно, лишь только повернули мы носъ въ другую сторону и пустились въ путь, никому ужѣ не было до насъ дѣла. О'Нейлъ, по своему обычаю, задумалъ опять не доброе: ему пришла въ голову какая-то опасность, которой и въ голову объ немъ не приходило. Втренику показалось, что непрѣменно нужно на всѣхъ парусахъ пронестись мимо той пещеры, куда скрылась наша наяда. Что же вышло? невидимки опять хватили по насъ (вѣроятно желая доказать свою неусыпную бдительность) нѣсколькими ружейными залпами: одинъ изъ нихъ прошибъ у насъ одинъ парусъ и чуть-чуть не прошибъ кетати и моей головы.

— Свѣженькій вѣтерокъ! сказалъ О'Нейлъ въ той мысли, чтобъ удержать меня отъ справедливыхъ выговоровъ за его безразсудства. Вѣтеръ, продолжалъ онъ, дуетъ съ юга. Какъ разъ будемъ на мѣстѣ!

— Развѣ ты не видишь, упрямецъ, далеко ли мы отъѣхали? Первый порывъ вѣтра утопить насъ ни за что ни про что.

— Оставимъ мысь на сѣверѣ. Островъ иззубренъ разными заливами, заливчиками, озерами, бухтами и прочая, и прочая; подумаешь, пожалуй, что это кружево съ безчисленными своими своими дырочками. Мы пристанемъ, къ какому берегу намъ за-

благоразсудится. А впрочемъ, возьми руль, если надѣнешься править лучше моего.

Случай, который всегда покровительствуетъ безумцамъ, захотѣлъ, чтобъ въ ту минуту, когда О'Нейлъ пересталъ управлять судномъ и кормило пошло въ мои руки, мы какъ то забрались въ совершенно новую для насъ мѣста озера; а туда трудно было попасть!

Водовороты то-и-дѣло относили насъ то въ ту, то въ другую сторону, и маленькое наше суденышко не знало, куда ему сунуться; оно совсѣмъ оторопѣло. Не болѣе какъ въ четверть часа, мы перешли все румбы, а вѣтеръ, просто, свѣрѣпствовалъ, ожесточался болѣе и болѣе.

Насъ отбросило далеко отъ берега: мы уже потеряли его изъ вида; полилъ сильнѣйшій дождь, тошно изъ ведра. Море хмурилось и грозило намъ болѣе и болѣе, и мой Ирландецъ, вообще не очень-то пабожливый, хотя и былъ католической вѣры, началъ усердно молиться, а ужъ это былъ дурной признакъ.

Сто противъ одного можно было держать, что наша барчонка, утлая, безпрестанно танцуетъ по цѣлымъ горамъ валовъ и валяется съ боку на бокъ по ихъ вершинкамъ, погибнетъ.

Какъ бы то ни было, что бы насъ ни ожидало, я твердо правилъ рулемъ, и послѣ двухъ ночей и послѣ двухъ дней усталости и отчаянія, мы, наконецъ, увидѣли материкъ. Море поутихло. О'Нейлъ захѣлъ что-то и отнял у меня руль, потому что я нѣсколько утомился.

Берегъ, къ которому мы пристали, имѣлъ совершенно особую фюзіюнію. Онъ похожъ былъ скорѣе на какую-то отмель, а не материкъ; деревья въ половину почти покрыты были водою; земля не было видно.

Мы пробрались въ какой-то заливъ или бухту; это мѣсто было обвѣшено густыми вѣтвями мангвировъ, которые тѣсно окружали заливъ. Лодка наша засѣла въ тину, и выбраться изъ нея было рѣшительно невозможно.

Выстрѣлы защитниковъ озера и пещеры не позволили намъ заступить водою, а между тѣмъ прѣжняя у насъ вся вышла: жажда одолевала насъ до-нельзя. Нужно было достать воды, хоть бы это стоило намъ головы.

Ступивъ на землю или, вѣрнѣе, попавши въ грязь самую черную и самую гадкую, пустились мы, куда глаза глядятъ; путь нашъ былъ самый трудный, самый утомительный, какой только можно себѣ вообразить; то нанесенный моремъ илъ доходилъ намъ до пояса, то прицѣплялись мы, какъ умѣли, къ узловатымъ сучкамъ мангвировъ; то, наконецъ, какъ змѣи, ползли мы по изви-

листы́мъ галереямъ и темнымъ аркадамъ этихъ страшныхъ деревьевъ, которыя, подобно бананамъ, растутъ свободно и произрастаютъ сами собою: они, встрѣчая на пути тунелдныя растенія всякаго рода, преобразуютъ ихъ вѣтви въ новыя корни, и образуютъ такимъ образомъ темныя лабиринты въ три или въ четыре фута вышиною.

Топорами нашими и широкими ножами прорубали мы себѣ дорогу съ немовѣрными усиліями. Попрошу, однакожь, вобразить себѣ наше положеніе; солнце вертикально сыпало на насъ свои обильные лучи; голодъ и жажда мучили насъ,

Попробовали мы жевать толстые, жесткіе листья мангвіеровъ, которые, напитанные алкали (щелочью), утоляя слабо нашъ голодъ, сильно возбуждали жажду и увеличили наши мученія.

Однакожь, какъ бы то ни было, мы подвигались къ какому-то остервенѣніемъ. Настала ночь, и міриады мускитовъ спустилась на насъ. Атмосфера была тяжелая, готовая къ бурѣ и напичанная электричествомъ.

Мы остановились, но какъ же можно было спать. Насѣкомыя то жалили, то кусали насъ, и упорно мѣшали намъ спать, будто сговорившись не давать намъ покою. Однакожь мы растянулись на грязи, которая проникала сквозь нашу одежду и леденила нашихъ члены.

Я не спалъ; не было возможности. Но грезы мои были ужасны; онѣ были слѣдствіемъ того, что Испанцы называютъ *la calentura da morte*. Мнѣ видѣлось попеременно, что я танцую на балу въ Новомъ-Орлеанѣ и что лѣзю разносить па тарелочкахъ замороженный пуншъ, прохладящую, а потомъ объявляющую. Потомъ превращалъ я себя въ мечтахъ въ гаванскаго пикадора и верхомъ на лошади стремился въ бой съ огромнымъ быкомъ, которому пріятно было повергнуть меня на землю и попробовать моею кровью.

Впрочемъ, эти видѣнія быстро исчезли и оставили меня еще въ болѣе плачевномъ состояніи.

Вошла заря, какъ водится, и мы опять принялись за дѣло. Истощенные, чуть-чуть держась на ногахъ, спотыкаясь на каждомъ шагѣ, хватаясь за сучья деревьевъ только намъ мѣшавшіе, а нисколько не предохранявшіе насъ отъ жару, съ пустымъ желудками, съ окаменѣлыми, почти парализованными членами, открыли мы наконецъ, около часа по полудни, что мангвіеры становились рѣже и рѣже, а почва измѣнялась примѣтно.

Большія деревья, и именно пальмы, позволили намъ по крайней мѣрѣ, тащиться не на четверенкахъ; высохшіе виноградные стебли обвиняли пальмы своими узловатыми отростками.

Слѣды шаговъ рисовались глубоко на влажной почвѣ, но они какъ-то путались, потому что шли то въ ту, то въ другую сторону; какъ опытные люди, мы по признакамъ дознались, что большая дикая свинья прошла здѣсь со своими порослятами. Намъ, проголодавшимся до крайности, это открытіе показалось превосходною находкою.

Мы зарядили наши ружья и больше часа брели по слѣду свиньи; онъ былъ ясенъ, потому что почва глубоко смочла отъ бывшихъ передъ тѣмъ дождей. На дорогѣ встрѣтили мы густую рошу, изъ которой выходилъ глубокой непріязненный ревъ.

Насъ было трудно запугать кому бы то ни было. Животное съ своими детенышами выбѣжало изъ своей засады съ немовѣрною быстротою и сейчасъ почувствовалъ я, что меня укусила за ногу. Мнѣ было не до того, потому что я увидѣлъ вдали маленьке озерко со стоячею водою; чтобъ достигнуть его, я бы, кажется, поджегъ цѣлый лѣсъ, и превратился въ птицу.

О Нейль выстрѣлилъ на-авось въ дикую свинью, попалъ ей въ правую ногу, и обернувши ружье, прикладомъ такъ сильно хватилъ непріятеля, что онъ замертво упалъ передъ нашими ногами, а прикладъ разлетѣлся во все стороны.

Я вознилъ мой ножъ въ брюхо побѣжденнаго и довершилъ его погубель. Семейство свиньи было не слишкомъ многочисленно. Впрочемъ поросята разбѣжались во все стороны, кто куда попало, и мы остались полными побѣдителями.

Вотъ тогда-то началась трапеза древнихъ боговъ Греціи и Рима, а если угодно, даже Индіи, Китая, Перу, и прочая, и прочая, хотя вода наша была совершенно безвкусуна, а мясо несчастной свиньи приходилось не жевать, а рвать зубами. Наконецъ, углубивши нѣсколько наши стаканы, достали мы себѣ воды получше.

А въ довершеніе, отломли мы нѣсколько древесныхъ вѣтвей и зажгли ихъ для того, чтобъ удалить мускитовъ; вымышились начисто, съ ногъ до головы (а ужъ какъ были мы испачканы и искусаны разными летучими насѣкомыми!), мы заснули такимъ сладкимъ сномъ, который возбудилъ бы зависть въ самомъ Сарданапалѣ.

Я поднялся на другое утро очень рано, около четырехъ часовъ до разсвѣта, и первымъ моимъ ощущеніемъ была боль отъ раны въ ногѣ; клыки дикой свиньи утащили изъ нея нѣсколько мяса и мускуловъ.

Кровь изъ меня такъ и текла; нужно было удержать ее, и я, обмывъ со всемъ стараніемъ рану свою, приложилъ къ ней свиного сала и обвязалъ ее старымъ платкомъ.

Все бы это ничего, но наше судно... гдѣ оно?... а наши лошади... гдѣ онѣ?... Найти лодку? Мы уже оставили объ этомъ всякое попеченіе. Я хромалъ и мнѣ рѣшительно былъ невозможенъ обратный путь по тѣмъ же лабиринтамъ, по которымъ мы притащились къ озеру.

Думали, думали, какъ тутъ быть, и рѣшили наконецъ зажарить остальные куски свиньи, закусить и держать путь на сѣверъ.

Такъ и сдѣлали. Почва была безлѣснѣе, но за то каменистѣе; мы нашли на какой-то прудъ, въ которомъ вода была совершенно теплая и котораго глубина доходила намъ до колѣна. Мы напились воды съ такою жадностью и такъ неумѣренно, что вскорѣ затрясла насъ лихорака и произошла боль въ желудкѣ.

А между тѣмъ необходимо тащиться въ даль.

Брели, брели мы весь слѣдующій день утиною поступью, и куда же добрали? Къ маленькому заливу, который напичканъ былъ аллигаторами: развертыва ихъ челюсти и плавательныя крылья, черныя и блестящія, безъ всякой церемоніи, высовывались на поверхность воды.

Сосѣди у насъ были не очень ласковые, даже безпокойные, но такъ какъ необходимо было обогнуть заливъ для того, чтобъ достигнуть лѣснаго и какъ казалось обитаемаго бережка, то мы и пустились, куда Богъ насъ ведетъ.

Съ этого бережка слышны и видны были разные предметы, обнаруживавшіе, что тутъ живутъ люди хоть скольконибудь знакомые съ образованностью: плоды на деревьяхъ висѣли не дикіе, коровы и бараны расхаживали по мягкой муравѣ; колокольчики на ихъ шеяхъ звонили очень привѣтливо; сами животныя мычали такъ радушно.

Освободиться отъ аллигаторовъ было трудно—не трудно, а хлопотливо. Мы набрали каменьевъ, и чтобъ устрашить морскихъ чудовищъ, кидали въ нихъ по два вдругъ, и между тѣмъ стегали по водѣ гибкими прутьями. Наконецъ непріятели наши скрылись. На другой берегъ озера прибыли мы утромъ, часовъ около десяти, и нашли тамъ укромное, но удобное жилище...

Какой бы опасности мы не подвергались теперь, все же не могла она сравниться съ той, отъ которой мы избѣгли. Мы предпочли строгое съ насъ взысканіе губернатора и консула голодной смерти въ какой-нибудь труппѣ или въ зубахъ хищныхъ животныхъ.

Случай привелъ насъ, какъ нарочно, къ какому-то *teniente* (старшинѣ, или лучше сказать земскому исправнику). Его звали Фернандъ Пачеко, которому наша оборванная, истерзанная оде-

жда и испаряющая рожа не внушили бы большаго довѣрія къ намъ, еслибъ *salvo conducto* не подѣйствовало на его разсудокъ.

О'Нейлъ разсказалъ ему длинную исторію объ нашемъ суднѣ, объ его крушеніи, о нашемъ морскомъ странствіи, которое украсилъ тѣмъ было силой, и кончилъ тѣмъ, что выставилъ насъ старшинѣ за натуралистовъ, изслѣдывающихъ богатства гаванской природы.

Старшина не повѣрилъ этому ни въ одномъ словѣ, но эта-то недовѣрчивость или неувѣренность его въ нашихъ словахъ и спасла насъ.

Gobernador general могъ ли, думалъ онъ, незначительнымъ людямъ, можетъ быть даже и бродягамъ, выдать драгоценный видъ, которымъ мы обладали? Живя въ самой глухой части острова, онъ и въ мысляхъ не имѣлъ, что мы какіе-нибудь американскіе шпіоны или безразсудные шалуны, и потому совершенно иначе объяснилъ себѣ, зачѣмъ мы у него и что насъ привело на островъ.

Желаніе и надежда открыть на островѣ Кубѣ золотые или серебряные рудники не оставили еще гаванскихъ властей, хотя онъ очень часто бывали обмануты въ мечтахъ своихъ; впрочемъ, эти мечты сроднились съ цѣлымъ народонаселеніемъ острова.

Есть положеніе, что каждый Испанецъ, который откроетъ золотую руду, пожалованъ будетъ въ герцоги; негръ получать будетъ шестую долю отъ всей добычи; невольникъ — десятую и освобожденіе отъ рабства; иностранецъ—третью часть всего дохода. Во всѣхъ этихъ случаяхъ правительство принимаетъ на себя всѣ издержки и всѣ работы.

Что за люди, у которыхъ есть паспортъ, подписанный самимъ генералъ-губернаторомъ? Безъ сомнѣнія, американскіе инженеры, конечно *еретики*, да, можетъ быть, поискуше въ дѣлѣ, чѣмъ веретники; они, навѣрное, посланы правительствомъ изслѣдовать какую-нибудь новооткрытую металлическую жилу и начать ея разработку. Такъ рѣшилъ догадливый старшина.

Какъ бы то ни было, таинственность, которою мы себя окружили, и важный паспортъ показывали, что мы не что-нибудь простое. Это легко убѣдило (безъ всякаго усилія съ нашей стороны) добраго старшину въ нашей значительности, и онъ осыпалъ насъ учтивостями, обѣщалъ хранить нашъ секретъ, дать солдатамъ, въ случаѣ надобности и вообще покровительство въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Можетъ быть, отъ нашихъ рукъ, думалъ онъ, потекутъ ручьи золота, а что какъ не золото источникъ всѣхъ удовольствій? Что какъ не золото

внушаетъ къ намъ уваженіе толпы и даже порядочныхъ людей?

Безпрестанные разговоры старшины о металлургіи, о золотыхъ и серебряныхъ жилахъ, которыя непремѣнно составляютъ грунтъ острова, о благоразумныхъ распоряженіяхъ губернатора касательно ихъ открытія—вразумили насъ, въ чемъ было дѣло, и разочаровывать нашего хозяина намъ не было никакой нужды.

Онъ выдалъ намъ новыя платья изъ своего гардероба, далъ убѣжище въ собственномъ домѣ, и представилъ насъ женѣ своей, молодой Испанкѣ, прехорошенькой и преглупой.

Вскорѣ получили мы позволеніе поселиться отдѣльно въ разстояніи на милю отъ его жилища, въ хижинѣ, устроенной на время изъ тонкихъ досокъ и фиговыхъ стеблей, среди скалъ, которыми усѣянъ или, можно сказать, наполненъ этотъ островъ.

Двумъ солдатамъ приказано было состоять при насъ, а намъ это было не очень-то по-душѣ; но мы надѣялись скоро избавиться отъ нашихъ часовыхъ, и переселившись въ новую избушку, съ сигарой въ зубахъ и съ молоткомъ въ рукахъ, начали мы наши металлургическія развѣдки по окрестностямъ, необходимымъ для успѣха дальѣйшихъ замысловъ.

Въ первый день принесли мы нашему старшинѣ корзинку съ обломками известняка, сланца, кварца и слюды; онъ поклонился намъ почти до земли и съ блистающими отъ радости и любопытства взорами, спросилъ:

Que es eso, señores illustrissimos? Oro o plata, sin dubio? (что это такое, почтеннѣйшіе господа, золото или серебро, безъ сомнѣнія?).

Мы отвѣчали не съ точностью, а больше съ таинственностью; и увертки наши, точно людей въ затрудненіи, утвердили старшину въ его убѣжденіи. Онъ соостряналъ намъ превосходный обѣдъ и угостилъ насъ чудесными винами.

За десертомъ, когда сердца и языки развязались, я сообщилъ старшинѣ, что конвой намъ вовсе не нуженъ, и легкое миганье нашего хозяина, показало, что онъ понимаетъ, въ чемъ дѣло. Зачѣмъ имъ, подумалъ онъ, таскать за собою солдатъ при такихъ важныхъ открытіяхъ.

Наутро мы были освобождены отъ непріятной для насъ услуги: солдаты уже не являлись больше.

Дѣло теперь состояло въ томъ, какъ ускользнуть отъ старшины, который рано или поздно долженъ же былъ узнать, что мы за звѣри?

Въ одиннадцать часовъ вечера, въ самый тотъ день, какъ отпустили солдатъ, навалили мы свой багажъ на плеча и пустились

въ путь. Въ продолженіе пятидневнаго пребыванія нашего у донъ-Фернона, мы внимательно развѣдывали о пути, намъ предстоявшемъ, и о ближайшихъ владѣтеляхъ плантацій. Одинъ изъ нихъ, богатѣйшій противъ прочихъ, былъ Французъ. Его плантація была въ десяти миляхъ отъ мызы старшины, и онъ извѣстенъ былъ повсюду, какъ человекъкъ добрый и благородный.

Мы рѣшились отправиться къ нему и объяснить ему все.

Господинъ Жербіе, Французъ съ острова Сентъ-Доминго, потерявъ и родныхъ и имѣніе при возстаніи негровъ, въ юности долженъ былъ пуститься въ морскіе разбои, и вступилъ въ извѣстную эскадру Лафитта-и-Гомеса.

Въ скоромъ времени Жербіе сдѣлался однимъ изъ самыхъ страшныхъ предводителей собраннаго имъ шайки, а потомъ главнымъ начальникомъ морскихъ хищниковъ, которыхъ долго было невозможно ни побѣдить, ни укротить.

По заключеніи мира между правительствомъ и пиратами, Лафиттъ вступилъ въ права частнаго гражданина, Жербіе также получилъ отъ президента Соединенныхъ-Штатовъ документъ о прощеніи. Испанское правительство послѣдовало примѣру президента, и нашъ пиратъ, купивъ себѣ близъ Батавано небольшую земельку, устроилъ на ней себѣ нѣчто въ родѣ итальянской виллы.

Тотъ его былъ очень кроткій, манеры отличныя, и съ перваго взгляда можно было счесть его за какого-нибудь стараго французскаго дворянина временъ принца Кондэ, а не за отставнаго пирата.

Онъ не скрывалъ ничего изъ происшествій своей молодой жизни, но когда заходила рѣчь объ этомъ дѣлѣ, онъ же увлекался своимъ разсказомъ.

Гаванскія власти не любили Жербіе. Онъ былъ вертлявъ, расторопенъ и дѣятеленъ, какъ большая часть Французовъ, и насмѣхался отъ времени до времени надъ кастильянскимъ чванствомъ и надъ креольскою небрежностью.

Не оставляя вовсе своего прежняго ремесла, хозяинъ нашъ все еще пускалъ въ ходъ по морю нѣсколько лихихъ *лики* и даже *капитанскихъ* галеръ (*capitanes*); это давало существенную значительность ихъ обладателю въ глазахъ его сосѣдей.

Приключенія наши и странствованія заинтересовали его, и онъ обѣщалъ намъ, что въ домѣ у него бояться нечего, а при первомъ опасномъ случаѣ онъ съумѣетъ спасти насъ.

На другое утро, онъ представилъ насъ своей женѣ. Баснословное происшествіе! Кто бы могъ подумать? Жена Жербіе

была—моя Серафита, прелестіе и обворожительнѣе, чѣмъ прежде. Года полтора была она уже замужемъ; женихъ не погнался за приданымъ, потому что у него было чѣмъ жить.

И такъ, цѣль моя была достигнута: я не только увидѣлъ Серафиту, но даже жилъ у нея. О'Нейлъ, однакожъ, никакъ не могъ найти своего дядю; значить, я былъ счастливѣе.

У Серафиты былъ уже ребенокъ, котораго она сама кормила. Еслибъ, правду сказать, не полное радушіе хозяина, не ласковый пріемъ его, не участіе, которое онъ принялъ въ нашемъ положеніи, можетъ—быть, не ручаюсь, у насъ далеко бы зашло дѣло съ предметомъ моего поклоненія.

Замѣчу, что Жербіе былъ уже очень старъ; цвѣтъ лица его былъ бронзовый, загорѣлый; старикъ безпрестанно страдалъ ревматизмомъ въ разныхъ частяхъ тѣла, но впрочемъ, для «морскаго волка», онъ былъ чудесный человѣкъ.

Жена его, съ изящной живостью креолокъ, соединяла въ себѣ почти вполнѣ американскую томность, какъ извѣстно, для всѣхъ обворожительную.

Такой бродяга, какъ я, на чемъ, кромѣ своей молодости и страсти, могъ основывать свои надежды поправиться прекрасной Серафитѣ? Однакоже что-то похожее на интригу или на странную и опасную роль Сень-Прё въ домѣ Вольмара, готово было завязаться между нами. Къ счастью, мной овладѣла перемежающаяся лихорадка.

Во все ея продолженіе, хозяинъ почти не оставлялъ меня, а О'Нейлъ рассказывалъ ему про наши странствія и восхищался безпрестанно красотою озера, изъ котораго прогнали насъ шестолетними выстрѣлами.

Жербіе какъ-то странно улыбался въ это время.

— Ну, господа, сказалъ онъ наконецъ: мѣстность озера мнѣ знакома, точно какъ мой вотъ этотъ домъ. Лафиттъ, послѣ своихъ опасныхъ и тягостныхъ предпріятій, укрывался съ судами у береговъ того озера, о которомъ идетъ дѣло. А ужъ такъ какъ, вы знаете, чѣмъ занимался я во-время-оно, то я скажу вамъ прямо, что на этомъ озерѣ провелъ я лучшіе дни моего досуга. Пусть выздоровѣетъ нашъ хворый, — а я навѣрное могу сказать, что онъ скоро выздоровѣетъ, — и я махнемъ вмѣстѣ къ берегамъ озера, такъ себѣ, для прогулки.

— Да, прибавилъ онъ: погода хоть-куда; мѣстность вытвердилъ я наизусть; вамъ будетъ весело, навѣрное, а мнѣ что-то захотѣлось припомнить старинку.... Ну, поправляйтесь живѣе! Право, не терпится!

Не знаю, отъ словъ ли стараго ширата, отъ прихотей ли моей

болѣзни, только я, въ короткое время, просто воскресъ, а между тѣмъ давно уже все было готово къ нашему отъѣзду.

Признаюсь, мнѣ не такъ тяжело было расстаться съ Серафитой: мнѣ было пріятнѣе разгуляться на просторѣ водъ озера и пустынныхъ картинныхъ береговъ его.

Мулы, лошаки, лошади, три негра, четыре Испанца, включая сюда и смотрителя кофейной плантаціи, Харамилльо, уроженца старой Испаніи; этотъ молодецъ былъ вылитый разбойникъ пятнадцатаго столѣтія и бичъ Марровъ; вся эта ватага въ четыре часа утра выѣхала съ мызы, подъ предводительствомъ Жербіе, О'Нейля и моихъ.

Рядомъ съ Харамилльо, жилистымъ, старымъ морякомъ, трясся на лошади Корнехо, разодѣтый въ самое шегольское, только до нельзя поношенное платье, точно какъ будто стащилъ онъ его съ Фигаро на какомъ нибудь бѣдномъ провинціальномъ театрѣ.

Впрочемъ, не подумайте, чтобъ мы ограничились только тѣмъ конвоемъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ: у насъ были еще пріятели, которые гордо, хотя и высунувши языки и поджавши хвостъ отъ жару, слѣдовали за нами неохотно, какъ будто предчувствуя, что будетъ имъ работа: это были шесть огромнѣйшихъ собакъ изъ той безопадной породы, съ которою я имѣлъ уже удовольствіе довольно коротко и «пріятно» познакомиться. Эта порода, я замѣтилъ, любить человѣческое мясо. Вкусъ у ней педурень, только путешественнику какъ-то не совѣтъ это пріятно, и я увѣренъ, что каждый изъ насъ пожелаетъ, чтобъ эта слабость пропала у американскихъ собакъ.

Но это въ сторону. Пойдемъ далѣе.

Мы ѣдемъ.

— Эти берега не совѣтъ безопасны, сказалъ Жербіе, и съ тѣхъ поръ какъ Англичане стали ловить негровъ по-одиначкѣ, бѣдняки марроны рѣшились соединяться въ шайки, человѣкъ въ тридцать или въ сорокъ, примѣрно. Эти по нуждѣ разбойники готовы на что бы то ни было; а эти господа, попади только на ихъ слѣдъ,—разспросятъ ихъ кой о чемъ.

Онъ показывалъ на своихъ спутниковъ.

Мы съ большимъ удовольствіемъ расположились на берегу Ріо Кобре. Вдругъ ночью, Жербіе проснулся и вскричалъ:

— Харамилльо! я слышу свистъ проклятыхъ марроновъ! Ватавай! Зови собакъ!

Истинникъ этихъ животныхъ былъ уже пробужденъ, и всѣ они бросились во всѣ стороны по кустарникамъ, изъ которыхъ потомъ послышался страшный ревъ или лай, по какой лаи!

Всѣ мы вскочили и вооружились.

Жербиѣ, казалось, переродился на эту минуту: какъ ясно выразалось на его лицѣ, что ему слишкомъ по-душѣ припомнить прежній свой образъ жизни.

Между тѣмъ одинъ изъ негровъ, стоявшихъ около насъ, затрепеталъ и застучалъ зубами; чрезъ нѣсколько минутъ только онъ могъ глухимъ и вмѣстѣ визгливымъ голосомъ произнести:

— Хозяинъ, хозяинъ!

— Ну что такое, Трулльи?

— Хозяинъ! Землетрясеніе!

И Трулльи былъ правъ. Двухъ минутъ не прошло, какъ мы почувствовали, что земля подъ нами колеблется, и услышали отдаленный грохотъ грома. Слышно было также, что скалы растрескивались по поламъ, а мы попадали одинъ на другаго.

Собаки, у которыхъ свирѣпость закинула лишь только почувли онѣ присутствіе негровъ, сейчасть воротились съ самымъ смиреннымъ видомъ и испуская протяжные и самые жалобные звуки.

Разумѣется, случай, а не мое собственное желаніе, привелъ меня быть то участникомъ въ кровавой сценѣ, то просто ея свидѣтелемъ. Ни одно изъ событій моей жизни не оставило во мнѣ такого сильнаго впечатлѣнія.

Собаки рѣшительно «плакали» и выли, земля тряслась, молнія ослѣпительно прорѣзывала облака, лошади ржали что есть мочи, а между тѣмъ негры-марроны не дремали: они были на сторожѣ за нами, и бормотаніе ихъ раздавалось чуть не подъ нашими ушами; къ этимъ грубымъ звукамъ присоединился еще громкій свистъ, который заглушалъ даже самый громъ.

Мы слышали даже дыханіе усталыхъ людей, доносившееся къ намъ изъ овраговъ; мы слышали даже говоръ этихъ разбойниковъ, которые несравненно меньше насъ испуганные грозой, пользуясь обстоятельствами, смѣлае и смѣлае настигали насъ.

Испанцы, исключая только Харамилльо (который, кажется, былъ нѣкогда матросомъ на судахъ Жербиѣ) творили молитву.

Увидѣвъ опасность, отчаянный мореходецъ притаился за лошадей, и оттуда заряжая свое ружье и употребляя зарядъ въ дѣло, онъ, какъ градомъ обдавалъ пулями своихъ соперниковъ марроновъ: число ихъ уменьшилось на пять или на шесть человекъ.

Жербиѣ, или какъ называли его дошъ-Герберо, не отставалъ отъ своего помощника.

Въ самомъ скоромъ времени, присутствіе и даже близкое содѣяство негровъ пробудило всю ярость нашихъ собакъ и лошадей,

и отчаянная схватка, въ которой собаки играли важнѣйшую роль, покрыла землю трупами двадцати негровъ.

Нашихъ убито было только двое. Жербиѣ былъ раненъ, но слегка; а мы съ О'Нейлемъ ни чуть.

Землетрясеніе продолжалось не болѣе десяти минутъ, и совершилось на не большомъ пространствѣ.

Наши люди зажгли факелы, подняли трупы, раненымъ перевязали ихъ раны, и мы залегли спать, а въ это время Харамилльо, неутомимый музыкантъ, настроилъ свою мандолину и давалъ насъ убаюкивать довольно пріятной серенадой.

На утро, часовъ въ пять, небо прояснилось, но легкія движенія земли и по временамъ обрывы скалъ возбѣщали еще о вчерашней революціи природы.

Пора была пуститься въ путь, и мы не замедлили.

Вдругъ, такъ около восьми часовъ, показалась между деревьевъ и быстро исчезла замѣчательная особа, которой одежда не показывала никакимъ образомъ, что это за птица.

— Это Вачинанго! закричалъ Корнехо. Господинъ Жербиѣ, прикажете ли догнать его? Онъ скользнулъ къ берегу Гоявы, между Бока-Гранде и Багйей.

— Ну что и спрашивать? Пошелъ въ галопъ!

Весь нашъ конвой дѣйствительно пустился въ погоню во всю прыть. А я успѣлъ таки, хоть время было слишкомъ коротко, рассмотреть костюмъ человѣка этого въ странной одеждѣ и со страннымъ прозвищемъ.

Вачинанго имѣлъ на себѣ женскую испанскую мантилью и желтые атласные штаны; ноги и руки у него были обнажены; на плечахъ, также голыхъ, чуть держались двѣ эполетки будто какъ для красоты, а на головѣ покачивались разноцвѣтные перья пугаевъ.

Говорилъ этотъ человѣкъ (какъ я узналъ впоследствии) на какой-то смѣси испанскаго языка съ туземнымъ, едва ли кому либо понятной. Каталонскій кинжалъ и американскій ножъ за поясомъ изъ древесной коры, который стягивалъ ему талию и поддерживалъ желтые штаны его, нѣсколько несогласовались съ зелеными лентами и розовыми бантиками, которыми, стянувши ихъ съ какой-то женской одежды, онъ постарался себя приукрасить.

Бѣдный Вачинанго! Тебѣ обязанъ я своимъ богатствомъ! Безъ его тридцати тысячъ долларовъ, не знаю, куда бы повернулся компасъ моей жизни. За каждый изъ этихъ долларовъ купилъ я въ послѣдствіи акръ земли въ Висконсинѣ и продалъ

почти немедленно едва ли не вдвое. Съ 1815 года на моем владѣніи построено уже шесть городовъ.

Но продолжаю.

Проскакавъ полчаса, Жербіе далъ намъ отдыхъ и приказалъ Харамиллью одному слѣдовать за Вачинанго и открывъ его убижище, сообщить нашему генеральному штабу,

И такъ мы приостановились, и мнѣ смертельно захотѣлось узнать отъ Жербіе, что такое значить эта погоня.

— Вачинанго, отвѣчалъ онъ, — родомъ чистый Мексиканецъ; онъ является людямъ чрезвычайно рѣдко и по общему мнѣнію открывъ гдѣ-то золотой рудникъ, котораго никому въ мірѣ не открываетъ. Мнѣніе довольно основательное. Нашъ молодецъ, какъ ему желалось, уѣзжалъ по временамъ то въ Кубу, то въ Юкатанъ, и былъ вездѣ любимъ за свою кротость и вѣжливость. Часто находили его колѣнопреклоненнымъ передъ общимъ предметомъ молебствій Испанцевъ Virgen del sobre; онъ молился усердно, со слезами...

Назадъ тому два года, прибылъ онъ въ Санъ-Яго съ небольшими узломъ, для продажи того, что въ немъ было.

А въ этомъ узлѣ было порядочное количество порядочнаго объема золотыхъ, хоть довольно грубо отдѣланныхъ, слитковъ. Вачинанго продалъ ихъ почти за безцѣнокъ. Откуда взялъ онъ ихъ? Пошли догадки. Любопытные слѣдовали за Индѣйцемъ до самаго моря, увидѣли, что онъ переѣхалъ въ челиокъ на другую сторону, куда-то завернулъ и исчезъ между скалами.

Нѣсколько недѣль спустя, молодецъ нашъ въ окрестностяхъ Санъ-Яго сдѣлалъ тоже самое: опять продалъ слитки золота. Гаванцы, какъ я уже сказалъ, убѣждены все до одного, что островъ ихъ налитъ золотомъ, и на этомъ основаніи сотни людей бросились въ поиски золотыхъ жилъ. Несчастливая почва страдала отъ лопатокъ; престарѣлыя скалы трещали отъ ломовъ; невинныя деревья ложились, умирая, на землю подъ ударомъ топора,—все это не повело рѣшительно ни къ чему: предполагаемый рудникъ Вачинанго ни кѣмъ не былъ открытъ.

— Ну, спросилъ Жербіе, у Харамилльо, который возвратился совершенно запыхавшись: что новаго?

— Пташка зашла возлѣ оврага при берегахъ Бока-Гранде. Нужно красться; объѣхавъ банановый лѣсъ, мы какъ разъ найдемъ и Вачинанго и нору его.

— Дѣло! только смирно и въ дорогу сейчасъ же.

Харамилльо былъ парень не промахъ. Планъ его попалъ въ самый разъ.

Мы настигли Индѣйца между двумя скалами. Онъ крѣпко спалъ,

но стукъ отъ лошадиныхъ копытъ пробудилъ его, и онъ мгновенно вскочилъ на ноги.

Насъ было много; онъ былъ одинъ. Подумавши съ минуту, онъ бросился въ находившійся близъ него прудъ и совершенно исчезъ.

Занимательность нашего преслѣдованія увеличивалась безпрестанно; мы сошли съ лошадей и почти все наши головы наклонились въ пропасть глубиною въ восемь или десять футовъ; мы видѣли, что Вачинанго проскользнулъ по дну пропасти и опять скрылся, точно герой Курцій.

Въ этой глубокой ямѣ не было ни малѣйшаго свѣта. Вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ, и бѣдный щеголь Корнехо былъ убитъ на повалъ. Что дѣлать! такова, видно, была судьба его! За то рѣшительно мы ожесточились какъ звѣри.

Составили совѣтъ, который рѣшилъ, что нужно зарядить пистолеты. Около ямы обстала вся наша свита, а я съ Жербіе остался въ отдаленіи, потому что двѣ пули вылетѣли отъ нашего бѣглеца.

А! если такъ! мы приказали пустить слишкомъ двадцать пуль въ проклятую яму и, кажется, одна изъ нихъ кого-то зацѣпила.

Сильный крикъ раздался въ ямѣ, въ этой темной и страшной ямѣ, — а за тѣмъ послѣдовалъ свирѣпый двухпульный выстрѣлъ: обѣ пули пролетѣли стрѣлою между нами, но никого не ранили.

Впрочемъ, виноватъ; говоря о людяхъ, я забылъ о животныхъ: эти двѣ пули раздробили черепъ одной изъ нашихъ лошадей.

Золотоискатели отступили; во всякомъ случаѣ, они подвергались большой опасности.

Мы бросили имъ нѣсколько зажженнаго хвороста въ знакъ примиренія, какъ это водится у Индѣйцевъ. Не помогло! Наше дружелюбное предложеніе отвѣтъ былъ двумя пулями, которыя сряду повалили одного негра и одного Испанца, стоявшихъ наклонившись надъ ямой. Первому пуля попала въ ляжку, а другому въ грудь, и онъ черезъ нѣсколько минутъ былъ уже на томъ свѣтѣ.

Больше не было слышно ни звука; мы наклонились съ предосторожностью въ таинственную яму—тѣма кромѣшная; зажгли факелы и увидѣли самую занимательную картину: расположеніе ямы или, если угодно, подземной пещеры, болѣе похоже было на какую нибудь театральную декорацию, нежели на произведеніе природы.

Свѣтъ факеловъ озарилъ намъ неровные пилястры и фантастическія колоннады изъ кварца пополамъ со слюдою, игравшія пе-

редъ нами чуднымъ отблескомъ. Въ углубленіи пещеры повѣшенъ былъ коверъ, прикрывавшій то, что за нимъ дѣлалось; съ другой стороны замѣтили мы родъ кузницы, въ которой инструменты были разбросаны куда ни попаало.

Три или четыре ступени, грубо выдѣланныя въ кварцѣ, вели къ этой кузницѣ; разные предметы роскоши, испанскія сабли и американскіе пистолеты развѣшены и размѣщены были здѣсь и тамъ.

Большая мексиканская койка, сплетенная изъ разноцвѣтной древесной коры и украшенная перьями разныхъ красныхъ птицъ, небрежно качалась при дуновеніи вѣтра, который, казалось, шелъ изъ какого-то далекаго отверстія, которое, по всѣмъ вѣроятіямъ, выходило къ озеру Кабальонесъ.

Вдругъ увидѣли мы лежащую женщину, и съ помощію веревокъ и шестовъ спустились въ это странное обиталище. Молодая дѣвушка приподнялась въ изнуреніи, и показала, что пуля попала ей прямо въ ключицу: это смастерилъ одинъ изъ нашихъ Испанцевъ, конечно безъ намѣренія.

Къ счастью дѣвухи, пуля пронзила только мясо, не коснувшись кости.

А! вскричалъ я, это моя ундина водъ озера de los Caballones.

Отличительные признаки обитательницъ Перу и смежныхъ ему странъ суть: широкая бость, тонкая и гибкая талія, полнота и упругость голеней, и съ тѣмъ вмѣстѣ, наконецъ, такія острыя оконечности всѣхъ оконечностей тѣла, какія только вообразить себѣ можно.

Цѣлый лѣсъ черныхъ волосъ спускался на ея плечи. Одежда ея, очень простая, но придуманная со вкусомъ, была очень похожа на нарядъ испанскихъ мулатокъ. Полосатая юбка, желтая съ чернымъ, обтягивала ея поясицу; маленькое грудное украшеніе, родъ ожерелья, рисовалось у дѣвухи на шеѣ: это украшеніе состояло изъ стекляруса и коралловъ.

Глаза у нея, отъ боли, напоянены были обильными слезами; у ногъ ея распростертъ былъ высокій и красивый мужчина, державшій въ рукахъ пистолетъ. Кожа этого человѣка показывала, что онъ былъ изъ Индѣйцевъ.

Мы его приподняли. Ковчено! Онъ не дышалъ болѣе.

Жербіе открылъ подъ какою-то лѣсенкой источникъ богатства Вачинанго. Это было старинное хранилище добычи бужаньеровъ, заключавшее въ себѣ грубо-обдѣланные слитки золота и Индѣйцемъ открытое случайно, во время его бродячей жизни.

Когда были пужны ему деньги, онъ размѣнивалъ, какой попадалъ ему подъ руку, золотой слитокъ на чистую монету.

Жербіе велѣлъ перенести къ себѣ молодую дѣвушку, которую Вачинанго, самъ христіанинъ, прижилъ съ испанкою—христіанкою. Половина богатства назначена была отъ насъ плѣнницѣ въ приданое.

У стараго пирата провели мы еще двѣ недѣли въ гостяхъ, и это время прошло у насъ очень пріятно, потому что близъ насъ постоянно находилась Серафита (къ которой признаться, я уже охладѣлъ) и дочь Вачинанго.

Необыкновенная красота несчастной раненной внушила мнѣ и О'Нейлю такую сильную страсть, что мы безъ всякихъ переговоровъ между собою бросились просить ея сердца и руки.

Тереза *Ванъ-Мина*, что значитъ «Золотой Рябчикъ», склонилась на мою сторону, и на островѣ Три니다дъ (все равно, что Святой—Троицы) я, обвинявшійся съ прелестной дѣвушкой, получилъ и ея достояніе,—слитки, добытые бужаньерами. Вѣроятно рѣдко бываетъ приданое у невѣсты страннѣе этого!

Слитки Вачинанго, превращенные въ монету, принесли мнѣ около тридцати тысячъ долларовъ, изъ которыхъ тысячъ десять употребили мы на переѣздъ, устроенный подъ покровительствомъ нашего обязательнаго хозяина. Остальные двадцать тысячъ не улеглись у меня въ кофѣ: онѣ пошли въ ходъ и принесли обильные плоды.

Жена моя занялась, подъ моимъ руководствомъ, ученіемъ грамотѣ и успѣла какъ нельзя скорѣе, только перо ей не давалось: никогда не могъ я выучить ее писать.... За то, обладая превосходнымъ слухомъ и голосомъ, она сдѣлалась отличною пѣвицею.

Вообще шалость сдѣлала меня счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и этимъ я обязанъ острову Кубѣ.

А О'Нейль? спросите вы. Онъ не нашелъ своего небывалаго дяди и воротился почти ни съ чѣмъ изъ Новый Орлеанъ.... впрочемъ его такая порода, что онъ не пропадетъ и не умретъ съ года...

ДЖІОРДАНО БРУНО

И ФИЛОСОФІЯ ВЪ ШЕСТНАДЦАТОМЪ ВѢКѢ.

Статья Эмilia Сессе.

Шестнадцатый вѣкъ совершилъ два важныя дѣла: онъ свергъ иго Рима и уничтожилъ господство схоластики; двойная реформа разрѣшила за-разъ и умы и совѣсть. Но совершая эти дѣла, XVI-й вѣкъ не сознавалъ своею великаго назначенія. Всѣ дѣятели вѣка возрожденія не вполнѣ понимали, что дѣлали. Замѣчательно, что мысли ихъ обращались не къ будущему, но къ прошедшему. Что дѣлали великіе художники этой эпохи, Брунелески, Микель-Анджело, Жермены Пилоны, Пьерры Леско, Жаны Гужоны? Напитанные дивными образцами древности, они хотѣли замѣнить устарѣлыя формы готическаго искусства обновленными красотами Греціи и Рима. Вникните въ писанія Лютера, Цвинглія и Кальвина, которымъ мы удивляемся, какъ смѣлымъ нововводителямъ; подъ мантией реформатора, вы встрѣтите строгаго, утонченнаго бгослова, который льститесь исправить вѣру, отвергая всѣ преданія, и съ простодушнымъ жаромъ ласкаетъ призракъ возвращенія къ первымъ вѣкамъ христіанства. Въ философіи возрожденія тоже самое. Всѣ успія самыхъ отважныхъ истолкователей ея стремятся только оживить какую-нибудь систему древности. Всмотритесь

ближе въ ученія Марсілія Фицина, Пика де-Мирандолы, Сепалпини, Телезіо, Помпонацци, Рамуса, Бруно, Ваннини, Кампанеллы, освободите мысли ихъ отъ покрововъ, подъ которыми они скрываютъ мнимую свою оригинальность, и вы увѣритесь, что нѣтъ въ ихъ ученіяхъ ни одного понятія, которое, прямо или косвенно, не истекало бы изъ двухъ великихъ школъ Греціи, аристотелевой и платоновой.

Аристотель и Платонъ побѣдили, въ XVI-мъ вѣкѣ, схоластику. Это довольно странный историческій феноменъ. Какимъ образомъ, тотъ Аристотель, который, въ продолженіе трехъ вѣковъ властительно господствовалъ въ школахъ, и авторитетъ котораго считался непогрѣшимымъ въ самой Церкви на Западѣ, этотъ Аристотель, который для среднихъ вѣковъ былъ не только великимъ, но единственнымъ философомъ, и который едва не былъ причтенъ къ лику святыхъ, какимъ образомъ этотъ самый Аристотель изъ руководителя и опоры схоластики могъ сдѣлаться оракуломъ самыхъ отчаянныхъ ихъ противниковъ? И, съ другой стороны, не странно ли видѣть, что платонизмъ, къ XVI-мъ вѣкѣ, сдѣлался сильнымъ противникомъ христіанской религіи, которой онъ былъ, какъ бы, разсвѣтомъ? Какъ пришло въ голову Джіордано Бруно дѣйствовать именемъ того генія, котораго блаженный Августинъ считалъ своимъ учителемъ и разговоры котораго заставили св. Іустина произнести эти памятыя слова: что Слово Божіе, прежде явленія на землѣ, открывалось философамъ?

Объясненіе этого кажущагося противорѣчія очень просто. Достаточно сказать, что Аристотель схоластикомъ былъ ложный Аристотель, котораго вѣкъ возрожденія замѣнилъ настоящимъ, истиннымъ Аристотелемъ, и что Платонъ Марсілія Фицина и Бруно былъ также искаженный Платонъ, Платонъ александрійскій, а не истинный мудрый Платонъ.

Истинный Аристотель столько же противенъ духу христіанства, сколько истинный Платонъ сообразенъ съ нимъ; нужно было, чтобъ XVI-й вѣкъ открылъ истиннаго Аристотеля и искажилъ истиннаго Платона, для того, чтобы обохъ ихъ употребить къ ниспроверженію схоластики.

I.

Въ средніе вѣка знали только логику Аристотеля. Но логика Аристотеля совершенно отдѣльна отъ его, собственно, систе-

мы. Умы проникательные могут замѣтить въ *Категоріяхъ* и особенно въ *Аналитикъ* слѣды нѣкоторыхъ особенныхъ взглядовъ на разуміе и на душу человѣка; но въ цѣломъ, *Органонъ* остается полнымъ и яснымъ памятникомъ. Вообще, логика есть нейтральная земля для философовъ. Въ этомъ—то смыслъ и надо понимать слова Данте, что и дьяволъ также хорошій логикъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, силлогизмъ, какъ не орудіе, которое безразлично можно употребить для доказательства самыхъ противорѣчащихъ одно другому ученій? Средніе вѣка не требовали отъ Аристотеля такого или другаго ученія. Они имѣли свое, которому научала ихъ Церковь, и которому они вполне вѣрили; но это ученіе было слишкомъ высоко. Сколько надо понять трудностей, разрѣшить противорѣчій, замѣтить пропусковъ! Надо было отдать себѣ отчетъ въ этомъ обширномъ ученіи; нужно было расположить всѣ части, привести въ порядокъ всѣ начала, объяснить всѣ взгляды, вывести всѣ заключенія; надо было дать ему характеръ науки и правильныя формы учебника. Вотъ чего хотѣли средніе вѣка, и все это нашли они въ логикѣ Аристотеля. Говорятъ, что знаменитый халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, въ знакъ особеннаго почтенія къ Карлу Великому, послалъ ему экземпляръ *Органона*. Но какъ экземпляръ халифа былъ греческій или арабскій, то при дворѣ Карла-Великаго никто, даже самъ Алкуинъ, не могъ прямо пользоваться имъ. Средніе вѣка познакомились съ нѣкоторыми частями *Органона*, только изъ латинскихъ переводовъ Боэція, Кассиодора и Марціана Капеллы. Не смотря на такое крайнее невѣжество, а также нѣсколько и благодаря ему, легко объяснить, что это прекрасное искусство анализировать мысль и языкъ, эта совершенно геометрическая наука законовъ и формъ мышленія, эта столь полная, столь замысловатая теорія умѣйна доказывать, эти повсюду разлитые порядки, строгость, утонченность, приводили средніе вѣка въ самый живой энтузіазмъ. Возвышенная христіанская философія для основанія, строгое искусство Аристотеля для формы, не есть ли это идеалъ человѣческаго ума? Отсюда эти *Summae* среднихъ вѣковъ, гдѣ величественный рядъ христіанскихъ истинъ, съ непостижимаго таинства Троицы до самыхъ низшихъ способностей души человѣческой, съ рожденія и паденія человѣчества до вѣчнаго исполненія его судьбы, раскрывается въ однообразной и строгой формѣ аристотелевскаго силлогизма..

Впрочемъ Аквинатъ, вмѣстѣ съ своимъ учителемъ Албер-

томъ Великимъ уже вводятъ насъ въ новый періодъ. Средніе вѣка начинаютъ просвѣтляться. Черезъ сообщенія свои съ Востокомъ, и особенно съ Арабами, они хорошо познакомились съ памятниками перипатетизма. Арабскіе комментаторы, Аль-Кенди, Аль-Фараби, Авиценна, занимались не однимъ *Органомъ*; *Исторія животныя*, *Трактатъ о душѣ*, *Метафизика* были также предметомъ ихъ ученыхъ изслѣдованій. Но Аристотель Арабовъ былъ ближе къ истинному Аристотелю, чѣмъ Аристотель XII-го вѣка, и чрезъ это самое онъ болѣе отдалялся отъ духа христіанскаго ученія. Какъ согласить почтеніе къ Аристотелю съ духомъ религіи? Какъ допустить вмѣстѣ философію, которая дѣлаетъ матерію вѣчною и необходимою, уничтожаетъ Провидѣніе, отвергаетъ безсмертіе души, — и религію, которая проповѣдуетъ божественнаго Создателя, отца людей и лоно чистыхъ душъ?—Конечно, вопросъ, представленный въ подобныхъ выраженіяхъ, не показался бы неразрѣшимымъ для Александра Гальскаго, Алберта Великаго, Фомы Аквината и Дунса Скотта, и Аристотель потерялъ бы своей авторитетъ; но этого не случилось по различнымъ причинамъ. Арабы толковали Аристотеля при пособіи alexandрійской школы, сглаживая, сколько возможно, то глубокое различіе, которое отдѣляло его отъ Платона, и примѣшвая къ его философіи идеи спиритуализма и мистаизма, которыя совершенно, по самому основанію, чужды духа философіи Аристотеля. Утонченный гений Арабовъ прекрасно согласовался съ перипатетизмомъ; но въ то же время, пылкій и восторженный, съ живымъ стремленіемъ онъ увлекался и неоплатонизмомъ. Понятно, что этотъ Аристотель, измѣненный alexandрійскимъ эклектизмомъ и проникнутый мистическимъ духомъ Арабовъ, казался схоластическимъ учителямъ совершенно согласнымъ съ христіанскимъ ученіемъ. Прибавьте къ этому закоренѣлый обычай слѣдовать Аристотелю, энтузіазмъ, возбужденный его гениемъ, авторитетъ его логики, сросшейся, такъ сказать, съ христіанскимъ ученіемъ, и то ослѣпленіе въ непогрѣшимости, которое, заставляя смотрѣть на *философа*, какъ на самый разумъ, приписывало ему всѣ ученія, казавшіяся святыми и истинными, и вы поймете всю тайну союза, бывшаго въ средніе-вѣка между Церковью и Аристотелемъ; союза единственнаго, столь прочнаго, что для разорванія его нужно было три вѣка борьбы, и слѣды котораго до сихъ поръ еще не совсемъ изгладились.

Чтеніе твореній Аристотеля въ оригиналѣ и съ объясненіями древнихъ толкователей открыло глаза слѣдымъ и проникательнымъ людямъ XV-го и XVI вѣковъ. Когда явились тѣ

обширные трактаты, которые занесены были въ западную Европу византійскими изгнанниками; когда научились читать ихъ по объясненіямъ Аррирофиловъ и Ласкарисовъ; когда наши возможности толковать Аристотеля при пособіи вѣрныхъ комментаторовъ, каковы Симплизій и Александръ Афродизъ; когда искусство книгопечатанія дало средства имѣть всѣ эти памятники; тогда измѣнился взглядъ на ученіе стагирскаго философа, и мечта объ его непогрѣшимости исчезла.

Оцѣнивая Аристотеля, впадали и впадаютъ до сихъ поръ въ двѣ крайности. Со временемъ Декарта, въ противникѣ Платона привыкли видѣть отца сенсуализма, и на этомъ основаній, матеріалисты XVIII-го и нашего вѣка часто ссылались на Аристотеля и превозносили его. Въ послѣднее время поняли несправедливость этого сужденія; но впади въ другую крайность, провозгласили Аристотеля глубокимъ и чистымъ спиритуалистомъ древности, и на автора *Метафизики* смотрѣли, какъ на самаго религіознаго, почти христіанскаго философа.

Оба эти сужденія равно ошибочны. Аристотель не матеріалистъ; онъ очень ясно признавалъ въ человѣкѣ невидимое начало, единое, простое, которое одушевляетъ тѣло и управляетъ имъ. Пусть наши матеріалисты, поклонники Аристотеля на слово, потрудились заглянуть въ *Трактатъ о душѣ*, и они найдутъ тамъ самое умное, самое убѣдительное доказательство нематеріальности мышленія.

Если Аристотель не матеріалистъ, то тѣмъ менѣ атеистъ. Идея, составляющая основаніе его психологій и теодицеи есть идея конечной причины.

Все въ мірѣ движется и всякое движеніе имѣетъ цѣль. Эта цѣль движенія существъ есть совершенство ихъ природы; но каждый видъ стремится къ собственному совершенству; существа распредѣлены во вселенной по степенямъ, и смотря потому, онѣ могутъ достигать большаго или меньшаго совершенства. Природа, съ каждымъ шагомъ, вступаетъ на высшую ступень, и съ каждымъ шагомъ снова стремится впередъ, побуждаемая безмѣрнымъ желаніемъ преуспѣнія и совершенства. Извѣстный видъ существъ служить для нея только средствомъ къ достиженію высшей цѣли, съ достиженіемъ которой она снова стремится къ высочайшей. Въ подлунномъ мірѣ, человѣкъ составляетъ послѣднюю степень этого восхожденія природы, онъ сосредотчиваетъ въ себѣ всѣ царства и совмѣщаетъ все прекрасное; но человѣкъ не можетъ еще служить идеаломъ для себя. Онъ движется, дѣйствуетъ, а все, что дѣйствуетъ, не совершенно. Предположите выше человѣка существо,

которое совершало бы свои движенія собственною силою, и съ удивительною правильностію, котораго чистая и свободная мысль не знала бы предѣловъ и была бы наслажденіемъ для него; и это существо, если оно движется, не есть еще верховный идеаль. Нужно сдѣлать послѣдній шагъ, и уже за видимою вселенной, выше человѣчества, надъ высшими умами, выше неба и всего, что причастно матеріи, надо вообразить совершенный, нематеріальный умъ, который, будучи сосредотченъ въ себѣ, вѣчно углубляется мыслью въ самого-себя, и въ этомъ неподвижномъ созерцаціи наслаждается неизрѣченнымъ блаженствомъ. Таковы понятія Аристотеля о высшемъ существѣ, и это высокое ученіе, раскрытое въ наше время, безъ сомнѣнія, лишится уже того почтенія, какое воздавали этому худо понятому гешю матеріалисты и атеисты. Но какъ жалки иногда и великіе умы и ихъ глубокія ученія! Аристотель не отдѣляетъ этой невидимой и духовной души человѣка отъ начала органической жизни. Переваривать пищу и мыслить дѣло одной и той же причины! Начало, которое, въ человѣкѣ, любить добро и наслаждается прекраснымъ, сходно съ тѣмъ началомъ, которое, въ зоофитѣ, незамѣтно движетъ его бездѣятельную матерію! Мысль есть нѣчто божественное, и Аристотель говоритъ объ ней величественно; но въ человѣкѣ она стѣснена тѣломъ. Это свѣтъ, исходящій изъ-за предѣловъ природы и осіяющій на мгновеніе то существо, въ которомъ отразилось все могущество вселенной; но смерть, уноситъ этотъ лучъ въ царство вѣчнаго мрака! Для послѣдователей Аристотеля, Провидѣніе — слово безъ значенія. Какаа нужда этой уединенной мысли, парашей надъ мірами, что ниже ея есть существо, которое рождается, страдаетъ и умираетъ? Углубленная въ созерцаіе себя самой, она наслаждается въ мірѣ удовольствіями эгонистическаго блаженства. Смотрѣть, что ниже ея, значило бы унизиться; оказывать свое дѣйствіе на природу, значило бы впасть въ движеніе и утомляться; любить человѣчество, значило бы раздѣлять его несчастія. Впрочемъ, какъ Богу знать міръ? Онъ не создалъ его. Міръ существуетъ безъ него, собственной своею силою; міръ вѣченъ, и для своего существованія не нуждается ни въ комъ, кромѣ самого-себя. Только движеніе его, устроющее его порядокъ и красоту, требуетъ виновника, или лучше сказать, закона, которымъ управляется, и идеальной цѣли, которою ограничивается. Слѣдовательно, Аристотель, установляя непреоборимую преграду между вселенною и первую ея причиною остался вѣрнѣе основнымъ началамъ

своей метафизики. По этому—то и душа чело́вѣческая осуждена не выходить за предѣлы природы, и первая причина не можетъ оказывать своего дѣйствія на нее, словомъ, высшее существо безъ любви и душа чело́вѣческая безъ будущаго.

Между—тѣмъ, Богъ Платона не есть только умъ, но и неизсякаемый источникъ любви. Высочайшее стремленіе его быть добрымъ. Истинное имя его: отецъ. Если онъ выходитъ изъ своего покоя для образованія вселенной, то это дѣлаетъ не по прихоти своего всемогущества, не по требованію своей природы, но единственно по своей благодати. Когда онъ взираетъ на міръ, выходящій изъ его десницы, онъ трепещетъ отъ радости. Прекрасное уподобленіе, которое, быть можетъ, вызоветъ улыбку негодованія на уста какого нибудь глубокаго метафизика, зато тронетъ истиннаго философа, потому что оно заставитъ почувствовать въ самой глубинѣ сердца идею о существѣ существа.

Но нѣкоторые толкователи Платона впадаютъ въ запутанныя идеи, противъ которыхъ возставалъ онъ цѣлую жизнь. Они смѣшиваютъ диалектику Элейцевъ, возстановленную въ послѣдствіи александрійскою школою, съ методою Платона. Это значитъ смѣшивать спиритуализмъ съ его крайностями; совершенно не признавать характера платоновой философіи. Диалектика не есть чисто логическій способъ, выходящій изъ отвлеченности и исчезающій въ отвлеченности. Это метода, вмѣстѣ и опытная и умственная, которая, пускаетъ свои корни въ живую дѣйствительность, и своею вершиною достигаетъ самаго начала всякой дѣйствительности. Пораженный непостоянствомъ видимыхъ вещей, Платонъ обращается къ сознанію, и съ этой крѣпкой опоры, на крыльяхъ воспоминанія, поднимается до идей, то есть, до отрѣшенныхъ образцовъ существующаго. Идеи, однажды схваченныя, приводятъ его сами къ своему началу, которое есть безусловное совершенство, добро, солнце духовнаго міра, свѣтъ ума, пища души, начало всякаго порядка, всякаго движенія, всего прекраснаго. Есть ли это пустое и неподвижное единство? «Но что! клянусь Юпитеромъ, говоритъ Платонъ, могутъ ли насъ легко убѣдить, что въ дѣйствительности, движеніе, жизнь, душа, разумѣніе, не приличны безусловному существу? и что это существо не живетъ, не мыслитъ, но пребываетъ неподвижно, неизмѣнно, безъ всякаго размышленія!» Вотъ понятія Платона! Конечно эта самая диалектическая метода можетъ довести дерзкій умъ до мистицизма, пантеизма, фатализма, до всѣхъ глупостей. И это дѣйствительно случилось съ александрійскою школою. Уже Платонъ ослабилъ индивидуальность и прези-

ралъ опытъ. Александрійская школа, потерявъ всякую мѣру и забывъ сократическую умѣренность, въ три шага, отъ Аммонія до Платина, отъ Платина до Порфирія, отъ Порфирія до Ямблиха, достигла до крайнихъ нецѣлостей необузданнаго иллюминизма. Какъ истинный платонизмъ былъ поборникомъ христіанской религіи, такъ Александрійцы сдѣлались непримиримыми ея противниками.

Это не могло быть иначе. Высшее существо у Платона совершенно отлично отъ міра; а у Александрійцевъ оно составляетъ одно съ міромъ. У Платона оно создаетъ вселенную, потому что оно любитъ, и хочетъ быть любимымъ; у Александрійцевъ оно производитъ міръ, какъ море производитъ облака, какъ сѣмя производитъ плодъ, какъ переполненный сосудъ изливаетъ часть своей жидкости. Человѣкъ Платона свободно идетъ къ своей цѣли, подъ сѣнію Провидѣнія. У Александрійцевъ и первая причина міра и человѣкъ повинуются закону истеченія, по которому существа слѣдуютъ одно за другимъ и развертываются, какъ бѣгущія волны, или лучше сказать, какъ кольца одной неразрывной цѣпи. У Платона высшее существо, идеаль души чело́вѣческой, тихо разрываетъ цѣпь, связующую ее съ тѣломъ и, очистивъ ея существо, не лишая впрочемъ ея личности, открываетъ въ нѣдрѣ своемъ вѣчное для нея убѣжище созерцанія и блаженства. Этотъ священный идеаль недостаточенъ для Александрійцевъ: вмѣсто освобожденія души, они считаютъ лучшимъ уничтожить ее; первая причина, противъ воли создавшая человѣка, поглощаетъ его, какъ излила, или, скорѣе, тутъ нѣтъ ни высшаго существа ни чело́вѣчества; а есть бездна, по краямъ которой скитаются блѣдныя тѣни, вышедшія изъ нея на мгновеніе и снова поглощаемыя ею безвозвратно.

Отсюда видно, что сколько истинное ученіе Платона сообразно съ духомъ христіанства, столько ложное, искаженное александрійскою школою, противно ему. Вотъ весь секретъ неоплатониковъ XVI—го вѣка. Философія Марсилія Фичина, Бруно, Патрици, есть не философія Платона, но пантеистическій платонизмъ Александрійцевъ. Мы можемъ сказать, что всѣ эти философы имѣли въ глубинѣ своихъ мыслей, всѣ они сознавали противорѣчіе своихъ ученій съ духомъ христіанства; но православные или еретическіе противники, умысленные или неумысленные, всѣ впадаютъ въ одинаковую крайность. Гемистъ Плетонъ, одинъ изъ первыхъ Византійцевъ, принесшихъ на Западъ греческія творенія, думаетъ соединить Платона съ Зороастромъ. Основатель платонической академіи во Флоренціи,

Марсилий Фидинъ, есть искренній, чистосердечный христiанинъ только энтузиазмъ его колеблется между Платономъ и Плотинъ, номъ, или лучше, онъ различаетъ ихъ, а перевода и толк-я обоихъ, онъ чистосердечно хочетъ согласить ихъ. Пикъ де-Мирандола идетъ по его слѣдамъ, и, какъ нѣкогда Филомъ, къ космогонии Моисея приспособляетъ мистическое толкованіе. Патрици, безпокойный и безпорядочный умъ, подъ именемъ Платона и Гермеса, даетъ волю своимъ нелѣпымъ мечтамъ. Но вотъ, въ платонической школѣ два важныя лица, кардиналъ Виссаріонъ и кардиналъ Николай Кузсъ: но вѣрно ли они толкуютъ *Федона* и *Тимея*? Къ сожалѣнію, нѣтъ; напитанные духомъ александрійской школы, они перемѣшиваютъ и спутываютъ вмѣстѣ Платона, Аристотеля и Плотина. Одинъ видитъ троичность въ *Тимей*; другой также выдумываетъ фантастическую троичность, въ основаніе которой поставляетъ плотиново единство, и эту смѣсь передаетъ Джіордано Бруно.

Общая черта всѣхъ этихъ философовъ подмѣнить истиннаго Платона искаженнымъ Платономъ александрійской школы, и этимъ прекрасно объясняется то, почему платонизмъ XVI-го вѣка, родной братъ платонизма Порфирія и Юліана, былъ какъ и старшій его братъ, враждебнымъ орудіемъ противъ христiанской религіи.

Теперь можно составить вѣрное понятіе о философіи возрожденія. Этой философіи недостаетъ оригинальности. Заслуга ея въ отважной рѣшительности ея противоборства. Всѣ свои идеи она почерпаетъ изъ двухъ большихъ источниковъ, перипатетизма и платонизма; но замѣняя схоластическаго Аристотеля истиннымъ Аристотелемъ, и снова выводя на сцену мистическаго и пантеистическаго Платона Александрійцевъ, она мощно противопоставляетъ схоластикѣ два величайшіе ума и два славнѣйшія имени прошедшаго.

Посреди того всеобщаго и плодотворнаго движенія историческихъ изысканій, къ которому нашъ вѣкъ влечетъ умы, и которое вывело на свѣтъ, поочередно, главныхъ эпохи человѣческой мысли, возстановило столько древнихъ системъ, оживило столько воспоминаній, возбудило столько идей, и разрыло въ различныхъ направленіяхъ поле прошедшаго, можно замѣтить, что философія XV и XVI-го вѣковъ была почти совершенно забыта. Благодаря трудамъ Сень-Марка Жирардена, Шалля и Сень-Бѣва, литература вѣка возрожденія намъ знакома уже, но философія этой эпохи все еще оставалась въ тѣни. Не должно ни удивляться, ни жаловаться на это. Древность и времена новѣйшія прежде обратили на себя взоры исторіи,

по оригинальности своихъ идей и несравненной красотѣ своихъ памятниковъ. За тѣмъ наступила очередь среднихъ вѣковъ и они заслуживали это, потому-что также имѣютъ свой собственный характеръ и свои вѣковыя творенія. Послѣ всего уже настала чередъ и для вѣка возрожденія; иначе не могло и быть: это переходная эпоха, и потому самому она не имѣетъ отличительной физиономіи, и не могла наложить на свои умственные произведенія этой эпохи болѣе странной, чѣмъ оригинальной, въ нихъ гений только сверкаетъ, какъ молнія между черныхъ тучъ, въ нихъ воображеніе одушевляется, но вмѣстѣ и искажаетъ ученость, неозаренную критикою; онъ не имѣетъ ни строгой точности вѣка Оомы Авинната, ни правильной легкости вѣка Декарта и Боссюэта.

Если философскимъ памятникамъ вѣка возрожденія не достаетъ истинной оригинальности и истиннаго величія, за то люди этого времени гораздо больше, гораздо выше своихъ сочиненій. Эти люди—мученики. Правда, въ дѣйствіяхъ ихъ умовъ нѣтъ непремѣнной правильности, но сколько вѣры, сколько силы въ ихъ душахъ! Читая ихъ сочиненія, трудно быть строгимъ къ нѣкоторымъ ихъ ученіямъ. Слѣдуя за ними по мрачнымъ темницамъ и на горящие костры инквизиціи, нельзя не удивляться имъ. Какая трагедія—жизнь и смерть величайшихъ умовъ XVI-го вѣка! Одинъ, осужденный на сожженіе, твердымъ шагомъ идетъ къ мѣсту своей казни, и испускаетъ болѣзненный крикъ только тогда, когда щипцы палача вырвали у него языкъ: другой двадцать-семь лѣтъ страдаетъ въ дѣпяхъ, и семь разъ предается ужаснѣйшимъ пыткамъ; третій получаетъ свою смерть отъ руки убійцы, въ ночь св. Варооломея, и неблагодарные школьники, въ необузданномъ, дикомъ фанатизмѣ, ругаются надъ его трупомъ; наконецъ, четвертый, смѣлѣйшій и отважнѣйшій изъ всѣхъ, предшествуетъ Галилею въ тюрьмахъ римской инквизиціи, и послѣ семилѣтнихъ страданій, которые несколько не могли поколебать его мужества, возводится на костеръ среди того Рима, который нѣкогда слушалъ Лукреція, рукоплескалъ Цицерону, воздавалъ почести Плотину.

Остановимся на томъ чловѣкѣ, въ которомъ гений вѣка возрожденія проявился съ большимъ блескомъ. Въ наше время вообще смотрѣли на Джіордано Бруно, какъ на великаго мета-

физика XVI-го вѣка. Въ Германіи, удивленіе, возбуждаемое имъ, въ продолженіе послѣднихъ сорока лѣтъ, дошло до энтузіазма. Якоби первый подалъ сигналъ. Это одно изъ противорѣчій причудливаго его ума, вмѣстѣ скептическаго и романтическаго, отрицательнаго и сантиментальнаго, избрать между философами, двухъ пантеистовъ, Бруно и Спинозу. Шеллингъ воздавалъ неаполитанскому философу честь, какой Платонъ удостоилъ Тимея, влагая въ его уста свои смѣлыя и блестящія теоріи. Гегель, не столько пристрастный, какъ Шеллингъ, къ восторженному пантеизму Бруно, уважаетъ въ немъ предтечу идеализма. Германія имѣетъ свои причины уважать Спинозу и Бруно; воздавая имъ почести, тѣмъ самымъ она превозноситъ себя, потому что она привѣтствуетъ въ нихъ обоихъ начало идеи, которую считаетъ всегдашнимъ приобрѣтеніемъ науки, идеи всеобщаго тождества. И въ самомъ дѣлѣ, Бруно первый бросилъ въ міръ эту идею, съ воображеніемъ поэта и фанатическимъ мужествомъ сектатора. Эта-то идея, еще въ стѣнахъ монастыря, явилась пылкому юношѣ. Она воспламеняетъ его, овладѣваетъ имъ. Изъ монастыря она бросаетъ его въ свѣтъ; увлекаетъ на всѣ арены европейской философіи; вводитъ въ борьбу съ богословами Сорбонны, съ докторами Оксфорда, съ реформаторами Виттемберга. Наконецъ, она приводитъ его подъ свинцовыя крыши венеціанскихъ тюремъ, и наполняетъ душу его ясностію, непогрѣдившею даже на кострѣ, среди пламени. Эта увѣренность въ своей идее, эта смѣлость провозглашать, это рвеніе распространять, эта твердость защищать ее до смерти: вотъ что придаетъ Бруно особенную фізіономію. Между поклонниками древности, едва ли не одинъ онъ сохранилъ нѣкоторую независимость, лучше сознавалъ себя и вѣрнѣе понималъ, для чего боролся и съ схоластикою, и съ Аристотелемъ.

Не раздѣляя предубѣжденія Германія къ этому пылкому, необузданному уму, нельзя не согласиться, что Бруно, какъ самый независимый изъ неоплатониковъ, какъ самый смѣлый изъ противниковъ схоластики, какъ отецъ пантеистической школы, произведшей Спинозу, Шеллинга и Гегеля, и наконецъ, какъ преданный слуга и героическій мученикъ философіи, занимаетъ важное мѣсто въ XVI-мъ вѣкѣ, и представляетъ самый интересный предметъ для современной намъ философіи.

Германія болѣе превозносила Бруно, чѣмъ познакомила съ нимъ. Брукеръ ученымъ образомъ рассказываетъ его жизнь, и не понимаетъ его ученія; Теннеманъ, какъ послѣдователь Канта, съ презрѣніемъ смотритъ на его сочиненія. Другой у-

ченикъ, Канта, Буле, менѣе пристрастный, растянуто и темно излагаетъ идеи, которыхъ онъ, кажется, и не понималъ. Сочиненія Бруно отличаются темнотою и нѣкоторыя изъ нихъ очень рѣдки; достаточно вспомнить о *Cabala del Cavallo Pegaso*, которое такъ дорого стояло герцогу Ла-Вальеру, и о знаменитомъ *Spaccio de la bestia trionfante*. Г. Вагнеръ издалъ полное собраніе итальянскихъ твореній Бруно; но латинскія сочиненія, особенно *De triplici Minimo* и *De Monade*, имѣютъ также свою важность. Г. Бартолмессъ, воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ, составилъ полную жизнь Бруно съ обширными выписками изъ его сочиненій и умною оцѣнкою его философіи. Трудъ господина Бартолмесса бросилъ новый свѣтъ на нѣкоторыя особенности въ жизни этого бурнаго, безпокойнаго мыслителя. Благодаря труду его, мы познакоимъ читателей съ особенно рѣзкими чертами характера Бруно и главными положеніями его философіи.

II.

Джіордано Бруно родился въ Нолѣ, близъ Неаполя, въ 1550 году. Къ какому сословію принадлежалъ онъ по своему рожденію, историки говорятъ различно: одни считаютъ его родителемъ въ числѣ дворянъ, между тѣмъ, по мнѣнію другихъ, отецъ его былъ портной, а мать прачка. Но не для всѣхъ людей нужна родословная, длинная цѣпь громкихъ и не всегда славныхъ именъ. Бруно самъ по себѣ и только для себя увѣковѣчилъ свое имя. Судьба, поставившая его подлѣ палящимъ небомъ, дала ему огненную, пылкую душу, безпокойное, живое воображеніе. Не рѣдко случается, что такіе характеры считаютъ себя предназначенными къ суровой монастырской жизни, къ безмолвію пустыни; Бруно вступаетъ въ орденъ доминиканцевъ. Эшаръ, историкъ доминиканскаго ордена, отвергалъ, чтобы Бруно когда-нибудь былъ въ числѣ братіи ихъ святаго ордена, и единственно по той причинѣ, что еслибы Бруно разъ сбѣжался доминиканцемъ, то никогда бы не рѣшился оставить этого братства, и навсегда бы остался добрымъ католикомъ. Неоцѣненное простодушіе думать, что воспитаніе выше духа времени! Что бы сказалъ почтенный Эшаръ, когда бы увидѣлъ, что Вольтеръ вышелъ изъ рукъ іезуитовъ?—Но что будетъ дѣлать въ мона-

стырь нашъ молодой Неаполитанецъ? Прекрасный, умный, краснорѣчивый, напитанный поэзіею, жаждущій славы, онъ не противится призыву свѣта; триумфы и бури вѣка увлекаютъ его. Монастырскія правила становятся для него невыносимымъ игомъ. Онъ покидаетъ стѣны монастыря. Не отрадное дуновение религіозной, мистической Германіи, но сухое, палящее дыхание итальянскаго невѣрія проникаетъ въ душу Бруно. Гдѣ вы найдете христіанскую вѣру въ Италиі, въ шестнадцатомъ столѣтіи? Въ ученыхъ школахъ Флоренціи и Падуи, Козенцы и Рима, въ которыхъ толпятся смѣлые изслѣдователи природы, фанатическіе обожатели древности? Между клириками, преданными низкому разврату и погруженными въ глубокое невѣжество, или между высшими прелатами, которые утопаютъ въ роскоши и славятся знаніемъ искусствъ и уваженіемъ къ древней литературѣ? Или въ сонмѣ кардиналовъ, которые оставляютъ библію для Цицерона, и подъ сводами Ватикана исповѣдуютъ безсмертныхъ боговъ? Нѣтъ, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, не было вѣры въ Италиі даже на папскомъ престолѣ. Были ученые богословы, глубокомысленные канонисты, какъ Бароній и Белларминъ; были художники, которыхъ воображеніе плѣнялось христіанскими образами. Строили храмъ Петра, украшали Сикстинскую капеллу, изображали божественную Малонну; но уже не было простой, чистой вѣры, свойственной истиннымъ христіанамъ; кисти свои посвящали религіи, но душу Форнаринѣ.

Этотъ-то общій духъ сомнѣнія и невѣрія охватываетъ Бруно; онъ соединяетъ въ немъ сильную потребность вѣры, съ ненасытимою жаждою новостей и открытій и славою въ будущности. Тревожимый безирредѣльнымъ безпокойствомъ, Бруно начинаетъ свою скитальческую жизнь. Изъ Неаполя, онъ ѣздитъ въ Генуу, въ Ниццу, въ Миланъ, Венецію. Вездѣ онъ увлекаетъ, тревожитъ, удивляетъ; вездѣ онъ накликаетъ на себя невзгоды, и отважно презираетъ ихъ. Гонимый изъ города въ городъ, онъ рѣшается наконецъ оставить Италию, чтобы по всей Европѣ разлить мучившее его пламя противорѣчій и новизны.

Въ 1580 году, тридцати лѣтъ, Бруно покидаетъ свое любимое отечество. По другую сторону Альпійскихъ горъ, Женева представляла естественное убѣжище, открытое для всѣхъ изгнанниковъ Италиі за религіозныя мнѣнія. Бруно, дѣйствительно, приходитъ въ Женеву, какъ говоритъ преданіе, подтвержденное и обвинительнымъ актомъ; впрочемъ, о пребываніи его въ этомъ городѣ ничего болѣе не извѣстно. Можно

только догадываться, что его мнѣнія, подвергшія его изгнанію изъ католической Италиі, заставили его также покинуть и протестантскую Женеву. Женевцы, въ самомъ дѣлѣ, не позволяли свободно разсуждать о вопросахъ религіозныхъ. По словамъ Беза, они опредѣлили разъ навсегда, чтобы ни въ логику, ни въ другой какой отрасли знанія, не уклоняться отъ смысла Аристотеля. Нолаңтея, какъ любилъ себя называть Бруно, не долго оставался въ городѣ Кальвина. Надо при этомъ замѣтить, вопреки нѣкоторымъ историкамъ, что Бруно не могъ имѣть личныхъ сношеній съ знаменитымъ реформаторомъ, умершимъ за шестнадцать лѣтъ до его прибытія въ Женеву.

Изъ Женевы, Бруно убѣгаетъ въ Лионъ, гдѣ не останавливаясь, удаляется потомъ въ Тулузу, которая словъ его принимаетъ съ крикомъ негодованія. Опасаясь поддаться, въ этомъ ногостепіимномъ городѣ, участи, ожидавшей Ванни. Бруно надѣется найти болѣе вѣрное убѣжище въ городѣ, гдѣ дымилась еще кровь Варооломеевской ночи. Бруно дважды жилъ въ Парижѣ, первый разъ въ 1582 и 1583 годахъ; потомъ, послѣ путешествія своего въ Англию, въ 1585 и 1586. Онъ нашелъ здѣсь могущественныхъ себя покровителей, Генриха, великаго пріора ангулемскаго, и венеціанскаго посланника, Моро, который представилъ его Генриху III. Благодаря этому высокому покровительству, Бруно получаетъ позволеніе читать философію въ парижскомъ университетѣ.

Бруно имѣлъ огромный успѣхъ. Онъ былъ молодъ и красивъ, и говорилъ съ такою удивительною плодовитостію, что утомлялъ записывавшихъ его рѣчи. Лицо его было задумчиво, черты вѣжны и благородны; глаза бросали молнію. Онъ говорилъ стоя; презиралъ школьныя формы и полагаясь на свое быстрое вдохновеніе, онъ принималъ всѣ тоны: то рѣчь его лилась съ восторженностію, то отзывалась ѣдкою ироніей, то упала до шутливости; священные предметы у него перемѣшались съ житейскими, и метафизическія отвлеченности являлись въ поэтическихъ образахъ. Но смѣлыя его нововведенія лучше объясняютъ успѣхъ. Прочтайте его письмо къ ректору парижскаго университета, Фильзаку, и вы будете имѣть понятіе объ удивительной смѣлости его рѣчей, и объ эффектѣ, какой должно было произвесть на молодого, восторженнаго слушателя это гордое, свободное слово, этотъ смѣлый призывъ къ независимости, изъ устъ молодого человѣка, съ пламеннымъ взглядомъ, съ воодушевленными жемами, съ энергическимъ выраженіемъ, котораго какъ будто тревожилъ внутренній де-

монь, и языкъ котораго, то потемняемый отвлеченными понятіями, то блестящій поэтическими символами, показывалъ, какъ сквозь облако, міръ новый, лучшій, неизвѣстный.

«Намъ говорить» пишетъ онъ, «во имя преданія; но истины гораздо болѣе въ настоящемъ и будущемъ, чѣмъ въ прошедшемъ. Да и это древнее ученіе, которое противопологаютъ намъ, есть ученіе Аристотеля. Но Платонъ древнѣе Аристотеля, и Пифагоръ древнѣе Платона. Аристотель вѣрилъ ли Платону нѣ-слово? Будемъ подражать Аристотелю въ этомъ, не довѣряя ему. Нѣтъ такого древняго мифа, которое когда-нибудь не было бы ново. Если возрастъ есть признакъ и мѣра истины, то нашъ вѣкъ лучше вѣка Аристотеля, потому что міръ теперь старѣе двадцатью вѣками. Но къ чему всегда полагаться только на авторитетъ? Къ чему спрашивать Платона или Аристотеля? Верховный судія истины—очевидность. Гдѣ не достаетъ ясности, гдѣ нѣмы умъ и чувства, тамъ остается сомнѣваться и ожидать. Авторитетъ не въ, но внутри насъ. Божественный свѣтъ блещетъ въ глубинѣ нашей души, для вдохновенія и руководства всѣхъ нашихъ мыслей. Вотъ истинный авторитетъ.» Здѣсь Бруно далъ себѣ просторъ напасть на логику Аристотеля и на всѣ понятія, установившіяся въ физикѣ и астрономіи. Съ энтузіазмомъ излагая теорію Коперника, со всею гибкостью самаго тонкаго ума объясняя остроумную науку Раймунда Лулія, онъ высказалъ нѣсколько идею, которая соблазнила и обворожала воображеніе какимъ-то непонятнымъ поэтическимъ очарованіемъ, идею объ единомъ началѣ открывающемъ себя и въ отвлеченныхъ категоріяхъ логики и въ живыхъ явленіяхъ природы, о безконечной, неистощимой, вѣчно дѣйствующей силѣ, которая поддерживаетъ и возобновляетъ безчисленные міры въ неизмѣримости пространства и времени; объ единствѣ непроницаемомъ для самого себя, которое самымъ полнымъ и самымъ вѣрнымъ образомъ выражается не въ какихъ-нибудь слабыхъ человѣческихъ символахъ, но только въ безпредѣльности вселенной.

Если бы Бруно ограничился нападками на папу, онъ нашелъ бы въ Оксфордѣ сочувствіе себѣ. Если бы даже онъ старался disproвергнуть только логику и физику Аристотеля, и тогда бы, можетъ быть, не былъ оставленъ; но онъ коснулся основаній религіи, и потерялъ все, какъ въ Сорбоннѣ, такъ и въ Оксфордѣ.

Впрочемъ, сначала все шло хорошо. Покровительствуемый французскимъ посланникомъ, Михаиломъ де-Кастельно, открытымъ другомъ философіи, который въ этотъ вѣкъ кроваваго фа-

натизма, считалъ за честь быть переводчикомъ Рамуса, и принималъ у себя Джордано Бруно; представленный Филиппу Сиднею, этому благородному, великодушному человеку, котораго съ увѣренностію можно было встрѣтить вездѣ, гдѣ нужна была помощь и защита, неаполитанскій философъ былъ въ большой милости при дворѣ королевы Елисаветы. Онъ съ немѣлнымъ восторгомъ отзывался объ этой королевѣ, какъ и Шекспиръ, называвшій ее прекрасною *Вестакою, возсѣдающею на тронъ Запада*. Бруно сравнивалъ Елисавету съ Діаной, и находилъ, что въ ней соединились красота Клеопатры съ геніемъ Семiramиды. Не будемъ слишкомъ строги къ восторженному Итальянцу за его преувеличенныя похвалы гениальной королевѣ. По возвращеніи въ отечество, ему очень дорого стоила эта крупица оиміама, сожженного въ честь протестантки. Съ увѣренностію на покровительство Елисаветы, Бруно отирается въ Оксфордъ, съ гордымъ намѣреніемъ атаковать перипатетизмъ въ одной изъ его цитаделей. Этотъ университетъ такъ привязанъ былъ къ Аристотелю, что однимъ изъ его статуовъ постановлено было: «Бакалавры и магистры, не слѣдующіе въ точности Аристотелю, подвергаются штрафу въ пять шиллинговъ за отступленіе, или только за ошибку противъ *Органона*.» Впрочемъ, Бруно получаетъ позволеніе говорить о своей философіи, и даже съ особеннымъ торжествомъ. Въ Оксфордъ пріѣхалъ королевскій визитаторъ; въ честь его пріѣзда былъ данъ великолѣпный праздникъ, со всѣми особенностями, свойственными этому университетскому городу. Канцлеръ университета провелъ своего гостя по всѣмъ коллегіямъ, величественной архитектурѣ которыхъ и цинѣ нельзя не удивляться. Коллегія Христа, коллегія Всѣхъ Душъ (*all souls College*) были театромъ ученыхъ торжествъ. Въ коллегіи Дѣвы всѣ останавливаются, для присутствованія при философскомъ диспутѣ, въ которомъ Бруно долженъ былъ бороться съ опытными наставниками Оксфорда. Бой былъ самый блистательный. Одинъ докторъ былъ сбитъ до пятнадцати разъ. Предметъ, избранный для диспута, возвышалъ еще нѣсколько эту борьбу, и придавалъ ей нѣкоторый родъ величія. Бруно, органъ новаго духа, доказывалъ превосходство астрономіи Коперника передъ астрономіею Птолемея, которую защищалъ одинъ изъ наставниковъ оксфордскаго университета.

Отважность неаполитанскаго философа возрастала съ каждымъ днемъ; онъ рѣшился наконецъ приступить къ страшному вопросу о безсмертіи души. Не вооружаясь прямо противъ христіанскаго ученія объ этомъ предметѣ, но возобновляя пи-

эгорейскій метампсихозисъ, Джіордано осмѣлился водить душу, послѣ здѣшней ея жизни, изъ тѣла въ тѣло, изъ міра въ міръ, и такимъ образомъ унижалъ личность человѣка, посреди постепенныхъ проявленій безсмертнаго начала. Бруно долженъ былъ оставить Оксфордъ, какъ онъ оставилъ въ первый разъ Парижъ.

Въ первое свое пребываніе въ Парижѣ, Бруно ограничивался изложеніемъ ученія Раймонда Луллія, по послѣ возвращенія своего изъ Лондона, онъ смѣлился гораздо смѣлѣе и возобновилъ свои нападки на Аристотеля. А на французской почвѣ, въ столичномъ университетѣ, подобная попытка казалась гораздо доразовеннѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ.

Парижскій университетъ, поддерживаемый парламентомъ, а въ случаѣ нужды короною и самымъ народомъ, былъ твердымъ оплотомъ перипатетиковъ. За нѣсколько лѣтъ прежде, судьба Рамуса представляла печальный и памятный опытъ. Нѣкоторыя подробности объ этомъ происшествіи необходимы для объясненія сцены, на которой явился Бруно, и для оцѣнки словъ, которыя онъ осмѣлился произнести.

Для экзамена на степень магистра, Рамусъ, или, просто, *Pierre la-Ramée*, предложилъ смѣлу и даже дерзкую тему: «*Въ Аристотелѣ не все истинно!*» И въ своемъ твореніи *Aristotelicae animadversiones*, опровергалъ даже подлинность сочиненій этого знаменитаго философа. Сорбонна перенесла это дѣло въ Парламентъ, который, въ свою очередь, передалъ его въ королевскій совѣтъ. Виновному дано было позволеніе изложить и защищать свои теоріи въ продолженіе двухъ дней; послѣ чего послѣдовало повелѣніе, запрещающее новое ученіе, и окончивавшееся слѣдующими словами: «Поименованное сочиненіе *Aristotelicae animadversiones* вообще содержитъ въ себѣ только ложь и гнусный обманъ; посему повелѣвается, дабы оное сочиненіе, для пользы и блага наукъ, было уничтожено навсегда.» Это рѣшеніе, принятое Парижанами съ живѣйшимъ выраженіемъ удовольствія, было прибито на всѣмъ перекресткахъ, на французскомъ и латинскомъ языкахъ, и разослано ко всѣмъ иностраннымъ академикамъ. Аристофанъ того времени поставили нововодителя на сцену, и ихъ пѣсы были принимаемы съ шумнымъ рукоплесканіемъ. Наконецъ, въ роковую ночь святаго Варооломея, Рамусъ, ненавидимый народомъ, какъ *анти-аристотеликъ* и *пугалотъ*, былъ схваченъ студентами, которые, наругаясь надъ нимъ, бросили его въ Сену.

Но это, еще свѣжее, воспоминаніе не лишило бодрости Бруно, и пребываніе его въ такую эпоху въ Парижѣ обличаетъ

въ немъ сильный, энергическій характеръ. Расположеніе умовъ, доведшее Рамуса до гибели, долго еще господствовало въ Парижѣ и послѣ описываемой нами эпохи. Даже при Лудовикѣ XIII парламентъ издалъ постановленіе, которымъ каждому лицу, подлѣ смертною казнію, воспрещалось держаться какихъ-нибудь началъ, противныхъ древнимъ и одобреннымъ писателямъ.

Во второй разъ оставивъ Парижъ, Бруно отправился въ Германію. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Марбургѣ, онъ уѣхалъ въ Виттембергъ, колыбель и оплотъ протестантизма. Лютера уже не было; Меланхтонъ также отправился за нимъ въ моиглу. Бруно хвалился благосклоннымъ пріемомъ, смѣланнымъ ему въ Виттембергѣ, который называлъ онъ германскими Аеинами. И въ благодарность за то, онъ провозгласилъ папу *Церберомъ съ тройною тѣлою*; а Лютера полу-богомъ, исторгающимъ цербера изъ мрачнаго ада и принуждающимъ его изрыгнуть свой ядъ и взглянуть на солнце. Изъ этого панегрика отцу реформы заключаютъ, что Бруно былъ лютеранинъ. Но это несправедливо. Предполагая такимъ образомъ, можно подумать, что Спиноза былъ христіанинъ, потому-что онъ оставилъ синагогу и посѣщалъ иногда христіанскую церковь. Разсуждать такъ значить не понимать смѣлаго полета этихъ двухъ умовъ. Бруно такимъ же былъ лютераниномъ въ Виттембергѣ, какъ кальвинистомъ въ Женевѣ и англиканцемъ въ Оксфордѣ. Для него, какъ и для Спинозы, истинная религія не заключалась въ религіозныхъ формахъ, и протестанство потому только стоило уваженія въ ихъ глазахъ, что было шагомъ къ чистой философіи. Изъ Виттемберга, Бруно отправился въ Прагу, потомъ въ Гельмштедтъ, гдѣ герцогъ брауншвейгскій поручилъ ему воспитаніе своего наслѣдника престола, наконецъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ. Здѣсь исторія теряетъ его слѣды, и встрѣчается съ нимъ уже въ Падуѣ, въ ту минуту, когда начинается печальная трагедія съ развязкою на кострѣ инквизиціи.

Самыя отважныя, самыя смѣлыя выходки Бруно ничто въ сравненіи съ его рѣшимостію снова вступить въ предѣлы Италіи. И замѣтите, какое мѣсто избралъ онъ себѣ жилищемъ; Падуу! Падуу, главное гнѣздо перипатетизма; Падуу, управляемую Венеціею, гдѣ римская инквизиція разставила свои силки и содержала тюремщиковъ. Кажется, враждебный рокъ этого отважнаго, безпокойнаго мыслителя, и толкалъ его изъ одной бездны въ другую, до самой гибели. Не будемъ обвинять его, но пожалѣемъ объ немъ; подозрѣваемый всѣмъ духо-

венствомъ, всѣми европейскими университетами, не находя покоя въ чужой землѣ, онъ рѣшается искать убѣжища въ родной странѣ и созерцать то благодатное небо, *il cielo benigno*, о которомъ онъ говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ съ трогательнымъ умиленіемъ изгнанника.

Въ сентябрѣ 1592 года, инквизиторъ Венеціи захватилъ Бруно и посадилъ въ тюрьму, отданную республикою въ распоряженіе инквизиціи. Объ его арестѣ тотчасъ же было донесено великому инквизитору, Санторіо, жившему въ Римѣ. Санторіо приказалъ при первомъ случаѣ препроводить его къ нему съ конвоемъ. 28-го числа того же мѣсяца представлялся удобный случай, и отецъ инквизиторъ, въ сопровожденіи патриархаго викарія и члена инквизиціи, Томаса Морозини, отправился въ совѣтъ республики, требовать, именемъ его преосвященства, выдачи Джіордано, по слѣдующимъ побудительнымъ причинамъ: «Этотъ человекъ, говорилъ онъ, не только еретикъ, но ересеначальникъ;—онъ написалъ нѣсколько книгъ, въ которыхъ выхвалялъ королеву Англіи и другихъ еретическихъ принцевъ;—онъ издалъ различныя сочиненія, касающіяся религіи и противныя вѣрѣ, хотя выражался по философски;—онъ отступникъ отъ вѣры, потому что былъ сначала доминиканцемъ;—онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Женевѣ и Англіи;—его преслѣдовало правосудіе въ Неаполѣ и въ другихъ мѣстахъ.» Перечисливъ эти преступленія, отецъ инквизиторъ горячо настаивалъ на своемъ требованіи, показывая, что ему такъ хорошо извѣстно все, относящееся до обвиняемаго, какъ будто бы онъ никогда не терялъ его изъ вида. *Сави* * колебались и старались отбѣлаться отъ инквизитора; прошло утро; послѣ, обѣда, отецъ инквизиторъ пришелъ опять и удвоилъ свои настоянія. Наконецъ *Сави* отказали ему, потому что это правосудіе требуетъ разсмотрѣнія, и за множествомъ болѣе важныхъ дѣлъ республики, не лзя такъ скоро произнести рѣшеніе.

Кто произнесъ этотъ отвѣтъ въ венеціанскомъ совѣтѣ? Не извѣстно; но нерѣшительность Венеціи, для Бруно была жестоце смерти. Вотъ, онъ безъ суда осужденъ на заключеніе, и, Богъ знаетъ, какъ оно будетъ продолжительно. Какое наказаніе для этой пылкой души, жаждавшей безпрестанной дѣятельности, —безмолвіе тюрьмы! Какая страшная пытка—неизвѣстность

* *Сави* или мудрые, съ дожемъ и вельможами, составляли совѣтъ республики.

будущаго! И надо подумать, шесть лѣтъ провелъ онъ подъ свинцовыми кровлями венеціанскихъ тюремъ! Венеція забыла объ немъ; но Санъ-Северинъ не забылъ. Душа Торквемады возвратилась въ этого злбнаго, жестокаго Испанца, который, вмѣстѣ съ Белларминомъ, неусыпно бодрствовалъ около Климента VIII, чтобы не допускать милости къ престолу первосвященника. Выдача Бруно послѣдовала въ 1598 году. Что происходило въ римской тюрьмѣ между судомъ инквизиціи и ея жертвою, извѣстно только изъ короткаго разсказа Сціоппіа; не лзя довѣрять этому лицу, всею душою преданному іезуитамъ; но не будемъ обвинять и въ преувеличеніи этого безжаостнаго свидѣтеля процесса, безчувственнаго зрителя мученій, жестокаго поносителя жертвы. Послѣ изслѣдованія сочиненій, приступили къ допросамъ, которые быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Когда думали, что Бруно уже побѣдленъ, то ожидали его обращенія; стали требовать отъ него, подъ смертною казнію, чтобы онъ призналъ всѣ свои мнѣнія ошибочными, всѣ сочиненія нечестивыми и нечлвными, противными религіи и философіи, словомъ, чтобы рѣшительно отрекся отъ своихъ заблужденій. Первые богословы Рима считали за честь восторжествовать надъ нимъ. Но ничто не могло побѣдить непреклонной рѣшимости Бруно; онъ готовъ былъ спорить, но не думалъ сдаться. Полагали, что онъ хотѣлъ выиграть время; инквизиція сочла, что онъ издѣвается надъ нею, и рѣшилась быть неумолимою. 9-го февраля 1600 года, Джіордано представленъ былъ во дворецъ, гдѣ жилъ Санъ-Северино. Тамъ въ присутствіи кардиналовъ и богослововъ, совѣтниковъ инквизиціи, Бруно принудили насильно стать на колѣни предъ губернаторомъ Рима, и прочитали его приговоръ. Онъ былъ отлученъ отъ Церкви и лишенъ всѣхъ правъ. По окончаніи чтенія, Бруно преданъ былъ въ руки свѣтской власти, для наказанія самымъ милостивымъ образомъ и безъ пролитія крови, *ut quam clementissime et citra sanguinis effusionem puniretur*; эта злѣрски насмѣшливая формула употреблялась, когда присуждали къ наказанію огнемъ; она хорошо характеризуетъ лицемѣрный и злобный духъ инквизиціи. Наказаніе отсрочено было на восемь дней, чтобъ дать обыкновенному времени покаяться въ своихъ преступленіяхъ. Но Бруно не принялъ никого, и, 17-го февраля 1600 года, онъ торжественнымъ образомъ приведенъ былъ на мѣсто казни и возведенъ на костеръ. «Такъ погибъ онъ», говоритъ очевидецъ Сціоппіи, прибавляя намекъ на безконечные міры Бруно: «Я думаю, онъ расскажетъ во всѣхъ, воображаемыхъ

имъ мірахъ, какъ Римляне обыкновенно поступаютъ съ богоульниками и нечестивцами.»

Твердость не оставляла Бруно ни на минуту вовремя этого ужаснаго жертвоприношенія. Когда ему прочитали приговоръ, онъ выпрямился, и, обведя спокойнымъ взоромъ все собраніе фанатическихъ его судей, сказалъ: Можетъ быть, вы съ большимъ страхомъ произносите этотъ приговоръ, чѣмъ я принимаю его (*majori forsitan cum timore sententiam in me fertis quam ego accipiam*.) На мѣстѣ казни Бруно вполне достоинъ былъ этихъ геройскихъ словъ. На кострѣ, среди пламени, эта желѣзная воля сохранила свою твердость, это благородное чело блистало своею прежнею ясностію.

III.

Какое было преступленіе Бруно? Его преступленіе были его идеи. Чтобы судить объ немъ и вмѣстѣ произнести приговоръ его судьямъ, надо оцѣнить эти идеи. Были ли онѣ, въ самомъ дѣлѣ, нечестивы, безбожны, безнравственны? Въ наше время, ничто не можетъ устрашить безпристрастія исторіи: Санъ-Северино уже не существуетъ; онъ не слышитъ насъ; мы со всею откровенностію можемъ охарактеризовать систему Бруно, и оцѣнить достоинство ея безъ угодливости и безъ притворства.

Бруно желалъ достигнуть тройственной цѣли: онъ хотѣлъ установить дуализмъ вмѣсто логики Аристотеля, астрономіей Коперника замѣнить систему Птолемея, наконецъ, замѣнить христіанскую метафизику обновленнымъ платонизмомъ. Эти три предпріятія тѣсно соединены между собою.—Бруно не былъ астрономомъ и математикомъ; онъ держался теоріи Коперника не по опыту, но *a priori*, не при помощи строгихъ выкладокъ, но съ вѣрою въ свои метафизическія идеи. Потому астрономія его была частію его платонизма. Чтѣ касается до попытки его возстановить логику Локка, то она интересна только потому, что черезъ это онъ вводилъ пантеистическую идею. Извѣстно, какую важную роль играла въ средніе вѣка *Ars magna* майорскаго философа. Съ пронизательнымъ умомъ, пламеннымъ воображеніемъ, геройскимъ сердцемъ, это романтическое лицо вмѣстѣ и алхимикъ и миссіонеръ, выдалъ подѣ именемъ великаго искусства родъ машины для мышленія. Это была азбука отвлеченныхъ идей, логическихъ предметовъ и свойствъ, ко-

торые, будучи распределены въ извѣстныхъ кругахъ, соединены и раздѣлены извѣстными линиями, должны были доставлять средніе термины для всѣхъ разсужденій, неисчерпаемый источникъ для диспутовъ, безконечное совокупленіе и полное собраніе новыхъ истинъ. Не столько уже удивляешься, видя что Бруно, пылкій и восторженный, какъ Локкъ, илѣнился подобнымъ искуствомъ, когда подумаешь, что, гораздо позже, совершенно такая же идея соблазнила Лейбница, и что этотъ мощный и смѣлый умъ, раздвинувшій предѣлы математики, никогда не отвергалъ возможности алгебры мысли. Впрочемъ, Бруно преобразовалъ теорію Локка на новомъ началѣ; онъ былъ убѣжденъ, что во всеобщемъ порядкѣ вещей есть тайная логика, и что тотъ, кто съумѣетъ понять первые элементы мысли и законы необходимымъ ихъ совокупленій, тотъ достигнетъ до послѣдняго основанія вещей. Здѣсь видна основная идея логики Гегеля. И такъ дуализмъ Бруно, его полемика противъ Аристотеля, возстановленіе Пифагора и Коперника, все ведетъ къ изслѣдованію его метафизической системы.

Первое начало этого философа есть то, что существуетъ выше видимой природы, за предѣлами этихъ измѣняющихся и противоборствующихъ существъ, которыя наполняютъ пространство и время, начало безконечное и вѣчное, невидимое единство, неизмѣняемое тожество, управляющее и господствующее надъ всѣми противоположностями. Это существо существъ, единство единствъ, монада монадъ.

Не нужно доказывать бытіе Бога; душа чувствуетъ его и живетъ имъ въ безконечномъ твореніи. Какъ думать, что нѣтъ Бога, когда идея о безусловномъ единствѣ составляетъ условіе всякой мысли? Чтобы возвышаться къ Богу, не нужно взгромождать силлогизмы по образцу Аристотеля; достаточно созерцать природу и прислушиваться къ эху всеобщей гармоніи. Душа возвышается тогда до звуковъ безконечнаго; она забываетъ всѣ превратности; она не существуетъ уже болѣе въ мірѣ чувствъ; восхищенная божественнымъ восторгомъ, она соединяется съ своимъ началомъ.

Нельзя и подумать описать это существо, котораго каждая душа чувствуетъ въ глубинѣ своей. Его можно представить только въ его проявленіяхъ; въ самомъ себѣ оно совершенно непостижимо. Описывать его, значитъ опредѣлять его. Но оно выше всякаго опредѣленія, оно выше даже существованія и бытія, *superessentialis, supersubstantialis*. Говорить, что это существо безконечно велико, значитъ еще сравнивать его. Безъ сомнѣнія, оно безконечно велико, но оно также и безконечно

мало; оно тожество крайнаго величія и крайней малости, *maximit* и *minimit*. Въ немъ соединяются всѣ крайности вещей, приводятся въ согласіе всѣ противорѣчія. Оно начало, конецъ и середина, оно центръ и окружность, безконечная сфера, которой центръ вездѣ, окружность нигдѣ.

Высшее существо не остается заключеннымъ въ глубинахъ своего единства; оно открывается чрезъ разумѣніе, а его разумѣніе есть источникъ жизни. Такимъ образомъ, не переставая быть единымъ, оно дѣлается троячнымъ. Впервыхъ, оно единство, бытіе, благо, послѣднее основаніе вещей; потомъ, разумѣніе, которое, заключаая въ себѣ идеи всего, есть уже все само въ себѣ; наконецъ, оно есть безусловная дѣятельность, осуществляющая идеи и наполняющая пространство и время своими проявленіями. Единство, разумъ, дѣятельность, вотъ истинная троячность.

Безусловная дѣятельность высшаго существа, это природа. Природа не слитна съ нимъ, но и не отдѣльна отъ него; она единственная, *unigenita*, дочь его, это его воплощеніе.

Такъ какъ есть безусловное могущество творить все, то должно быть и безусловное расположеніе производиться всему. На одно изъ этихъ двухъ началъ не можетъ быть преждевременнаго другаго. Онѣ совѣчны и сосущественны, или лучше сказать, онѣ двѣ стороны одного и того же начала. Различныя и даже противоположныя, въ этомъ конечномъ и относительномъ мірѣ, дѣятельность и страдательность, форма и матерія, сила и дѣйствительность, смѣшиваются въ безусловномъ. Изъ этого начала, въ которомъ все отождествляется, вѣчная логика выводитъ гармоническій рядъ всѣхъ идей и всѣхъ бытій. Это-то самое Бруно выражаетъ слѣдующими словами, которыми столько удивлялся Шеллингъ, и которыя нѣсколько разъ приводилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ. «Чтобы проникнуть въ глубочайшія таинства природы, не нужно утомлять себя изученіемъ противоположныхъ крайностей вещей. Найти точку соединенія не составляетъ еще самаго великаго; но умѣть выводить отсюда противоположности, вотъ секретъ и торжество искусства.» И такъ, Безконечное не есть высшая причина въ мірѣ, какъ у Аристотеля. Это внутренній художникъ *un principio efficiente e informativo da dentro*. Это начало изнутри даетъ форму и фигуру всѣмъ вещамъ. «Оно выводитъ стволъ изъ внутренности корней или зеренъ, отрасли изъ ствола, вѣтви изъ отраслей, и почки изъ вѣтвей. Нѣжная ткань листьевъ, цвѣтотъ и плодовъ, образуется, готовится и совершается внутри. Изъ

внутренности также оно даетъ соки плодовъ и листья вѣтвямъ, изъ вѣтвей отраслямъ, изъ отраслей стволу, изъ ствола корню.» Это вѣчный круговоротъ вещей, *circolo di ascenso ed escenso*, перемѣнное движеніе жизни и смерти, *progresso, regresso*, восходящая и нисходящая лѣтвица мысли и бытія, *scala per la quale la natura a la produzion de le cose l'intelletto ascende a la cognizion*.

Слѣдовательно, то, что мы называемъ вселенною, есть проявленіе божественнаго начала. *Ogni cosa ha la divinita latente in se*. Это начало не заключено въ природѣ, ни отдѣлено отъ нея. Послѣдняя есть произведеніе неотдѣльное отъ причины; первое постоянная причина въ своемъ произведеніи. Та собственно природа, а это, нѣкоторымъ образомъ, природа природы.

Живое выраженіе безконечнаго существа, вселенная такъ же безконечна, какъ и ея начало. Безусловное единство этого существа не терпитъ въ свойствахъ своихъ никакой неровности. Его разумъ безконеченъ, какъ и его бытіе; его дѣятельность также должна быть безконечна, и должна осуществлять безъ границъ то, что понялъ его разумъ, что его бытіе заключаетъ безъ мѣры. Какая гордость и какая глупость, заставлять конечный міръ вертѣться около неподвижной земли! Есть ли тутъ вселенная, достойная Творца? Высшее существо есть безконечное могущество, а произведенія его конечны! Если въ человѣкѣ воля и отличается отъ дѣйствія и власть отъ воли, то эти различія унизили бы божественное единство. Въ высшемъ существѣ воля равносильна могуществу. Мочь значить желать, и желать, значить дѣйствовать. Ужели скажутъ, что Творецъ не могъ создать безконечнаго міра, или не хотѣлъ? Онъ не могъ? И такъ, его могущество ограничено; но если вы ограничиваете одно его свойство, ограничиваете и всѣ, вы ограничиваете его природу. Онъ уже не безконеченъ. Скажутъ, что не хотѣлъ? Но онъ благъ, и можетъ желать только достойнаго себя. Какъ представить, чтобы имѣя возможность создать міръ величайшій, то есть, разлитъ совершенство и жизнь, соразмѣрно своей безконечной плодотворной силѣ, онъ не хотѣлъ этого? «Для чего, пишетъ Бруно, для чего говорить, что сила Божія находится въ покоѣ? Для чего думать, что божественная благодать, которая можетъ распространяться до безконечности, восхотѣла быть бережливою и заключиться въ ничтожество? Потому что все конечное—ничто въ отношеніи къ

безконечному. Для чего дѣлать Божество завистливымъ и бесплоднымъ, когда, въ существѣ своемъ, оно плодотворно, благородно, отечески благо?»

Такимъ образомъ, конечный мѣръ Аристотеля уничтожился предъ величіемъ Бога. Человѣкъ не есть центръ вселенной: нужно, съ Коперникомъ и Николаемъ Куссомъ, возвратиться къ древней системѣ Пифагора и заставить землю вертѣться около солнца; но это солнце только атомъ между тѣми міриадами солнцевъ, которыя блестятъ въ пространствѣ, и нельзя найти предѣла вселенной, переходя изъ міра въ мѣръ, съ солнца на солнце, какъ нельзя найти границъ времени, восходя отъ вѣка къ вѣку, отъ настоящаго къ прошедшему, отъ прошедшаго къ будущему.

Говорятъ, что это противно священному писанію и чувствамъ; но священное писаніе не составляетъ авторитета въ физикѣ: оно имѣетъ предметомъ спасеніе, а не науку. Чувства возмущаются противъ безконечнаго міра; это значитъ, что чувства понимаютъ только то, что могутъ обнять. Впрочемъ, чувствамъ ли должевъ довѣрять философъ? Чувства видѣли ли, касались ли сами границъ міра? Опытъ какъ бы ни старался изслѣдовать вселенную, онъ никогда не доидетъ до совершенства. Онъ гораздо скорѣе утомится наблюдать, чѣмъ природа производить. Попытайтесь понять предѣлы, назначаемые чувствами; вы должны вообразить пространство. Но пустое ли это пространство? Очевидно нѣтъ. А какъ это пространство есть нѣчто, значитъ, вы не достигли предѣловъ бытія? Вы скажете, это ничто? но тогда мѣръ будетъ содержаться въ совершенномъ ничто, въ ничтожествѣ.

Разумъ, чувства, все убѣждаетъ насъ въ безконечности міровъ. Какъ эта мысль возвышаетъ умъ, какъ просвѣтляетъ она душу философа! Она заглушена въ конечномъ мѣрѣ, недостойномъ Бога и ея самой; но она дышетъ свободно въ безпредѣльной вселенной, предметъ ея высокихъ созерцаній.

Предоставимъ говорить самому Бруно:

«Кто внимательно созерцаетъ вселенную, тотъ не можетъ опасаться никакой печали; никакая превратность судьбы не можетъ постигнуть его. Онъ знаетъ, что небо вездѣ, потому-что со всѣхъ сторонъ оно безконечно.... не есть ли это владѣніе безконечнаго существа, которое одно открываетъ чувства, на-

полнять духъ, возвышаетъ и развиваетъ умъ, и всецѣло вездетъ человѣка къ истинному счастью?... Пусть человѣкъ подниметъ свои глаза и вознесетъ свои мысли къ небу, которое окружаетъ его, и къ мірамъ, которые вращаются надъ нимъ. Вотъ картина, книга, зеркало, гдѣ онъ можетъ созерцать и читать формы и законы верховнаго блага, планъ и устройство совершеннѣйшаго цѣлага. Тамъ-то онъ можетъ слышать неизрѣченную гармонию.... Изучать верховный порядокъ міровъ и существъ, которыя въ соединенномъ хорѣ воспѣваютъ величіе своего властителя, это занятіе всего болѣе достойно нашего ума. Увѣренность, что существуетъ такой властитель поддержанія такого порядка, приводитъ въ восторгъ душу мудреца и заставляетъ его презирать смерть, страшилище для душъ обыкновенныхъ.... Въ самомъ дѣлѣ, что такое смерть? Чистый призракъ. Ничто не можетъ уменьшить самаго существа; все измѣняетъ только видъ, проходя безконечное пространство. Подъ покровительствомъ верховнаго дѣтеля, мы не должны ни вѣрять во зло, ни бояться его; какъ все происходитъ отъ него, потому и все добро и все для добра.»

Бруно развиваетъ здѣсь оптимизмъ полный величія. Онъ называетъ Бога: *ottimo efficiente*. Совершеннѣйшій создатель могъ сотворить только прекрасный мѣръ. Чувства говорятъ намъ, что есть несовершенства во вселенной; но вселенная обнимаетъ безконечность пространства и времени, между тѣмъ, какъ наши чувства схватываютъ только части. Безъ сомнѣнія, ни одна вещь не совершенна и не окончена; каждая часть оканчивается, усвершеняется: совершенно только цѣлое.

Изъ пѣдра верховной монады отъ вѣка исходитъ безконечность нисшихъ монадъ. Всѣ онѣ носятъ на себѣ образъ Бога, но каждая отражаетъ его подъ особеннымъ угломъ, и въ извѣстной мѣрѣ. Онѣ соединяются и занимаютъ мѣста по своему относительному совершенству; имѣя собственную свою жизнь, каждая участвуетъ въ жизни всеобщей; онѣ члены одного и того же тѣла, составы одного живаго существа.

Душа человѣческая одна изъ этихъ монадъ. Она не есть гармонія единствъ, составляющихъ тѣло; но она устанавливаетъ и сохраняетъ тѣлесную гармонию. Ей, какъ существу простому, суждено проходить безконечныя измѣненія. «Рожденіе», говоритъ Бруно, «есть распространеніе изъ центра; жизнь существованіе сферы, а смерть сжатіе къ центру» *Nativitas expansio centri, vita consistentia sphaerae, mors contractio in centrum.*

Какая судьба души? Что будетъ съ нею послѣ земнаго ея существованія? Будетъ ли она образовывать и оживлять другія тѣла? Будетъ ли переходить съ планеты на планету, въ неизмѣримости вселенной? Или погрузится въ тотъ океанъ свѣта и совершенства, который устанавливается божественнымъ разумомъ, и который есть истинное ея отечество? Какъ бы то ни было, душа знаетъ безконечное и желаетъ безконечнаго; она вездѣ ищетъ средствъ отождествиться съ нимъ; слѣдовательно, она сотворена для того, чтобы жить всегда, точно такъ же, какъ солнце создано для того, чтобы освѣщать всегда нашъ мѣръ. — Такимъ образомъ, всякое дыханіе восхваляетъ и благословляетъ высочайшее и простѣйшее существо, существо безконечное и безусловное, причину, начало и единство!

IV.

Сула объ ученіи Бруно по этому краткому, но вѣрному очерку, всякой благомыслящей человѣкъ, хотя скольконибудь свѣдущій въ исторіи человѣческой мысли, безъ труда согласится въ томъ, что, во-первыхъ, Бруно не заслуживаетъ тѣхъ безусловныхъ обвиненій, которыя ввели на него; во-вторыхъ, что онъ не заслуживаетъ и тѣхъ восторженныхъ похвалъ, какія воздавала ему современная Германія. Разрѣшая два эти великіе вопроса, вопросъ о божественной природѣ, и вопросъ объ отношеніяхъ Бога къ міру, мысль Бруно могла заблуждаться, омрачаться, противорѣчить; но эти самыя ошибки имѣютъ характеръ благородства, и чувствуешь, что въ этой системѣ, между темными, непостоянными мыслями, среди дерзкихъ полетовъ ума, проявляется глубокое чувство безконечнаго. Бруно не ограничивается тѣмъ, что отъ чистаго сердца утверждаетъ бытіе Бога; онъ вѣруетъ въ него, онъ стремится къ нему непрерывно, вселомый источникомъ всеобщей гармоніи, въ который любилъ погружаться его пламенная душа.

Однако, если система Бруно не заслуживаетъ тѣхъ проклятій, какими осыпали ее, то не стѣитъ и того поздняго удивленія, какое оказывали ей въ Германіи. Скажемъ откровенно: въ этомъ ученіи, какъ во всѣхъ ученіяхъ XVI вѣка, недостаетъ истинной оригинальности и истиннаго величія. Мы далеки отъ мы-

сли считать Бруно человѣкомъ обыкновеннымъ; по нашему мнѣнію, онъ не только талантъ, какимъ съ пренебреженіемъ призналъ его Лейбницъ, но даже геній. Конечно, въ его сочиненіяхъ нельзя не найти плодovitыхъ воззрѣній, смѣлыхъ и счастливыхъ взглядовъ. Очевидность, какъ признакъ истины, сомнѣніе, какъ посвященіе въ науку, вотъ что передалъ онъ Декарту. Идею о Богѣ пребывающемъ, *de Deo immanente*, знаменитое различіе между природою дѣйствующею и природою страдательною, *natura naturans et natura naturata*, завѣщавъ онъ Спинозѣ; сѣмя его теоріи монадъ и оптимизма возродилось въ Лейбницѣ; онъ не занимался науками математическими и физическими, но коснулся ихъ тамъ, гдѣ исторія не замѣчаетъ и слѣда этого: центръ тяготѣнія планетъ, орбиты кометъ, несовершенная шаровидность земли, можетъ-быть первая мысль о системѣ вихрей, — это все такіе гениальные проблески, которые оправдываютъ выразительное названіе: *будильщика* (*excubitor*), усвоенное Бруно. Наконецъ, самыя смѣлые мыслители нашего времени дѣлаютъ честь Бруно, заимствуя отъ него начало безусловнаго тождества субъективнаго съ объективнымъ, идеальнаго съ реальнымъ, мысли съ вещами. А оставить такое наслѣдство, имѣть такихъ наслѣдниковъ, можетъ только человѣкъ гениальный. Не смотря на то, если разсматривать не отдѣльные взгляды Бруно, эти молніи, освѣщающія бурные порывы его мысли, но цѣлое ученіе; оно существенно лишено той силы сдѣленія, которая соединяетъ отдѣльныя части какой-нибудь богатой и плодovitой мысли, и того верховнаго начала, которое низводитъ въ мѣръ какую-нибудь новую идею, источникъ новой системы. Можно сказать, что въ сочиненіяхъ Бруно встрѣчаются только двѣ вещи, воспоминанія и предчувствія, слѣдовательно, нѣтъ ничего, что бы могло составить вполне организованную философію.

Основныя начала ученія Бруно, очевидно, заимствованы изъ платонизма, не изъ возвышеннаго, благоразумнаго идеализма ученика Сократа, который былъ какъ бы зарею предъ свѣтомъ небснаго ученія, но изъ смѣшаннаго, безпорядочнаго мистицизма Александрійцевъ. Это существо, совершенство недоступ-

ное, это безусловное единство, котораго не можетъ понять мысль, которое едва можетъ выразить слово, это единство Парменида и Плотина. Эта триничность, въ которой ниже единства стоятъ чередою разумѣніе, источникъ идей, и духъ, начало жизни, воспроизводитъ въ своихъ главныхъ чертахъ александрийскую триничность; потому-то, конечно, въ чувствѣ справедливой признательности, Бруно величаетъ Плотина княземъ философовъ. Эта душа міра, изъ которой выходитъ и куда снова обращается потокъ истеченій, въ непрерывныхъ движеніяхъ и круговоротахъ, также занята изъ школы неоплатониковъ. Если бы Бруно заимствовалъ свое ученіе изъ Раймунда Луллія, изъ Скотта Эригены, изъ Амори де-Шартра и Давида де-Динана, изъ Николая Кусса, а не изъ чистыхъ источниковъ древности, это было бы возможно; но отрывая основаніе его системы, сквозь цѣлый рядъ мыслителей, въ школѣ Плотина, невольно сознается, что въ ней нѣтъ ни новизны, ни простоты.

Кромѣ того, надо согласиться, то Бруно, ставъ въ рядъ учениковъ Александрийцевъ, не рабски слѣдовалъ ихъ системѣ. Бруно обрабатываетъ ученіе Плотина и въ тоже время измѣняетъ его. Извѣстно, что единство Плотина есть единство совершенно непостижимое, которое, не имѣя никакой связи съ тѣмъ, что исходить изъ него, теряетъ всѣ отношенія съ бытіемъ и мыслию; по-этому, для достиженія этого единства, пужно посредничество высшей силы и несообразный съ разумомъ экстазъ. Бруно въ одной и той же природѣ смѣшалъ бытіе, благо и единство. Слѣдовательно, чтобы достигнуть верховнаго начала, не надобно дѣлать скачка, спорить съ разсудкомъ, прибѣгать къ невозможному экстазу. Для разума достаточно овладѣть собою и освободиться отъ чувствъ, чтобы войти въ тотъ энтузіазмъ, въ тотъ героическій восторгъ, который приводитъ прямо къ божеству. Но если это смѣшеніе не лишено своихъ выгодъ, то также имѣетъ и свои неудобства. Александрийская система измѣнена въ самомъ основаніи. Оставляя одну изъ формъ пантеизма, самую возвышеннѣйшую, мы впадаемъ въ другую, которая и не такъ благородна и болѣе опасна.

Въ самомъ дѣлѣ, можно отличать два рода пантеизма: одинъ, когда человѣкъ, пораженный недостаточностію конечнаго, тщетою чувственныхъ вещей и человѣческой жизни, ищетъ убожища въ божественномъ лонѣ, и видитъ въ мірѣ только мечты и привраки: это мистическій пантеизмъ Плотина. Есть другой пантеизмъ, когда человѣкъ, объятый красотою природы, привязанный къ личности и жизни, видитъ въ Богѣ только неприкосновенное начало вещей и сосредоточиваетъ въ видимомъ мірѣ мысль и дѣйствія свои: это пантеизмъ древнихъ стоиковъ и къ которому день-отъ-дня болѣе и болѣе приближаются нынѣшніе гегелисты. Бруно склоняется къ этому роду пантеизма, хотя мысль его часто колеблется между тѣмъ и другимъ, не находя нигдѣ опоры.

Въ обоихъ случаяхъ, Бруно былъ пантеистомъ, и въ этомъ отношеніи, онъ остался вѣрнымъ самому себѣ, нападая на христіанскую религію. Его побуждали къ этому тѣ же причины, какими руководились и его учителя, Плотинъ, Порфирій, Проклъ, и позднѣйшіе его прелки, Амори де-Шартръ и Давидъ Динанъ. Дѣйствительно, пантеизмъ, въ самомъ основаніи, диаметрально противоположенъ христіанскому ученію. Пантеизмъ силится соединить Бога и природу; христіанство старается отличить ихъ. Утверждать, что міръ сосуществуетъ Богу, величайшая ересь, въ какую можетъ впасть христіанинъ, а эта сосуществованіе самое основаніе пантеизма. Для христіанина только три лица Святыя Троицы совѣчны и сосущественны. Выше міра, внѣ пространства и времени, они образуютъ полное существованіе, блаженную и совершенную жизнь, въ которой бытіе служитъ основаніемъ, разумъ — свѣтомъ, любовь — связію. Въ мірѣ нѣтъ ничего необходимаго. Если Богъ сотворилъ его, то единственно по Своей благодати, свободной волѣ и премудрости. Но для Бруно, высшее существо безъ міра есть только пустая отвлеченность, и безконечное осуществляется только тогда, когда пройдетъ цѣлую цѣпь возможныхъ существованій.

Надо сказать, что представленіе общей гармоніи вселенной подѣйствовало на Бруно какимъ-то неодолимымъ обаяніемъ, и

онъ, увлеченный этой блестящею, по своей новизнѣ, въ то время, мыслию, преслѣдовалъ развитіе ея далѣе границъ, положенныхъ уму. При всемъ томъ, его философія проложила путь великимъ мыслителямъ Галилею, Декарту и Бэкону. Его смерть возбуждаетъ невольное къ нему участіе: онъ умеръ за свои мнѣнія.

=

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Критика и Библиографія.

DISSERTATIO INAUGURALIS MEDICO-PRACTICA DE ASTHMATE IDIOPATHICO, quam in Caesarea Medico-Chirurgica Academia Petropolitana pro summis in medicina honoribus et privilegiis rite consequendis publice defendet FRIDERICUS KARMA, Petropolitanus medicus superioris ordinis*.

На дняхъ вышла въ свѣтъ диссертация объ идиопатической судорожной одышкѣ (dissertatio de asthmate idiopathico, convulsivo seu essentiali), сочиненная г. Кармою на получение степени доктора. Болѣзнь эта очень важна по многимъ отношеніямъ, и была предметомъ ученыхъ споровъ между врачами, начиная отъ Иппократа до самаго автора упомянутой диссертации; а потому не бесполезнымъ считаю заняться критическимъ разборомъ сей достопримѣчательной книги.

* Этой критической статьѣ, написанной однимъ изъ известнѣйшихъ медиковъ нашей столицы, С. О. даеть мѣсто на своихъ страницахъ тѣмъ съ большею готовностію, что авторъ, рассматривая предметъ, важный самъ по себѣ, излагаетъ его языкомъ яснымъ и общепонятнымъ.

Со времени знаменитаго Кулена физиологи и паталоги относят упомянутую болѣзнь къ нервнымъ болѣзнямъ «neuroses». Подъ этимъ именемъ мы понимаемъ такіе нервные недуги, пароксизмъ коихъ является періодически, безъ всякой лихорадки, съ большими или меньшими промежутками; ходъ ихъ продолжителенъ, и пароксизмъ возвращается часто и постоянно, и всегда съ разстройствомъ какъ животной, такъ и органической жизни. Знаменитый французскій врачъ Гриволь раздѣляетъ эти болѣзни на пять видовъ или отдѣловъ. Къ послѣднему виду, то есть, къ пятому, куда относятся вообще тѣ нервныя болѣзни, которыя свойственны особенному органу, причисляетъ онъ и судорожную одышку.

Судорожную одышку раздѣляетъ г-нъ Карма, какъ и прочіе врачи, на идиопатическую и припадочную. Идиопатическая одышка (*asthma idiopathicum vel essentialis*) есть та, которая появляется безъ всякихъ органическихъ измѣненій грудныхъ или другихъ органовъ и есть болѣзнь чисто нервная, состоящая въ судорожномъ сжатіи воздухоносныхъ каналовъ легкихъ (стр. 7, 11 и 12). Симптоматическая же одышка есть припадокъ органическихъ болѣзней внутренностей грудныхъ, брюшныхъ и даже головныхъ.

Слѣдовательно, по мнѣнію автора сей диссертации, идиопатическая одышка есть чисто нервная болѣзнь, безъ всякихъ физическихъ измѣненій состава органовъ нашего тѣла; а измѣненія такого рода, находимыя въ трупахъ, суть только послѣдствія болѣзненныхъ пароксизмовъ одышки и не составляютъ существенной причины сей болѣзни (см. стр. 11 и 12 *de characteribus anatomicis*).

Г-нъ Карма, не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе и не приводя никакихъ объяснительныхъ доказательствъ, думаетъ, что вышеизъясненнымъ мнѣніемъ своимъ онъ уже прекратилъ всѣ ученые медицинскіе споры, болѣе 2000 лѣтъ продолжающіеся, и разрѣшилъ одну изъ труднѣйшихъ медицинскихъ задачъ такъ, какъ Александръ Македонскій разсѣкъ Гордіевъ узелъ. По моему мнѣнію, предметъ сей такъ важенъ, что, кажется, съ разрѣшеніемъ этой задачи рѣшится участь всѣхъ безлихорадочныхъ нервныхъ болѣзней, извѣстныхъ подъ именемъ «neuroses», то есть, *hystericism, hysteriasis* и проч., коихъ натура и мѣстоположеніе открыты дондѣсь во мракѣ и служатъ поводами споровъ между учеными мужами.

Галенъ, Цельсъ, Аристей, Авиценна, Фанъ-Гельмонтъ, Сеннеръ, Сиденгамъ, Гофманъ, Соважъ и многіе ученые люди нашего вѣка, которыхъ труды пролили много свѣта на науку, немало написали объ этой болѣзни, не рѣшая опредѣлительно ни ея

природы, ни ея мѣстоположенія. Не смотря на это, нашъ *carissimus collega* Карма на двухъ печатныхъ листахъ весьма скудно объяснилъ и смѣло опредѣлилъ все то, чего упомянутые знаменитые врачи и многіе другіе въ теченіе столѣтій не могли рѣшить.

Благоговѣя къ памяти упомянутыхъ ученыхъ и великихъ медиковъ, уважая труды какъ ихъ, такъ и современниковъ нашихъ, и не желая показать никакого пристрастія къ диссертации о *нервной одышкѣ* г-на Кармы, нахожу нелишнимъ изложить мнѣнія и наблюденія сихъ врачей, слѣмъ логическія сравненія, основанныя на физиологическихъ и патологическихъ фактахъ, и вывести заключеніе, соответствующее нынѣшнему состоянію науки. Чрезъ это авторъ диссертации познакомится съ мнѣніемъ и наблюденіями этихъ знаменитыхъ врачей, о которыхъ онъ въ сочиненіи своемъ ничего не упоминаетъ, что, по мнѣнію моему, было-бы необходимо; ибо диссертация его писана на полученіе степени доктора медицины; для сего нужно побольше труда и больше начитанности, дабы подобнымъ сочиненіемъ доказать иностраннымъ врачамъ, что и мы, Русскіе, понимаемъ медицину, и, подобно имъ, умѣемъ трудиться; тѣмъ болѣе, что начальный листъ сей книги украшенъ пріятною для всѣхъ русскихъ врачей надписью: *Petropolitanus*.

Въ чемъ состоитъ свойство болѣзни идиопатической одышки, или, другими словами, существу етъли идиопатическая одышка, то есть, одышка безъ всякихъ органическихъ измѣненій, и гдѣ она имѣетъ свое мѣстопребываніе? Эти вопросы не такъ легко рѣшить. Органическія поврежденія, находимыя въ трупахъ умершихъ отъ одышки, возбуждали разныя мнѣнія медиковъ, которые, относительно сущности сей болѣзни, были весьма несогласны. Вотъ вкратцѣ ихъ мнѣнія:

Галенъ полагаетъ, что причина одышки состоитъ въ накопленіи густыхъ и слизистыхъ мокротъ въ легкихъ, и въ чахоточныхъ отложеніяхъ (*tubercula*)¹.

Цельсъ смѣшиваетъ одышку съ припадками *dispnea et orthopnea*, и, принимая между ними нѣчто среднее болѣзненное состояніе дыханія, полагаетъ, что одышка зависитъ отъ служиванія частей дыхательныхъ органовъ².

Аристей, въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о сей болѣзни, соглашается съ мнѣніемъ Цельса³.

¹ De l'asthma, par M. Amédée Lefevre, pag. 61. 1847.

² Libr. 4, de re medica.

³ Arétée de Cappadoce. Libr. j.

Авиценна и *Аравитяне* находятъ, что одышка имѣетъ большое сходство съ припадками падучей болѣзни и конвульсіями, присовокупляя, что она происходитъ отъ грубой влаги, проникающей къ дыхательнымъ органамъ, или отъ влажности, падающей отъ головы къ нижнимъ частямъ¹.

Фанъ-Гельмонтъ полагаетъ, что одышка происходитъ отъ усиленнаго дѣйствія нѣкоторыхъ внутренностей. Свойство сей причины состоитъ въ сжатіи воздухоносныхъ каналовъ легкихъ. Онъ даетъ ей характеристическое названіе: *Epilepsia pulmonum*².

Сеннертъ, независимо отъ причинъ, принятыхъ *Галеномъ*, утверждаетъ, что суживаніе воздухоносныхъ каналовъ способствуетъ къ сей болѣзни; и дабы доказать это, онъ вводитъ въ обширное разсужденіе о причинахъ, производящихъ таковое суживаніе: зависить-ли оно отъ влаги, заключающейся въ тѣхъ каналахъ, или отъ влаги, содержимой въ легкихъ³.

Ривверъ полагаетъ, что влага, производящая одышку, падаетъ отъ головы на легкое и засоряетъ воздухоносные каналы. Если она находится въ воздухоносныхъ каналахъ, тогда одышка бываетъ съ шумомъ; а если застываетъ въ существѣ легкихъ, тогда безъ шума⁴.

Синденгамъ помѣщаетъ одышку между грудными болѣзнями (*inter dispneam et orthopneam*), составляя такимъ образомъ три вида труднаго дыханія. Въ первомъ случаѣ засоряются легкія, а во второмъ воздухоносные каналы⁵.

Бонне говоритъ о свойствѣ сей болѣзни слѣдующее: «Secundo tracheae ductus, non nunquam à fibris eorum spasmodice affectis, proprius contracti et occlusi aëri ad debitam inspirationem aditum negant: hinc cum nulla sit in pulmonibus obstructio, aut mala conformatio nulla insuper diatheses tabida, tamen a fibris istis praeter naturaliter convulsis et simul contractis asthmatis paroxysmi horrendi saepe oriuntur. Praeter hos inspirationis laeae casus, subsunt quidam alii, qui postea aërem in primo aditu reddunt respirationem difficilem.»⁶

Виллисъ допускаетъ три вида одышки, и говоритъ, что древніе медики и большая часть новѣйшихъ знаютъ только: *первый*,

поставляя единственною причиною сей болѣзни суживаніе воздухоносныхъ каналовъ (происходить-ли оно отъ засоренія, или отъ сжатія тѣхъ каналовъ), недопускающее достаточное количество воздуха и причиняющее затруднительное дыханіе. *Второй* видъ зависитъ отъ судорожнаго движенія, причиненнаго болѣзнетворною матеріею, которая, получивъ свое начало въ различныхъ мѣстахъ, падаетъ на всѣ органы, служащіе для дыханія и парализируетъ ихъ дѣйствія. *Третій* видъ есть смѣшанная одышка, которая относится вмѣстѣ къ обѣимъ сказаннымъ причинамъ¹.

Гюфманъ допускаетъ многіе виды одышки, смотря по различію причинъ, ее производящихъ. Онѣ состоятъ или въ слизи, засоряющей воздухоносные каналы, или въ спазматическомъ состояніи органовъ, служащихъ для дыханія².

Соважъ помѣщаетъ одышку въ 5-мъ классѣ, заключающемъ въ себѣ тяжкія дыханія, во второмъ порядкѣ *asthma*, и говоритъ, что болѣзнетворное ближайшее начало одышки состоитъ въ препятствіи, которое, возвращаясь периодически, противопоставляетъ прерывному расширенію и сжатію легкихъ; но онъ не объясняетъ свойствъ этого препятствія³.

Кулленъ помѣстилъ одышку между спазматическими недугами жизненныхъ отвлеченій. По его мнѣнію, ближайшая причина одышки состоитъ въ судорожномъ сжатіи мышечныхъ волоконъ воздухоносныхъ трубочекъ, которое не только противится необходимому для полнаго и свободнаго вдыханія расширенію, но производитъ также тугость частей, препятствующую свободному и полному выдыханію⁴.

Шнелъ помѣщаетъ одышку, въ своей *Философической Носографіи* между, нервными болѣзнями дыханія (*nevroses respirationis*), во 2-мъ подраздѣленіи, въ 37-мъ видѣ⁵.

Рианъ производитъ одышку отъ вліанія холоднаго воздуха надъ легкими и отъ послѣдующихъ отъ онаго спазмовъ⁶.

Федерио думаетъ, что все то, что можетъ повредить дѣйствию вдыханія и выдыханія, можетъ сдѣлаться причиною одышки. Одна изъ сихъ причинъ есть, когда гортань, дыхательное горло и

¹ Libr. iij pag. 481.

² Vol. j. pag. 222.

³ Libr. ij. cap. 2. part. 3. pag. 379.

⁴ Libr. vii. pa. 245.

⁵ Oeuvres de médecine pratique, tom. ij. pag. 322.

⁶ Sepulchretum libr. ij. Sect. j.

¹ De medicamentorum operationibus, Cap. 12. pa. 107.

² Opera omnia, tom. iij. Sect. ij. Cap. ij. pa. 96.

³ Nosologie methodique T. ij. pag. 90.

⁴ Elements de médecine pratique T. ij. pag. 582.

⁵ Nosographie philosophique T. iij. pag. 236. Edit. 5.

⁶ Sprengel, Histoire de la médecine, T. 6.

воздухоносные каналы дѣлаются жесткими (dura,) теряютъ свою гибкость, или судорожно сжимаются, посему не допускаютъ воздуха свободно входить въ легкія.

Робертъ-Бре, который самъ страдалъ одышкою, допускаетъ четыре вида оной. Онъ опредѣляетъ сущность болѣзни сей сильнымъ сжатіемъ мускуловъ дыханія безъ лихорадки, происходящимъ отъ раздраженія нѣкоторыхъ внутренностей, въ отправленіи коихъ сие-же мускулы участвуютъ¹.

Лешекъ почитаетъ хронической катарръ легкихъ, какъ самую обыкновенную причину одышки, и убѣжденъ, что воздухоносные пузырьки легкыхъ и каналцы могутъ сжиматься судорожно. Онъ же призналъ, послѣ *Рейсейсена*, существованіе мышечныхъ волоконъ вокругъ бронхиальныхъ вѣтвей².

Деланъ полагаетъ мѣстность одышки въ клѣточкахъ воздухоносныхъ каналовъ, и преимущественно въ мускулахъ *Рейсейсена*. По его мнѣнію, дыхательный сухой свистъ (râle sibilant sec) происходитъ отъ суживанія отверзтій дыхательныхъ пузырьковъ³.

Бежлянъ полагаетъ, что причина одышки есть раздраженіе мокротной перепонки дыхательныхъ путей, которое вторичнымъ образомъ возбуждаетъ симпатическое сжатіе бронхиальныхъ и грудныхъ мускуловъ⁴.

Бришето, кажется, раздѣляетъ мнѣніе *Бежляна*, который первоначальную причину одышки полагаетъ въ раздраженной или воспаленной мокротной перепонкѣ легкыхъ⁵.

*Рейсейсенъ*⁶ и *Крусель*⁷, опредѣливъ многими наблюденіями анатомическое расположеніе и физиологическое дѣйствіе бронхиальныхъ мускуловъ, утверждали, что одышка состоитъ въ суживаніи воздухоносныхъ каналовъ, въ слѣдствіе спазматическаго дѣйствія мышечныхъ волоконъ, входящихъ въ составъ оныхъ каналовъ.

Бруссе помѣстилъ одышку между нервными болѣзнями внутреннихъ отправленій, и утверждаетъ, что причина ея заключается въ спазматическомъ состояніи сердца, какъ главнаго дѣателя дыха-

¹ Recherches pratiques sur les désordres de la respiration. Traduit par Ducamp. 1819.

² Auscultation T. II. p. 280. Edition III.

³ Biblioth. médical. T. 75.

⁴ Sburn. Complementary T. 5.

⁵ Archives générales. T. 9.

⁶ De fabrica pulmonum anatom. patholog.

⁷ Anatom. descript. T. II. pag. 649.

вія, такъ, что съ возмущеніемъ отправленія сердца разстроивается также и отправленіе легкыхъ¹.

Ростанъ утверждаетъ, что одышка есть постоянно симптоматическое страданіе сердца и большихъ сосудовъ².

Жорже говоритъ, что причину одышки должно искать въ головномъ и спинномъ мозгѣ, а не въ сердцѣ и легкыхъ³.

Бо и *Жандрянгъ*, въ настоящее время, обратились къ мнѣніямъ древнихъ медиковъ на счетъ существенной причины одышки, которая состоитъ въ накопленіи густой слизи, засоряющей воздухоносные каналы.

Бо, въ 1840 году, въ запискахъ своихъ о дыхательныхъ звукахъ, напечатанныхъ въ Archives de médecine, утвердительно сказалъ: «qu'il n'y a pas d'asthme sans catarrhe et que dès lors le mucus est la cause nécessaire ou conjointe de cette maladie», и прибавилъ: «Causa, qua posita, ponitur morbus, qua sublata, tollitur.»

Жандрянгъ относитъ главную причину одышки къ приливу крови, или къ воспаленію мокротныхъ бронхиальныхъ перепонокъ.

Съ того времени, какъ *Луи* издалъ сочненіе свое de Emphysemate pulmonum, большая часть медиковъ расположены принимать сіе болѣзненное состояніе, какъ причину одышки.

По выпсанному краткому изложенію мнѣній о натурѣ и мѣстности одышки, можно всѣ мнѣнія упомянутыхъ врачей заключить въ шести отдѣленіяхъ:

1) *Галенъ*, *Авиценна*, *Сипперъ*, *Риввертъ*, *Сидендамъ*, *Бо* и *Жандрянгъ* думаютъ, что одышка (asthma) происходитъ, когда накопляется въ воздухоносныхъ каналахъ легкыхъ густая слизистая мокрота; слѣдовательно, причина здѣсь физическая, т. е., органическая.

2) *Цельсъ*, *Аретей*, *Фанъ-Гельмонтъ*, *Бонне*, *Виллмъ*, *Гобманъ*, *Кулленъ*, *Пинель*, *Бре*, *Деланъ*, *Рейсейсенъ*, *Крусель* и *Мишель Ріанъ* утверждаютъ, что одышка происходитъ отъ сжатія воздухоносныхъ каналовъ дыхательныхъ орудій, per causam directam, или per indirectam.

3) *Лешекъ*, *Бежлянъ* и *Бришето* полагаютъ, что asthma происходитъ отъ воспаления мокротной перепонки дыхательныхъ путей, и есть сочувственная болѣзнь.

4) *Ростанъ* находитъ причину одышки въ органическомъ поврежденіи сердца и большихъ сосудовъ.

¹ Commentaire des propositions de pathologie pag. 597.

² Voyez la note du 3 volum, de la therapeutique.

³ Physiologie du système nerveux T. II. pag. 406.

5) *Жорже* полагает ее въ головномъ и спинномъ мозгѣ.

6) Многие врачи нашего времени почитаютъ одышку слѣдствиемъ накопленія воздуха въ клетчатомъ составѣ легкихъ (*emphysema pulmonum*). Такимъ образомъ и здѣсь она есть симптоматическая, вторичная болѣзнь (*morbus symptomaticus, secundarius*).

Изъ всего этого видно, что болѣе господствующее мнѣніе о свойствѣ разбираемой нами болѣзни состоитъ во временномъ спазмотическомъ суживаніи бронхіальныхъ каналовъ, съ тою только разницею, что причина суживанія объяснена различнымъ образомъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, знаменитый анатомикъ *Рейсейсенъ*¹ доказалъ существованіе мускулозныхъ волоконъ въ бронхіальныхъ каналахъ. Это подтвердили *Леннекъ*, *Крувелле* и другіе. Съ того времени начали созидать теорію о спазмотическомъ свойствѣ одышки. *Рейсейсенъ*, *Крувелле*, *Бежлизъ*, *Бришето*, *Леннекъ* и *Гризоль* и прочіе, основываясь на томъ, что всякая мускулозная ткань способна подвергаться спазмамъ; другіе-же, каковы: *Ростанъ*, *Жорже*, *Бо* и прочіе, стараются опровергнуть это мнѣніе.

Одинъ изъ французскихъ врачей, *Амедей Лефевръ*, самъ долго страдавшій одышкою, издалъ объ ней въ Парижѣ прекрасную монографію, первоначально въ 1835 году, и послѣднее изданіе въ нынѣшнемъ году. Остроумныя и ученые его доказательства о свойствѣ одышки заслуживаютъ особеннаго вниманія каждаго образованнаго врача, слѣдовательно, и нашего сочинителя de *Asthmate idiopathico*, который, вѣроятно, не имѣлъ случая прочесть эту интересную книгу.

Лефевръ опредѣляетъ ближайшую причину сей болѣзни слѣдующимъ образомъ: «одышка состоитъ въ судорожномъ сжатіи воздухопроводныхъ каналовъ легкихъ, происходящемъ отъ всѣхъ причинъ, дѣйствующихъ на мокротную оболочку легкихъ прямо, или симпатически.»²

«Чтобы доказать, говоритъ онъ, (стр. 70), что суживаніе бронхіальныхъ каналовъ происходитъ отъ спазмотическаго дѣйствія ихъ мускуловъ, достаточно обратить вниманіе на ходъ одышки, на неправильную ея перемежку, на мгновенность ея зачатія и окончанія; на остановленіе харкотины во время пароксизма и на форму сей харкотины послѣ пароксизма: жемчужнаго цвѣта и червообразной формы харкотина, извергаемая кашлемъ послѣ пароксизма, въ которой имѣются иногда малые воз-

¹ De fabrica pulmon. Anathom. patholog.

² De l'asthme, par M. Amédée Lefevre, pag. 68.

душные пузырьки, и которая, въ иныхъ случаяхъ, смѣшана съ черватою мокротою бронхіальныхъ желѣзъ, не доказываетъ ли, что извергающая сила мышечныхъ волоконъ воздухопроводныхъ каналовъ, будучи уничтожена спазмами, оставила сію мокроту въ послѣднихъ бронхіальныхъ вѣтвяхъ, гдѣ она, при давленіи мускуловъ, сгустилась и получила форму каналовъ, ее содержащихъ? Объемъ этихъ цилиндровъ харкотины никогда не можетъ быть большой; ибо, по причинѣ хрящеватости, бронхіальные каналы совершенно сжиматься не могутъ, а изверженіе мокроты нѣсколько можетъ еще продолжаться. Испареніе, начинающее приходить въ нормальное свое состояніе, когда судорожное сжатіе каналовъ прекращается, безъ сомнѣнія, участвуетъ также въ изверженіи накопившихся слизи.

Онъ же говоритъ (стр. 69.), «что бронхіальные мускулы, помогая, вѣроятно, дѣйствію воздуха на кровь, способствуютъ также изверженію мокроты, могущихъ накопляться въ воздухоносныхъ путяхъ, какъ это доказалъ *Браше*».

«Спазмотическое сжатіе вѣтвей дыхательныхъ орудій положительно доказывается характеристическими признаками одышки, т. е. стѣсненіемъ груди, которое чувствуютъ больные. Подобное доказательство приводитъ *Андраль*, описывая одинъ случай, помѣщенный имъ въ Archives de médecine pour l'année 1834.»¹

Дѣйствіе симпатическихъ причинъ одышки *Лефевръ* объясняетъ, имѣя въ виду:

1-е, Взаимное отношеніе, существующее между мокротною перепонкою легкихъ и общими покровами.²

2-е, Что первое прикосновеніе воздуха на кожу у новорожденныхъ возбуждаетъ первое влѣханіе, равнымъ образомъ, что къ его сильному впечатлѣнію прибѣгаемъ мы такъ же для возстановленія дыханія у умершихъ отъ какой либо причины.

3-е, Разныя измѣненія въ воздухѣ, сухость и влажность, волненіе и покой и электрическое состояніе, могущія измѣнить свойство и количество произведеній поверхности кожи и легкихъ. — Не должно по этому удивляться важности, которую играютъ сіи измѣненія при произведеніи пароксизмовъ одышки.

«Достоинно примѣчанія, что большая часть случаевъ показываетъ патологическое измѣненіе мокротной перепонки легкихъ,

¹ Loco citato pag. 70.

² Loco citato pag. 72.

какъ мѣстопробываніе одышки; *Ростанъ*, доказывающей, что одышка всегда есть слѣдствіе страданія сердца и большихъ сосудовъ, произвелъ 6-ть вскрытій надъ умершими, изъ коихъ 5 обнаруживали красноту, воспаление и отолствѣніе воздухоносныхъ каналовъ¹.

Весьма любопытны ученія и остроумныя опроверженія французскаго врача *Бо*, отвергающаго спазмотическое свойство одышки, принятое *Лефевромъ* и многими другими врачами (смотр. *Archives de médecine*, numéro du mois d'octobre 1840).

По мнѣнію сего врача, (стр. 74. de l'asthme par A. Lefevre) «спазмотическое сжатіе мышечныхъ волоконъ *Рейсейсена* никогда не было доказано изслѣдованіемъ дыхательнаго горла и бронхіальныхъ каналовъ; изъ всѣхъ сихъ частей, только одинъ горланый аппаратъ способенъ сжиматься, по причинѣ мышечнаго своего устройства». — Противу этого *Лефевръ* возражаетъ:

«Если мышечныя бронхіальныя волокна подлинно существуютъ и труды *Рейсейсена*, *Буржери*, *Леребулле* и *Вазена* не подлежатъ сомнѣнію, если также сіи волокна имѣютъ способность сжиматься, какъ это доказалъ *Лонже*, то мы не видимъ причины, почему они не могутъ, по примѣру другихъ мускуловъ органической жизни, сжиматься; тѣмъ болѣе, что судорожное состояніе сердца, пищеварительныхъ органовъ и исправительныхъ канальцевъ, допускаетъ всѣми патологами, хотя и не доказано изслѣдованіемъ труповъ».

«Если бы одышка происходила отъ спазмотическаго сжатія бронхіальныхъ канальцевъ, говоритъ *Бо*, то она являлась бы у дѣтей и у истерическихъ женщинъ, которыя часто имѣютъ спазмы въ гортани. — Спазмы сіи обнаруживались бы въ своей чередѣ съ одышкою, или были бы ей совмѣстны, чего однакожъ никогда не случается.» Но противу этого возражаетъ *Лефевръ*: «Всѣ авторы, которые занимались изслѣдованіемъ спазмовъ, дѣлаютъ различіе между спазмами мускуловъ вѣшней или животной жизни и мускуловъ внутренней или органической жизни. По анатомическому расположенію частей, по свойству нервовъ, коими оныя снабжены, мышцы гортани принадлежатъ къ вѣшней или животной жизни; по этому не удивительно, что спазмы сихъ мускуловъ принадлежатъ къ судорожнымъ болѣзнямъ, которыя обыкновенно поражаютъ женщинъ и дѣтей, и что сіи спазмы не зависятъ отъ судорогъ бронхіальныхъ каналовъ, какъ органовъ, принадлежащихъ особенно внутренней, или органиче-

ской жизни. Нѣкоторые *посолои* полагаютъ даже, что спазмы сего послѣдняго вида полчинены особенной силѣ, противоположной силѣ вѣшнихъ судорогъ; и для доказательства они приводятъ причины, производящія совершенный или проходящій параличъ центра нервной системы, и возбуждающія болѣе или менѣе явныя судороги органовъ внутренней жизни».

«Третье опроверженіе доктора *Бо* состоитъ въ томъ, что есть ли одышка была результатомъ бронхіальныхъ спазмовъ, то приступъ (*inversion*) ея обнаруживался бы мгновенно и тяжкое дыханіе (*dyspnea*) вдругъ достигало бы высшей степени, какъ сіе бываетъ въ судорогахъ гортани».

«Всѣ тѣ, которые изслѣдовали больныхъ одышкою, отвѣчаетъ *Лефевръ*, и всѣ тѣ, которые страдали сами астматическими пароксизмами, очень хорошо знаютъ, что припадки сей болѣзни обнаруживаются часто мгновенно; для сего достаточно такому больному подвергнуть себя на нѣсколько минутъ дѣйствию раздражительной ныли, переменить мѣстопробываніе, быть чѣмъ нибудь взволнованнымъ, употребить нѣсколько спиртнаго напитка, для того, чтобы почувствовать жатіе въ груди и тяжкое дыханіе, характеризующія нашу болѣзнь».

Бо полагаетъ, что накопленіе слизи въ воздухопроводныхъ путяхъ есть единственная причина одышки; изъ этого видно, что онъ принимаетъ мнѣніе *Галена* и его послѣдователей и заключаетъ:

1-е, Что многоразличныя припадки, сопровождающіе одышку, т. е. неправильная перемежка болѣзни и мгновенность ея начатія и окончанія; способность ея являться попеременно съ другими спазмотическими страданіями мускуловъ внутренней или органической жизни; наконецъ остановленіе выхаркиванія, во время пароксизма, и форма харкотины не могутъ быть непременно связаны съ одышкою; и

2-е, Что сіи обстоятельства не доказываютъ еще спазмотическаго свойства одышки.

Но *Лефевръ* отвѣчаетъ ему, искусно разбирая каждый припадокъ въ особенности:

1-е, Неправильная перемежка одышки есть одна изъ существенныхъ и характеристическихъ ея признаковъ. Въ то время, когда смѣшивали всѣ виды тяжкаго дыханія, могли допустить непрерывную одышку, какъ мы и видимъ у всѣхъ древнихъ врачей. Но нынѣ, когда всѣ діагностическія знанія усовершенствовались, легко опредѣлить, что непрерывная одышка сопровождается первоначальными или послѣдовательными органическими поврежденіями.

¹ Nouveau Journal de medicine 1818 et 1819.

2-е, Хотя сія болѣзнь и является съ перемежками, но изъ этого однакожь нельзя заключить, что пароксизмы одышки должны продолжаться малое время. Можно ли сказать, присовокупляетъ онъ, что помешательство ума, апохондія и истерика суть болѣзни не перемежающіяся, потому что пароксизмы ихъ возвращаются съ равною продолжительностію и силою? Впрочемъ слѣдующій физиологическій законъ *Миллера* оправдываетъ продолжительность пароксизма одышки. «Спазмотическія движенія органовъ, находящихся подъ вліяніемъ большаго сочувственнаго нерва, производя раздраженіе сихъ самыхъ органовъ и нервовъ ихъ, не могутъ быть скоропроходящія и минутныя; но продолжаютъ извѣстное только время, или какъ судороги, или какъ продолжительныя измѣненія обыкновенныхъ правильныхъ движеній; здѣсь реакція продолжается долѣе, нежели раздраженіе, т. е. причина».

«Перемежка столь свойственна одышкѣ, что докторъ *Бо*, который думаетъ, что болѣзнь сія зависитъ отъ накопленія въ бронхіальныхъ каналахъ вязкой слизи, полагаетъ, что эта перемежка столько же зависитъ отъ спазмовъ, сколько и отъ застопоренія бронхіальныхъ вѣтвей. Достаточно, говоритъ онъ, поставить на видъ, что разныя болѣзненные отдѣленія обнаруживаютъ въ многочисленныхъ своихъ измѣненіяхъ явственный характеръ перемежки, какъ въ судорогахъ и нервныхъ болѣзняхъ (neuralgia). Весьма извѣстно, присовокупляетъ онъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзни, называемой *gastrorrhosa*, съ изглаголю; или безъ оной, промежуточное время рвоты обнаруживается совершеннымъ здоровьемъ. Что можетъ имѣть, говоритъ онъ, болѣе неправильности и скоротечности, какъ не различныя измѣненія въ мочѣ, относительно ея количества, цвѣта и свойства? и теченіе бѣлей всегда ли продолжительно? Не является ли оно также съ перемежкою, которая зависитъ отъ вліянія скоропроходящихъ обстоятельствъ пищи, усталости, и прочъ? *Лефевръ*, не входя въ разсмотрѣніе сей теоріи, полагаетъ, что всякій самъ можетъ ее оцѣнить, и утверждаетъ, что накопленіе слизи въ бронхіальныхъ каналахъ есть результатъ, а не причина болѣзни».

«Выше сказано, говоритъ *Лефевръ*¹, что при остановленіи харкотины во время пароксизма и по прекращеніи онаго, форма харкотины должна быть разсматриваема, какъ доказательство

спазмотической природы одышки. — *Бо* возражаетъ, что эти два обстоятельства доказываютъ всякому непредубѣжденному, что остановленіе мокротъ въ воздухоносныхъ каналахъ есть единственная причина сей болѣзни. — Но что производить, возражаетъ *Лефевръ*, сіе остановленіе? Можетъ ли существовать накопленіе слизи въ легкихъ, если перепонка воздухоносныхъ каналовъ, способная сжиматься (какъ принимается большею частію анатомиковъ), и освобождающая сіи органы отъ накопившейся слизи, находится въ здоровомъ состояніи? Почему въ хроническихъ катаррахъ, гдѣ изобилуетъ слизь, не рѣдко очень густая, не бываетъ совсѣмъ одышки? Почему послѣ сильныхъ пароксизмовъ одышки не всегда бываетъ выхаркиваніе мокротъ? — Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ, каждый изъ сихъ двухъ врачей продолжаетъ возражать одинъ другому ученными и вмѣстѣ съ тѣмъ остроумными логическими и патологическими доводами, и наконецъ каждый остается при своемъ мнѣніи. Впрочемъ образованный врачъ, по моему мнѣнію, долженъ согласиться, что накопленіе густыхъ мокротъ въ дыхательныхъ органахъ въ семъ случаѣ есть болѣе болѣзненный продуктъ, а не самая болѣзнь; ибо мы часто видимъ, что отдѣленіе мокротныхъ и слизистыхъ перепонокъ всегда почти увеличивается отъ воспалительнаго или раздражительнаго нервнаго страданія сихъ органовъ, напр: въ болѣзняхъ *gastralgia*, *enteralgia*, *gastrétis*, *enteritis*, *pleuritis* et *peritonilis* появляется упорная рвота, поносъ, водяная болѣзнь и проч.

«Теперь остается, говоритъ *Лефевръ*¹, изслѣдовать мнѣніе тѣхъ врачей, которые принимаютъ органическое поврежденіе сердца и большихъ сосудовъ, какъ постоянную причину одышки. Это мнѣніе принято многими врачами. Въ 1818 и 1819 годахъ *Ростанъ* въ *Nouveau Journal de médecine*, объявляетъ, что одышка есть всегда припадокъ, и что онъ никогда не встрѣчалъ одышки, существующей самой по себѣ; при вскрытіяхъ же труповъ всегда находилъ разстройства болѣе или менѣ явныя въ органахъ кровообращенія. Такое рѣшительное утвержденіе возбудило жаркую полемику между врачами. *Дюканъ*, *Блотъ* и *Божлиъ* сильно нападали на мнѣніе *Ростана*, который былъ поддерживаемъ въ свой чередъ докторами *Паскаломъ Гарманомъ де Монгарни* и нѣкоторыми другими. Мы полагаемъ, говорить *Лефевръ*:

1) «Что органическое поврежденіе сердца и большихъ сосу-

¹Loco citato стр. 78.

¹Loco citato стр. 83.

довъ, замѣчаемое часто въ застарѣлой одышкѣ, есть, по болѣе-шей части, слѣдствіе (продуктъ) болѣзни и тяжкая ея complicatio (сопряженность).»

2) «Судорги воздухоносныхъ каналовъ, производящія одышку, могутъ быть у больныхъ, страдающихъ органическимъ поврежденіемъ сердца, но это не есть необходимое слѣдствіе такого поврежденія, и даже въ болѣе части случается, тяжкое дыханіе имѣетъ совсѣмъ другой характеръ; оно нисколько не представляетъ явнаго періодическаго хода и является какъ днемъ, такъ и ночью, и очень рѣдко бываетъ совершенно свободное, такъ что при малѣйшемъ движеніи больнаго или разстройствѣ духа, дыханіе дѣлается затруднительнымъ. Но тяжкое дыханіе (dyspnea), которое бываетъ при органическомъ поврежденіи сердца, не сопровождается чувствомъ сжатія въ груди, которое составляетъ лучшій характерическій признакъ одышки.»

«Въ органическомъ поврежденіи сердца и большихъ сосудовъ, спокойствіе и отдохновеніе доставляютъ облегченіе; между тѣмъ при одышкѣ приступы случаются спустя нѣсколько часовъ послѣ начала сна.»

«У страдающихъ одышкою, постукиваніе въ груди издаетъ иногда звучность, нѣсколько большую, нежели въ обыкновенномъ состояніи; въ поврежденіи же сердца и большихъ сосудовъ недостатокъ звучности на пространствѣ болѣе или менѣе значительномъ, доказываетъ мѣстность сихъ поврежденій. У первыхъ біеніе сердца и пульса бываетъ правильно, лице нераздуто и нерумяно, какъ это замѣчается у анекризматииковъ. Если допустить, говоритъ *Лефевръ*, что одышка есть припадочное страданіе сердца и большихъ сосудовъ, то почему же при одышкѣ и тѣхъ же болѣзненныхъ припадкахъ, поврежденія, находимыя послѣ смерти, бываютъ различны?—Почему у болѣе части субъектовъ, у коихъ припадки одышки были очень характерическими, не нашли въ органахъ кровообращенія ничего могущаго доказать органическое ихъ измѣненіе?—Противъ мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ причину одышки въ окостенѣніи большихъ сосудовъ и въ особенности начальственной артеріи, говоря, что если эти окостенѣнія суть результаты старческаго возраста, возражается, почему мы видимъ молодыхъ людей, страдающихъ одышкою и однакожъ неподверженныхъ окостенѣнію тѣхъ органовъ?—Почему, наконецъ, пароксизмъ одышки, какъ мы замѣчаемъ, случается рѣже по мѣрѣ того, какъ больные старѣютъ, тогда какъ, напротивъ того, развитіе окостенѣнія свойственно старости?—Если окостенѣніе причина одышки, то почему она не всегда оказывается при такомъ органическомъ поврежденіи?—Одна изъ

причинъ, различающихъ одышку отъ органическихъ поврежденій сердца, состоитъ въ томъ, что, не смотря на тяжкіе припадки одышки, не предстаетъ существенной опасности, тогда какъ при поврежденіяхъ органовъ кровообращенія, исходъ бываетъ почти всегда печальный.»

«Если мы успѣли доказать, продолжаетъ *Лефевръ*, что припадки одышки не зависятъ отъ существенности органическихъ поврежденій кровеносной системы, то остается изяснить, какимъ образомъ сѣмъ поврежденія встрѣчаются такъ часто у людей, долго страдавшихъ пароксизмами одышки, и служатъ къ развитію ихъ?»

«Доказавши, что припадки одышки не зависятъ отъ поврежденій органовъ кровообращенія, остается изяснить, какимъ образомъ сѣмъ поврежденія встрѣчаются такъ часто у больныхъ, долго страдавшихъ пароксизмами одышки?—Что же содѣйствуетъ къ ихъ развитію?—Спазмотическое дѣйствіе бронхіальныхъ мускуловъ препятствуетъ теченію крови къ мокротной перепонкѣ легкихъ; отъ сего мало по малу дѣлается накопленіе крови въ легочной артеріи; съ друдой стороны дѣйствіе праваго желудочка сердца усиливается, чтобы преодолѣть напоръ крови, притекающей чрезъ оную артерію къ сердцу. Посему нетрудно понять, что эта причина, часто возобновляющаяся, можетъ произвести органическое поврежденіе желудочка; наблюденіе подтверждаетъ эту теорію, и изъ десяти примѣровъ, которые приводитъ самъ *Ростанъ*, чтобы поддержать свое мнѣніе, противоположное нашему, пять представляютъ органическое поврежденіе праваго желудочка сердца, и три—увеличеніе объема всего сердца. Можетъ быть, впрочемъ, что и сильныя приступы кашля, которые бываютъ сначала припадки одышки, содѣйствуютъ къ развитію сѣмъ органическихъ поврежденій, ибо извѣстно, какъ часто кашель содѣйствуетъ къ образованію болѣзни сердца.»

«Хотя дѣйствительно одышка не зависитъ отъ органическихъ поврежденій сердца, и хотя сѣмъ самыя поврежденія часто суть послѣдствія оной, это еще не даетъ повода думать, что поврежденія сѣмъ не могутъ имѣть никакого вліянія на ходъ пароксизмовъ одышки. Мы полагаемъ противное, и думаемъ, что въ сѣмъ обстоятельстве, мокротная перепонка, находясь между двумя постоянно возбудительными причинами, т. е., воздухомъ, который притокитъ къ ней снаружи, и кровью, притекающею отъ сердца, можетъ приходитъ въ судорожное состояніе, тѣмъ болѣе, что равномѣрность (рѣмъ) между сими двумя возбудительными дѣятельными измѣняется.—Посему и *Федерно* вообще полагаетъ, что все

то, что может изменить действие дыхания, может содѣлаться причиною одышки.»

Доводы и опроверженія *Лефевра* весьма основательны и убѣдительны, тѣмъ болѣе, что стетоскопическія изслѣдованія доказываютъ, что часто при одышкѣ, по крайней мѣрѣ, первоначально, не бываетъ никакаго органическаго поврежденія сердца и большихъ сосудовъ, и даже біеніе ихъ мало или совсѣмъ не измѣняется.

Лефевр, опровергая такъ мастерски и логически, согласно физиологическимъ и патологическимъ законамъ, мнѣніе *Ростана*, думаетъ опровергнуть также удачно и мнѣнія тѣхъ, кои полагаютъ, что одышка происходитъ отъ поврежденія головного и спиннаго мозга, и принимаютъ ее какъ болѣзнь вторичную или припадочную (*Morbum secundarium vel symptomaticum*). Мы здѣсь изложимъ эти остроумныя опроверженія; а въ другомъ мѣстѣ подробнѣе разберемъ его мнѣніе.

«Возраженія, говорить онъ¹, которыя мы употребили противъ тѣхъ, кои производятъ одышку отъ органическихъ поврежденій сердца и большихъ сосудовъ, могутъ быть равнымъ образомъ употреблены и противъ тѣхъ, кои принимаютъ органическія поврежденія общаго чувствалища, какъ ближайшую причину одышки. Почему, спрашиваетъ онъ, мѣстоположеніе и свойство (*natura*) сихъ поврежденій бываютъ различны, когда болѣзненныя послѣдствія, отъ нихъ происходяція, суть всегда однѣ и тѣже? Почему не встрѣчаютъ этого постоянно? Наконецъ, почему, когда эти поврежденія существуютъ, то не всегда причиняютъ одышку?—Нельзя ли возразить имъ, что органическія поврежденія, находимыя въ мозгѣ, равно какъ и въ нервахъ субъектовъ, страдающихъ одышкою, очень легко могутъ развиваться въ слѣдствіе разстройства дыханія и послѣдующаго отъ этого затрудненія кругообращенія крови въ мозгѣ, по причинѣ судорожнаго движенія мускуловъ дыхательныхъ орудій? Такимъ образомъ мы видимъ, что мнѣніе о причинѣ одышки завися отъ органическихъ поврежденій нервной системы можетъ быть опровергаемо такъ, какъ и мнѣніе тѣхъ, кои полагаютъ причину этой болѣзни въ поврежденіяхъ кровеносной системы.»

Такіе слабыя логическіе доводы *Лефевра*, небудучи доказаны достовѣрными анатомико-патологическими наблюденіями, не легко могутъ показаться удовлетворительными, какъ увидимъ ниже.

¹ Стр. 87.

та), статью о болѣзни *emphysema* (воздушное накопленіе въ легкихъ). Съ тѣхъ поръ многіе врачи полагаютъ, что одышка происходитъ отъ скопленія воздуха въ легкихъ¹.

Луи, трудолюбивый и ученый французскій писатель, помѣстивъ, въ 1835 году, въ 1-мъ томѣ *Actes de la société médicale d'observation*, и во 2-мъ изданіи *Dictionnaire de médecine* (article *Emphysema*) *Луи* и *Леннексъ* допускаютъ два вида накопленія воздуха (*Emphysema*) въ легкихъ; одинъ состоитъ въ расширеніи воздухо-содержащихъ пузырьковъ легкихъ воздухомъ (*Vesiculae pulmonales*); а другой въ накопленіи воздуха въ клѣтчатой плевѣ легкихъ. По мнѣнію *Луи*, первый видъ составляетъ первоначальное поврежденіе, независимое отъ воспаленія бронхіальныхъ каналовъ и обнаруживается припадками, которые всегда были признакомъ нервной одышки.

Не смотря на ту высокую степень, которую занимаетъ въ наукѣ знаменитый *Луи*, теорія его была опровергнута. *Бо*, *Пиорри*, *Моннеръ* и *Флери* допускаютъ развитіе эмфиземы только какъ слѣдствіе катарра, принимая ее за вторичную болѣзнь, образующуюся при усиленномъ актѣ выдыханія, освобождающемъ легкія отъ воздуха, способствовавшаго кровотоверенію и не находящаго удобнаго выхода чрезъ засоренные каналы. Тѣмъ болѣе мы готовы допустить этотъ способъ образованія эмфиземы, что существованіе первоначальнаго расширенія легочныхъ пузырьковъ опровергнуто *Бувьеромъ*, *Гаварре*, *Мажанди*, *Иданьелемъ*, *Русомъ*, *Рекемомъ* и *Рошу*, которые убѣдились, что сіе расширеніе никогда не могло достигнуть до степени, различаемою простымъ глазомъ, и что оно есть явленіе незамѣтное и само по себѣ незначительное. По мнѣнію ихъ, накопленіе воздуха въ клѣтчатой ткани, находящейся между пузырьками или между маленькими долями легкихъ, или подъ самою плевою, покрывающею легкія, что составляетъ собственно эмфизему, въ острыхъ случаяхъ можетъ произойти отъ всѣхъ причинъ, противодѣйствующихъ свободному дыханію.

Сія теорія знаменитаго французскаго врача, *Луи*, по моему мнѣнію, опровергается еще и тѣмъ, что мы часто видимъ эмфизему безъ періодической одышки, и наоборотъ, при оной одышкѣ очень часто она не существуетъ, въ чемъ положительно удостовѣряетъ насъ изслѣдованіе груди чрезъ постукиваніе (*pescussio*) и прислушиваніе (*auscultatio*).

¹ Loco citato стр. 88.

Въ заключеніе, остроумный *Лефевръ* говоритъ, ¹ что изъ всего предъидущаго можно заключить «что причины, способныя производить одышку, дѣйствуютъ сначала на нервы мокротной перепонки легкихъ, отъ чего въ послѣдствіи и самая перепонка «измѣняется, и что тоническіе спазмы, дѣйствуя на подлежащую ей мышечную ткань, производятъ явленія, свойственныя одышкѣ». «Частое повтореніе пароксизмовъ одышки причиняетъ въ послѣдствіи времени измѣненія состава тѣхъ частей, которыя она «занимаетъ, вѣ сѣ измѣненія подобны тѣмъ, кои характеризуютъ «хроническія воспаленія. Подъ этимъ именемъ дѣйствительно разумеютъ нынѣ большую часть нервныхъ болѣзней (*Nevroses*). «Допустивъ такую этиологію, многочисленныя раздѣленія авторъ должны рушиться, и можно принять только два вида одышки, простую и сложную», т. е. другими словами: одышку нервную, идиопатическую, первоначальную, безъ измѣненія органическаго состава, и одышку вторичную, послѣдственную, припадочную, всегда съ физическимъ измѣненіемъ органическихъ частей.

На это мнѣніе, наиболее господствующее нынѣ въ медицинѣ нападаютъ многіе ученые и знаменитые врачи нашего вѣка остроумными физиологическими и анатомико-патологическими доказательствами, изъ коихъ заслуживаютъ наиболѣе вниманія слѣдующіе:

Андраль, знаменитый французскій профессоръ, который вполнѣ заслуживаетъ названіе мудраго и глубокомысленнаго врача, говоритъ въ своемъ *Cours de Pathologie Interne*, tom j. Стр. 536, изданіе 1836:

«La première question qui se présente est de savoir s'il existe un asthme nerveux: en d'autres termes, une lésion purement nerveuse, peut-elle produire une dyspnée notable?—Pour résoudre ces questions, il faut avoir recours aux expériences physiologiques et à l'anatomie pathologique.»

«Опытъ доказываетъ, говоритъ онъ, что перевязываніе или давленіе нервовъ, идущихъ къ легкимъ, производятъ явленія, подобныя тѣмъ, кои характеризуютъ нервную одышку. Такимъ образомъ *Дюпюитренъ* возбуждалъ или уменьшалъ спазмы дыханія, увеличивая или уменьшая давленіе нервовъ легочно-желудочныхъ (*Nervus pneumogastricus*). Сія опыты были повторяемы *Мажанди*, *Флураномъ*, *Дюпюи* и *Шарлемъ Беллемъ*, и всегда перевязываніе или давленіе нервовъ восьмой пары производятъ судороги дыхательныхъ мускуловъ.

¹ Loco citato стр. 92—93.

«Анатомическая патологія, продолжаетъ онъ, утвердила во многихъ обстоятельствахъ результаты подобныхъ опытовъ. Такимъ образомъ, мы описали одного человѣка, 24 лѣтъ, для котораго лежаніе на спинѣ было невозможно безъ затрудненія дыханія и который померъ отъ весьма сильнаго пароксизма одышки; хотя во время жизни его припадки имѣли сходство съ припадками болѣзни сердца, однакожъ мы не нашли послѣ смерти его, во всѣхъ важныхъ органахъ никакого измѣненія, достаточно объясняющаго болѣзненные припадки. Но въ передней грудной промежности (*mediastinum anterius*) найдена была масса туберкулозныхъ узелковъ, чрезъ которые проходили два нерва грудобрюшной преграды; трудно было слѣдить за сими нервами чрезъ узелки, ихъ окружающіе; отъ самаго выхожденія своего изъ сей опухоли до раздѣленія ихъ въ грудобрюшную преграду, они отличались сфроватымъ цвѣтомъ и изнуреннымъ своимъ видомъ (*atrophia*). У одного субъекта, умершаго со всѣми признаками одышки, у коего сердце и легкія были совершенно здоровы, *Жолле* нашелъ измѣненія нервного состава при началѣ нерва восьмой пары. Во многихъ случаяхъ, гдѣ во время жизни замѣчали перемежающуюся одышку, *Оливье Д'Анжеръ* примѣтилъ многія измѣненія спиннаго мозга. У одного человѣка, который во время жизни страдалъ упорною одышкою, *Бераръ* нашелъ опухоль сидящую въ существѣ одного грудобрюшнаго нерва. Наука имѣетъ большое число подобныхъ фактовъ, кои доказываютъ, что измѣненіе нервовъ дыхательныхъ орудій производятъ безпорядки въ отправленияхъ, кои характеризуютъ нервную одышку.

«Теперь, спрашиваетъ *Андраль*, эти безпорядки въ отправленияхъ могутъ ли существовать независимо отъ органическаго измѣненія, или нѣтъ? По нашему убѣжденію, говоритъ онъ, несомнѣнно, что всякое разстройство какого либо отправления зависитъ отъ органическаго измѣненія. Но мы полагаемъ также, что сія органическія измѣненія не всегда примѣтны; и существуетъ достаточное число наблюдений, которыя доказываютъ, что не возможно отнести въ некоторыя разстройства отправления къ органическому поврежденію. Не менѣе однакожъ неспиременно думать, что въ семъ случаѣ могло находиться измѣненіе нервной дѣятельности, которая обнаруживается разстройствомъ отправления.

«Кто можетъ однакожъ, при нынѣшнемъ состояніи науки, дать отчетъ о всѣхъ болѣзненныхъ измѣненіяхъ, которыми страдаетъ нервная система? Кто можетъ сказать, отчего зависитъ скоростяжное тяжкое дыханіе, которое случается подъ вліяніемъ нравственнаго возмущенія, наур. печали или удовольствія? От-

чего зависяты спальные задущенія, которыя характеризуютъ такъ часто истерическіе приступы? Не возможно ли отнести ихъ къ особенному измѣненію нервной системы?»

Послѣ подобныхъ явныхъ доказательствъ сего знаменитаго французскаго врача, основанныхъ на физиологическихъ и анатомико-патологическихъ наблюденіяхъ и на здоровомъ разсудкѣ, весьма трудно согласиться съ мнѣніемъ гг. Карны и Лефевра, — тѣмъ болѣе, что патологія болѣзней нервной системы мало усовершенствована. Но посмотримъ, что думаютъ другіе врачи объ этой болѣзни.

Ферросъ¹ говоритъ, что нервная, какъ и другія системы, имѣетъ собственныя свои болѣзни; она подвержена ограниченскимъ измѣненіямъ, которыя иногда очень возможно опредѣлять, и которыя всегда представляются нашимъ глазамъ съ явленіями *sui generis* и съ патогномическими признаками. При семъ онъ приводитъ опыты Виллиса, Жорже, Жоли, Оливье, Андала, Дюпотрена и, наконецъ, одинъ собственный опытъ. «Я нашелъ, говоритъ онъ², послѣ смерти одного больного, страдавшаго одышкою, довольно большое окостѣніе, лежащее въ центрѣ легочнаго нервного сплетенія, которое давило часть нитей сего послѣдняго. Это измѣненіе хотя было сопряжено съ увеличеннымъ объемомъ лѣваго желудочка сердца (*hypertrophie ventriculi sinistri cordis*), но тѣмъ болѣе можетъ объяснить лучше, что самая эта болѣзнь сердца, достопримѣчательное измѣненіе, происходящее отъ болѣзненнаго состоянія дыхательнаго процесса

Ферросъ старается разными логическими и физиологическими сужденіями, и даже анатомико-патологическими фактами, доказать невозможность допущенія идиопатической одышки и говорить (стр. 271. Dictionnaire de médecine tom. IV): «Слѣдствие, происходящее отъ причинъ, которыя, дѣйствуя прямо на нервную систему, причиняютъ приступы одышки, не только не спровергаетъ, но еще болѣе утверждаетъ ту теорію, которая относитъ всѣ разстройства нервной дѣятельности къ органическимъ явленіямъ; потому что сіи причины производятъ тогда матеріальныя, не только отдаленныя, но и мѣстныя разстройства, существующія долгое время даже послѣ прекращенія причинъ, ихъ производящихъ.»

Далѣе онъ излагаетъ³ весьма остроумно тѣ случаи и обстоятель-

¹ Dictionnaire de médecine tome, IV, pag. 267.

² Loco citato стр. 268.

³ Loco citato 272—273.

ства, гдѣ истинная причина одышки, состоящая въ матеріальномъ поврежденіи нервной системы, при розысканіяхъ могла укрыться изъ вида опытныхъ, аккуратныхъ и разсудительныхъ изслѣдователей, хотя такія обстоятельства бывають очень рѣдко.

На стр. 274 продолжаетъ онъ: «Я не боюсь признаться, что въ теченіе 25-лѣтней моей практики въ госпиталяхъ, мнѣ не случалось видѣть ни одного подобнаго случая (то есть одышки идиопатической, безъ матеріальнаго измѣненія). Можетъ быть, что моя опытность покажется недостаточною, но я могу прибавить, что Корвизаръ, Леру, Лермилье, Векларъ, Ростанъ и другіе также согласны со мною; у всѣхъ читанныхъ мною авторовъ, описывавшихъ наблюденія парижскихъ госпиталей и градскихъ больницъ, я не нашелъ ни одного примѣра. Въ богатомъ собраніи клиническихъ наблюденій De la charité находится описаніе одной болѣзни, названной *Asthma essentielle*, гдѣ подозрѣвалась болѣзнь сердца (4 nivôse an IX); предъ смертію значилось, что грудь имѣла барабанную звучность; при вскрытіи трупа увѣряють, что во всей груди, даже въ сторонѣ сердца, звучаніе было весьма ясное; легкія приросли къ грудной стѣнѣ, были наполнены воздухомъ и представляли особенную рыхлость; такъ что малѣйшее давленіе достаточно было, чтобы разорвать воздуходержащія пузырьки; передняя часть сердца находилась подъ лѣвымъ легкимъ. Прощеніе легкихъ, рыхлость ихъ и особенно воздуходержащихъ пузырьковъ доказываютъ, что эта одышка была симптоматическая».

«Чтобы распознать идиопатическую одышку, продолжаетъ онъ⁴, должно отвѣчать на вопросъ: Нервная система первоначальнымъ или вторичнымъ образомъ повреждена въ этомъ случаѣ, т. е. въ идиопатической одышкѣ?—Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ направленіе леченія самой болѣзни. Въ семъ случаѣ должны быть, по логическому правилу, исключенія, ибо поврежденія нервной системы, глубоко вкоренившіяся въ организмъ, всегда укрываются во время жизни отъ нашихъ наблюдательныхъ средствъ. По внимательномъ изслѣдованіи состоянія всѣхъ органовъ и всѣхъ отправленій, должно сдѣлать заключеніе; и въ извѣстныхъ случаяхъ приговоръ нашъ можетъ допустить еще нѣкоторое сомнѣніе.

Сіи доводы образованнаго французскаго врача, основанные на здоровомъ смыслѣ и на анатомико-патологическихъ фактахъ рѣшительно отвергаютъ возможность принимать одышку безъ всякаго ограническаго поврежденія.

⁴ Loco citato стр. 275.

Знаменитый и трудолюбивый парижский профессор *Пюрри* также оспаривает теорию, допускающую идиопатическую одышку. Онъ говоритъ: «Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда бываетъ сильный приступъ тяжкаго дыханія и когда не находятъ въ сердцахъ, легкихъ и животѣ, ничего могущаго изъяснить задушеніе, врачи принимаютъ вообще нервную систему, особенно бронхіальные нервы, за причину явленія. Притомъ полагали, что въ болѣе части случаевъ органическихъ поврежденій, затруднительность дыханія есть послѣдствіе особеннаго нерваго страданія (neurographie speciale)».

Продолжая опровергать сіе мнѣніе, *Пюрри* говоритъ:—стр. 331. § 6585.

«Для совершенія спазмотическаго движенія бронхіальныхъ канальцевъ надобно, чтобы они были снабжены мышечными волокнами; авторы не согласны между собой въ этомъ случаѣ. Между новѣйшими *Рейсейсенъ* и *Крувелье* утверждаютъ, что дыхательное горло и бронхіальные канальцы имѣютъ мышечные волокны, и *Лонжесъ* увѣряетъ, что онъ видѣлъ ихъ у животныхъ сжимающихся подъ вліяніемъ гальванизма. Этотъ физиологъ относитъ сію необходимую принадлежность къ дѣйствию нервовъ легочножелудочныхъ (nervus vagus) и спинныхъ. *Труссо* долго наблюдалъ это на животныхъ, и не могъ замѣтить ничего подобнаго².

«Хотя дѣйствительно правда, что *Лонжесъ*, употребляя гальванизмъ и другія могущественныя средства, приводилъ въ сжиманіе бронхіальные каналы, и успѣлъ тамъ, гдѣ *Труссо* встрѣтилъ неудачу; однакожъ этотъ фактъ еще не утвержденъ...»³.

¹ Traité de médecine pratique, tom. IV. pag. 329. § 6580.

² Мы убили, говоритъ *Труссо*, не многихъ лошадей сильными ударами молотка, нанесенными имъ въ голову; вскрыли животъ обширнымъ разрѣзомъ, отдѣлили грудобрюшную преграду и, не теряя времени, проникли въ глубину груди, чтобы отдѣлить дыхательное горло, легкія и сердце, ложницами, снабженными на остроконечіяхъ пуговочками; разрѣзали посвѣдно главныя бронхіальныя раздѣленія и, раздѣляя оныя различнымъ образомъ, старались возбудить въ нихъ мускулозныя движенія; но никакимъ образомъ не могли замѣтить въ нихъ ни малѣйшаго признака сего послѣдняго; даже губка, введенная въ воздухоносные пути у человѣка, во время жизни, не возбуждала никогда даже малѣйшее мускулозное сжиманіе (mémoires de l'Académie de médecine, tom. IV. pag. 126, 127, 128).

³ § 6586.

«И такъ ничего еще нѣтъ достовѣрнаго въ существованіи мышечныхъ волоконъ и сжимательныхъ движеній бронхіальныхъ каналовъ, и изъясненія болѣзней дыхательныхъ орудій, на нихъ основанныя, могутъ быть еще гипотетическими»¹.

«Мы не намѣрены изучать, говоритъ *Пюрри*² первую одышку или затрудненіе дыханія, какъ болѣзнь первоначальную и существенную (maladie primitive et essentielle). Существованіе нерваго страданія воздухоносныхъ каналовъ, при нынѣшнемъ состояніи науки, не должно быть допускаемо, развѣ только тогда, когда въ гортани, въ легкихъ, въ подреберной плеврѣ, въ сердцахъ, въ брюшныхъ органахъ, наконецъ въ системѣ головнаго и спиннаго мозга, не находятъ органическихъ или матеріальныхъ поврежденій, могущихъ объяснить припадки, нами наблюдаемые. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно бы допустить въ воздухоносныхъ проходахъ нервныя страданія, произведшія боль, трудное и тяжкое дыханіе, кашель и проч., должно принимать въ соображеніе, что сіи нервныя страданія могутъ быть того же самаго свойства, какъ и тѣ, которые часто развиваются въ другихъ органахъ и требуютъ соотвѣстнаго леченія...»

И такъ *Труссо* и *Пюрри* не только не принимаютъ идиопатической одышки, но даже усиливаются разрушить теорию ея до основанія, доказывая наблюденіями своими, что спазмотическія движенія мышечныхъ бронхіальныхъ волоконъ не существуютъ; а *Пюрри* даже опровергаетъ фактами активное расширеніе легкихъ, говоря (loco citato стр. 351 въ концѣ § 6586) «Quant à la dilatation active du poumon, alors que la poitrine est ouverte, et qui a été admise par *Averrhoes*, *Houston*, *Hérissant* et plus récemment par *Roux*, *Roudolphi Williams* etc. elle ne paraît vraiment par avoir lieu; dans un grand nombre d'animaux que j'ai ouverts, je n'ai pu l'observer, et *M. Longel* n'a pas été plus heureux que moi».

Не смотря на эти вѣрные факты, для одного утѣшенія остроумнаго *Лесфера* и нашего почтеннаго автора de *asthmate idiopathico*, допустимъ на время существованіе *asthmatidis essentialis*; но какимъ образомъ отвѣтять они на слѣдующіе вопросы: Увѣрены ли они въ томъ, что вскрытія труповъ умершихъ произведены ими или другими врачами со всею требуемою точностію и аккуратностію? Исслѣдовали ли они микроскопически всю массу головнаго и спиннаго мозга, нервовъ восьмой пары по всему ея

¹ § 6587.

² § 6588.

протяженію, и другіе нервы, идущіе отъ спиннаго мозга и раздѣляющіеся въ легкихъ и прочихъ грудныхъ внутренностяхъ? Увѣрены ли они еще въ томъ, что не могли бы найти въ существѣ ихъ, помощію микроскопа или инымъ путемъ, никакого размягченія, отверднѣнія простаго или раковиднаго свойства, воспаленія самаго существа нервовъ и ихъ оболочекъ?—Современники наши очень хорошо, или, по крайней мѣрѣ, достаточно узнали, помощію микроскопа, устройство нервной системы; такъ напр. одинъ изъ нашихъ трудолюбивѣйшихъ и ученыхъ русскихъ врачей, г. Дидимовъ, отлично описалъ анатомическое устройство всей нервной системы (см. записки С. П. Б. Императ. Медико-Хирургической Академіи, годъ 4-ый, книги 1 и 2); но анатомико-патологическія измѣненія оной находятся еще во мракѣ и микроскопія еще не успѣла показать ихъ намъ; почему смѣло можно сказать, что самыя тончайшія измѣненія существа мозга и его нервовъ могутъ укрыться отъ наблюдательнаго глаза самыхъ опытныхъ прозекторовъ и анатомиковъ. Чтобы доказать сіе, надобно каждому врачу напоминать себѣ причины, возбуждающія подобныя нервныя болѣзни; напр. часто случается видѣть въ больничной или вольной практикѣ, что въ наложенныхъ болѣзняхъ, напр. лишаѣ или чесоткѣ, вдругъ, отъ какой нибудь причины, моральной или физической, сыпь пропадаетъ, и послѣ того, раньше или позже являются нервныя болѣзни, одышка, падачая болѣзнь, истерика и проч. Не понимая причины, мы истощаемъ всѣ наши медицинскія средства и не видимъ никакой пользы. Иногда причина сія остается долго сокрытою и лишь по какому либо случаю мы узнаемъ ее, и тогда употребляемъ отвлекающія средства, дѣйствующія на кожу, и проч.: сыпь появляется, и болѣзнь нервная совершенно исчезаетъ. Спрашивается, гдѣ была скрыта эта матеріальная причина? Еслибы на внутреннихъ органахъ тѣла, кромѣ нервовъ, тогда бы она обнаружилась припадками расстройства, свойственными тѣмъ органамъ, на которые перешла, напр. если на сердце, то воспаленіемъ во внутренней или наружной его оболочкѣ (endocarditis et pericarditis); если же на печень, то острымъ или хроническимъ воспаленіемъ или другимъ разстройствомъ. Но такъ какъ сія болѣзнь сокрылась въ первахъ, то она произвела, вѣроятно, органическое ихъ разстройство; ибо матеріальная болѣзнь, какова сыпь, должна производить непременно матеріальное разстройство, куда бы не перенеслась. Это объясняется подробнѣе слѣдующими наблюденіями.

Одинъ изъ моихъ пациентовъ П. А. К., 4 года тому назадъ, получилъ внезапно, въ присутствіи моемъ, сильнѣйшую апоплек-

сію съ параличемъ лѣвой половины тѣла и головы и совершенною потерю самосознанія. Не теряя времени, я употребилъ всѣ возможные средства противъ апоплексіи, пустилъ разомъ изъ обѣихъ рукъ кровь, поставилъ піявокъ за ушами, употребилъ слабительныя, холодныя примочки со льдомъ на голову, горчичники къ ногамъ и двѣ мушки къ плечамъ; чрезъ 24 часа больной пришелъ въ память, потомъ 3 дня спустя явилась, до сихъ поръ ему неизвѣстная, сильнѣйшая подагра на лѣвой ногѣ со всѣми ея явленіями, т. е. съ опухолью, краснотою и сильною болью со стрѣльбою. Эти мѣстные припадки простирались даже до верхней части голени, съ облегченіемъ параличаго состоянія тѣла; чрезъ нѣсколько дней примѣтно уменьшились подагрическіе припадки, а параличъ лѣвой половины лица, лихорадка, жаръ, боль и тяжесть головы, а по временамъ спазмодическія движенія лѣвой челюсти и лѣвой верхней конечности, усилились. При употребленіи приличныхъ средствъ, припадки сіи уменьшились, а подагра на ногѣ опять увеличилась; такимъ образомъ въ продолженіи всей зимы и весны, подагра переходила отъ лѣвой ноги на личныя нервы et ad flexum brachialem sinistram попеременно, но впрочемъ постепенно уменьшаясь; параличное состояніе тѣла и головы почти совершенно прошло; послѣ чего подагрическіе припадки возвращались всегда осенью и весною, хотя въ меньшей степени, нежели въ первый разъ, и переходили такимъ же образомъ отъ ноги до головы и обратно, не производя паралича лица; но судорожныя движенія въ нижней челюсти и въ верхней лѣвой конечности довольно часто безпокоили больного. Въ прошлую зиму довольно сильныя подагрическіе припадки показались опять на правой ногѣ; но въ этотъ разъ, отъ какого-то душевнаго волненія, подагра перешла, съ ноги не въ голову, но въ печень, и образовала сильное оной воспаленіе, которое однакожъ, отъ приличныхъ средствъ, совершенно прошло. Послѣ этого подагра не переходитъ уже отъ ноги въ лицо, но въ печень и желудокъ, и производитъ всѣ возможные расстройства пищеваренія; а голова, лицо и нервы, даже верхняя лѣвая конечность нисколько не страдаютъ и спазмодическія движенія сихъ частей давно не возвращаются. Слѣдовательно, если сокрытая въ организмѣ подагра вдругъ появилась въ мозгу и оболочкахъ его и произвела первоначально апоплексію и параличъ, потомъ перешла отъ головы въ ногу и послѣ въ личныя нервы и произвела судороги, наконецъ въ печень, и причинила воспаленіе, спрашивается: какого же рода были сіи судороги? Происходили ли онѣ отъ динамическаго или органическаго поврежденія нервовъ? Случались ли онѣ въ слѣдствіе перехода подаг-

ры? Отвѣчаемъ: разумѣется отъ сего послѣдняго; ибо одна и та же причина не можетъ производить двѣ болѣзни, совершенно противоположнаго свойства.—Спрашивается: въ подобныхъ случаяхъ какое измѣненіе могли найти врачи въ нервахъ личныихъ и лѣвой верхней конечности? Безъ сомнѣнія, никакого; ибо наружныя наши чувства не такъ усовершенствованы, или лучше сказать, врачи не достигли еще такого совершенства, чтобы могли разбирать слабыми чувствами нѣжнѣйшія или тончайшія измѣненія нервного состава. Но здравый разумокъ, въ подобныхъ случаяхъ, не можетъ не допустить, по крайней мѣрѣ, временныхъ измѣненій состава нервовъ личныихъ и верхней лѣвой оконечности.

Весьма любопытны слѣдующія два новѣйшія наблюденія извѣстнаго парижскаго дерматолога и профессора *Довержи*, описанныя въ № 94 Gazette des Hopitaux сего 1847 года, августа 10 дня, стр. 400; онѣ вполне могутъ оправдать мое мнѣніе.

Наблюденіе IV. Старая одышка, экзема, излеченіе одышки.
«*Казенавъ* лечилъ одного больного, который страдалъ одышкою съ накопленіемъ воздуха въ легкихъ (emphysema). Этотъ человекъ въ теченіе 7 лѣтъ не проводилъ ни одной ночи на своей постели. Прошедшею зимою онъ получилъ сыпь, называемую экземю (eczema), съ изсоченіемъ избыточной матеріи. Прошло послѣ того нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ не чувствуетъ никакого давленія въ груди.

Наблюденіе V. Приступы одышки, продолжающіеся 8 лѣтъ. Экзема голени. Послѣ исчезнутія припадковъ прошло три года и одышки нѣтъ. Излеченіе экземы.

«*Жозефъ Маруа* нервнаго темперамента и хорошей комплекціи, въ 1836 году страдалъ грудными припадками и лечился въ госпиталѣ 3 недѣли, впрочемъ невѣдомо, какого рода были эти припадки. Послѣ того чрезъ 3 мѣсяца почувствовалъ онъ всѣ признаки одышки. Эта болѣзнь продолжалась 8 лѣтъ и прошла въ 1844 году, именно въ то самое время, когда появилась у него на глѣзѣ, животѣ, спинѣ и нижнихъ конечностяхъ, накожная сыпь съ зудомъ и соченіемъ избыточной матеріи. Послѣ сѣрныхъ ваннъ сыпь ограничилась только на голенихъ, но припадки одышки не появлялись. Въ 1846 году 27 декабря онъ прибылъ въ госпиталь Saint-Louis и вышелъ 27 января 1847 года несовершенно вылеченный; но когда накожная болѣзнь ожесточилась, онъ опять пріѣхалъ въ Парижъ и поступилъ, 2 июня, въ тотъ самый госпиталь, въ отдѣленіе г. *Довержи*, а 26 июля

вышелъ совершенно здоровымъ, безъ всякихъ грудныхъ припадковъ, возвращеніе которыхъ даже не предвидится.»

Профессоръ *Довержи* не упоминаетъ здѣсь о стетоскопическомъ изслѣдованіи груди, т. е. въ какомъ состояніи находились у него во время одышки грудныя внутренности. Но если бы находились органическія разстройства сихъ внутренностей, онъ навѣрно бы описалъ ихъ, какъ упомянулъ и о накопленіи воздуха въ 1 наблюденіи. Эти два наблюденія параллельны съ моимъ предъидущимъ и явно доказываютъ истину мнѣнія, что часто существуютъ, какъ выше сказано, сокрытыя отъ нашего взора, органическія поврежденія мозга и нервовъ, коихъ причины мы не понимаемъ.

Основываясь на вышесказанныхъ наблюденіяхъ и на весьма справедливыхъ логическихъ выводахъ, можно сдѣлать еще второй вопросъ врачамъ, принимающимъ идиопатическую одышку. При потрясеніи душевномъ отъ радости или печали, или другихъ случаевъ, накожная или другая болѣзнь напр. ревматизмъ и ломота (Rheumatismus et Arthritis), существующія наружъ или сокрытыя въ организмѣ, не могутъ ли переходить въ грудныя внутренности и ихъ нервы, и производить одышку съ органическимъ измѣненіемъ сихъ самыхъ нервовъ, какъ то ежедневно доказывается фактами? И въ семь случаевъ не обманчиво ли мнѣніе, что душевныя волненія производятъ идиопатическую одышку? Мы часто напротивъ видимъ, что такія болѣзни, т. е. сыпи, ревматизмъ, рожа и проч. переходятъ къ нервамъ животной жизни и образуютъ neuralgias rheumaticas, какъ напр. pro-sopalgiam rheumaticam или arthriticam, Ischiam rheumaticam или arthriticum, и проч.—и это доказывается фактами. Нельзя ли допустить, что какъ эти болѣзни переходятъ къ наружнымъ нервамъ, то могутъ также переходить и къ внутреннимъ и производить одышку, истерику и разнаго рода нервныя болѣзни? Для рѣшенія такихъ задачъ нуженъ геній, который бы могъ бросить свѣтъ на всю нервную систему, какъ знаменитый *Леннекъ* на грудныя болѣзни; а мы бѣдняки компиляторы должны составлять диссертацію или брошюру безъ собственнаго своего сужденія, украсивъ ее клиническими терминами (Symptomatologia, characteres anatomici, epirises, diagnosis et caeter.) съ единственною цѣлію получить степень доктора.

3 вопросъ: Кто можетъ увѣрить насъ, что органическія поврежденія грудныхъ органовъ самаго мозга и нервовъ его не могли бы уничтожиться предъ смертію человека, страдавшаго одышкою во время агоніи, когда мы знаемъ и ежедневно видимъ

на опытѣ, что важнѣйшія органическія болѣзни, (каковы: водяная, язвы и проч.) уничтожаются въ агоніи и не оставляютъ вовсе или только очень мало слѣдовъ?

Подобныя сужденія, основанныя на здоровомъ разсудкѣ, на законахъ физиологіи и анатомико-патологіи и на ежедневныхъ наблюденіяхъ, и притомъ опыты и физиологическія сужденія и выводы упомянутыхъ французскихъ врачей явно доказываютъ, что хотя одышка состоитъ въ судорожномъ сжатіи воздухоносныхъ каналовъ легкихъ, однакожъ нельзя допустить въ нынѣшнемъ состояніи медицины существованія идиопатической одышки (*asthma idiopathicum, nervosum, essentielle*) вопреки мнѣнію ученаго автора *de asthma idiopathico* и остроумнаго *Левевра*, но мы относимъ эту болѣзнь къ числу нервныхъ, называемыхъ *Nervoses*, т. е. къ такимъ, коихъ натура и местоположеніе еще неизвѣстны и покрыты мракомъ. Можетъ быть современемъ Провидѣніе пошлетъ намъ гениальнаго человѣка, который разсѣетъ мракъ и осѣтитъ новымъ благотѣльнымъ свѣтомъ нашу науку. Но увы подобные люди являются вѣками! а мы врачи и человечество должны терпѣть, смотрѣть, сожалѣть и сокрушаться, когда особенно видимъ подобныя неполныя краткія и притомъ смѣлыя диссертаціи.

Разсматривая диссертацію г. доктора *Кармы* еще замѣтилъ я, что на 4 страницѣ онъ производитъ слово *Asthma* отъ греческаго слова «*ἀσθίαινα*» sic. Но въ греческомъ языкѣ слово «*ἀσθίαινα*» значитъ: здравствую, *sanus sum, valeo*, и «*ἀδύνα*» значитъ рѣшеніе, *secretum*. Я полагаю, что *carissimus meus collega* хотѣлъ произнести слово «*ἀσθία*» (*asthma*, одышка), отъ глагола «*ἀσθίαινα*» что значитъ *anhelo* (задыхаюся), дабы показать ученость свою даже и въ этимологіи греческихъ словъ; но онъ явно ошибается; ибо «*ἀσθίαινα*» значитъ болѣзненное состояніе человѣка, а «*ἀσθίαινα*» здоровое. Одно пишется *per v*, а другое *per d*, двѣ буквы совершенно различныя между собою; по моему лучше не братья за то, чего не разумѣемъ.

На страницѣ 7, онъ опредѣляетъ болѣзнь *asthma* слѣдующимъ образомъ: *Bronchiorum spasmus periodice recurrens, difficultas functionis respiratoriae paroxysmi instar cum sensu constrictionis pectoris et adaucta actione omnium organorum respirationem adjuvantium.*—*Sic.*

Здѣсь докторъ нашъ пропустилъ два главные припадка, которые приняты всѣми патологами и совершенно характеризуютъ болѣзнь одышку; безъ нихъ опредѣленіе совершенно недостаточ-

но и даже непонятно: 1) совершенное отсутствіе лихорадки¹, и 2) что въ перемежкахъ пароксизмовъ больной чувствуетъ себя совершенно здоровымъ² и совершаетъ всѣ свои отправления, даже пьетъ и кушаетъ, какъ обыкновенно. Хотя слова «*periodice recurrens*» объясняютъ, что пароксизмы возвращаются периодически, но не объясняютъ впрочемъ, каково чувствуютъ себя больные во время промежутковъ; ибо въ промежуткахъ многихъ другихъ периодическихъ болѣзней, чувствуютъ они слабость, боль въ головѣ и часто потерю аппетита и не могутъ заниматься своими дѣлами.

На страницѣ 12, г. докторъ *Карма* приводитъ примѣръ своего наблюденія, что женщина 25 лѣтъ, въ сильномъ пароксизмѣ одышки, возбужденной въ слѣдствіе извѣстія о кончинѣ ея мужа, сама умерла; подобными пароксизмами страдала она и прежде. Не говоря ничего объ изслѣдованіяхъ больной при жизни и что найдено при стетоскопическомъ изслѣдованіи, онъ прямо описываетъ анатомико-патологическія измѣненія, найденныя при вскрытіи трупа; изліяніе воды въ грудной полости, до полуфунта, нѣсколько эмфизематозныя (т. е. содержація воздухъ) легкія, а при разрѣзѣ существа легкихъ, отѣкъ ихъ (*oedema pulmonum*); эти легкія были тяжелы и дыхательное горло было сжато въ слѣдствіе спазмовъ мышечныхъ его волоконъ и (*in epistasi*) такой отѣкъ произвелъ скоропостижную смерть чрезъ задушеніе и проч.

Какимъ образомъ можетъ г. докторъ *Карма* увѣрить насъ, что отѣкъ въ легкихъ упомянутой женщины существовалъ и при жизни, а не образовался при смерти, или скорѣ послѣ оной, въ слѣдствіе разложенія крови, накопившейся отъ прилива къ легкимъ и разлагавшейся на свои двѣ главныя составныя части, жидкую и густую, изъ коихъ первая разлилась въ клетчатомъ составѣ легкихъ и произвела отѣкъ, а другая осталась отчасти въ венахъ и въ лѣвомъ желудочкѣ сердца; ибо наблюденіе учитъ насъ, что при одышкѣ, особенно при такомъ родѣ смерти, всегда бываетъ большой приливъ венозной крови къ легкимъ, какъ и самъ г. *Карма* объясняетъ объ этомъ на стр. 11. c), и вторымъ своимъ наблюденіемъ, на стр. 13.

¹ Dictionnaire de medicine, tom. IV pag. 248 et 252. Lefevre de l'asthme, pag. 52. Grissalle, traité de pathologie interne, pag. 610, tom. 2.

² Dictionnaire de medicine T. IV pag. 249 et 250. Lefevre loco citato.—Grissalle loco citato, pag. 757 et 759.

Почему же онъ хочетъ объяснить здѣсь смерть иначе, а не апоплексическимъ ударомъ легкихъ, съ судорожнымъ сжатіемъ воздухоносныхъ каналовъ? Къ тому же подобнымъ отѣкомъ часто страдаютъ больные весьма долго; тогда какъ съ эмфиземой больные долго жить не могутъ. При нынѣшнемъ состояніи науки, нельзя позволить ученому доктору дѣлать въ грудныхъ болѣзняхъ умозрительныя заключенія безъ вѣрныхъ фактовъ; стетоскопія открыла намъ глаза, и мы не повѣримъ метаніямъ, которые напоминаютъ намъ жалкое состояніе медицины въ средніе вѣка. Какимъ образомъ, когда легкія имѣли отчасти эмфизему, они могли быть тѣжеле и погружаться въ воду? (Я не думаю, что бы онъ повѣрялъ тяжесть легкихъ иначе, какъ только пуская ихъ въ воду). Мы знаемъ, что эмфизематозныя легкія вовсе не погружаются въ воду или только очень мало, и самъ г. Карма удостовѣряетъ тутъ же, что легкія не были спавшими, мѣшечки ихъ были полны, и при давленіи оны трещали, что бываетъ всегда при эмфизематозномъ состояніи. Что же касается до накопленія воды въ грудной полости, то, для лучшаго изъясненія, я приведу только слова французскаго врача Феррюса (Dictionnaire de médecine, tom. IV pag 260). «Jamais une influence nerveuse, quelque vive qu'on puisse la supposer ne produira l'Hydrothorax ou bien des ossification de l'aorte etc.» Теперь остается узнать отъ г. Кармы, какимъ образомъ полость дыхательнаго горла была сжата отъ спазматическаго состоянія мышечныхъ волоконъ задней онаго стѣнки? Какъ онъ это намъ докажетъ? При всемъ нашемъ желаніи, мы не можемъ этому повѣрить, ибо онъ ничего подробнаго не говоритъ; возможно ли ему было узнать или смѣрить при жизни величину или ширину полости дыхательнаго горла, чтобы сравнительно открыть намъ истину? Разумѣется нѣтъ. Какъ онъ намъ это докажетъ, когда онъ не знаетъ естественнаго объема полости всего дыхательнаго горла, и при томъ, когда онъ самъ въ этиологіи своей, стр. 15. «Congenitum aut acquisitum cumen bronchiorum angustum» причисляетъ къ располагающимъ причинамъ? Извѣстно изъ анатомико-патологическихъ фактовъ, что если человѣкъ умретъ при судорожномъ состояніи, тогда члены его, страдавшіе судорогами остаются послѣ смерти въ согбенномъ состояніи, какъ они находились предъ смертію, но если станемъ расправлять ихъ, то они легко уступаютъ. Такимъ же образомъ, если г. Карма вдунулъ бы чрезъ гортань, по сдѣланному разрѣзу, палецъ свой въ дыхательное горло и старался бы умѣреннымъ и легкимъ движеніемъ расширить заднюю стѣнку дыхательнаго горла, гдѣ оканчиваются кольцеобразныя хрящи, и успѣлъ бы привести

оную сколько возможно въ сообразное естественному положенію, тогда мы должны бы повѣрить его результатамъ; иначе здравый разумъ не позволяетъ намъ вѣрить неполнымъ и неакуратнымъ наблюденіямъ.

На страницѣ 15, къ располагающимъ причинамъ, онъ причисляетъ нервный темпераментъ. Sic. Наблюденія намъ доказываютъ, что дѣти и женщины бываютъ наиболѣе перваго темперамента, между тѣмъ они рѣже мужчинъ и взрослыхъ подвергаются одышкѣ, какъ онъ самъ carissimus collega говоритъ въ своей книжечкѣ: «Sexus potius masculinus, quam sexus sequior (relatio nempe est 5: 1) et Caelius Aurelius говоритъ: Passio haec gravat atque premit magis mulieribus viros, et juvenibus senes, atque pueros et durioribus natura corporibus teneriore....»¹

Какъ понимать таковыя несообразности въ словахъ ученаго доктора?

Г. докторъ Карма пишетъ объ идиопатической одышкѣ, т. е. о такой болѣзни, которая (какъ выше имъ самимъ сказано, стр. 11 и 12), состоитъ въ измѣненіи собственной жизненной силы или энергіи нервовъ, безъ всякихъ органическихъ поврежденій, между тѣмъ въ этиологіи своей описываетъ², въ числѣ причинъ, такія органическія болѣзненныя измѣненія, кои могутъ возбуждать симптоматическую, а не идиопатическую одышку, какъ выше въ общемъ разсужденіи о натурѣ сей болѣзни, доказано; «Exaltata membranae mucosae bronchiorum irritabilitas», далѣе: «suppressio menstruorum, nec non fluxus haemorrhoidalis, metastasis rheumatismi, arthritidis, efflorescentiarum cutancarum chronicarum retro pulsio et ulcerum habitualium, pus secernentium, cita sanatio.»

Какого же рода, по его мнѣнію, вышеисчисленныя причины? Дѣйствительно ли то причины, или, чисто, болѣзни? И при томъ если они точно болѣзни, то какого свойства органическаго или динамическаго? Разумѣется, чисто органическаго свойства, ибо они всегда являютъ съ органическими измѣненіями состава нашего тѣла. Если же таковыя органическія болѣзни скрываются въ тѣлѣ нашемъ, какія болѣзни могутъ они производить, (напр: ревматизмъ, ломота, геморойды, остановленіе періодическихъ кровей у женщинъ, сыпь разнаго рода и скоростипжное излеченіе долговременныхъ гниющихъ язвъ, и проч.) органическія, или динамическія? Не производятъ ли они, когда скрываются внутри тѣла, сильныя приливы крови къ важнымъ органамъ

¹ Lefevre de l'asthme, page. 58.

² Стр. 15.

и сильнѣйшія воспаленія, такъ что часто жизнь человѣка бываетъ въ опасности, что ежедневно подтверждается опытомъ? Въ семь случаевъ, какими средствами будетъ лечить *опіумъ doctor metropolitanus* сіи органическія болѣзни, противовоспалительными и отвлекающими или возбуждающими и нервными? Какимъ же образомъ онъ можетъ объяснить намъ, что матеріальныя болѣзни, скрывшіяся внутрь, могутъ производить чисто нервныя болѣзни, безъ всякаго матеріальнаго измѣненія?

По моему сужденію, при такомъ случаѣ сіи первныя припадки, даже и припадки другихъ системъ, кои окажутся при органическихъ болѣзняхъ, суть вторичныя, сочувственные или припадочныя, а не чисто нервныя или первоначальныя. По моему мнѣнію и по мнѣнію всякаго образованнаго и практическаго врача, всѣ вышесказанныя болѣзненныя измѣненія суть чисто болѣзни, а не причины болѣзней, какъ пишетъ г. *Карма*, и одышка сопровождающая оныя есть припадокъ, а не существенная болѣзнь. Въ семь случаевъ, если не здравый разумокъ, то, по крайней мѣрѣ самое лечение показываетъ намъ истину. При образованіи приливовъ крови къ внутреннимъ органамъ нашего тѣла, при воспаленіи оныхъ и даже при одышкѣ, производящихъ послѣ скрытія упомянутыхъ болѣзней, практическіе врачи употребляютъ полное и дѣятельное противовоспалительное и отвлекающее лечение; и послѣ такого леченія всегда видятъ, что скрывшіяся болѣзни принимаютъ естественный свой ходъ и больные, при употребленіи приличнаго леченія, выздоравливаютъ, какъ самъ же г. докторъ *Карма*, *Collega Noster*, пишетъ на страницѣ 24 *in cura radicali*.

Ученый авторъ (на 16 стр. *in exitu morbi*) говоритъ, что *asthma* можетъ причинить расширение бронхиальныхъ каналовъ (*dilatationem bronchiorum*); между тѣмъ онъ же говоритъ (въ чемъ согласны большая часть медиковъ и я въ томъ числѣ), что *asthma* состоитъ въ судорожномъ сжатіи дыхательнаго горла и воздухоносныхъ каналовъ легкихъ; теперь слѣдуетъ просить г. *Карму* объяснить намъ, какимъ образомъ въ одномъ и томъ же болѣзненномъ процессѣ происходятъ два факта совсѣмъ противоположные, то есть сжатіе и расширение воздухоносныхъ каналовъ? Признаюсь, я не могу понять этого, по крайней мѣрѣ здравый разумокъ не позволяетъ мнѣ допустить такіа несообразности; ибо мы знаемъ, что спазмы полыхъ органовъ состоятъ въ судорожномъ сжываніи, а не въ расширеніи полостей ихъ. И дѣйствительно, если у умершихъ отъ одышки окажется расширение воздухоносныхъ каналовъ, то здравый смыслъ внушаетъ намъ заключеніе, что такое органическое измѣненіе

въроятно есть продуктъ преждебывшаго воспаленія сихъ органовъ, а не судорожной одышки. Изъ сего обстоятельства можно заключить, что авторъ разбираемой книги, для составленія оной, выписывалъ безъ разбора изъ разныхъ книгъ, что ему попалось, безъ всякаго разсужденія. Для удостовѣренія въ этомъ, стоить обратить вниманіе на его цитаты, фальшиво списанныя, именно на страницѣ 11. ¹. *Dictionnaire de médecine tom 11 pag 120*, и на страницѣ 15. ². *Dictionnaire de médecine tom 11 pag 121*.

Повѣряя эти цитаты, я нашелъ ихъ совершенно фальшивыми; передо мной лежитъ 2-й томъ упомянутаго лексикона, и я ненавижу въ немъ болѣзни *asthma*, а на стр. 120 и 121 этого тома писано объ альбиносахъ; а объ одышкѣ (*asthma*) статья помѣщена въ 4-мъ томѣ сего лексикона на стр. 248 до 286. *Deuxième édition Paris. 1833*.

Если бы нашъ почтенный авторъ, для составленія своей книги дѣйствительно руководствовался авторами, (что весьма не предосудительно въ медицинской литературѣ), то бы вѣроятно привелъ вѣрныя цитаты; ибо онъ тогда могъ бы различить томъ 2-й отъ 4-го и страницы 120 и 121 отъ 248 и 286.

Разсматривая подробно наблюденія доктора *Кармы*, приведенныя имъ въ его диссертациі, ясно можно видѣть, что эти наблюденія, вмѣсто того, чтобы утвердить теорію о существованіи идиопатической одышки, напротивъ того, уничтожаютъ оную.

Въ 1-мъ наблюденіи (стр. 27) сказано, что больной, отъ 19-го февраля до іюля 1844 года имѣлъ нѣсколько пароксизмовъ одышки, но онъ не лечился. Въ послѣдній пароксизмъ былъ къ нему приглашенъ г-нъ докторъ *Карма*, который прописалъ ему рвотное изъ горчицы. Отъ этого больного вырвало и онъ выздоровѣлъ, и припадки одышки болѣе не возвращались. Больной, какъ онъ говоритъ, былъ нервнаго темперамента и имѣлъ наследственное расположеніе къ одышкѣ; ибо дѣдъ и отецъ его страдали этою болѣзнію. Теперь спрашивается: можетъ-ли подобная упорная нервная болѣзнь, которая продолжалась пять мѣсяцевъ у подобнаго нервнаго субъекта съ наследственнымъ расположеніемъ, проходить отъ одного рвотнаго, когда извѣстно, что такіа чисто нервныя болѣзни въ подобныхъ обстоятельствахъ часто весьма упорны? Нельзя ли здѣсь допустить, что одышка была припадочная или сочувственная и зависѣла отъ устройства пи-

¹ Citatum. 1.

² Citatum. 1.

щеварительныхъ органовъ; почему рвотное, очищая эти пути, въ то-же время подѣйствовало чрезъ сотрясеніе на скитающійся нервъ (nervus vagus, pneumogastricus), который раздѣляется, какъ въ желудкѣ, такъ и дыхательныхъ органахъ, и уничтожило болѣзнь?

2-е его наблюденіе (стр. 29) показываетъ чисто симптоматическую одышку, и г-ну Карму кажется, совсѣмъ не слѣдовало приводить подобный примѣръ, который уничтожаетъ теорію и диссертацию его до основанія.

Больной страдалъ геморридальнымъ теченіемъ крови, и отъ простуды эта течь прекратилась; въ-слѣдствіе чего появилась одышка. Г-нъ Карма, будучи приглашенъ, опасался, чтобы не приключился у больного кровяной ударъ легкихъ или мозга, какъ онъ самъ говоритъ; почему пустилъ ему кровь, поставилъ пивки къ заднему проходу и употребилъ отвлекающія средства; потомъ прописалъ геморридальный прохладительный порошокъ изъ сѣры, кремортартара и магнезіи. Скрывавшаяся внутри геморридальная кровь открылась, въ-слѣдствіе таковаго леченія, и больной совершенно выздоровѣлъ. Здѣсь онъ лечилъ отъ болѣзни, коей одышка была припадкомъ, и всякій хорошо пойметъ, что дѣйствительно здѣсь нѣтъ чисто нервной идиопатической одышки.

3-е наблюденіе (стр. 31) г-нъ Карма приводитъ для подтвержденія теоріи объ идиопатической одышкѣ; но оно также явно доказываетъ, что одышка и здѣсь была симптоматическая, происходящая отъ разстройства пищеварительныхъ путей, какъ онъ самъ говоритъ, и отъ скрывшейся внутри ломоты (arthritis). Это самое доказываетъ и назначенное имъ леченіе: два рвотныхъ и одна мушка, поставленная на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилась ломота, достаточны были, чтобы уничтожить болѣзнь.

4-е наблюденіе г-на Кармы (на стр. 32-й) совершенно доказываетъ, что больной страдалъ тоже припадочною, а не идиопатическою одышкою. Увеличеніе объема селезенки (запаль) (Hypertrophia lienis), въ-слѣдствіе молдавской перемежающейся лихорадки (ибо больной жилъ въ Молдавіи и пріѣхалъ сюда на время), сопровождаемое разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, какъ онъ самъ пишетъ, причинило припадочную одышку. Направляя леченіе противъ коренныхъ болѣзненныхъ припадковъ, т. е., употребивъ рвотное, потомъ разбѣшающую микстуру изъ нашатыря, напоследокъ хинную соль противъ заваловъ селезен-

ки, онъ уничтожилъ болѣзнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и припадочную одышку.

5-е наблюденіе, на стр. 33-й. Больной страдалъ припадками одышки попеременно съ припадками падучей болѣзни. Г-нъ Карма говоритъ, что онъ не могъ опредѣлить причины болѣзни; между-тѣмъ у больного въ перемежкахъ между пароксизмами животныя и органическія отравленія совершались хорошо, исключая незначительную трудность пищеваренія.

Говоря объ этомъ припадкѣ, онъ не упоминаетъ, въ какомъ положеніи находились грудныя внутренности, и изслѣдовалъ-ли онъ ихъ чрезъ прислушиваніе и постукиваніе груди? Отъ чего произошло это трудное пищевареніе? Сіе наблюденіе доказываетъ, что г-нъ Карма хотя и вымечилъ одышку употребленіемъ внутрь адскаго камня, который часто дается и противъ хроническихъ воспаленій слизистыхъ оболочекъ, но падучая болѣзнь осталась неизлечимою, и хотя причина тѣхъ болѣзней скрылась отъ него, однако надобно полагать, что она находилась или въ болѣзненномъ измѣненіи самыхъ грудныхъ внутренностей, которыхъ онъ не изслѣдовалъ (не знаю, по какой причинѣ), или въ сильномъ, вѣроятно, органическомъ пораженіи нервной системы; ибо двѣ подобныя болѣзни хотя и существуютъ иногда вмѣстѣ, но составляютъ явленіе рѣдкое и опасное. При томъ, что касается до сущности причины, никто изъ медиковъ ничего опредѣлительнаго не можетъ сказать въ подобныхъ случаяхъ; ибо часто при жизни больныхъ, мы не можемъ сказать ничего вѣроподобнаго, а смерть и анатомическое вскрытіе труповъ открываетъ намъ самую истину, т. е., нарывы, отвердѣнія, размягченіе нервной системы и проч.

И такъ, изъ всѣхъ наблюденій г-на доктора Кармы, описанныхъ имъ въ своей диссертации, нѣтъ ни одного, которое могло бы положительно утвердить теорію его объ идиопатической, чисто-нервной одышкѣ (asthma idiopathicum, nervosum, essentialе), а всѣ онъ служатъ еще болѣе къ подтвержденію противнаго мнѣнія. Изъ сего видно, что вопросъ о существованіи идиопатической одышки остается нерѣшенной задачею на неопредѣленное время. Не такъ легко намъ, темнымъ врачамъ, безъ фундаментальныхъ и свѣтлыхъ знаній нервной системы и ея патологическихъ измѣненій опровергнуть мнѣнія столькихъ знаменитыхъ медиковъ многихъ вѣковъ и создать, утвердить и поддержать спекулятивную, выдумъ еще недоказанную теорію; особенно при нынѣшнемъ состояніи медицины. Мудрый патриархъ медицины *I. Иттихратъ* из-

рекъ мудрыя слова и наставленія : и хотя онѣ писаны много вѣковъ тому назадъ, по каждый изъ нашихъ собратій долженъ считать священнымъ долгомъ помнить ихъ на каждомъ шагѣ и избрать своимъ девизомъ поучительныя слова его:

«Ὁ βίος βραχύς, ἡ δὲ τέχνη μακροή, ὁ δὲ κηρός ὀξύς, ἡ δὲ πείρα βραχέροη, ἡ δὲ κοίτις χαλεπή. Δεῖ δὲ ἰόντον ἑαυτὸν παρέχειν τὰ δέοντα ποιεῖντα, ἀλλὰ καὶ τὸν «νοεῖντα, καὶ τοῦ παρεόντος καὶ τὰ ἔξωθεν». (Γλωσσῶν, ἀφορίσμοι, τιμῆα πρότον § 1) *.

Что-же касется до тезисовъ г-на доктора *Кармы*, то нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть оспариваемы положительными фактами; другіе-же довольно удовлетворительны. Разборъ ихъ отлагается до другаго времени; теперь-же, на первый разъ, достаточно сказано объ его книжкѣ; ибо настоящій разборъ гораздо полнѣе самаго творенія нашего собрата *Doctoris Petropolitani*.

БАРОНЪ ФАНФАРОНЪ И МАРКИЗЪ ПЕТИМЕТРЪ. *Быль времени Петра Великаго. Сочиненіе Н. В. Кукольника. Въ двухъ частяхъ. Спб. въ типографіи Фашона, 1847. Въ 12 д. л. Въ первой части 384 стр., во второй 226.*

Если бы мы сказали, что у Н. В. Кукольника есть истинный талантъ, то сообщили бы читателямъ нашимъ новость, похожую на извѣстіе, что въ Россіи, на берегахъ Невы, существуетъ городъ, называемый Санктпетербургомъ. Но самымъ сильнымъ, неоспоримымъ талантамъ не всѣ ихъ произведенія однаково удаются—это также допотопная истина.

По прочтеніи новаго романа Н. В. Кукольника, мы остались и довольны и недовольны. Зная прекрасную, благородную душу почтеннаго автора, мы увѣрены, что онъ ни мало не разсердится, если мы выскажемъ ему откровенно впечатлѣнія, произведенныя на насъ его барономъ и маркизомъ.

* Жизнь кратка, наука обширна, время быстро, опыты обманчивы (неудачены); сужденіе трудно. Должно не только самому дѣлать все то, что слѣдуетъ (что нужно), но надобно, чтобы способствовали къ этому большіе, присутствующіе и внѣшнія обстоятельства.

Романъ Н. В. Кукольника очень занимателенъ; воображеніи въ немъ разсыпано бездна; колоритъ временъ Петровскихъ соблюденъ мастерски и неоспоримо доказываетъ искусство и начитанность автора; но, съ другой стороны, его герои, самозванцы, баронъ и маркизъ, избраны имъ неудачно. Одинъ сынъ истопника, другой сынъ ростовщика. Оба отправились за границу, насмотрѣлись заморскихъ обычаевъ, получили изрядную шифровку, (какъ говорить безцѣнный писарь въ превосходномъ романѣ Загоскина), воротились въ Москву, присвоили себѣ непринадлежащія имъ титулы, втерлись въ разные дома московскихъ господъ и барынь, захотѣли выйти въ люди и успѣли въ этомъ разными интригами, плутнями и низостями; но все это оканчивается тѣмъ, что ихъ бьютъ батогами и отправляютъ въ ссылку.

Удивляемся, какъ почтенный авторъ не разсчиталъ, что сердце читателя не можетъ интересоваться подбными лицами. Мы очень далеки отъ требованія, чтобы герой романа былъ чловѣкъ идеальный и совершенный, какого не существуетъ въ подлунномъ мірѣ; пусть главное лице романа ошибается, увлекается страстями, дѣйствуетъ иногда безразсудно, но все это должно выкупаться благородными порывами, твердою волею, изяществомъ души; пусть онъ борется и со страстями своими и съ внѣшними обстоятельствами, какъ всякій чловѣкъ въ мірѣ; пусть каждый читатель въ героѣ романа болѣе или менѣе узнаетъ себя, пусть ему сочувствуетъ; но, скажите, почтенный авторъ, кто изъ образованныхъ читателей станетъ сочувствовать вашему барону и маркизу? А вѣдь каждый авторъ долженъ имѣть въ виду однихъ образованныхъ читателей.

Неужели Н. В. Кукольникъ увлекся заморскими образцами, въ которыхъ, для эффекта и новизны, выводитъ героями каторжныхъ, ссыльныхъ, сбѣглыхъ, воровъ и мошенниковъ? Этого быть не можетъ! У нашего автора есть вкусъ, блистательно доказанный многими изъ прежнихъ его произведеній.

Предоставимъ грязь *натуральной школы*. Пусть въ ней роется съ наслажденіемъ, какъ пѣтухъ въ basinъ Крылова, и щепетъ тамъ ячменнаго, сыгнаго зерна.

Въ противоположность барону и маркизу, авторъ вывелъ на сцену сержанта Пятеркина и друкаря, то есть, наборщика Оменко, который впослѣдствіи вступаетъ въ военную службу и вы-

ходить въ люди. Эти два характера гораздо привлекательнѣе барона и маркиза, но авторъ, сдѣлавъ ошибку въ планѣ своего романа, не могъ художнически, съ надлежащею полнотою, обрисовать этихъ двухъ характеровъ, потому что имъ не даютъ мѣста баронъ и маркизь. Патерканъ и Оменко остались въ тѣни.

Сверхъ того въ романѣ автора выведено столько лицъ, и мужскихъ и женскихъ, что, просто, спутасься. И ни одно изъ нихъ не обрисовано окончательно, за неимѣніемъ мѣста. Одно лицо заслоняетъ другое, и ни котораго хорошенько не размотришь. У почтеннаго автора важный недостатокъ — *многоличіе*, если можно такъ выразиться.

Оборотимъ теперь другую сторону медали. Всѣ сцены въ романѣ, гдѣ дѣйствуетъ Петръ Великій, отдѣланы превосходно. Сверхъ того въ романѣ множество занимательныхъ, частныхъ сценъ, написанныхъ мастерски. Перечислять ихъ не станемъ, потому что ихъ очень много. Предоставимъ самимъ читателямъ удовольствіе найти и оцѣнить ихъ при чтеніи романа.

Въ заключеніе поставимъ медаль ребромъ. Почему же ребромъ? спросятъ насъ читатели. Потому, что мы не знаемъ къ которой сторонѣ медали отнести нами замѣченное, то есть, къ достоинствамъ или недостаткамъ романа.

Авторъ, изучивъ эпоху Петра Великаго, заставляетъ говорить свои дѣйствующія лица слогомъ того времени. Для людей, начитавшихся грамотъ, рукописей, бумагъ и книгъ временъ Петра, этотъ способъ изложенія автора очень пріятенъ и занимателенъ. Но для большинства читателей, которые не всѣ обязаны рыться въ нашей старинѣ, разговорный слогъ автора покажется страннымъ и непонятнымъ. Докажемъ это примѣрами

Баронъ на ассамблѣе говорить, дочери великаго канцлера Головкина: «Всѣ шафировцы, какъ къ сіятельнѣйшему отцу, родителю вашему, такъ къ ясновельможному супругу вашему и къ особѣ вашей персонально питаютъ не только глубокой респектъ, но даже нѣкую имѣютъ адмиращію.» Послѣ того баронъ въ разговорѣ съ дочерью Головкина выражается слѣдующимъ образомъ: «Слышу про ссору, вижу интриги въ нижнихъ слояхъ, да позитивно утверждаю, что все это тамъ внизу и остается. А высокопревосходительный баронъ не причастенъ никакой конспираціи.»—Признайтесь, вы подосланы? говорить дочь Головкина. Баронъ отвѣчаетъ: «Развѣ отъ Римскаго Императора или

Веницейскаго Дожа, чтобы свидѣтельствовать ихъ адмиращію къ вашему разуму и красотѣ. Сколь ни великъ афронтъ такой обидной opinіи, но зрю, что въ Москвѣ и самыя прекрасныя дамы, подъ прелестными декорами, носятъ сентименты княгини Глафиры Сергѣевны.» — А вы ее знаете? спрашиваетъ Головкина. Баронъ отвѣчаетъ: «Столько, чтобы умѣть ненавидѣть и презирать комеражы. Шутя мы договорились до знатнаго аргумента. Если бы шафировцы имѣли цѣлью какое противъ васъ зло, то не упустили бы войти въ альянсъ съ княгиней.» Дальше разговоръ идетъ все въ томъ же тонѣ, со словами въ родѣ слѣдующихъ: персвазія, дискурсъ, авантажная пропозиція, фальшивый демаршъ, аппробація, и проч. и проч.

При чтеніи романа почтеннаго автора намъ пришла очень смѣшная и очень быточная мысль. Легко можетъ статься, подумали мы, что большинство читателей, не знакомыхъ со старинными нашими грамотами и рукописями, сочтутъ, что Н. В. Кукольникъ увлекся модою и началъ писать слогомъ, процвѣтающимъ въ критикахъ *натуральныхъ* журналовъ. Вотъ была бы презабавная напраслина! Почтенный авторъ, безъ всякаго намѣренія, въ своемъ баронѣ и маркизѣ написалъ самую ѣдкую сатиру на всѣхъ нашихъ критиковъ, пичкающихъ въ свои статьи разныя иностранныя слова и портящихъ немилосердно родной языкъ. Они думаютъ, что живѣтъ, какъ ушли далеко за вѣкомъ, что она улетѣла впередъ за *современностью* и *прогрессомъ*, а между тѣмъ Н. В. Кукольникъ, вовсе не думая о томъ, обличилъ всѣхъ этихъ господъ, что они отодвинулись назадъ на полтораста лѣтъ, ко временамъ барона-фанфарона и маркиза-петиметра; что они пишутъ теперь, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, канцелярскимъ слогомъ 1700 года, или слогомъ безцѣвнаго писаря въ прекрасномъ романѣ Загоскина, о которомъ мы выше упомянули.

Нѣкоторыя изъ духовныхъ стихотвореній *Николая Михайловскаго*. Спб., въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній, 1847. Въ 8 д. л. 55 стр.

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочитали мы эту книжку. Авторъ самъ, въ своемъ предисловіи, пишетъ, что онъ не считаетъ себя первокласснымъ поэтомъ, и очень скромно выставляетъ свою добрую, благородную цѣль. Стихи его, по наружной оцѣнкѣ, могутъ подвергаться укоризнамъ привязчивыхъ критиковъ; но чувства и мысли почтеннаго автора заслуживаютъ полнаго одобренія и уваженія, а по нашему мнѣнію, чувство, мысль

и добрая дѣль выше всѣхъ возможныхъ, самыхъ звонкихъ стиховъ, въ которыхъ нѣтъ однакожъ ни дѣльной мысли, ни истиннаго чувства, ни полезной дѣли. Мы увѣрены, что всѣ читатели согласятся съ нами, когда прочтутъ сами книжку г. Михайловскаго. Она заслуживаетъ внимательнаго прочтенія, какъ явленіе, въ наше время рѣдкое и тѣмъ болѣе пріятное.

Отдѣленіе VII.

Стись.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ. Берлинъ. Я подчинился опять своему лонлакею.

Онъ повелъ меня къ дому весьма скромной наружности, дворцу покойнаго короля. Фридрихъ-Вильгельмъ III-й предпочиталъ этотъ домъ большому дворцу или замку, напоминавшему ему горестное событіе нашествія Французовъ. Лонлакей доставилъ мнѣ случай осмотрѣть внутренность скромнаго королевскаго жилища.

По деревянной лѣстницѣ, покрытой истертымъ, незавиднымъ ковромъ, вошли мы въ простую прихожую, а оттуда въ королевскіе покои, расположенные въ безпорядкѣ и заставленные мебелью. Небольшая зала, возлѣ кабинета покойнаго монарха,

вся завѣшана копіями съ лучшихъ мадониъ Рафаэля; тутъ-же нѣсколько любимыхъ поугаеивъ Фридриха-Вильгельма III-го доживаютъ свой вѣкъ.

Въ кабинетѣ простой письменный столъ и ветхое, изодранное сафьянное кресло. Надъ столомъ виситъ портретъ королевы Луизы въ амазонскомъ платьѣ, которое она носила во время бѣдствій Пруссіи и которое напоминаетъ благородный характеръ королевы, пораженной преждевременною смертію и оплаканной цѣлою націей....

Кабинетъ Фридриха-Вильгельма III-го находится въ центрѣ покоевъ супруги его, и до самой кончины короля, всѣ предметы, принадлежавшіе королевѣ, оставались точно въ такомъ-же положеніи, въ какомъ находились въ день смерти ея, воспомявшею 19-го іюля 1810 года.

Библия королевы Луизы, оставившею по себѣ трогательную память, лежитъ на письменномъ столѣ короля. По числу и году, выставленному на первой страницѣ, можно судить, что эта Библия принадлежала королевѣ, когда она была еще принцессой. Эта привязанность къ божественной книгѣ, въ которой королева Луиза, въ минуты горести, почерпала надежду, покорность и утѣшеніе, истинно трогательна....

Проходя мимо фортепіано, на которомъ королева такъ часто играла аккомпанименты патриотическимъ гимнамъ молодаго поэта Кернера, я задѣлъ за ширмы, оклеенныя французскими афишами. На нихъ были названія водевилей, столько забавлявшихъ короля, когда, четыре года спустя послѣ кончины королевы, онъ вступилъ побѣдителемъ въ столицу Франціи... Странное сближеніе!

Будуаръ королевы Луизы отличается трогательною простотою. Настоящій туалетъ ея, изъ орѣховаго дерева, лишень всякихъ украшеній; но воспоминанія, связанныя съ нимъ, придаютъ ему невыразимую прелесть. Парадный туалетъ не отличается ни изяществомъ, ни особеннымъ великолѣпіемъ.

Въ будуарѣ сохранились часы, о которыхъ проводникъ разсказалъ намъ одинъ изъ тѣхъ анекдотовъ, отъ которыхъ въ зимніе вечера сердце невольно сжимается....

По выступленіи Наполеона изъ Берлина, прусскій король вернулся со всѣмъ семействомъ въ свою столицу. Народъ встрѣтилъ своего монарха съ искреннею, лицемѣрною радостію. Привязанность и любовь, оказываемыя королевѣ на всякомъ шагѣ, оживили ее и возстановили на время разстроенное здоровье.

Фридрихъ-Вильгельмъ радовался и уговорилъ свою супругу, для совершеннаго поправленія здоровья, ѣхать къ себѣ на ро-

дину, къ своему отцу, великому герцогу мекленбургъ-стрелицкому.

За нѣсколько дней передъ своимъ отъѣздомъ королева одѣвалась. Сердце ея было преисполнено радостію: чѣмъ сильнѣе была горестъ ея во время бѣдствій, постигнувшихъ Пруссію, тѣмъ глубже чувствовала она все свое счастье, по возвращеніи въ столицу.... Быть можетъ, въ этотъ самый день написала она слѣдующія строки, находящіяся въ запискахъ ея:

«Я прочтала сегодня словъ, которыя очень понравились мнѣ, «потому-что въ нихъ много истины: *Несчастія и страданія суть благодать небесная, если мы умѣемъ понимать ихъ.* И я, послѣ бѣдствій, испытавшихъ насъ, говорю: Какъ эти бѣдствія «сблизили меня съ Господомъ! какъ убѣжденіе мое въ безсмертію души сдѣлалось болѣе яснымъ, болѣе свѣтлымъ! По-«добно виноградной лозѣ, человекъ не можетъ созрѣвать, не «проливая слезъ!»....

Погрузившись въ размышленія, королева какъ-бы невольно взглянула на часы.

И вдругъ сердце ея сжалось, кровь застыла въ жилахъ....

Передъ часами стояла женщина высокаго роста, съ головы до ногъ закрытая бѣлымъ, прозрачнымъ покрываломъ....

Тихо подняло привидѣніе руку, и длинный, костлявый палецъ, коснувшись циферблата часовъ, остановился на числѣ IX....

Королева Луиза вздрогнула, вскрикнула.... и молча, указала на часы.

Испуганныя камеръ-юнгферы взглянули въ ту сторону, но тамъ никого уже не было....

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, и королева Луиза скончалась, ровно *въ девять часовъ.*

Бѣлая дама (die weisse Dame), сказалъ намъ проводникъ, обыкновенно является членамъ Бранденбургскаго дома передъ какимъ-либо великимъ несчастіемъ.

Скентикъ выслушалъ-бы разсказъ проводника съ недоумѣніемъ, насмѣшливою улыбкою; но, признаюсь, на меня онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе....

Мнѣ кажется, что быть суевѣрнымъ въ извѣстной степени, позволительно. Позволительно потому, что суевѣріе свойственно устройству человѣческой природы. Конечно, надобно уметь отличить грубое суевѣріе отъ того, источникъ котораго находится въ сердцѣ человека.

Просыпанная соль, валяющіеся ключи и многіе другіе предразсудки суть не что иное, какъ средства обузданія или прекращенія зла; средства, облеченныя таинственной силой для

того, чтобы онъ лучше дѣйствовали на безпечность. Скажите, напримѣръ, нерадивой хозяйкѣ, что если она не станетъ прибирать ключей, такъ ей не-зачѣмъ и имѣть ихъ, и лучше прямо оставлять все на произволь, часто нечестныхъ, слугъ; скажите это ей: она обидится и все-таки оставитъ ваше замѣчаніе безъ вниманія. Но скажите ей, что если ключи будутъ валяться, то непременно послѣдуетъ ссора и непріятность въ домѣ, и хозяйка, не входя въ разбирательства, какую связь валяющіеся ключи могутъ имѣть съ домашними обстоятельствами, во вѣра только въ существованіе этой тайной связи, не замедлитъ прибрать ихъ, если и не по первому предостереженію, то уже, на-вѣрное, по второму, *потому что угроза осуществится....* Ключи, брошенные безъ вниманія, подадутъ охоту прислугѣ заглянуть въ шкафъ, а—*случай дѣлаетъ вора*,—говоритъ пословица. Пропадетъ вещь—вотъ вамъ и непріятность, и ссора!

Мудрость и польза нѣкоторыхъ предразсудковъ въ нравственномъ отношеніи несомнѣнны; остается только пожалѣть, что человекъ таковъ, что для него непременно надобно золотить пилюлю....

Но есть суевѣріе высшее, суевѣріе существъ, одаренныхъ пылкимъ, поэтическимъ или мечтательнымъ воображеніемъ и необыкновенною тонкостію чувства.

Изъ сохранившихся писемъ королевы Луизы видна поэтическая душа, мечтательный умъ ея. Въ послѣднихъ изъ этихъ писемъ высказывается вся полнота счастья, которымъ она наслаждалась въ послѣдніе дни жизни своей.... И, какъ бы велико ни было счастье, въ немъ есть своя горечь, горечь сладостная, наводящая умъ на размышленія о тлѣнности всего земнаго, о другомъ, высшемъ счастьи, искупающемъ минутою, горестъ которой даже сильнѣйшая вѣра не въ силахъ побѣдить,—минутою смерти....

Такимъ образомъ, быть можетъ, и королева отъ размышленій о своемъ счастьи перешла къ мысли о смерти.... и грозное привидѣніе, фамильное привидѣніе Бранденбургскаго дома, представилось—не глазамъ, а воображенію ея....

Вѣрнѣ въ матеріальность, осязательность привидѣній, такъ же вѣрно и грубо, какъ отвергать существованіе минутныхъ проблесковъ души, готовой сбросить съ себя земную оболочку и воротиться къ великому цѣлому, общему, нераздѣльному въ безконечномъ раздробленіи своемъ....

Фридриху-Вильгельму III-му было суждено пережить нѣжнѣлюбивую супругу тридцатью годами. Принцессѣ Лигницъ сужде-

но было, если и не замѣнить незабвенную, то, по крайней мѣрѣ, усладить горестъ короля.

Дворецъ принцессы соединенъ съ дворцомъ покойнаго короля галерей, устроенной въ аркадѣ, служащей проѣздомъ изъ Обервальштрассе на площадь передъ цейхаузомъ.

Покойный король самъ не любилъ ни пышности, ни великолѣпія; но никогда не требовалъ отъ своихъ сыновей, чтобы они слѣдовали его примѣру. Въ дворцахъ принцевъ Карла и Альберта роскошь доведена до утонченности; особенно во дворцѣ послѣдняго все дышетъ счастьемъ, веселіемъ. Проходя по покоямъ этого дворца, кажется, будто-бы они убраны къ готовящемуся празднеству. Онъ былъ выстроенъ для супруги принца, дочери нидерландскаго короля, принцессы Маріавны. Принцу только что минуло двадцать, а принцессѣ девятнадцать лѣтъ, когда они вступили въ бракъ. Удивительно ли послѣ того, что всему въ жилищѣ молодыхъ супруговъ придавъ былъ радостный, улыбающійся видъ?.... Но, увѣ! горе не шадитъ ни малаго, ни большаго. Годъ спустя послѣ брака принца, незванный гость пробрался и въ его дворецъ: супруги лишились перваго дитяти, а молодая принцесса была глубоко оскорблена извѣстіемъ отдѣленія Бельгій отъ Голландіи.

Входомъ въ дворецъ принца Альберта служитъ полукруглый портикъ, украшенный зеленью; дворъ, освѣжаемый обильнымъ фонтаномъ, уставленъ вазами съ цвѣтами и деревьями; парадная лѣстница вся изъ чугуна; рисунокъ ея легокъ и граціозенъ; чугунные столбы, поддерживающіе ее, образуютъ готическія арки; коверъ, ярко малиноваго цвѣта, составляетъ контрастъ, исполненный вкуса, съ чернымъ цвѣтомъ воздушныхъ, сквозныхъ ступеней.

Это, если не ошибаюсь, первая вполне чугунная лѣстница въ цѣломъ Европѣ.

Въ нижнемъ этажѣ находятся покои принца и принцессы. Передъ окнами довольно обширный садъ. Покои принцессы украшены картинами новѣйшихъ голландскихъ художниковъ. Возлѣ будуара принцессы расположено зимній садъ. Парадные залы убраны съ рѣдкимъ вкусомъ; онѣ такъ, кажется, сами и напращиваются на балъ. Вообще дворецъ этотъ великолѣпнѣе другихъ.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ осматривалъ внутренности дворцовъ. Въ сравненіи подробностей каждаго изъ нихъ, какъ-бы проявляется личность ихъ обитателей; такъ, напримѣръ, дворецъ принца Карла, на Вильгельмовой площади, имѣетъ также свой типическій характеръ. Дворецъ этотъ принадлежалъ прежде ордену святаго Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1828 Шинкель перестроилъ

его для принца Карла, другаго брата нынѣ царствующаго короля.

Внутренность этого дворца убрана совершенно на англійскій манеръ. Вездѣ и во всемъ встрѣчается англійскій комфортъ. Мебель, ковры, мельчайшія подробности, все англійскаго производства. На столахъ лежатъ англійскіе журналы, брошюры и афиши. Странно то, что въ библиотекѣ распространены отличительный, національный, аристократическій, такъ сказать, запахъ англійскихъ книгъ. Говорятъ, будто бы морской воздухъ придаетъ этотъ запахъ англійскимъ книгамъ; но мнѣ кажется, что это несправедливо. Мало ли другихъ приморскихъ городовъ, гдѣ также печатаются книги, но гдѣ онѣ не имѣютъ этого отличительнаго запаха?....

Въ небольшомъ арсеналѣ съ цвѣтными окнами замѣчательнъ желѣзный тронъ, на которомъ короновался многіе германскіе императоры и двѣ фигуры Черкесовъ въ полномъ костюмѣ.

— А, это Черкесы! сказала я, увидѣвъ эти фигуры.

— Какъ вы изволили сказать? спросилъ проводникъ.

— Это Черкесы.

— Никакъ вѣтъ; Киргизы.

— Извините, но я имѣю полное право утверждать, что это Черкесы.... У насъ въ Петербургѣ этотъ костюмъ не рѣдкость.

— Ну, можетъ быть; впрочемъ о чемъ тутъ спорить? Будто бы не все равно, что Черкесъ, что Киргизъ, что *Калмукъ*....

— О, вѣтъ; между ними порядочная разница, возразилъ я.

— Не думаю, отвѣчалъ проводникъ, съ видомъ такой самоуверенности, что я не счелъ нужнымъ ни продолжать спора, ни вступать въ объясненія.

Кромѣ арсенала, во дворцѣ принца Карла замѣчательна еще зала въ помпейскомъ вкусѣ. Надъ дверью въ эту залу находится черная доска, на которой изъ бѣлыхъ мраморныхъ литеръ составлено слово:

S A L V E.

Мысль этого радушнаго, дружескаго привѣтствія древнихъ заимствована принцемъ изъ воспоминаній о Римѣ и Неаполѣ.

Нѣсколько утомленный продолжительнымъ обзоріемъ дворцовъ, я вышелъ прогуляться на Вильгельмову-площадь, находящуюся передъ самымъ дворцомъ принца Карла, и украшенную шестью мраморными статуями сподвижниковъ Фридриха-Великаго: принца ангальтъ-дессаускаго, и генераловъ: Цитена, Шверина, Кейта, Винтерфельда и Зейдлица.

Съ самаго пріѣзда моего въ Берлинъ я не могъ объяснить себѣ, что значатъ бѣлыя, круглыя и четырёхугольныя пятна, которыя я безпрестанно замѣчалъ въ окнахъ.

Замѣтивъ опять безчисленное множество этихъ пятенъ въ окнахъ одного дома, я обратился къ лонлакею, прося его растолковать мнѣ, что это значитъ.

— Это транспаранты, отвѣчалъ лонлакей, съ трудомъ удерживая насмѣшливую улыбку, вызванную моимъ *неожестивленнымъ* вопросомъ.

— Какіе транспаранты?

— Фарфоровые, разумеется.

Съ изумленіемъ посмотрѣлъ я на лонлакея.

— Неужели вы никогда не видали фарфоровыхъ транспарантовъ? спросилъ онъ съ видомъ сожалѣнія. Ихъ употребляютъ иногда при лампахъ и подсвѣчникахъ.

Теперь только я понялъ, въ чемъ дѣло,

— Но зачѣмъ-же они висятъ на окнахъ? спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ? Для красоты. Вы понимаете, продолжалъ лонлакей съ видомъ внутреннего сознанія превосходства *Европейца* передъ Русскимъ: если транспарантъ повѣсить на стѣну, такъ ничего не будетъ видно.... Надобно, чтобы съ одной стороны былъ свѣтъ.

— Удивительное дѣло!

— Неужели у васъ *еще* не вошли эти оконныя транспаранты въ употребленіе?

— Нѣтъ.

— Странно! Въ Берлинѣ бываетъ много Русскихъ, какъ же они этого не замѣтили? спросилъ лонлакей.

— Видно не замѣтили!

— А! можетъ быть! Я бы вамъ совѣтывалъ купить себѣ нѣсколько такихъ транспарантовъ

— Слуга покорный! не нужно.

— Отчего же?

— Оттого, что я нахожу, что эти бѣлыя вывѣски очень некрасивы.

Лонлакей замолчалъ; но, вѣроятно, внутренно пожалѣлъ обо мнѣ.

Разговоръ о фарфоровыхъ транспарантахъ напомнилъ ему, что мы не были еще на фарфоровомъ заводѣ, и онъ предложилъ мнѣ съехоть туда.

— Нужно ли? спросилъ я.

— Помилуйте! стыдно быть въ Берлинѣ и не видѣть фарфороваго завода. Онъ первый въ цѣломъ мірѣ послѣ севрскаго.... Притомъ же онъ въ двухъ шагахъ отсюда.

Мы отправились. Дорогой лонлакей сказалъ мнѣ, что это королевскій заводъ.

При входѣ въ магазинъ, мнѣ выдали билетъ безъ всякихъ затрудненій. Только по полученіи билета я долженъ былъ выполнить маленькую формальность, то есть, заплатить талеръ. Заплативъ этотъ талеръ, я получилъ право истратить еще сколько мнѣ заблагоразсудится на покупку выставленныхъ въ магазинѣ вещей, отличающихся добротой и—безвкусіемъ. Въ произведеніяхъ берлинскаго фарфороваго завода недостаетъ ни граціи формъ, ни изящества живописи. Формы аляповаты, живопись страдальческая, *копаченная*, какъ говорятъ художники.

На заводѣ занимаются до 500 человекъ рабочихъ, и между ними множество женщинъ. Одни мужчины занимаются настоящею живописью; женщины же остаются вѣдъ предѣловъ искусства; онѣ выдѣлываютъ незначительные орнаменты или занимаются полировкой.

Я остановился у одной, довольно молодой еще женщины, передъ которою стоялъ цѣлый рядъ блюдецъ и чашекъ, половина которыхъ была уже украшена золотыми полосками по краямъ.

Признаюсь, у меня сжалось сердце при видѣ этой машинальной работы, отъ которой жизнь бѣдняка должна казаться немовѣрно тягостною....

— Неужели вамъ не скучно проводить эти черточки? спросилъ я артистку-машину.

— Отчего скучно? спросила она, оглянувшись на меня съ изумленіемъ.

— Одна и та же работа....

— О, я привыкла! перебила она меня: сначала было скучненько, а вотъ теперь я занимаюсь этимъ уже шестой годъ и—привыкла.

Странное дѣло привычка! странное и благое.

Страсть Берлинцевъ къ транспарантамъ заставила ихъ приспособить послѣдніе и къ посудѣ. Я видѣлъ чашки, на днѣ которыхъ были транспаранты. Это очень красиво, но придумано вопреки мнѣнію моего лонлакея: что съ одной стороны транспаранта непременно долженъ быть свѣтъ.

Осмотрѣвъ заводъ, мы зашли въ одинъ изъ магазиновъ, наполненныхъ разными вещами изъ чугуна или такъ называемаго *берлинскаго жельза*. Но и здѣсь, какъ и вездѣ, проявляется недостатокъ художественности въ мелкихъ вещахъ; между крупными встрѣчаются вещи художественныя, но въ нихъ нѣтъ ни вкуса, ни легкости, ни граціи. Въ послѣднихъ качествахъ

нѣмцы далеко отстали отъ Французовъ, и здѣсь кстати приве- сти извѣстные два стиха:

Ringe, Deutscher, nach römischer Kraft, nach griechischer Schönheit!
Beides gelang dir, doch nie glückte der gallische Sprung.

Вещи изъ берлинскаго жельза въ большой модѣ во всей Пруссіи, и едвали какая либо мода можетъ похвастать такою долго- вѣчностію.

Чугунныя вещи и вещицы вошли въ употребленіе послѣ ватер- лоской битвы. Не знаю, кому пришла идея выдѣлать изъ чугуна нѣсколькихъ пушекъ, отнятыхъ у Французовъ, маленькіе кресты; они *разошлись* быстро и положили начало модѣ на чугуныя вещи....

Такъ кости грознаго гиганта-слона превращаются въ иголь- нячки и другія бездѣлушки.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, мы вышли на площадь *Бель- Аллиансъ*, посреди которой высится гранитная колонна корин- скаго ордена, на мраморномъ поколѣ и окруженная бассейномъ. Капитель этой колонны, имѣющей сажень семь вышины, увѣ- чана статуей побѣды.... Это памятникъ мира.

Не доходя до Халльскихъ воротъ, мы наняли извозчика до Кре- стовой горы, *Крейцберга*, на которой высится *національный па- мятникъ*, исполненный по рисунку Шинкеля и заслуживающій особеннаго вниманія путешественника.

Этотъ памятникъ, вылитый изъ чугуна и имѣющій форму го- тической башни съ острокопечнымъ шпилемъ, воздвигнутъ по- койнымъ королемъ въ память воиновъ, павшихъ въ 1813, 1814 и 1815 годахъ. Это памятникъ *побѣжденнымъ*, своею смертію купившимъ великую побѣду....

Съ возвышенія, на которомъ стоитъ памятникъ, можно обо- зрѣть весь городъ и обширныя, окружающія его равнины, усѣ- яныя вѣтряными мельницами.

Инвалидъ отворилъ рѣшетку, окружающую памятникъ, и сталъ объяснять намъ значеніе фигуръ, украшающихъ его; заученныя фразы старика производили на меня тягостное впечатлѣніе....

Шинкель составилъ рисунокъ памятника; Тикъ, Раухъ и Вей- деманнъ исполнили статуи и барельефы. Первыхъ двѣнадцать... сочетаніе живыхъ и мертвыхъ, воиновъ и монарховъ. Между первыми занимаютъ почетное мѣсто принцы Гессенъ-Гомбург- скій и Людвигъ Пруссійскій, павшіе на полѣ чести; между вторы- ми Императоръ Александръ, король Фридрихъ-Вильгельмъ III и сынъ его, нынѣ царствующій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

Въ двухъ женскихъ фигурахъ, дополняющихъ высокую идею этого памятника, нельзя не угадать гениальной мысли Рауха: одна фигура изображаетъ королеву Луизу, держащую въ правой рукѣ квадригу, украшающую Бранденбургскія ворота и какъ бы возвращающую эту квадригу Пруссiи; другая фигура изображаетъ Россiйскую Императрицу съ масличною вѣтвью, символомъ мира... мира, купленного дорогою цѣною при Ватерлоо...

Инвалидъ кончилъ свой разсказъ и сталъ разговаривать съ лонлакеемъ.

Молча обомшелъ я еще разъ памятникъ. Начиная смеркаться. По Берлину разсыпались огоньки, точно звѣздочки. Небо было пудернато сѣрыми тучами. Окрестности терались въ вечернемъ туманѣ. Глубокая тишина царствовала вокругъ памятника...

Поблагодаривъ инвалида, я сѣлъ въ извозничью карету, называемую здѣсь *дрожжалки* и полчаса спустя вернулся въ гостиницу.

Не имѣя чести быть героемъ романа, признаюсь откровенно, что вернулся голодный и принялся обѣдать съ колоссальнымъ аппетитомъ чловѣка, пробродившаго слышнымъ шесть часовъ. Не входя въ подробности обѣда, считаю, однакожъ, долгомъ замѣтить, что послѣ супа мнѣ подали говядину подъ соусомъ — съ огурцами. Привыкнувъ къ нашему *варварско*му обычаю, ѣсть огурцы съ жаркимъ, я, къ немалой скорби моего проголодавшагося желудка, вообразилъ, что этимъ дѣло и кончится; но опасенiе мое не оправдалось. Говядина съ огурцами была только вторымъ дѣйствiемъ обѣда, который въ отношенiи количества дѣйствiй походилъ на новѣйшую французскую мелодраму.

Послѣ обѣда я нанялъ открытыя дрожки-сани *по часамъ* и поѣхалъ для моциона прогуливаться по городу.

Надобно отдать справедливость Берлину: ни въ одномъ городѣ въ цѣлой Европѣ наемные экипажи не устроены такъ дешево и удобно, какъ въ столицѣ Пруссiи.

Такъ какъ у насъ эта часть находится въ весьма несовершенномъ состоянiи, то, вѣроятно, современемъ, найдутся предпримчивые люди, которые захотятъ улучшить ее; а потому считаю не лишнимъ сообщить правила, постановленные для содержателей извозовъ въ Берлинѣ.

Все наемные экипажи или дрожки должны быть на рессорахъ и прочны; хозяева должны содержать ихъ въ чистотѣ и хорошемъ состоянiи; дворцы должны запертыя плотно; стекла въ окнахъ — быть цѣлы. Возлѣ къ зелѣ должны висѣть колокольчикъ, шнурокъ котораго проведенъ во внутренность экипажа,

дабы сѣдокъ могъ дать знакъ извозчику, когда намѣренъ остановиться. Во внутренности экипажа должна быть прибита жестяная досчечка, на которой четкими литерами выставлено росписание цѣнъ и правила, касающiяся какъ до сѣдоквъ, такъ и до извозчиковъ. Лошади должны быть сильныя, здоровыя, безъ пороковъ, упряжь чистая, красивая....

Увы! лошади не сильны, не здоровы и съ большими пороками.

На каждомъ экипажѣ выставленъ номеръ на видномъ мѣстѣ. На экипажахъ въ одну лошадь номеръ выставленъ черной краской на бѣломъ полѣ; въ двѣ лошади бѣлой краской на синемъ полѣ; а на экстродрожкахъ красной краской на желтомъ полѣ.

Извозчики выѣзжаютъ на указанные имъ мѣста:

Въ 7 часовъ утра, отъ 1 апрѣля до 30 сентября.

Въ 8 часовъ утра, отъ 1 октября до 31 марта.

У каждаго извозчика долженъ быть запасъ контрамарокъ, на которыхъ напечатанъ его номеръ, мѣсто жительства, число и цѣна поѣздки. Принимая сѣдока, онъ долженъ вручать ему одну изъ этихъ контрамарокъ, дабы сѣдокъ, забывъ что либо въ экипажѣ, могъ получить обратно свою вещь.

Послѣ поѣздки извозчикъ не долженъ останавливаться на улицѣ, а если до его станцiи или колоды далеко, то онъ можетъ пристать къ ближайшей, если тамъ положенное число экипажей не полно; откуда можетъ принять опять сѣдока не ранѣе, какъ по прошествiи четверти часа.

Возвращаясь же порожнемъ, извозчикъ долженъ ѣхать шагомъ, держась всегда правой стороны; только за-городомъ позволено возвращаться рысью. Строго запрещается извозникамъ садиться во внутренность порожняго экипажа и звать прохожихъ.

Если нѣсколько экипажей возвращаются порожнемъ, то они должны ѣхать гуськомъ, и если по дорогѣ случится ѣздокъ, то подавать долженъ первый экипажъ, если сѣдокъ самъ не назначить, въ который хочетъ сѣсть.

Въ 11 часовъ вечера дрожки должны разѣзжаться по домамъ; если же по пути встрѣтится сѣдокъ, то извозчикъ не имѣетъ права отказать ему, но и то только на одну поѣздку и до полуночи.

ТАРИФЪ БЕРЛИНСКИХЪ ДРОЖЕКЪ.

I. Въ городѣ и до желѣзныхъ дорогъ, платятъ:

1) *Одинъ или два сѣдока:*

За 20 минутъ или за одну поѣздку, объявленную сѣдокомъ при нанятіи:	5	зильб.—« —
Отъ 21 до 35 минутъ	7	« —6** пфен.
« 36 « 50 «	10	« —« —
« 51 « 70 «	15	« —« —
За каждый слѣдующій часъ.	15	« —« —

2) *Три или четыре человѣка:*

За 20 минутъ или за одну поѣздку.	7	зильб.—6 пфен.
Отъ 21 до 35	10	« —« —
« 36 « 50	12	« —« —
« 51 « 70	17	« —6 —
За каждый слѣдующій часъ	17	« —6 —

II и III. За загородныя поѣздки положены особенныя цѣны, соответственныя разстоянію мѣсть въ извѣстной чертѣ, до которой дозволено ѣздить городскимъ извозчикамъ. За загородныя поѣздки цѣна положена непомерно высокая; за полчаса стоянки ѣздокъ платитъ 1 талеръ въ ближайшихъ, а два съ половиною талера въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ; за часъ же 2 и 3 талера.

Въ этомъ случаѣ наши извозчики сговорчивѣе.

Вотъ еще нѣкоторые постановленія:

1. Для одной поѣздки ѣздокъ не имѣетъ права ни посылать за извозникомъ къ колодѣ, ни заставлять ѣхать его, ни назначать дорогу, по которой онъ долженъ ѣхать.

2. Вышедъ изъ экипажа, сѣдокъ платитъ за поѣздку; (это немножко жестоко, потому что могутъ быть случаи, когда экстренное обстоятельство заставитъ сѣдока выдти).

* Три зильбергошена равны 10 коп. сер.

** 12 пфенниговъ равны 1 зильбергошену.

3. Каждый сѣдокъ имѣетъ право взять съ собою бесплатно 3 дѣтей, моложе 12 лѣтъ.

Такъ какъ многіе изъ сѣдоковъ не отбирали контромарокъ, предоставляя такимъ образомъ выручку извозчику, то нѣкоторые изъ содержателей извозовъ составили общество или лоттерейный союзъ. Чтобы заставить сѣдоковъ брать контромарки, они устроили ежемѣсячную лоттерейю, билетами которой служатъ контромарки. Выигрышей сто: первый выигрываетъ 1, второй 2, третій 3 талера и такъ далѣе прогрессивно до 10 талеровъ; одиннадцатый опять 1 талеръ, двѣнадцатый 2 и т. д. до двадцатаго; потомъ опять сначала; кромѣ мелкихъ 90 выигрышей, остальные 10 составляютъ преміи 3 въ 15, по 2 въ 20, 25 и 50 и наконецъ одна въ 100 талеровъ.

Съ перваго взгляда кажется, что эта выдумка чрезвычайно неудачна: сумма выигрышей составляетъ 885 талеровъ. Какое же долженъ быть доходъ? И неужели извозчики скроютъ изъ выручки такую сумму? Такъ и кажется, что содержатели попали изъ Сциллы въ Харибду, но

Умысль другой тутъ была...

Лоттерейный союзъ хотѣлъ пріобрѣсти монополію и, какъ говорится, *утопить* нѣкоторыхъ товарищей, потому что размноженіе содержателей извозовъ значительно раздробляло доходы. Недовѣрчивость къ бѣднымъ извозчикамъ служить только маской, прикрывающей *махиавелическую* мысль.

Я непремѣнно воспользовался бѣ этою мыслию, несмотря на всю махиавеличность ея, еслибъ у меня былъ журналъ. Я бы назначилъ преміи подписчикамъ, которые сдѣлались бы въ мой журналъ, виновать! которые подписывались бы на мои дрожки. Кажется поправился? Нѣтъ, все еще не то: которые клевали бы у *моей* удочки — Теперь такъ.

Дрожки, принадлежащія лоттерейному союзу, можно узнать по флагу, прилѣпанному съ одной стороны козелъ; на флагѣ номеръ и надпись: Prämiën-Droschke.

Только ихъ что-то очень мало въ Берлинѣ; видно монополія не удалась.

Остальную часть вечера я провелъ во французскомъ театрѣ. Давали какой-то пустой фарсъ въ одномъ и водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Экономный берлинскій спектакль кончился въ началѣ десятаго часа, — не къ сожалѣнію публики.

По части о цѣломъ судить трудно; но актеры которыхъ я видѣлъ, болшею частію слабы. Мосей *Цешендъ*, подвизающійся вы-

нѣ на нашей Михайловской сценѣ, былъ въ Берлинѣ *joli acteur* и *artiste plein de mérite!*... Судите же по немъ о прочихъ.

Тотчасъ послѣ спектакля, выпившись чаю *mit Maschine*, я легъ спать, чтобы встать пораньше и поспѣть на желѣзную дорогу въ Потсдамъ—Берлинское Царское-Село.

II. ФУРМАННЪ.

НЕВОЛЬЩΙΑ КОМЕТЫ, ОТКРЫТЫЯ ВЪ ЮЛѢ 1847 ГОДА
Два небесныя свѣтила этого рода открыты были и обратили на себя вниманіе астрономовъ.

Господинъ Мовѣ открылъ первую комету 4 іюля (новаго стиля) около 11 часовъ вечера, между созвѣздіями Цефея и Малой Медвѣдицы.

Эта телескопическая комета состояла тогда изъ очевиднаго ядра, окруженнаго продолговатымъ туманомъ, который съ боку удлинился и походилъ на родъ хвоста.

Примѣрный діаметръ его былъ отъ 4 до 5 минутъ градуса.

Медленность дневнаго теченія, при значительной близости къ сѣверному полюсу, гдѣ находилась тогда эта комета, поставила наблюдателя въ большое затрудненіе касательно наблюденія надъ прямымъ восхожденіемъ свѣтила, однакожь тутъ пришелъ на помощь сильный блескъ его, и ученому господину Мовѣ стало удобно завлечься точными наблюденіями надъ небывалою гостьюю.

Онъ вычислилъ первые приблизительные элементы параболической орбиты этой кометы (слѣдуя, впрочемъ, наблюденіямъ парижской обсерваторіи 4-го 6-го и 8-го дня іюля мѣсяца) и сообщилъ ихъ парижской академіи въ ея засѣданіе 12-го числа.

По вычисленіямъ Мовѣ, перигелій (ближайшее разстояніе отъ солнца) кометы былъ между 19 и 20 числомъ іюля.

Слѣдъ затѣмъ ученый наблюдатель опредѣлилъ новыя, болѣе точныя элементы, слѣдуя все-же опять наблюденіямъ парижскихъ астрономовъ, 5-го, 13-го и 21-го іюля, и сообщилъ свои мысли и факты въ засѣданіе парижской академіи 26 іюля.

Мы выпишемъ изъ его донесенія почти всѣ подробности:

Переходъ къ перигелію въ августѣ 1847 года — 8, 45318 (среднее

время въ Парижѣ).

Длина перигелія	247°, 9', 46" 7.
Длина узла	338°, 8', 45", 4.
Наклоненіе	83°, 27', 25", 9.
Разстояніе перигелическое	1, 767552.

Движеніе *отступательное*.

Мовѣ расцелъ, основываясь на этихъ элементахъ, въ какомъ мѣстѣ находится должна эта комета отъ 10 до 10 дней, начиная отъ 11 іюля до 28 ноября; сообщенныя имъ наблюденія помѣщены въ отчетѣ парижской академіи наукъ въ засѣданіи 9-го августа.

Изъ этихъ наблюденій видно, что прямое восхожденіе кометы будетъ простирается почти до 13 часовъ, начиная отъ исхода іюля до конца ноября, между тѣмъ какъ ея сѣверное склоненіе (11-го іюля оно было на 85½°) будетъ уменьшаться мало-по-малу и достигнетъ постепенно 40½° 19 сентября, а 28 ноября — до 23°.

Въ послѣднемъ случаѣ, разстояніе кометы отъ солнца будетъ уже 2.26 (принимая среднее разстояніе земли отъ солнца за 1), а разстояніе отъ земли — 2,55.

Господинъ Мовѣ расчиталъ, что видимость кометы или, что все равно, свѣтъ ея, на треть того, что замѣчено было прежде (то есть 4 іюля) уменьшился явно; онъ предположилъ не утверждая, что видимость кометъ уменьшается пропорціонально въ квадратномъ отношеніи ихъ разстоянія какъ отъ солнца, такъ и отъ земли.

Эта комета наблюдаема была во многихъ обсерваторіяхъ между прочимъ и въ женевской, и нѣсколько астрономовъ вычислили ея элементы. Хороши замѣчанія господина Плантамюра, но господинъ Мовѣ превзошелъ его въ точности и аккуратности наблюденія

Продолжительность видимости новой кометы даетъ средства опредѣлить эксцентричность ея орбиты, и расчитать, хотя приближенно, пространство ея теченія.

Поговоримъ теперь о другой кометѣ.

Она открыта въ Альтонѣ, господиномъ Бронзенемъ, 20-го іюля, въ четверть перваго ночью, подъ 1°.49'7" прямаго восхожденія и 26°7', сѣвернаго нисхожденія Комета представляла что-то тусклое, формы весьма странной и безъ опредѣлительнаго ядра.

Господинъ Фѣ (Faue) два раза повѣрилъ элементъ орбиты этой кометы; вотъ послѣднія его наблюденія, сообщенныя парижской академіи наукъ въ засѣданіе 23 августа, онъ чисто эллиптическія.

Астрономъ твердо основался на наблюденіяхъ въ Альтонѣ (20-го іюля) въ Гамбургѣ (1-го августа) и въ Парижѣ (11-го августа).

Долготы отнесены здѣсь къ среднему равноденствію перваго января 1847 года.

Переходъ къ перигелію 1847 г. въ сентябрѣ 9, 16128.

Длина перигелія 78°, 23', 52", 1.

Длина восходящаго узла 310°, 14', 49", 3.

Наклоненіе 19°, 19', 7", 8.

Разстояніе перигелическое 0, 4939490.

Отношеніе эксцентричества къ полу-большой

оси 0, 9961247.

Движеніе *правильное*.

Въ это время (15 октября) комета сдѣлалась свѣтлѣе, но открытая легкимъ туманомъ, она была недоступна простому глазу.

Эксцентричность несогласна еще съ единствомъ наблюдений, потому что, будь они вѣрны какъ имъ угодно, все должно зависеть отъ мѣстности и отъ того положенія, которое принимаетъ наблюдатель.

Нельзя не поговорить здѣсь еще объ одной новой телескопической планетѣ свѣта весьма слабого, открытой вечеромъ 31 августа, въ Москвѣ господиномъ Швейцеромъ близъ звѣзды въ созвѣздіи Кассіопеи. Господинъ Петерсенъ приблизительно разсчиталъ уже ея свойства, основываясь преимущественно на альтонскихъ наблюденіяхъ.

Оказалось, что 10 сентября эксцентричество кометы было 0,948, полубольшая ось ея орбиты $9,2411$, а дневное движеніе $126''$. З. Все это привело къ тому, что комета, по видимому, явилась къ намъ черезъ 103 года.

НОВОЙ ВОЛЬТОВСКОЙ СТОЛБЪ, НЕСРАВНЕННО СИЛЬНѢЙШІЙ ПРЕЖНИХЪ. *Замѣчаніи профессора Каллана.* Ученый профессоръ въ новомъ своемъ приборѣ свинцовымъ кружкомъ замѣняетъ каменноугольные и платиновые кружки, придуманные Гровомъ и Бунсономъ.

Сравнивая силу своего столба со столбомъ Грова, наполненнаго одними и тѣми же кислотами, сѣрною и селитряною, онъ замѣтилъ что токъ, выходящій изъ платинового столба, въ самомъ началѣ вдвое сильнѣе былъ противъ тока, производимаго изъ свинцоваго столба, но примѣрно часа черезъ три съ половиною токъ втораго столба сдѣлался напротивъ въ два съ половиною раза сильнѣе перваго.

Количество растопившагося свинца во все это время было, надобно замѣтить, очень незначительно.

Авторъ замѣчаній надѣясь усугубить силу столба уменьшеніемъ дѣйствія кислотъ на свинецъ, выдумалъ свой свинцовый кружокъ покрыть хлористымъ золотомъ или хлористой платиною.

Измѣненный такимъ образомъ столбъ его, будучи приведенъ въ соприкосновеніе съ большимъ электро-магнитомъ, тотчасъ сообщилъ ему магнитическую силу, равную столбу Грова.

Нѣсколько разъ сравнивая силу каждаго изъ двухъ столбовъ, употребленную на приведеніе въ движеніе одного электро-магнитическаго прибора, наблюдатель замѣтилъ что дѣйствіе, производимое столбомъ со свинцовымъ кружкомъ, который былъ покрытъ золотомъ или платиною, постыжно были сильнѣе столба съ чисто платиновымъ кружкомъ.

Понятно, что кислоты, сосредоточенныя вмѣстѣ, должны, растопляя свинецъ, стремиться и къ тому, чтобъ измѣнить положеніе покрывающей его золотой или платиновой пыли.

Для удаленія этого неудобства, профессоръ Калланъ придумалъ селитрянную кислоту—впрочемъ очень дорогую—замѣнить другою жидкостью, которая не разводила бы свинца.

Онъ избралъ для этого селитроокислый поташъ, распущенный въ сѣрной кислотѣ, которой было взято столько сколько могла бы вѣсить чистая вода.

Столъ со свинцовымъ кружкомъ, устроенный такимъ образомъ, какъ въ отношеніи къ теплотѣ, такъ и въ отношеніи къ развитію магнитизма, далъ лучшіе результаты, чѣмъ приборъ Грова, наполненный соединенными, селитряною и сѣрною, кислотами

Колланъ замѣтилъ также, что если употреблять въ дѣло просто селитру, впущенную въ сѣрную кислоту, то получается столь же сильныи токъ, какъ при соединеніи *кислоты селитряной* съ сѣрною кислотото

Правда, этотъ токъ не продолжителенъ; но принимая на видъ это обстоятельство, наблюдатель рѣшилъ также, на основаніи многократныхъ своихъ опытовъ, что издержка, требуемая для произведенія даннаго дѣйствія электричества, въ три или даже почти въ четыре раза, больше обходится при употребленіи столба съ платиновымъ кружкомъ, наполненнаго селитряною и сѣрною кислотами, чѣмъ столба со свинцомъ, наполненнаго смѣсью изъ *четырехъ* частей сѣрной кислоты, *двухъ* селитряной кислоты и *двухъ* же раствора селитры.

Сдѣланы были покушенія позолоченный или покрытый слоемъ платины свинецъ замѣнить другими металлами, покрытыми тѣми же составами и еще хроміемъ: всѣ эти металлы, за исключеніемъ кованнаго желѣза, оказали дѣйствіе гораздо слабѣйшее, нежели свинецъ.

Кружокъ изъ кованнаго желѣза производить, какъ кажется, вольтовскія дѣйствія, не хуже чѣмъ платиновый, даже и тогда, когда не покрытъ никакимъ стороннимъ веществомъ, и можетъ, по всѣмъ основаніямъ, вполне замѣнять собою платиновый кружокъ въ столбѣ Грова.

Если всѣ эти подробности справедливы, то легко понять, до какой степени уменьшатся расходы физиковъ при устройствѣ гальваническихъ столбовъ.

Господинъ Калланъ устроиваетъ по этой системѣ для Мейнцутагскаго коллегіума два огромные столба: одинъ содержать будетъ въ себѣ 83 квадратныхъ фута цинка и 66 желѣза; другой—80 квадратныхъ футовъ цинка и 160 футовъ желѣза.

По его мнѣнію, эти столбы будутъ самые сильныя, какіе только когда либо существовали на свѣтѣ.

Наука выиграла много отъ этого открытія.

СОСТАВЪ ВОЗДУХА И ВОДЫ ВЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ. Исследованіе доктора Роберта Смита. Въ статьѣ своей, помѣщенной въ Philosophical Magazine (іюнь, 1847 года) авторъ разсматриваетъ причины, почему атмосфера испорченнѣе въ большихъ городахъ чѣмъ за городомъ.

Подвергнувъ съ этою цѣлью разбору дождевую воду изъ одного манчестерскаго водоема, онъ нашелъ, что послѣ ея выпариванія изъ фарфороваго сосуда оставались подонки, имѣвшія вкусъ и видъ животнаго жира.

Эти подонки доходили до 1 процента на 100. Господинъ Смитъ приписалъ это сначала случайности но потомъ повторилъ опытъ въ самой чистой фарфоровой вазѣ, въ которую дождь прямо падалъ, и опять послѣ выпаренія 500 грановъ этой воды, оказался тотъ же запахъ и вкусъ животнаго жира.

Когда же опытъ дошелъ до выпаренія 1000 грановъ, въ водѣ осталось 0.01 грана упоминаемаго жира.

Тысяча грановъ дождевой воды, заключенныхъ прямо съ воздуха въ платиновый сосудъ, представили съ селитроксиленнымъ серебромъ осадку въ 0,11 грана, соответствующую 0,027 хлора. Та же самая вода съ баритовой солью дала 0,1 грана его или, пожалуй, 0,0343 сѣрной кислоты.

И въ этомъ случаѣ запахъ жира проявился, какъ и въ предыдущихъ опытахъ.

Авторъ статьи почти постоянно замѣчалъ въ дождевой водѣ городовъ алкалическія свойства, которыя исчезали при кипяченіи.

По этимъ фактамъ заключать можно, что горѣние каменнаго угля въ городахъ отдѣляетъ болѣе углекислаго аммоніака, нежели сколько нужно для насыщенія сѣрнистой кислоты, заключающейся въ атмосферѣ.

Господинъ Смитъ старался потомъ опредѣлить свойство того дѣятеля, который дѣлаетъ нездоровымъ многочисленныя собранія людей въ низкихъ комнатахъ, лишенныхъ проходнаго вѣтра.

Съ этой цѣлью онъ собралъ потъ съ окошекъ такихъ комнатъ, послѣ многочисленнаго сборища разнаго класса людей, и когда нагрѣлъ этотъ потъ (въ количествѣ 150 грановъ) въ платиновомъ сосудѣ, запахъ человеческого дыханія сей часъ-же обнаружился, и на двѣ сосуда оказалось болѣе двухъ грановъ животнаго жира.

Когда уже дознано такимъ очевиднымъ образомъ существованіе летучихъ веществъ, исходящихъ изъ человеческого тѣла, не можно ли предполагать, что заразительныя миазмы не столько уже тонки, какъ до сихъ поръ думали.

Авторъ замѣтилъ также, что вода рѣкъ, текущихъ вблизи большихъ городовъ, содержитъ въ себѣ значительное количество органическихъ веществъ.

Примѣръ: въ водѣ рѣки Ди (Dee), близъ города Честера, онъ нашелъ 25 грановъ органическаго вещества на 4 литра воды.

Колодези, вырытыя по близости кладбища, при исследованіи дали подобные же результаты. То же оказалась и въ колодезяхъ города Манчестера.

Еще—вода, находившаяся въ садовомъ колодезѣ за городомъ со-держала въ себѣ 40 грановъ простой соли и 14 грановъ органическаго вещества и аммоніакальныхъ солей, на количество почти 4 литровъ воды.

Вода въ манчестерскихъ колодезяхъ (кладбищенскихъ) была крѣпко насыщена неорганическими солями, особенно селитроксилами, которыя произошли, вѣроятно, отъ окисленія органическихъ веществъ и превращенія ихъ въ селитряную кислоту. Авторъ нашелъ въ одномъ изъ колодезей до 70 грановъ селитряной кислоты на галлонъ, то есть на 4 литра воды.

ДВИЖЕНІЕ ТЕПЛОТЫ ВЪ РАЗЛИЧНЫХЪ СЛОЯХЪ ЗЕМЛИ. Замѣчанія господина Дюва. Мы будемъ говорить коротко объ этомъ предметѣ, потому что нѣтъ нужды распространяться объ немъ: глѣ можно,—должно сокращать разсужденіе: это бесспорная истина.

Изъ опытовъ и разчисленій этого искуснаго наблюдателя слѣдуетъ, что перемены температуры, какъ періодическія, такъ и неперіодическія, — неважны или даже неощутительны въ діуритѣ, ощутительнѣе въ пескѣ, а ихъ дѣйствіе на известъ можно признать за самое сильное.

Что же изъ того слѣдуетъ? То, что растеніе чѣмъ болѣе про-никаетъ въ землю корнями своими, тѣмъ болѣе сродняется съ морскою почвою, съ климатомъ моря, которое вообще хорошій проводникъ для растительности.

А далѣе—ясный выводъ, что геологическая натура почвы важ-на для развитія растеній не только въ химическомъ, но и въ физическомъ отношеніи.

ОПЫТЫ НАДЪ КРИСТАЛЛИЗАЦІЕЙ УГЛЯ. Статья Господина Каньяръ-Латура. Въ этомъ извлеченіи нашемъ изъ статьи ученаго автора мы намѣрены представить только тѣ выводы, которые могутъ имѣть геологическій интересъ.

По мнѣнію автора, самородные алмазы произошли самымъ простымъ образомъ.

Господинъ Каньяръ-Латуръ доказываетъ, что для этого довольно было, чтобъ изъ глубины какого-нибудь жерла, наполненнаго дре-

весным углемъ, образовался изъ земли, горизонтально и съ большою силою, чистый или по крайней мѣрѣ, почти чистый токъ кислорода, столько возвышенной температуры, чтобъ могъ зажечь уголь.

Допустивъ эту гипотезу, всѣмъ допустить и слѣдующія:

1 Что гладко-зернистая желѣзная руда, изъ которой составляются обыкновенно алмазные жилы и въ которой авторъ замѣтилъ значительное количество марганцевой окиси, происходитъ изъ металлическихъ шариковъ, происшедшихъ при самомъ образованіи алмаза.

2 Что золото, содержащееся въ рудахъ этихъ кристалловъ, содѣйствуетъ также образованію ихъ, потому что, по наблюденіямъ и изслѣдованіямъ Сажа, пепель виноградныхъ вѣтвей и вообще вода отъ произрастеній способствуютъ зарожденію золота.

3. Что и прочіе драгоценные камни: топазы, изумруды, рубины, находямые въ тѣхъ же рудникахъ, образовались отъ того, что кремнистыя и квасцовыя испаренія, отлученныя отъ своихъ основныхъ началъ въ то время, когда воспламенение сформировало алмазы, спустились въ вещества такого рода, которыя въ этихъ камняхъ присоединяются къ кремню и квасцамъ.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ продуктовъ, полученныхъ опытами господина Каньяръ-Латура, суть маленькія микроскопическія шестистороннія призмы кремнистаго свойства, образовавшіяся въ сгустительной трубкѣ, по которой газовые продукты при стараніи известнаго тѣла проходили прежде свободнаго выхода на чистый воздухъ.

Находимъ нужнымъ прибавить еще слѣдующее.

Тридцать лѣтъ уже известно, что сублимируются или, если угодно, осаждаются въ нѣкоторыхъ частяхъ высокыхъ печей шелковистыя иглы, которыя, по изслѣдованіямъ знаменитаго Вокелена, состоятъ изъ почти чистаго кремня.

Я слышалъ, говоритъ господинъ Каньяръ-Латуръ, что въ филематическомъ Обществѣ говорилъ въ 1839 году всѣмъ почитаемый ученый Буссенго по поводу новѣйшихъ тагда наблюденій господина Годена, что сгущенно кремнистыхъ паровъ можно приписывать источникъ формации въ полномъ видѣ изолированныхъ кристалловъ изъ гялиноваго кварца, которые наполняютъ углубленія въ порфировомъ сіенитѣ англійской провинціи въ новой Гренадѣ.

ЛИМФАТИЧЕСКАЯ И КРОВЯНАЯ СИСТЕМЫ ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ.
Замѣчанія господина Рускопи. Господинъ Рускопи долгое время изучая двѣ системы, лимфатическую и кровяную, у пресмыкающихся, дошелъ до слѣдующаго результата.

Нельзя говорить онъ, никакимъ образомъ утвердительно сказать что нибудь общее, какимъ образомъ сосуды хилеферическіе окружаютъ кровяные сосуды, потому что у змѣй, и веиы и артерій, покрыты, можно сказать даже, обернуты лимфатическими сосудами, между тѣмъ какъ у лягушекъ и у многихъ другихъ пресмыкающихся хорта (большая бьющаяся жила) и множество венъ совершенно уже погружены въ лимфу, а кровяной каналъ совершенно заключенъ въ лимфатическомъ каналѣ.

ОКРЕСТНОСТИ БОМБЕИ, ВЪ КОТОРЫХЪ ВСТРѢЧАЮТСЯ ИСКОПАЕМЫЯ ЛЯГУШКИ. *Статья Кларка.* Островъ Бомбей состоитъ изъ пяти или шести трапнейскихъ скалъ и наклоняется къ западу отъ 10° до 15°.

Отмели острова различаются рѣзко одна отъ другой различными слоями, которые, хоть и нѣтъ этому очевиднаго показательства, имѣютъ осадистое начало.

Первые слои, состоящіе изъ голубоватаго камня, заключаютъ въ себѣ жабки (баграхиты) и остатки окаменѣлыхъ произрастеній.

Слои повыше — то известковые то глинистые, а все пространство земли покрыто базальтовою массою, въ 70 футовъ толщиною.

Авторъ, описавъ геологическій составъ окрестностей Бомбеи и потомъ Деккана, вкратцѣ сообщаетъ намъ различныя прихоти природы, которыя она здѣсь исполнила на дѣлѣ.

Первоначальный полуостровъ образованъ былъ изъ довольно высокыхъ метаморфическихъ скалъ, которыя поддерживались гранитными скалами разныхъ вѣковъ; онъ покрытъ былъ отчасти алмазнымъ песчаникомъ; отчасти глинистымъ известнякомъ, съ примѣсью трапневыхъ диковъ.

Вскорѣ, какъ предполагать можно, вся масса опять поглощена была водою, и составилъ цѣлый рядъ вулкановъ на западномъ берегу.

Вулканическія изверженія скопились къ одному времени, и базальтъ, выброшенный огнемъ всего, достигъ высоты 5000 футовъ надъ поверхностью моря.

Впослѣдствіи образовалось множество базальтовыхъ диковъ, которые прошли по всѣмъ направленіямъ скалъ и почвы. Эти дики, по мнѣнію Кларка, не имѣютъ ничего общаго съ вулканическими жерлами Онъ держится мнѣнія, что они произведеніе дѣятельности природы, изъ самой глубины почвы.

Послѣ обожренія Бомбеи, Кларкъ, обратился къ Деккану и рѣшилъ, что ни одна его ложбина не принадлежитъ къ вулканическому происхожденію: здѣсь дѣйствовала только вода. *Кокучъ* пред-

ставлеть единственное возвышенное мѣсто; линия волкановъ здѣсь линия антиклинальная.

Въ дополненіе къ статьѣ ученаго Англичанина присоединимъ нѣсколько словъ изъ статьи соотечественника его, знаменитаго Овена.

Вотъ что говоритъ онъ:

Частицы слоистыхъ камней, собранныя господиномъ Кларкомъ, содержатъ въ себѣ скелеты маленькихъ жабокъ. Все эти скелеты принадлежали, разумѣется, нѣкогда живымъ существамъ; какимъ образомъ попали они въ камень-наукъ предстоитъ рѣшить впоследствии: въ наше время, хотя нелѣзное на дѣйствія и мысль, пока рѣшить этого невозможно.

Будемъ дѣлать гипотезы, можетъ быть и удачныя, но гипотезы останутся тѣмъ, что онѣ суть, а гдѣ доказательства, гдѣ подтвержденіе этихъ гипотезъ? Можетъ случиться, что какая-нибудь изъ нихъ дастъ дорогу наблюдательному уму достигнуть рѣшенія вопроса. Подождемъ.

Животныя, о которыхъ мы говоримъ, совершенно похожи на маленькихъ лягушекъ, открытыхъ Гольдфусомъ въ ископаемомъ видѣ въ трегичныхъ лигнитахъ въ Зибенбергѣ и отнесенныхъ имъ къ разряду *Rana disciviana*. Но бомбейскія жабки отличаются нѣсколько отъ этой породы, потому что поменьше ростомъ и потому еще, что черепъ, пропорціоально съ величиною ихъ, гораздо шире.

АНАТОМІЯ ПІЯВОКЪ И ЗЕМЛЯНЫХЪ ДОЖДЕВЫХЪ ЧЕРВЕЙ.

Исследования господина Катрфажа. Известно, что эти кольцеобразныя животныя (аннелиды) представляютъ, въ группѣ, къ которой принадлежать, явное замѣчательное отличие.

Тѣ и другія имѣютъ во внутренности сумки или каналцы возлѣ пищеварительной трубочки.

Многіе натуралисты считали ихъ за органы дыханія, и это мнѣніе, между многими другими, почти всѣми принято было, въ отношеніи къ пиявкамъ, вслѣдствіе опытовъ господина Дюжѣ.

А между тѣмъ, самый легкій опытъ привелъ господина де-Катрфажа къ подтвержденію стариннаго мнѣнія Томаса, утверждавшаго, что эти сумочки и сакситы, которыя при нихъ находятся, суть органы, отдѣляющіе пищу животныхъ.

Пиявка, брошенная въ воду, которая была окрашена карминомъ, выходила тамъ цѣлый мѣсяцъ и была жива и весела, а по изслѣдованіи оказалось, что нѣтъ-ли малѣйшей перемѣны въ цвѣтѣ дыхательныхъ ея органовъ.

Господинъ де-Катрфажъ увѣрился, что каждый зубчикъ въ челюстяхъ пиявки имѣетъ себѣ особое мѣсто въ нихъ и можетъ показываться и прятаться по произволу животнаго.

Нервная кругообращательная система (ученымъ языкомъ говоря стомато-гастрическая), по наблюденіямъ автора статьи, представляеть замѣчательныя различія.

У пиявокъ эта система приближается къ тому, какъ устроена она у наѣкомыхъ, и состоитъ изъ цѣлаго ряда небольшихъ шишекъ, которыя сообщаются между собою множествомъ жилочекъ.

Отъ этого ряда шишекъ идутъ по бокамъ точно сѣти, къ брюху, къ челюстямъ, и наконецъ къ стѣнкамъ пищепріемнаго горла.

Сверхъ того, рядъ лобовыхъ шишекъ образуетъ впереди настоящую аркаду, изъ которой жилочки тянутся всѣ впередъ.

У земляныхъ дождевыхъ червей подобнымъ же образомъ находится рядъ шишекъ, примыкающей къ пищепріемному горлу, но онъ служитъ исходнымъ пунктомъ настоящаго сметенія (plexus) шишекъ и жилочекъ, которыя въ задней части рта образуютъ сѣтку съ небольшими дырочками, отдавшимися болѣе назадъ.

Эта сѣтка совершенно прикрываетъ перепоначатую часть глотки, а нѣсколько жилочекъ этой сѣтки доходятъ даже до пищепріемнаго горла, гдѣ, какъ кажется, онѣ уже вступаютъ въ соприкосновеніе съ кровяными сосудами.

Изъ этого видно, что такое расположеніе нервной стомато-гастрической системы значительно отличается отъ расположенія пиявокъ. А прежде утверждали противное.

ФАУНА И ФЛОРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ПЕРЕМѢНЫ ВЪ ГЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ, КОТОРЫЯ ОСТРОВА ЕЯ ПОТЕРПѢЛИ НА ВСЕМЪ СВОЕМЪ ПРОСТРАНСТВѢ.

Статья Форбза. Господинъ Эдуардъ Форбзъ сокращенно излагаетъ въ многочисленныя наблюденія, которыя въ разное время изданы имъ были касательно нынѣ существующихъ флоры и фауны британскихъ острововъ.

Мы говорили уже объ этихъ изслѣдованіяхъ и доказали (говоритъ *Bibliothèque Universelle de Genève*), что въ нихъ разрѣшены самыя затруднительныя вопросы касательно послѣдовательности органическихъ существъ.

И мы въ настоящее время можемъ только представить четыре вывода, полученные знаменитымъ палеонтологомъ. Вотъ они:

I. Земная и морскія флора и фауна острововъ и морей британскихъ начались съ миоценной эпохи.

II. Сборища животныхъ и растений, которыя составляютъ эту фауну и эту флору, не явились вдругъ, сразу, но образовались мало-по-малу и въ разное время.

III. Флора и фауна британскихъ острововъ составлены отчасти изъ нѣкоторыхъ видовъ животныхъ и растений, которые нѣкогда обитали и прозябали на этихъ островахъ до деловитой эпохи; частью другихъ видовъ животныхъ и растений, которыя явились въ самую эту эпоху, и наконецъ, въ большомъ размѣрѣ-видовъ, принадлежащихъ къ

позднѣйшему времени ихъ появленія на поверхности земли современнаго поднятію морскаго ледовитаго дна и слѣдствіямъ ихъ геологическимъ переворотамъ.

IV. Союзъ, существующій въ настоящее время между фаунами и флорами морскими и прѣсноводными, установился въ продолженіе, а вѣроятноже, въ концѣ ледовитаго періода.

Трудъ господина Форбза сопровождается двумя раскрашенными картами: одна изображаетъ современное размѣщеніе фанерогамическихъ растений, морскихъ слизняковъ и прочая, по всей Великобританіи; а вторая представляетъ главнѣйшія отличія ея фауны и флоры во время и послѣ ботонной формаціи замѣчательныхъ въ геологическомъ отношеніи британскихъ острововъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ СЫНА ОТЕЧЕСТВА

НА 1848 ГОДЪ.

Въ концѣ 1846 года было объявлено о возобновленномъ съ 1 января текущаго 1847 года и устроенномъ на прочныхъ основаніяхъ, изданіи журнала *Сынъ Отечества*. Разосланною программю было обѣщано двѣнадцать книжекъ въ годъ, по двадцати печатныхъ листовъ каждая. Читающая публика на дѣлѣ удовольствовалась, что обѣщаніе не только было выполнено, и что книжки журнала выходили съ точностію, 1-го числа каждаго мѣсяца, но что изданія за весь 1847 годъ двѣнадцать книжекъ, съ особымъ приложеніемъ, составляютъ не двѣсти сорокъ печатныхъ листовъ большаго формата, какъ бы слѣдовало по программѣ, а слишкомъ ТРИСТА СОРОКЪ печатныхъ листовъ.

Многіе журналы отдавали *Сыну Отечества* справедливость въ старательномъ и отчетливомъ выборѣ статей, въ основательности и безпристрастїи критики его. Немногіе журналы (помните, одинъ или два) отзывались о возобновленномъ *Сынѣ Отечества* насмѣшливо и неблагосклонно; но это происходило въ общихъ и неопредѣленныхъ, *фигуривно-мимическихъ* выраженіяхъ, не подкрѣпленныхъ никакими *фактами*, а это можетъ служить для всѣхъ дальновидныхъ людей явнымъ доказательствомъ, что очень часто насмѣшливость и неблагосклонность основываются не на справедливости и убѣжденіи, а на одномъ соперничествѣ и она-

сенія, чтобы успѣхъ другаго журнала не повредилъ успѣху собственному. Отъ соперничества журналовъ (какое бы оно ни было) всегда выигрываетъ читающая публика; отъ монополии всегда проигрываетъ; потому и *Сынъ Отечества* не отказывается отъ благороднаго, чисто-литературнаго соперничества. Отъ всякаго же другаго соперничества онъ рѣшительно отказывается, въ особенности отъ *меркантильнаго*, которое, по своей природѣ, часто жертвуетъ правдою и общою пользою выгодѣ личной и *персональному прогрессу*.

Въ будущемъ 1848 году *Сынъ Отечества* будетъ выходить ежемѣсячно, 1-го числа, книгами; каждая будетъ заключать въ себѣ не менѣе *двадцати пяти печатныхъ листовъ* въ большую 8 долю, убористаго, но четкаго шрифта. Форматъ журнала противъ нынѣшняго года увеличится. Изъ подражанія объявленіямъ нѣкоторыхъ другихъ журналовъ, здѣсь слѣдовало бы прибавить, что эти 25 листовъ равняются сорока листамъ обыкновенной печати; но мы этого не прибавляемъ, потому что не понимаемъ выраженія: *обыкновенной печати*. И печатный листъ in folio, и англійская газета, однимъ листомъ которой можно накрыть столъ вмѣсто скатерти, и миньютюрная, карманная изданія, не представляютъ печати *необыкновенной*. Что жъ это за *обыкновенная* печать? Кто и когда опредѣлялъ размѣръ ея? Оставимъ въ сторонѣ этотъ неразрѣшимый вопросъ, и скажемъ только, что *Сынъ Отечества* въ будущемъ 1848 году и по толщинѣ своей не уступитъ другимъ журналамъ, которые, какъ замѣчено, важнѣйшимъ достоинствомъ считаютъ толщину и только въ ней съ другими соперничаютъ. Главною же заботою *Сына Отечества* постоянно было и будетъ достоинство и занимательность внутренняго его содержанія, правдивость и безпристрастіе критики, и независимый, обдуманый, свой взглядъ на все современное. *Сынъ Отечества* не будетъ, безъ всякаго разбора и толка, перепечатывать или перифразировать чужихъ, заграничныхъ и часто вѣльныхъ, противорѣчащихъ одно другому мнѣній, *принциповъ* и *доктринъ*, не будетъ изъясняться съ читателями своими на неправильномъ, тяжеломъ, мнимо-ученомъ, *абсолютно-ридикюльномъ* нарѣчій, которое сдѣлалось уже смѣшно, и можетъ теперь озадачивать однихъ простодушныхъ простаковъ, вывода между тѣмъ изъ терпѣнія всѣхъ умныхъ и образованныхъ читателей.

Высочайше утвержденная программа *Сына Отечества* даетъ этому журналу право печатать все, что содержится во всѣхъ прочихъ, отдѣльныхъ, ограниченныхъ извѣстными предѣлами, программахъ журналовъ. Пользуясь этою Высочайше дарованною милостію, *Сынъ Отечества* приложитъ всевозможное стараніе, чтобы достойнымъ образомъ воспользоваться такимъ обширнымъ и лестнымъ правомъ, и всѣми своими силами и средствами способствовать распространенію истиннаго, практически-полезнаго просвѣщенія, и успѣхамъ отечественной словесности.

Сверхъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, будутъ прибавляемы къ *Сыну Отечества* 1848 года особыя приложенія. Съ перваго книгою *Сына Отечества*, которая выйдетъ 1-го числа будущаго января, подписчики получатъ украшенный парижскими полетипажными картинками первый томъ

ДОНЪ-КИХОТА,

переведеннаго съ испанскаго и вновь просмотрѣннаго и исправленнаго редакторомъ *Сына Отечества*, Константиномъ Масальскимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ приложено къ журналу второй томъ означеннаго перевода Донъ-Кихота.

Распространяться о достоинствахъ этого единственнаго, неподражаемаго романа, давно переведеннаго на всѣ европейскіе языки, мы считаемъ излишнимъ. Въ одной Франціи было болѣе сорока переводовъ Донъ-Кихота, которые всѣ раскуплены публикою. У насъ нѣтъ еще доньшъ ни одного полнаго перевода *настолицаго* Донъ-Кихота. Были только переводы французскаго сокращенія его, или, лучше сказать, передѣлки, которую предпринялъ на себя чопорный Флоріанъ. Онъ, по правиламъ риторики XVIII вѣка, поправилъ и сократилъ геніальнаго Сервантеса, и совершенно исказилъ его твореніе. Передѣлка Флоріана такъ же похожа на подлиннаго Донъ-Кихота, какъ небольшая, литографированный, чистенько отдѣланный рисунокъ на оригинальную, колоссальную картину великаго художника.

Отдѣльной подписки на Донъ-Кихота, прилагаемаго къ *Сыну Отечества*, нигдѣ принимаемо не будетъ.

Сверхъ перевода подлиннаго Донъ-Кихота, будутъ еще издавы, въ видѣ приложенія къ *Сыну Отечества*, въ особомъ томѣ, пять слѣдующихъ сочиненій редактора этого журнала, Константина Масальскаго:

Первая любовь послыдило въ родѣ, повѣсть изъ временъ Екатерины II.

Былъ 1702 года, повѣсть изъ временъ Петра Великаго.

Романъ на ледяныхъ горахъ, современный разсказъ.

Повѣсть о томъ, какъ три неузнанные генія сочинили натуральную повѣсть.

Сей и этотъ, или вражда братьевъ, кукольная мелодрама, съ пѣніемъ, хорами, танцами, сраженіями, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ.

Къ *Сыну Отечества* прилагаются, къ каждой книгѣ, *гравированныя* и *раскрашенныя* картинныя новѣйшихъ модъ, *выписываемыя* изъ Парижа, и издаваемыя тамъ для высшаго парижскаго общества, и по временамъ *ноты* новыхъ музыкальныхъ произведеній. Ино-

гда будутъ присоединяемы къ тексту журнала гравированныя картинки, изъ которыхъ назовемъ четыре, уже готовыя: 1, Видъ дворца Царевича Дмитрія въ Угличѣ и церкви, построенной на мѣстѣ его убіенія; 2, портретъ Петра Великаго; 3, портретъ генералиссимуса князя Александра Даниловича Меншикова; 4, видъ залы въ Петербургскомъ домѣ князя Меншикова во время обѣда, даннаго въ 1712 году, по случаю бракосочетанія Петра Великаго съ Екатериною I. Этотъ видъ снятъ съ натуры художникомъ, который былъ для того помѣщенъ на хоры залы, во время обѣда.

Каждая книга *Сына Отечества* будетъ заключать въ себѣ семь слѣдующихъ отдѣленій:

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ. Въ это отдѣленіе входятъ: 1, Критическія изслѣдованія важнѣйшихъ событій отечественной исторіи. 2, Любопытные историческіе рассказы и эпизоды. 3, Новые матеріалы для отечественной исторіи. 4, Описание примѣчательныхъ русскихъ древностей и отечественная старина. 5, Полныя жизнеописанія или матеріалы для біографій знаменитыхъ соотечественниковъ.

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА. Ежемѣсячныя, послѣдовательные обзоры важнѣйшихъ законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ въ отечествѣ; извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ; разсужденія о современныхъ политическихъ событіяхъ; перечень всѣхъ современныхъ извѣстій о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта; замѣчательные государственные акты, трактаты, договоры, дипломатическія ноты, парламентскія рѣчи, пренія и проч.

III. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. 1, Новыя оригинальныя стихотворенія русскихъ писателей; 2, новыя оригинальныя рассказы, повѣсти, романы, трагедіи, драмы, комедіи, статьи о правахъ и другія прозаическія произведенія русскихъ писателей, во всѣхъ родахъ изящной словесности.

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. 1, Переводы и извлеченія изъ новѣйшихъ примѣчательныхъ твореній иностранныхъ современныхъ писателей; переводы новѣйшихъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ романовъ, которые обратятъ на себя вниманіе европейской читающей публики; 2, переводы въ прозѣ или въ стихахъ произведеній лучшихъ иностранныхъ прозаиковъ и поэтовъ, уже умершихъ, которые заслужили европейскую извѣстность (въ этомъ отдѣленіи *Сына Отечества* не ограничится одною французскою или германскою словесностью, но будетъ знакомить читателей съ произведеніями литературъ англійской, испанской, итальянской, шведской и польской); 3, переводы и извлеченія изъ рѣдкихъ и примѣчательныхъ книгъ и рукописей, писанныхъ на древнихъ или малоизвѣстныхъ языкахъ.

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. Оригинальныя и переводныя разсужденія и статьи по части важнѣйшихъ наукъ и художествъ; примѣчательныя открытія и изобрѣтенія; необыкновенныя явленія природы; русскія и иностранныя путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ свѣта; извѣстія о трудахъ ученыхъ обществъ и проч. (Въ этомъ отдѣленіи *Сына Отечества* приложить стараніе, чтобы всѣ ученія разсужденія и статьи, сообщая современнымъ успѣхи и открытія наукъ, вмѣстѣ съ тѣмъ были излагаемы слогомъ яснымъ и понятнымъ для большинства читателей, безъ излишнихъ специальныхъ и сухихъ подробностей.)

VI КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. Подробные разборы новыя замѣчательныхъ произведеній русской словесности; извѣстія о всѣхъ вообще новыхъ книгахъ, съ критическою ихъ оцѣнкою; рецензіи примѣчательныхъ заграничныхъ новыхъ сочиненій и обзорнія современной иностранной словесности. (На это отдѣленіе редакція журнала обратитъ особенное вниманіе, и употребитъ стараніе, чтобы вся образованная публика признала критику въ *Сына Отечества* основательною, справедливою и безпристрастною.)

VII. СМѢСЬ. Разныя любопытныя свѣдѣнія и извѣстія, извлекаемые изъ всѣхъ лучшихъ иностранныхъ журналовъ; небольшія статьи ученія и литературныя разнаго содержанія, не вошедшія въ другія отдѣленія; биографическая галерея знаменитыхъ лицъ историческихъ или современныхъ, въ области политики, литературы, наукъ и художествъ; поправки ошибочныхъ сужденій и показаній иностранныхъ писателей и путешественниковъ о Россіи; забавные и занимательные анекдоты; любопытные процессы; театр и музыка въ Россіи и за границей; извѣстія объ успѣхахъ промышленности и ремеселъ; сужденія и извѣстія о новыхъ модахъ; нравоописательныя, сатирическія и полемическія статьи и замѣтки и проч. (Редакція приложитъ стараніе, чтобы это отдѣленіе журнала было вѣрною и разнообразною картиною современной жизни всего образованнаго міра.)

Не ограничиваясь предметами, нечисленными въ семи вышеозначенныхъ отдѣленіяхъ, журналъ *Сына Отечества*, по программе своей, имѣетъ Высочайше дарованное право помѣщать все, что можетъ быть полезно, занимательно и пріятно любящимъ благоденствіе, честь и славу отечества.

Назовемъ нѣкоторыя статьи, уже заготовленныя для *Сына Отечества* 1848 года.

1, *Жизнеописаніе генералиссимуса князя Александра Даниловича Меншикова*, сочиненное современникомъ Петра Великаго

и окончено при Екатерине I, въ 1726 году. Рукопись эта писана на нѣмецкомъ языкѣ и заключаетъ въ себѣ:

ПОЛНУЮ ИСТОРИЮ ЦАРСТВОВАНІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Имя сочинителя этой драгоценной въ историческомъ отношеніи и нигдѣ еще не напечатанной рукописи, не выставлено на ней; но по преданію, сочиненіе ея приписывается министру Петра Великаго, барону (впослѣдствіи графу) Остерману. Это преданіе очень вѣроятно, потому что сочинитель, очевидно, былъ посвященъ въ государственныя тайны описываемаго имъ времени. Въ рукописи его содержится очень много *новаго* и *донынѣ вовсе неизвѣстнаго* о славномъ вѣкѣ преобразователя Россіи. Авторъ, описывая разныя государственныя событія, дѣлалъ иногда на поляхъ рукописи отмѣтки: «спросить поясненія у князя Меншикова или у такого-то.» Всѣ эти отмѣтки на поляхъ зачеркнуты, и противу нихъ, рукою сочинителя, исправленъ текстъ рукописи, очевидно, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ министрами Петра Великаго и другими его приближенными, государственными людьми. Рукопись эта будетъ напечатана въ *Сынѣ Отечества* съ нѣмецкаго подлинника вся въ точности, безъ всякихъ исключеній, съ переводомъ на русскій языкъ и подстрочными примѣчаніями редактора *Сына Отечества*.

2. *Путевыя замѣтки во время поѣздки на Кавказъ, въ Персію и Азіатскую Турцію.* Соч. А. Николаева.

3. *Записки дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Владимировича Лопухина, служившаго при Императрицѣ Екатеринѣ II, Императорѣ Павлѣ I и Императорѣ Александрѣ I.* Доставленіемъ этой любопытной рукописи редакция *Сына Отечества* обязана *Ө. В. Буларину*.

4. *Жизнь и послѣднія минуты кабинетъ-министра Императрицы Анны Иоанновны, Артемія Петровича Волынскаго.* Сочиненіе К. Масальскаго, основанное на новыхъ, нигдѣ еще не напечатанныхъ, историческихъ источникахъ.

5. *Юридическое переслѣдованіе дѣла объ убійствѣ Царевича Димитрія въ Угличѣ.* Сочиненіе его же.

6. *Бракъ Петра Великаго съ Екатериною I.* Сочиненіе его же.

7. *Тайный наказъ, данный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ первому русскому посланнику въ Испанію.* Рукопись, еще нигдѣ не напечатанная.

8. *Современные люди, повѣсть.* Соч. *Фисенко*.

9. *Заграничное путешествіе.* Соч. *Барона Розена*.

10. *Нѣсколько стихотвореній* извѣстнаго поэта *В. Бенедиктова*.

11. *Надежды и дѣйствительность, повѣсть.* Соч. *Евгенія Кашиной*.

12. *Годъ величія—цѣлая жизнь страданій,* историческій романъ изъ временъ регентства Анны Леопольдовны и царствованія Елисаветы Петровны. Соч. *П. Фурманна*.

13. *Невѣста Петра Втораго,* историческій романъ въ четырехъ частяхъ, соч. *Константина Масальскаго*. Первая часть этого романа, напечатанная уже въ *Сынѣ Отечества* 1843 года, вновь пересмотрѣна, исправлена и дополнена авторомъ.

Редакторъ избралъ себѣ нѣсколько постоянныхъ сотрудниковъ, извѣстныхъ своими дарованіями и опытностію. Сверхъ того, всѣ наиболее любимые публикою писатели общали участвовать своими трудами въ *Сынѣ Отечества*. Именъ ихъ не перечисляемъ, потому, что читателямъ пріятнѣе увидѣть ихъ въ самомъ журналѣ, подлѣ ихъ статьями, а не въ одномъ объявленіи объ изданіи журнала. Впрочемъ распространяться въ общаніяхъ считаемъ излишнимъ, ибо думаемъ, что лучше менѣе общать, а болѣе сдѣлать.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНІЯ: за годовое изданіе *Сына Отечества*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, съ особыми приложеніями, гравированными рисунками, нотами и 12-ю парижскими картинками модъ, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ. За почтовую пересылку въ другіе города или за доставленіе въ С.-Петербургъ на домъ, прилагается въ годъ 1 р. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1. Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ книгопродавца **ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ПОЛЯКОВА**, по линіи Гостиного двора, подлѣ № 17, гдѣ помѣщается и контора журнала *Сына Отечества*; 2. въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ, **МАТВѢЯ ДМИРІЕВИЧА ОЛЬХИНА**, на Тверской, въ домѣ Мятлевой; 3. въ Гатчинѣ Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта.

Конторою журнала будутъ приняты всѣ возможные мѣры къ исправному и своевременному доставленію журнала господамъ подписчикамъ. Каждая книга *Сына Отечества* вмѣстѣ съ приложеніями будетъ отсылаться на почту въ особо-приготовленномъ пакетѣ съ бандеролемъ и печатно конторы, и съ означеніемъ на пакетѣ числа, въ которое журналъ сданъ на почту.

Въ случаѣ потери какой-либо книги или неисправнаго полученія, подписчики благоволятъ уведомлять редактора журнала, адресуя къ нему свои письма: «*Редактору Сына Отечества, Д. Ст. Сов. Константину Петровичу Масальскому, въ С.-Петербурѣ, въ собственномъ домѣ, у Карповскаго моста.*» Имъ дѣлаемо будетъ немедленное распоряженіе по которѣ журналу къ удовлетворенію каждаго такового подписчика. Не получившіе, по какому-либо случаю, и за нынѣшній годъ которой-либо книжки журнала благоволятъ уведомить его же редактора, по вышеозначенному адресу.

Редакторъ Константинъ Масальскій.
Издатель Константинъ Жернаковъ.